КУРЬЕЗЫ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Т.Ф. Дмитричев

ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ

ДЕЛО № 12-011

КУРЬЕЗЫ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Записки дипломата

Т.Ф. Дмитричев

ХРАНИТЬ (год) вечно ЛЕТ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Ко времени начала рассказываемых в данной книге событий ее автор уже в течение трех с лишним лет, а точнее с марта 1963 года, работал в качестве сотрудника международного Секретариата Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке. За эти годы ему в этом качестве удалось немало поездить не только по США, но и побывать в целом ряде стран Европы и Латинской Америки. С кем только не сталкивала судьба дипломата! Че Гевара и Суслов, Юрий Нагибин и Генри Киссинджер, Андрей Миронов и Косыгин, Нельсон Мандела и Александр Галич… Словно в калейдоскопе сменяли друг друга города и страны, политики и поэты, магнаты и актеры. И на этом фоне творилась «большая политика», которая, оказывается, тоже не чужда курьезов и неожиданностей.

- Тимур Дмитричев
  - Часть первая
    -
    - БИЛЕТЫ У ПЛЕМЯННИКА СЕРГЕЯ РАХМАНИНОВА
    - МЕКСИКАНСКИЙ ДЕБЮТ
    - НЕБЕЗОПАСНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ В КОЛУМБИИ
    - МОЕ УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЗНАКОМСТВО СО СТРАНОЙ ИНКОВ
    - В СТРАНЕ «НА КРАЮ ЗЕМЛИ»
    - ОСТАНОВКА В ПАРАГВАЕ
    - ЗАХВАТЫВАЮЩАЯ БРАЗИЛИЯ
    - РАЗГОВОР С ПРЕЗИДЕНТОМ — ВОЕННЫМ ДИКТАТОРОМ
    - В ГОСУДАРСТВЕ «МАЛЕНЬКАЯ ВЕНЕЦИЯ»
    - СНОВА В БРАЗИЛИИ, НО С ЗАДЕРЖАНИЕМ
    - «СТРАНА СЕРЕБРЯНАЯ»
    - ЭЛЬ ТАНГО
    - В УРУГВАЙ С ЧЕРНОГО ХОДА
    - «ПРИКЛЮЧЕНИЕ В ГОРОДЕ ДОБРЫХ ВЕТРОВ»
    - ЭКВАДОРСКАЯ АВАНТЮРА
  - Часть вторая
    -
    - РИМСКИЕ «КАНИКУЛЫ»
    - МЮНХЕНСКИЕ СЮРПРИЗЫ
    - ПОЕЗДКА В ПРАГУ ПАМЯТНОЙ ВЕСНОЙ 1968-го
  - Часть третья

        - ИНЦИДЕНТ С ПРЕЗИДЕНТОМ ПАКИСТАНА В КИЕВЕ
        - ПРОВАЛ БАЛЕТА В БОЛЬШОМ ТЕАТРЕ
        - НЕПРЕДВИДЕННЫЙ САММИТ В ПОДМОСКОВНЫХ КУСТАХ
        - ДИПЛОМАТИЯ И МЕДВЕДИ ГРУППЫ ФИЛАТОВА
        - БЕЗЗУБЫЙ РАЗГОВОР С ПРЕЗИДЕНТОМ ИНДИИ В КРЕМЛЕ
        - НЕОЖИДАННОСТЬ НА ПЕРЕГОВОРАХ В ЗАПАДНОМ БЕРЛИНЕ
        - СТОЛКНОВЕНИЕ С М.А. СУСЛОВЫМ
        - «БОМБА» А.А. ГРОМЫКО
        - ЛЕОНИД БРЕЖНЕВ, КРЕМЛЁВСКИЙ САПОЖНИК И ГЕНРИ КИССИНДЖЕР
        - ВСТРЕЧА С ПОЛИТБЮРО
        - «ПОХИЩЕНИЕ» АМЕРИКАНСКОГО ПОСЛА В МОСКВЕ
    - Часть четвертая
        - УДИВИТЕЛЬНАЯ СУДЬБА МАРИНЫ ФИГНЕР
        - НЕВЕРОЯТНАЯ ИСТОРИЯ С АНГЛИЙСКИМ ЛОРДОМ В МОСКВЕ
        - НЕСКОЛЬКО ШУТОК НИКИТЫ БОГОСЛОВСКОГО
        - ВСТРЕЧИ С АЛЕКСАНДРОМ ГАЛИЧЕМ
        - БУРНЫЙ ЭПИЗОД С МИХАИЛОМ КОЗАКОВЫМ
        - ВЕЧЕР С АНДРЕЕМ МИРОНОВЫМ
    - Часть пятая
        - ПО ОРЕНБУРЖЬЮ
        - ЖИТОМИР: НА БАЗЕ СТРАТЕГИЧЕСКИХ БОМБАРДИРОВЩИКОВ
        - В ЗАБАЙКАЛЬЕ
        - ПЕРЕД КОНЦОМ АПАРТЕИДА: НА ИСТОРИЧЕСКИХ ВЫБОРАХ В ЮЖНОЙ АФРИКЕ
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4

Тимур Дмитричев
КУРЬЕЗЫ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ. ЗАПИСКИ ДИПЛОМАТА

Моим дорогим жене Наташе и сыну Андрею за любовь, поддержку и терпение посвящается

Часть первая
НЕОБЫКНОВЕННОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ

Ко времени начала рассказываемых ниже событий я уже в течение трех с лишним лет, а точнее с марта 1963 года, работал в качестве сотрудника международного Секретариата Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке. За эти годы мне в этом качестве уже удалось немало поездить по Соединенным Штатам Америки и побывать в целом ряде стран Западной Европы.

Новый, 1966 год готовил для меня совершенно невероятный подарок — мое первое, довольно длительное и романтически страшно увлекательное путешествие в Мексику и страны Южной Америки. В те времена строгого советского режима подобное могло скорее присниться, нежели состояться в реальной жизни.

Для меня лично желание побывать в Латинской Америке было заветной мечтой еще со времени моих школьных лет. Первое знакомство с музыкой этих стран, услышанной вначале в кустарных записях на рентгеновских снимках, а впоследствии на пластинках и магнитофоне, ещё больше подхлестнуло моё стремление побывать в тех далёких и для меня удивительно романтических краях на другом конце света. Отсюда же проистекала и моя внутренняя тяга к самостоятельному изучению их открытий, истории, географии и литературы, что в те времена в советских условиях было довольно непростым делом, ввиду недоступности материалов или их скудного содержания. Эти же причины побудили меня и к самостоятельному изучению сначала испанского, а затем и португальского языков, которые меня привлекали не только своей экзотической красотой, но и как средство возможного общения с людьми из этих стран и их более глубокого понимания. Маленьким окошком в мир жизни этих стран были редкие фильмы из Аргентины и Мексики в наших кинотеатрах, а также в Испанском клубе Москвы на улице Правды (Клуб им. Чкалова, где потом разместилось казино), куда интересовавшиеся студенты нашего факультета могли иметь доступ по протекции наших преподавателей — испанских эмигрантов.

В немалой мере целый год работы на Кубе существенно приблизил меня к осуществлению моего давнего и заветного желания побывать в нескольких странах Латинской Америки и их лучше узнать. Да, Куба стала для меня важным шагом на этом

пути, но только первым шагом. Впереди ещё было более 20 неизведанных мной и манящих своей романтической таинственностью стран Центральной и Южной Америки, но они казались для меня недоступными. Даже ООН почти не проводила там каких-либо международных конференций. Но вот в 1966 году Бразилия вдруг сломала это бездействие, пригласив Организацию провести одну из её конференций в своей новой столице — Бразилиа. Еще более интересным для меня оказалось то, что благодаря моим знаниям испанского и португальского руководитель нашей службы назначил меня в эту командировку вместе с Марией Николаевной Джейквит. Радости моей не было предела.

Получив назначение в командировку в Бразилию, я сразу же решил изучить возможность использовать такой уникальный шанс, чтобы за счёт части отпуска и на собственные деньги побывать и в других латиноамериканских странах. Приступив к выбору маршрута, я сначала определил те страны, которые меня привлекали в первую очередь. Затем я провёл беседы и консультации с целым рядом моих латиноамериканских коллег, давших мне не только много ценных советов, но и адреса и телефоны своих родственников, друзей или знакомых в своих странах, которым они хотели передать свои посылки.

Вооруженный всей этой полезной информацией, я разработал свой длинный маршрут: Мексика, Панама, Колумбия, Перу, Чили, Парагвай, Бразилия и Венесуэла! Вместе с самой трёхнедельной командировкой в Бразилиа это путешествие должно было занять полтора месяца! Получив сначала согласие на такую удлинённую поездку со стороны моего руководителя в ООН, я отправился в бюро путешествий Кука, отделение которого, размещавшееся прямо в здании Секретариата, занималось обслуживанием сотрудников Организации.

БИЛЕТЫ У ПЛЕМЯННИКА СЕРГЕЯ РАХМАНИНОВА

Заведующим этим отделением уже многие годы состоял Сергей Сергеевич Зилотти — племянник композитора Сергея Рахманинова и внук крупнейшего русского музыканта начала XX века Александра Зилотти, который был одновременно и устроителем популярных музыкальных концертов, получивших название «сезонов Зилотти». Надо сказать, что моё знакомство с Сергеем Сергеевичем произошло довольно случайно. Как и почти все другие руководители отделов и подразделений в здании Секретариата, на рождественские праздники он тоже устраивал приём для своих сотрудников, на который всегда непременно приглашались гости из числа работников Секретариата — клиентов его бюро.

На первый же такой приём после моего поступления на работу в ООН получил приглашение и я, видимо, в качестве нового клиента. Согласно местной традиции при входе в зал приёма гостей всегда встречает его устроитель. Когда при входе я представился хозяину торжества по-английски, назвав свои имя и фамилию, а Сергей Сергеевич ответил мне по-русски, я не преминул спросить его о его возможном родстве с нашим известным музыкантом. Зилотти подтвердил, что он его внук, и выразил большое удивление, что в Советском Союзе ещё помнят его знаменитого деда. Поскольку наш разговор создал некоторое скопление подходивших гостей перед входом, Сергей Сергеевич извинился за перерыв в беседе и обещал найти меня в зале приёма несколько позже. В ходе вечера нам удалось поговорить с Зилотти более подробно о нём самом и его знаменитых родственниках.

Мы с ним стали добрыми знакомыми, и всякий раз, когда я приходил в его отдел по поводу поездок в отпуск или в командировки, Сергей Сергеевич всегда поручал оформление моих билетов своему самому опытному сотруднику, а при прощании неизменно давал мне каждый раз новую сумку какой-либо авиакомпании. На его приёмах я стал завсегдатаем, что давало нам с ним возможность продолжать наши интересные беседы. В 1973 году в СССР торжественно отмечалось столетие рождения Сергея Васильевича Рахманинова. Сестра Рахманинова — мать Сергея Сергеевича и он сам были приглашены на участие в этих торжествах в Москву и Ленинград, но из-за плохого состояния здоровья более чем 90-летней Рахманиновой-Зилотти

они поехать в Советский Союз не смогли.

Уже немало лет спустя после этого события наш писатель Юрий Нагибин, с которым мы вместе летели из Москвы в США, в ходе разговора сказал, что он работает над сценарием фильма о Рахманинове и во время пребывания в Америке хотел бы разыскать его родственников. Когда я сказал ему, что был знаком с его племянником, находившимся к тому времени уже несколько лет на пенсии где-то под Нью-Йорком, Нагибин загорелся желанием с ним встретиться и попросил меня устроить это дело. Пообещав попробовать договориться о такой встрече, я дал Нагибину свой телефон, чтобы он смог позвонить мне через несколько дней с рассказом о результатах моей попытки, так как сам Нагибин с женой Аллой после пересадки в Нью-Йорке летел в Калифорнию и своих координат там не знал. Разыскать Зилотти и уговорить его на встречу с Нагибиным мне удалось, но сам Нагибин так и не объявился…

Как случалось и раньше, встретивший меня и на этот раз в своем бюро Сергей Сергеевич Зилотти, узнав о моем сложном маршруте, поручил его проработку своему ведущему сотруднику и попросил меня прийти за результатами на следующий день. Когда я появился в бюро Зилотти снова, все полёты, перелёты и гостиницы были предварительно определены и состыкованы почти полностью в соответствии с моими пожеланиями. Дополнительная стоимость моих основных путевых расходов на поездку составляла примерно сумму моей месячной зарплаты. Эта цифра была для нас довольно внушительной, и я решил сначала обсудить дело с Наташей. Она, зная, как много значила для меня эта поездка, настойчиво уговаривала меня не жалеть на неё денег. Теперь предстояло получить разрешение на это из ряда вон выходящее путешествие от нашего представительства при ООН.

Как полагалось по заведённому для нас порядку в подобных случаях, я подал своё заявление о командировке, указав весь запланированный маршрут, курировавшему наше подразделение Секретариата ООН заместителю постоянного представителя Евгению Николаевичу Макееву. К этому времени Евгений Николаевич меня уже неплохо знал и при случайных встречах всегда доброжелательно интересовался моими делами. Поскольку, когда я пришёл, чтобы оставить своё заявление для его решения, к нему в канцелярию, он оказался на месте, его помощник предложил мне зайти с заявлением самому. Прочитав заявление, Евгений Николаевич без всяких дополнительных вопросов сразу подписал его и, передавая мне назад бумагу,

участливо и как-то по-отечески сказал: «Вы там будьте поосторожнее. С целым рядом из этих стран у нас нет ни дипломатических, ни других отношений. Да, маршрут у вас интересный. Желаю приятного путешествия».

Поблагодарив Евгения Николаевича, я словно на крыльях помчался в отдел кадров Представительства и, оставив там своё подписанное руководством заявление, полетел в Секретариат, где сразу направился к Зилотти для окончательного оформления своей заветной поездки. Через пару недель, попрощавшись с Наташей и Андреем, которых я оставил в нашем любимом Рай-Биче на берегу океанского залива в окружении наших друзей и соседей по даче, я уже находился на пути в Мексику. Всё своё длительное путешествие мне предстояло совершить совсем одному, что во многих отношениях делало его менее удобным и даже более дорогостоящим. Но поскольку я при этом погружался в совершенно новый и столь интересный для меня мир, отсутствие компании меня не очень тяготило, тем более что во время поездки в разных странах возникали новые знакомые и попутчики.

МЕКСИКАНСКИЙ ДЕБЮТ

Мексика… Мехико (México) — в испанском произношении. Это название происходит от имени бога войны ацтеков Мекситли, который согласно легенде привёл их племена на берега озера Теночтитлан, где они основали в его честь город Мехикко Теночтитлан. Оно постепенно заменило первоначальное название «Новая Испания», которое было дано этой территории, завоевавшим се бесстрашным конкистадором Эрнандо Кортесом в 1519–1521 годах.

Сегодняшняя столица страны Мехико во время завоевания ее испанцами находилась полностью в окружении вод озера Теночтитлан, и доступ к ней был возможен только на лодках или по проложенным к ней дамбам, что в свое время чуть не погубило всю экспедицию Кортеса. В ходе неоднократных штурмов и боёв прекрасный столичный город ацтеков, восхищавший испанских завоевателей своей необыкновенной уникальной красотой, был ими практически полностью разрушен.

Построенная испанцами на его месте новая столица постепенно опускалась в землю ввиду исчезавших вод озера и перемещалась на более твёрдые участки. В наше время когда-то большое озеро Теночтитлан, состоявшее из пяти соединённых между собой озёр, совершенно высохло, оставив небольшой экзотический рукав озера Ксочимилко в пригороде Мехико, известный своими плавающими яркими цветниками, садами и огородами. В некоторых районах этой столицы можно видеть целые крупные здания, уже серьёзно ушедшие в грунт, как, например, Музей изящных искусств с муралями и картинами Диего Риверы, Альфредо Сикейроса и Ороско.

Здесь я остановился в очень уютном и чистом пансионе одной пожилой француженки, которая была хорошей знакомой моей коллеги по работе Нины Рубинштейн, настоятельно рекомендовавшей мне это место. Для хозяйки от Нины я привёз из Нью-Йорка сувенир и письмо, что содействовало её большему участию в планировании моих туристских походов и поездок. Благодаря её советам я мог гораздо лучше организовать своё время для посещения музеев и достопримечательностей города и определить, что и где в Мексике есть, чтобы избежать почти повальной для иностранцев в этой стране «мести Монтесумы» — сильных расстройств желудка, названных так по имени последнего вождя ацтеков, вероломно свергнутого испанцами.

Мексика — это, пожалуй, единственная страна Латинской Америки, где уже в то время официально высоко и с гордостью

оценивались богатство и значение культуры индейцев, а также их роль в формировании страны. Об этом, например, совершенно явственно говорили и само название великолепного «Музея индейцев» и его содержание. Та же самая идея проходила в ярком и самобытном творчестве лучших и всемирно известных мексиканских художников Риверы, Сикейроса, Ороско и других. Именно им принадлежит благородная инициатива, выдвинутая ими в Барселонском манифесте ещё в начале 20-х годов ушедшего столетия — вынести искусство из камерного окружения стен музеев, куца не могли ходить бедные люди, на огромные поверхности стен домов и университетских зданий, которые могли видеть без входной платы все, кто проходили мимо них. Ознакомление с работами этих гигантов-новаторов является одной из наиболее интересных и привлекательных сторон посещения Мексики.

Другая, конечно же, представлена в удивительно богатом историческом, культурном и художественном наследии ацтеков и других индейских народов этой большой и разнообразной страны. Помимо посещения ряда музеев по этой тематике в столице мне удалось съездить также на очень впечатляющие пирамиды Солнца и Луны. Трудно не восхищаться тем высоким уровнем развития цивилизации, которого достигли ацтеки и другие народы, населявшие территорию сегодняшней Мексики до прихода их испанских завоевателей.

Опять-таки в отличие от других латиноамериканских стран, где испанское завоевание и господство воспевается в памятниках, названиях и истории, в Мексике проявляется определённое неприятие колониального прошлого. Очень любопытно и показательно в этом смысле отношение мексиканцев к завоевателю страны Эрнану Кортесу.

Поразительно, например, что среди всевозможных памятников прошлого в Мексике нигде не существует какого-либо памятника этому блестящему испанскому конкистадору. Нище на всей довольно крупной но площади территории Мексики нет ни одного города, ни одной деревни и даже ни одной улицы с именем Кортеса. В самой столице лишь в начале 60-х годов прошлого века и только с тыловой стороны больницы «Хесус Назарено», основанной Кортесом, была открыта скромная мемориальная доска, но только чтобы обозначить место первой встречи конкистадора с императором ацтеков Моптссумой, когда он во всём своём царском великолепии и величии был вынесен из своего дворца на носилках навстречу подходившему но дамбе озера Текскоко отряду испанцев. Даже останки Кортеса испытали необычную судьбу. Их неоднократно перемещали еще во время

колониального периода, а после становления независимости их тайно, под покровом ночи, пришлось снова переместить и безымянно замуровать глубоко в стене церкви Сан-Франциско столицы, чтобы спасти от возможного глумления над ними со стороны патриотов, угрожавших это сделать. До 1946 года место их захоронения оставалось засекреченным, но даже сегодня о нём в Мексике почти никому не известно.

В Мексике сохранилось немало старых церквей и соборов, в том числе от колониального периода, которые продолжают привлекать туристов. С большим интересом я побывал в Музее мексиканской революции, посмотрел и такие достопримечательности как замок Чапултепек, Тлателолко и плавучие цветники и сады Ксочимилко. Проявляя немалую осторожность и следуя совету моей хозяйки, я нашёл «надёжные» ресторанчики, где без последствий для желудка попробовал местные блюда — такое и бурритос, но мексиканская кухня оказалась мне не по вкусу. Большое наслаждение мне доставляло слушание мексиканских песен в исполнении марьячи — мужских музыкально-вокальных групп в экзотических мексиканских сомбреро и костюмах, которые поют в ресторанах, на концертах и в других местах скопления публики. Их нанимают на разные торжества, праздники и для исполнения серенад любимым девушкам и дамам.

Поскольку Мексика была моей второй испано-говорящей страной после Кубы, я мог для себя констатировать не только различие в их акцентах и наличие локализмов, но и полное несоответствие значений некоторых одинаковых слов. Вспоминаю в этой связи, как я в полный тупик поставил нескольких прохожих, а потом группу пассажиров, ожидавших городского транспорта на остановке, когда я спрашивал, на какой «guagua» я могу доехать до центра. Их удивление мне стало совершенно понятным, когда я выяснил, что это слово, означающее на Кубе автобус, в Мексике означает маленькое дитя, а автобус по-мексикански будет «camion», тогда как на Кубе это означает грузовик. Подобные языковые различия я впоследствии отмечал во всех других странах испанского языка. В некоторых случаях выпускаемые в них книги на сугубо местную тематику, как, например, известный роман «Донья Барбара» венесуэльского писателя и бывшего президента страны Ромуло Гальегоса, сопровождаются глоссарием, чтобы облегчить их понимание в других странах испанского языка. Кстати, ацтекам многие языки обязаны понятием и в разных вариантах произношения словом «шоколад» (в оригинале «chocolatl»). Это был удивительно питательный напиток, которым пользовались войска ацтеков при

совершении дальних переходов, позволявший им несколько дней обходиться без других продуктов. Обнаружив ценные свойства шоколада, испанские конкистадоры быстро ввели его в собственное потребление, затем он получил распространение в Европе, а постепенно завоевал и остальной мир.

После четырех насыщенных дней в Мексике я должен был ехать в Панаму. Однако панамскую визу, так же как и визу в Парагвай, в Нью-Йорке мне выдать не успели, а может, и не хотели выдавать из-за моего советского гражданства. Так что в моём маршруте пришлось сделать некоторые поправки. Надо сказать, что во времена холодной войны с советским паспортом получить туристскую визу индивидуально было очень сложно, в первую очередь но политическим мотивам, не говоря уже о требованиях иметь обратный билет, заранее оплаченную гостиницу, медицинскую страховку и т. д. В случае поездок в третьи страны для советских сотрудников Секретариата ООН спасение было в паспорте, который в этих целях выдавала наша Организация. Для въезда в некоторые страны, как, например, в Голландию, Финляндию или Скандинавию, с этим паспортом виза не требовалась вообще. В большинстве же случаев и с ним виза была нужна, но за её запросом и получением в соответствующие консульства обращалась паспортная служба ООН. В самом паспорте ООН гражданство его носителя не упоминалось, так что для сотрудников Секретариата проблем с визами, как правило, не возникало.

Я вылетел в Панама-Сити, где теперь мне предстояла лишь пересадка, чтобы оттуда направляться в столицу Колумбии Боготу. В течение двухчасового ожидания другого самолёта в аэропорту столицы Панамы я мог даже походить и погулять на улице около терминала, и никто меня, к моему удивлению, не останавливал. При таком порядке охраны я мог, может быть, даже выехать в сам город без всякой визы, но вот попасть без проверки документов на самолёт, видимо, было всё-таки нельзя. В Панаме я собирался совершить поездку по каналу (около 70 км длиной) от тихоокеанского побережья до Атлантики и посмотреть столицу. И то и другое пришлось увидеть только с воздуха при посадке и взлёте…

Сам Панамский перешеек был впервые пересечен от Карибского побережья замечательным испанским исследователем этой части нового континента капитаном Васко Нуньесом де Бальбоа в 1513 году, когда он вышел через него на противоположную сторону к новым морским просторам, став, таким образом, первым европейцем, увидевшим Тихий, или, как его тогда называли, Южный, океан. Благородный Бальбоа пал

жертвой зависти своих менее удачливых соперников по первой здешней испанской колонии и её завистливого и жестокого губернатора Педрариаса де Авила, на дочери которого он должен был жениться. Желая присвоить себе славу первооткрывателя Тихого океана и покорителя этих земель, Педрариас приказал казнить своего будущего зятя под вымышленным предлогом. Имя Бальбоа сохранилось в названии денежной единицы Панамы.

В первые годы XX века, запланировав строительство канала через Панамский перешеек и желая его сохранить под собственным контролём, Соединённые Штаты силой отрезали северную часть территории Колумбии и объявили её новым государством под названием Панама по имени её самого крупного города Панама-Сити. Само слово «Панама» происходит от названия бывшей здесь уже во времена Бальбоа маленькой рыболовецкой деревни, которое на языке местного племени тупи означало «бабочки». Эти невероятных раскрасок и самых разных размеров красавицы до сих пор здесь водятся в больших количествах…

Следующим этапом моего путешествия стала Колумбия.

НЕБЕЗОПАСНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ В КОЛУМБИИ

Рейс самолёта теперь давно исчезнувшей американской компании Брэнифф, на который я пересел в Панама-Сити, шёл из Лос-Анджелеса в Лиму с последующей посадкой в Боготе.

Основную часть его пассажиров составляла большая группа американцев в тропических шлемах, рубашках и шортах, которые, как выяснилось, летели охотиться в джунглях Колумбии на притоках могучей Амазонки. Моими соседями оказались руководитель одного из крупнейших перуанских профсоюзов и его помощник, которые возвращались в Лиму с конференции в Панаме. В ходе завязавшегося разговора в ответ на их расспросы я рассказал им о себе, а они говорили о своей работе, о положении в Перу, о рабочем и профсоюзном движении, о своих семьях и делах. Сначала они не могли поверить, что я из Советского Союза. Потом, осознав, что я говорю серьёзно, они признались, что это их первая встреча с человеком из СССР — страны, перед которой они испытывали настоящее благоговение в связи с тем, что она для них олицетворяла государство рабочих и крестьян. Ввиду одного этого факт а они сразу же зачислили меня в число своих друзей, подробно расспрашивали о нашей жизни и профсоюзах, а узнав, что после Колумбии я собирался приехать в Перу, обещали меня непременно встретить и во всём посодействовать. Мы расстались с ними в Боготе как старые друзья.

Итак, я прибыл в Колумбию… Эта крупная по территории страна (она в два раза больше Франции) в северо-западной части Южной Америки унаследовала своё название в честь великого Колумба в 1819 году от более крупного региона, в который она входила. Ее карибское побережье было открыто и впервые обследовано тем же замечательным рыцарем джунглей Васко Бальбоа, который первым из европейцев увидел Тихий океан, преодолев трудный Панамский перешеек. Вплоть до освобождения от Испании и ещё некоторое время спустя, когда освободитель этой части континента Симон Боливар пытался объединить возникшие на месте бывшей Новой Гранады автономные регионы, судьба этой страны была тесно переплетена с будущими Вепесуэлой и Эквадором…

В 1535 году Педро де Луго — аделантадо города Санта-Марта, основанного на северном побережье сегодняшней Колумбии всего за десять лет до этого, принял решение отправить в глубь континента экспедицию для обнаружения истоков

могучей южноамериканской реки Магдалены, впадавшей в Карибскос морс недалеко от вверенного ему нового поселения. Главой экспедиции он назначил своего талантливого сотрудника Хименеса де Кесада, который весной 1536 года отправляется вверх вдоль болотистых берегов Магдалены с отрядом в количестве свыше 800 человек. В январе следующего года, преодолев огромное расстояние через тропические джунгли, постоянные нападения со стороны воинственных индейцев, мучительные болезни, голод и отроги Анд, Кесада наконец вывел своих людей на широкую и благодатную горную долину, населённую племенем чибча.

Согласно подсчётам, племя чибча тогда состояло примерно из одного миллиона индейцев. К этому времени у отважного конкистадора осталось измученных переходом 167 человек и 59 лошадей! После нескольких вооруженных схваток и одной решающей битвы между пришельцами и местными жителями вождь чибча Зипа покинул свою столицу и исчез навсегда из ноля зрения испанцев. На месте этой столицы у подножия гор, где начиналась широкая плодородная долина, которую чибча называли «богота», что на их языке означало «большие угодья», Кесада основал в 1538 году новый город, который он пазвал Санта-Фэ, в память о том полевом лагере, откуда испанские короли Изабелла и Фердинанд вели свою победоносную войну против Гранады — последнего мусульманского владения на полуострове в 1491–1492 годах. Таким образом, новый город обрёл название Санта-Фэ-де-Богота (ныне Богота).

Очень любопытным является тот факт, что в то самое время, когда Кесада со своим отрядом пробивался к долине Боготы вдоль русла Магдалены, к этой же цели продвигались две другие экспедиции, совершенно не зная о намерениях друг друга или о Кесаде. Одну из них вел из далёкого Кито в Эквадоре один из сподвижников Писарро — Себастьян де Белалкасар. Другую возглавлял немец Николаус Фсдсрмаш! по велению гильдии коммерсантов Аугсбурга, которым удалось получить концессию на создание колонии от императора Карла V в уплату его долгов. Федерманн двигался к Боготе но одному из притоков многоводного и мощного Ориноко из Венесуэлы. Белалкасар достиг Боготы в 1538-м, а Федерманн добрался до неё всего лишь в 1539 году. Перед лицом других претендентов Кесада отстоял свои права первооткрывателя и был впоследствии произведён императором в рыцари…

Выходя из самолёта на аэродроме Боготы, я оказался в шумной и громкой толпе американских охотников, которых при

входе в здание терминала встречали их попечители из местной туристической компании. Когда мы вошли в зал со стеклянными будками паспортного контроля, я заметил, что только в одной из них находился пограничник, а другие были пустыми. Мне пришлось встать в хвост опередившей меня толпы американцев, но их очень быстро пропустили. Было очень странно теперь видеть вокруг себя совершенно пустой зал прибытия. Я подумал, что на моём рейсе, видимо, кроме меня и охотников из США, сюда никто не прилетел, а других рейсов в это время, очевидно, просто не было.

Я подошёл к окошку пограничника и подал ему свой паспорт ООП, открыв его на странице с колумбийской визой, чтобы ему не пришлось сё разыскивать среди многих других, имевшихся в паспорте. По всей вероятности, моему пограничнику подобных паспортов раньше видеть не приходилось, так как он стал его рассматривать с нескрываемым любопытством. Изучив мой документ, он извинился и вышел из будки во внутренние помещения. Минут через 5–7 он вернулся в сопровождении еще одного сотрудника и выложил передо мной несколько анкет, сказав, что мне нужно их заполнить, а затем снова подойти к его окошку.

Вернувшись в зал, я нашёл маленький столик со стулом и сел за заполнение анкет. Я закончил одну из них, в которой нужно было среди прочего указывать гражданство, место постоянного проживания и работы и т. д. Принимаясь за вторую, где нужно было сообщать о цели поездки, сроках нахождения в стране, местах посещения, адреса гостиниц, маршруты перемещения и транспорт, а также другие сведения о моём пребывании, я вновь оглядел большой зал прибытия и ещё больше удивился его полной пустоте. Помимо отсутствия пассажиров бросалось в глаза и отсутствие каких-либо работников аэропорта. Я был совершенно один в этом странно безмолвном и безлюдном помещении.

Работа по заполнению второй и, как оказалось, последней анкеты (остальные были просто дубликаты) уже была почти закончена, когда передо мной появились два колумбийца в штатской одежде. Поздоровавшись со мной, но не представляясь, они запросто сели боком на противоположные углы моего стола за отсутствием стульев и спросили, всё ли мне ясно в отношении форм. Я ответил, что я их практически подготовил, и тогда один из незнакомцев взял мою первую анкету и стал сё просматривать. Через минуту была закончена и вторая, которую забрал тот же самый человек, который изучал первую, а второй начал со мной вполне корректно беседовать.

Он расспрашивал меня фактически по тем же самым вопросам, которые были в анкетах с некоторым уточнением деталей. «Итак, можно сказать, что Вы приехали к нам как турист». — подытожил ведший беседу. Услышав от меня подтверждение его вывода, он в несколько преувеличенной дружески заботливой манере стал меня отговаривать от моей затеи. По его словам, а это мне было давно самому известно, в стране уже много лет шла гражданская война, и путешествовать по ней за пределами крупных городов, где правительство не контролировало ситуацию, было просто опасно. Ко всему этому, как он пояснил далее, прибавился еще один очень важный фактор: в связи с определёнными неожиданными событиями в Боготе с утра сегодняшнего дня введено осадное положение, все улицы центра города перекрыты войсками, проходить через них нельзя, а находиться на других улицах города можно только до наступления темноты.

Сообщение об осадном положении явилось для меня неожиданностью. «Посмотрите на этот зал, — продолжал мой собеседник. — Вы же видите, что здесь никого нет. Сегодня других самолётов принимать или отправлять аэропорт больше не будет. Вага был последний рейс. Вы можете остановиться и переждать до открытия аэропорта в гостинице прямо недалеко от терминала. В город мы вам выходить не рекомендуем», — закончил он и вопросительно посмотрел на меня в ожидании ответа. Для собственного уточнения сложившегося положения я переспросил: «Скажите, пожалуйста, с вашей стороны это только рекомендация, но, как я понимаю, не запрет, не так ли?» Мои собеседники посмотрели друг на друга и почти одновременно подтвердили, что это их рекомендация на моё усмотрение. «Ну что же, в таком случае хочу вас поблагодарить за внимание ко мне, но поскольку я всё равно должен выходить из здания терминала, я пойду сначала получу мой чемодан, а потом подумаю и решу». Мы все трое подошли к пропускной будке, я сразу получил штамп прибытия в паспорте, и мы попрощались.

Я вышел к карусели получения багажа и увидел стоявший около неё в полном одиночестве свой чемодан. В этом помещении, кроме меня, тоже никого больше не было. На выходе в зал встречающих около уже закрытой двери возник сотрудник таможни, который, не спрашивая декларации, распахнул её передо мной и, пропустив меня, снова закрыл сё. Сначала мне надо было найти отделение банка для обмена пока небольшой суммы долларов на местную валюту, которая мне понадобилась бы в любом случае, а потом я рассчитывал зайти в кафе и за чашкой вкусного местного кофе обдумать дальнейшие действия.

Валютный киоск я обнаружил довольно быстро, но он оказался закрытым. Во всём широком коридоре к выходу на улицу не было ни одного человека, у которого можно было бы спросить, где ещё можно было бы поменять деньги. Отсутствие людей в таком обычно суетливом месте, как аэропорт, создавало ощущение нереальности веет происходящего.

Оказавшись на улице, я увидел прямо перед собой группу американских охотников, заканчивавших посадку в свой отдельный автобус, и я решил узнать у них, едут ли они в Боготу. Они объяснили, что едут куда-то на юг, но не в столицу. Попрощавшись, я направился к входу в зал отъезда, где надеялся найти киоск обмена денег и кафе. Все многочисленные прилавки регистрации пассажиров разных компаний пустовали. Удивительно страшно было видеть всё это безлюдье, наводившее на мысль, что будто какая-то сверхъестественная сила вынесла отсюда всех людей, оставив предметы и вещи в полной сохранности.

Пройдя ещё немного вперёд, я встретил шедших мне навстречу двух сотрудников аэропорта и спросил у них, где можно было бы там обменять доллары и выпить чашку кофе. Они объяснили, что из-за осадного положения, введённого в Боготе, аэропорт был практически закрыт, по одно кафе оставалось открытым для дежурного персонала, где официант может мне обменять небольшую сумму и где я мог попить кофе. Следуя их объяснению, я нашёл дежурное кафе, в котором мне удалось поменять деньги и получить чашку очень ароматного, но страшно крепкого кофе. Поскольку я здесь оказался единственным клиентом и официант был не занят, я поинтересовался у него обстановкой в городе и возможностью выполнить мои туристические планы.

Он сказал, что центр города был действительно окружён войсками, так как там в тот день должна происходить встреча президентов андийской группы стран, в связи с чем вооружённые партизаны угрожали сё сорвать своими боевыми действиями. Однако, но cm словам, он, будучи рано утром около моей гостиницы «Интерконтиненталь», где у меня ещё из Нью-Йорка был снят номер, видел, что она была за два квартала до начала линии войск и что поэтому к ней можно было подъехать по окружной, минуя отсечённый армией центр. Насколько ему было известно, пока в Боготе всё было спокойно. Он считал, что до отеля можно вполне добраться, там переночевать, а завтра после завершения президентской встречи осадное положение могут и отменить. Слова официанта мне показались вполне убедительными, и я решил направиться в Боготу.

Переложив из чемодана в авиасумку некоторые вещи, которые мне могли понадобиться, я оставил его в камере храпения-автомате и налегке вышел из здания терминала искать транспорт в столицу. Вся площадь перед терминалом была пуста, за исключением трех автобусов и разгружавшего около здания какие-то коробки небольшого фургона. Я направился к автобусам и узнал, что два из них сдут не в Боготу, а третий был на дежурстве для нужд аэропорта и ехать пока никуда не собирался. На мой вопрос, как можно было бы добраться до Боготы, мне было сказано, что в той ситуации можно было рассчитывать только на появление какой-нибудь служебной машины.

Тогда мне пришла мысль переговорить с водителем фургона, и я пошёл к нему. Сначала водителя не было, но вскоре он пришёл за очередной коробкой и после некоторых колебаний согласился на мою просьбу за сносную плату в долларах. Его нужно было ещё подождать минут 15 для завершения разгрузки. Когда водитель появился из двери склада, отнеся туда последнюю коробку, с ним оказались женщина с двумя детьми и какой-то мужчина, которых он назвал своими родственниками, ожидавшими его для поездки в город. В фургоне было только одно переднее сиденье, но сзади было несколько пустых коробок, среди которых водитель рассадил детей и мужчину, а меня устроил вместе с женщиной рядом с собой. Протерев совершенно грязное ветровое стекло, через которое дорогу можно было только угадывать, водитель повёз нас в Боготу.

Неказистая асфальтовая дорога, напоминавшая мне паше тогдашнее шоссе в Шереметьево, шла в отдаленном окружении ощутимо громадных величественных Анд. В особой красоте этого несколько фантастического горного пейзажа было немало таинственного и мистического. По дороге в Боготу машины попадались совсем редко. Несмотря на присутствие нескольких встретившихся нам патрулей, нас ни разу не остановили. Мы подъезжали к первым кварталам домов города, когда водитель объявил мне, что на углу первой же улицы мне придётся сойти, так как он уже успел заметить маячившую впереди цепочку солдат, перекрывавшую проезд. Когда мы остановились, я попросил его объяснить, как пройти от того места к гостинице «Интерконтиненталь». С помощью имевшейся у меня туристской карты города мы разобрались с маршрутом и распрощались. До гостиницы идти пешком нужно было около часа.

Вскинув на плечо красную авиасумку с крупными белыми буквами TWA (очередной подарок Зилотти), я резвым шагом направился к тротуару первой начинавшейся здесь улицы Боготы. Метрах в 20 впереди меня стояла редкая цепочка солдат,

протянувшаяся поперёк безлюдной улицы. Я решил с независимым видом пройти между ними дальше, стараясь на них не смотреть. К моему большому удивлению, они меня не остановили, и я смело продолжал шагать вперёд. Через несколько кварталов возникла ещё одна такая же вытянутая неровной ниткой группа солдат, и я снова смело прошёл между ними, не будучи остановлен. Такая же ситуация повторилась ещё раза три до того, как я вышел на довольно большую площадь, где сходилось несколько улиц. В этом месте мне нужно было уточнить, куда идти дальше, и я с картой в руках стал разглядывать на столбах их названия. Определив дальнейший маршрут к гостинице, я сменил направление, прошёл беспрепятственно новый кордон солдат и через несколько кварталов оказался на ещё одной площади, оде снова надо было уточнить дальнейший путь.

Моё многократное успешное преодоление солдатских кордонов вселило в меня растущую уверенность, что остававшуюся часть пути до гостиницы мне удастся пройти так же свободно. Поскольку около меня прохожих не было, хотя изредка они стали попадаться, и одна карта не помогала, я решил подойти к ближайшей цепочке солдат и попросить их сориентировать меня в направлении гостиницы. Подойдя к следующему кордону, я так и сделал. Двое солдат объяснили, что мне оставалось идти уже недалеко, и показали, как пройти.

После нары кварталов нужно было делать поворот, за которым я увидел небольшую группу солдат с автоматами, которые были направлены в сторону стены большого здания, оде с поднятыми вверх руками стояло 6–8 человек в гражданской одежде. Пройдя мимо них, я заметил, что каждого выходившего из подъезда дома человека солдаты тут же грубо останавливали, обыскивали и затем ставили к степе с поднятыми вверх руками. Мне хотелось поскорее уйти из этого неприятного места и, дойдя до угла здания, я решил перейти на другую сторону улицы и направился туда через очередной перекрывавший ее кордон.

Но здесь меня неожиданно остановили и попросили предъявить документы. Доставая свой паспорт ООН, я сказал, что иду в гостиницу «Интерконтиненталь» и даже попросил обратившегося ко мне солдата подтвердить, правильно ли я иду. Вокруг нас тут же выросла толпа солдат и нескольких не задержанных или освобождённых после проверки прохожих. Солдат взял мой паспорт и начал его листать. Я заметил, что он держит паспорт вверх ногами, и подумал, что мне попался неграмотный, которых среди колумбийцев из бедных слоев было немало. Дойдя до фотографии, солдат перевернул документ и

стал в неё вглядываться. На виду собравшейся толпы он стал спрашивать, откуда я, зачем приехал в Колумбию, куда направляюсь и почему расхаживаю по улицам в это время. Я спокойно отвечал на его вопросы, но одновременно слышал повторяющиеся комментарии в толпе, что поймали террориста.

Выслушав мои объяснения и ответы на его дополнительные вопросы, солдат кивнул головой своим сослуживцам, которые освободили нас от окружавшей толпы и вместе с ним, взяв меня под руки, пошли назад к зданию, *где* стояли автоматчики. Пока мы шли, я пытался протестовать, говоря, что я сотрудник Секретариата ООН, что это ошибка, что у меня есть официальная виза правительства Колумбии, что они должны разобраться, и что для этого нужно пригласить офицера. Но они меня не слушали. Когда мы оказались около автоматчиков, солдат с моим паспортом попросил меня поднять руки вверх, на что я ответил решительным отказом, настаивая при этом вызвать к нам офицера. После моего отказа поднять руки и пока я высказывался по поводу присутствия офицера, двое солдат в одно мгновение обыскали меня со спины. Однако никто почему-то пе догадался обследовать мою сумку. Я снова высказал свой протест, настаивая на приходе их командира и глядя вокруг в надежде увидеть офицерскую форму.

Солдат с моим паспортом стоял в нерешительности, стуча им об руку, видимо, размышляя, что со мной делать. Потом он снова кивнул головой стоявшим рядом со мной солдатам, которые подхватили меня под руки и потащили к стенке, около которой с поднятыми вверх руками стояло ещё 5–6 человек под наведёнными в их сторону автоматами. Солдаты оставили меня вместе с другими у стены и отошли на несколько шагов, вероятно, с намерением не дать мне уйти оттуда, но больше поднимать руки не заставляли. Повернувшись лицом к улице, я снова стал требовать офицера. Через минуту солдат с моим паспортом направился к углу здания и скрылся за поворотом. Тоща я обратился с той же просьбой к оставшимся рядом со мной солдатам, которые ответили мне, что их товарищ пошёл искать командира и сейчас вернётся.

После 2—3-х минут ожидания на углу дома вместе с солдатом появился толстый офицер в каске и с таким количеством орденов и медалей на груди, что можно было подумать, будто он героически прошёл через массу крупных боевых сражений. Офицер, глядя на меня от угла дома, слушал объяснения солдата, который затем передал ему мой паспорт. Я стал делать знаки офицеру с просьбой подойти, но, просмотрев мой документ, он вернул его солдату и что-то ему сказал. Солдат

тут же направился ко мне, а я пошёл навстречу ему, и охранявшая меня двойка двинулась вместе со мной. Офицер остался наблюдать за нами со своего места. Подойдя ко мне, солдат извинился за моё задержание, передал мне паспорт' и сказал, что я могу двигаться дальше.

Принимая паспорт, я попросил показать, как мне пройти в мою гостиницу, но солдаты сказали, что они из провинции и города не знают. Тогда я обратился с той же просьбой к новой образовавшейся вокруг нас толпе, однако, может быть из-за страха связываться со мной, никто на мою просьбу пе откликался. Я уже собрался идти дальше, когда из толпы вышел мальчик лет 9—10 и сказал, что моя гостиница совсем рядом, и что он меня туда проводит. Подойдя ко мне, мальчик взял меня за руку, и через расступавшиеся перед нами кучки собравшихся здесь пешеходов и кордоны солдат мы с ним пошли прямо по осевой нашей улицы. Все находившиеся на улице солдаты, скопившиеся здесь пешеходы и многие жители соседних домов, смотревшие из открытых окон, наблюдали за нашим необычным шествием.

Моя го станица находилась от места моего задержания всего в четырех кварталах. За полицейским барьером, который отгораживал её от нашей улицы, собралось человек 15–20 любопытных, ждавших нашего прихода. Среди них оказалась часть работников «Интерконтиненталя», в том числе его главный управляющий, который, увидев во мне иностранца, тут же подошёл ко мне осведомиться, иду ли я в его гостиницу. Услышав подтверждение, он с энтузиазмом схватил у меня с плеча мою сумку и в сопровождении других служащих быстро увлёк меня внутрь здания вместе с мальчиком. Здесь я щедро наградил моего сопровождающего долларами за его услугу, и он с радостью помчался на улицу.

Управляющий гостиницей подошёл со мной к прилавку регистрации и сам стал заниматься моим оформлением. Пока я заполнял карточку прибывшего, мой хозяин извинялся за постигшую меня неприятность и рекомендовал в тот день на улицу больше не выходить, так как в городе ожидались беспорядки. Просмотрев мою заполненную карточку, управляющий буквально просиял, узнав, что я советский, и обрадовано распорядился предоставить мне лучший имевшийся номер без дополнительной приплаты.

В ожидании подготовки номера он повёл меня к расположенному там же бару и угостил меня виски, расспрашивая про СССР, мою работу и мои туристские планы в Колумбии. Я оказался первым советским не только в его гостинице, но, по всей видимости, и в самой стране за почти 20

лет отсутствия каких-либо отношений между нашими государствами. Номер уже давно был приготовлен, но управляющий отелем всё не хотел меня отпускать. Потом он спохватился, что слишком задержал меня после дальней дороги и выпавших на меня неприятностей, взял мою сумку и ключ и сам поехал наверх показывать мой номер. Мы с ним расстались как добрые знакомые.

Приняв душ и немного отдохнув, я решил спуститься на ужин в ресторан при гостинице. Слух о том, что в отеле остановился русский из Москвы, обошёл всех его сотрудников, и, проходя по помещениям гостиницы, я ловил на себе их любопытные доброжелательные взгляды. Главный ресторан со столиками в тот день был закрыт, но ужин давали за стойкой бара, где я выбрал себе удобное место, так как других клиентов пока не было. Заказав себе блюдо, я стал изучать карту Боготы, которая после моего утреннего похода мне теперь стала более понятной, что облегчило ориентацию в расположении памятников, старых церквей, музеев и других достопримечательностей, намеченных для моего посещения.

Я ещё не успел получить свой ужин, как у меня появился возбуждённый сосед, который, сразу же заказав себе на английском джин с тоником и бифштекс, начал с возмущением рассказывать мне перипетии его сегодняшнего дня, связанных с проверками документов, задержаниями, объездами и прочими неурядицами, выпавших на него но дороге в Боготу и гостиницу. Судя по акценту, я решил, что он англичанин (он потом это подтвердил), и про себя подумал, что я оказался не один иностранец, кто попал сегодня в неприятное положение. Мой собеседник приехал в Боготу из провинции, где он работал уже почти два года на предприятии своей английской фирмы, чтобы завтра утром встретить своего коллегу из Лондона. Ему явно очень не нравилось здесь работать, в первую очередь из-за непрекращающихся беспорядков, вызываемых действиями партизан-повстанцев и неспособностью правительства контролировать положение.

За нашим растянувшимся ужином и новыми порциями джина с тоником он рассказывал о событиях в Колумбии, приводя случаи похищений, ограблений, избиений и прочих страстей, жертвами которых были его коллеги по работе и знакомые. Он с нетерпением ожидал завершения своего контракта, чтобы поскорее уехать из этой бестолковой и опасной, как он считал, страны. Англичанин был настолько занят рассказом о своих собственных проблемах, что обо мне спросил только, кто я, откуда и зачем приехал и сколько времени собирался быть в

Колумбии. Мы разошлись довольно поздно и попрощались, так как он завтра же после встречи коллеги из Лондона вместе с ним снова уезжал на своё предприятие.

Поднявшись в номер, я сразу лёг спать, но буквально через несколько минут раздались сначала одиночные выстрелы, а потом и автоматные очереди. Я встал и осторожно выглянул в окно, но на нашей улице не было ни машин, ни людей. Я заснул, но на протяжении ночи несколько раз слышал выстрелы, правда, они звучали в стороне от нашего отеля.

Утро следующего дня было очень солнечным и неожиданно прохладным. В окно я увидел, что полицейское заграждение на нашей улице начали разбирать солдаты, а их кордонов уже не было, хотя на углах улиц стояли патрули. Я с надеждой подумал, что осадное положение отменили, и, спустившись вниз на завтрак, тут же купил местную крупную газету. Аншлаг громко объявлял о принятии вчера на встрече президентов «Декларации Боготы», провозглашавшей новую эпоху сотрудничества между андийскими странами в разных областях, в том числе и в сфере борьбы с «коммунистическими повстанцами». Были сообщения об арестах, проверках, перестрелках и прочих беспорядках, но, но утверждению газеты, партизанам не удалось сорвать встречу в верхах благодаря прекрасному обеспечению безопасности в городе со стороны армии и полиции. Осадное положение отменялось, что открывало путь моим туристским маршрутам.

Сразу же после завтрака, взяв свой фотоаппарат, я отправился пешком по городу на центральную площадь, где находился прекрасный старый католический собор в стиле классического барокко и президентский дворец с усиленной охраной в окружении ряда правительственных зданий. Потом я добрался до дома-музея Симона Боливара, где с волнением осматривал его жилище, личные вещи и документы, рассказывавшие о жизни и деятельности этой необыкновенной исторической личности — освободителя целой группы стран Южной Америки от Испании — во время его пребывания в Колумбии и о его последующей драматической кончине на сё карибском побережье в 1830 году. Следующий день начался с подъёма на фуникулёре на самую высокую гору в окрестностях Боготы, откуда открывается фантастическая панорама всего города и той огромной долины, в лоне которой он так уютно расположился. Остальное время я провёл в хождениях по музеям и улицам города.

Вернувшись к вечеру в гостиницу, я поинтересовался у портье возможностью совершить поездку из Боготы в район Сирпаркира, где находился самый глубокий в мире подземный собор, построенный в бывших соляных шахтах. Портье сообщил мне, что

туда лучше всего съездить организованной экскурсией, так как Сирпаркира находилась в зоне партизан, и одному там появляться просто опасно. Небольшие экскурсии в это место, по его словам, проводились не так часто и только тоща, когда набирается хотя бы 5–6 туристов. В ответ на мою просьбу он связался с турфирмой, где ему сообщили, что у них всего пока было вместе со мной 2 кандидата на поездку и что, если к завтрашнему утру наберётся ещё 2–3 желающих, то в тот же день после завтрака микроавтобус заедет за мной в го станицу.

Мне повезло, и уже перед завтраком портье обрадовал меня сообщением, что экскурсия состоится, и что к 9.30 я должен быть в вестибюле в полной готовности к поездке. С небольшим опозданием меня подобрал повидавший немало трудных дорог микроавтобус «фольксваген». Там было три пассажира: один университетский профессор из Коста-Рики и мать с взрослым сыном из города Талса в штате Оклахома на юго-западе США. Мы все быстро познакомились. Я, как русский из Москвы, хотя и работавший в Нью-Йорке, вызвал у моих спутников и водителя невероятное удивление, так как никому из них с русскими встречаться не приходилось. Как и в других подобных случаях, теперь мне снова пришлось отвечать на множество вопросов об СССР, об ООН (они и о ней почти ничего не знали) и о себе. Мы не преминули обсудить события третьего дня, которые мои спутники не застали, приехав в Боготу на два дня позже.

Когда мы вышли на шоссе в направлении Сирпаркиры, перед нами возник солдатский дорожный патруль. Наш водитель объяснил солдатам, кого он везёт и куда едет. Документов у нас не спрашивали, но внутрь автобуса заглянули, видимо, убедиться, что там никто не прячется. Продолжая путь после проверки, водитель пояснил нам, что мы въезжаем в зону действия партизан и что патрули нас могут останавливать ещё несколько раз. Он заверил, что большую часть нашего пути контролируют войска правительства, но что дальше хозяйничают повстанцы, которые, как правило, туристов не трогают.

Мои спутники о повстанцах в зоне нашего путешествия ничего не знали и, услышав сообщение водителя, начали с волнением обсуждать, что делать в случае их появления. Полусерьёзно-полушутя условились, что если нас остановят повстанцы, то, как советский, с ними объясняться буду я, а в случае проблем с правительственными патрулями разговаривать будут они. Патрули нас останавливали действительно ещё несколько раз, но их проверки ограничивались простым осмотром нашего транспорта и вопросами водителя, который интересовался, не было ли недавно каких-либо вылазок

повстанцев в зоне патрулирования.

До места назначения мы доехали без встреч с партизанами, пообедав по пути в местном ресторанчике маленькой живописной деревушки. В подземный собор нужно было въезжать, как в обычную шахту, на вагонетках у самого подножия очень высокой горы. В конце узкого и довольно длинного тоннеля посетители вдруг оказываются в огромном и чрезвычайно высоком зале, который сужающимся конусом гигантского размера уходит к самой вершине горы, откуда маленькой светлой точкой показывается небо.

Устройство и убранство части зала у одной из стен этого помещения напоминало многократно увеличенный неф обычного собора, но в значительно более скромном варианте. Здесь не было, да из-за отсутствия окон, не могло быть, привычных в католических церквах нарядных витражей и розеток, которые так оживляют и украшают их интерьер. В помещениях царил удивительно чистый и приятный воздух, уютно горели десятки свечей, но основной свет обеспечивало электричество. Прихожан не было, и лишь бесшумно возникавшие несколько монахинь свидетельствовали о присутствии здесь человека. В этом гигантском подземном соборе, который был построен после выработки шахты но инициативе трудившихся здесь шахтёров, устраивались, как правило, крупные торжественные религиозные церемонии, собиравшие большое число прихожан из широкой округи и других местностей. Эго действительно уникальное и восхитительное сооружение оставляет сильнейшее впечатление.

После посещения собора и уже на обратном пути водитель завёз нас ещё в одну маленькую бедную деревушку, зацепившуюся за край высокого горного холма, откуда можно было долго разглядывать панораму широкой долины, раскинувшейся среди торжественно-величественных гор. В деревушке продавались сувениры для туристов, где мы в свою очередь тоже приобрели искусные поделки местных мастеров. Наш обратный путь прошёл без приключений, но с неизбежными в том районе проверками патрулей. После позднего возвращения я плотно поужинал и лёг спать, то и дело возвращаясь в памяти к картинам подземного собора Сирпаркира и увиденным во время путешествия восхитительным пейзажам. На следующий день я продолжил свое обследование Боготы, а вечером отправился в аэропорт. Переполненный массой колумбийских впечатлений, я теперь готовился к встрече со столицей бывшего испанского вице-королевства Перу — Лимой.

МОЕ УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЗНАКОМСТВО СО СТРАНОЙ ИНКОВ

Среди моих коллег по работе в Нью-Йорке, которые передали со мной подарки и письма в свои страны но моему маршруту, была одна молодая и красивая девушка-перуанка Мария-Элена, проходившая у нас стажировку в порядке подготовки к экзаменам на синхронный перевод. Её передача предназначалась для её жениха, завершавшего свой дипломный проект на получение звания архитектора в университете Сап-Марко в Лиме. Она уже заранее сообщила своему Мигелю о времени моего прилёта, и он обещал меня обязательно встретить, хотя мой рейс прилетал около трёх часов утра.

Когда я с чемоданом появился перед небольшой группой встречающих в аэропорту Лимы, то мы с Мигелем сразу же узнали руг друга, и он, увидев меня, тут же подбежал ко мне, представился и стал тепло обнимать, как будто мы с ним были старые друзья. Мигель подхватил мой чемодан, и мы, оживлённо разговаривая, направились к выходу. Увлёкшись встречей с Мигелем, я не успел заметить, что меня встречали ещё два человека — два профсоюзных руководителя, с которыми я познакомился в самолёте но пути из Панамы в Колумбию, и которые тоже обещали меня встретить, хотя я им говорил, что меня уже будут встречать и что им не стоит об этом думать. По правде говоря, я и не ожидал, что они приедут за мной в аэропорт, но теперь надо было с этим делом разобраться. Они подошли к нам с Мигелем, мы радостно и искренне поприветствовали друг друга, и я их познакомил с будущим архитектором. Они сказали, что, даже зная, что меня будут встречать, всё равно хотели приехать увидеться и договориться о последующей встрече. Мы так и условились, хотя мои профсоюзные руководители настояли поехать на своей машине и проводить меня до гостиницы.

Па выходе из здания терминала прямо около дверей мы оказались перед новеньким красным спортивным «феррари» — очень дорогой и редко, даже в Америке, встречающейся машиной. К моему невероятному удивлению Мигель поставил мой чемодан около «феррари» и стал привычным жестом открывать его дверь. «Ничего себе! — подумал я с восхищением. — Вот это сюрприз, который мне приготовила Мария-Элена через своего жениха». Мои профруководители тоже остановились посмотреть на эту автомобильную диковинку, разглядывая её вместе со мной с

разных сторон. Мигель сел за руль, и «феррари» словно самолёт на разбеге перед взлётом, рванулся вперёд и помчался по пустому шоссе в Лиму. При практическом отсутствии движения по всему пути мы за разговором доехали до гостиницы в центре города невероятно быстро. Я успел оформиться, вместе с Мигелем съездить в мой номер оставить вещи и проводить его вниз, когда подъехали мои руководители профсоюзов. Было почти 4 часа утра, и мы с Мигелем и профсоюзниками условились о встречах на завтрашний день.

Приняв душ, я рухнул спать и проснулся на следующее утро от телефонного звонка около 10 часов. Звонил Мигель, сказавший, что заедет за мной к 11, покатает по городу, а потом повезёт меня на обед к своим родителям в пригород Сан-Исидро. Собравшись, я вышел в город позавтракать и немного пройтись по улицам старой части города, где находилась моя гостиница. Здесь сохранилось много просторных 2-этажных домов с узорчатыми чугунными решётками на балконах по всей протяжённости их уличных стен. Через ворота более поздней постройки порой можно было увидеть широкие внутренние дворы-патио, покрытые выжженной желтовато-зелёной травой, с элегантными королевскими пальмами, фруктовыми деревьями, пёстрыми цветниками и яркими бугенвиллиями. Всё это было очень мило, дышало стариной, но выглядело как-то неухожено и заброшено. Когда-то богатые аристократические владельцы этих домов обеднели и не имели достаточно средств на их надлежащее содержание.

Пунктуальный Мигель заехал за мной в назначенное время, и красный «феррари» повёз нас по улицам и площадям перуанской столицы…

Неграмотный конкистадор Франсиско Писарро, дальний родственник покорителя Мексики Эрнана Кортеса, вместе со своим партнёром Альмарго открыл сегодняшнее Перу в 1532 году. В том же году они начали завоевание огромной и богатой империи инков с отрядом всего в 170 человек (у Кортеса в Мексике их было 220), среди которых было ещё четверо братьев Писарро. Об этой стране испанцы впервые услышали в самом начале 1500-х годов, когда начинали осваивать территорию теперешней Панамы, местные жители которой рассказывали им об очень большой и богатой стране на юге, известной разным местным индейским племенам под названиями Биру, Пиру и Перу. Последнее в итоге возобладало и дало название южноамериканскому испанскому вице-королевству, а впоследствии и новой независимой стране. Перуанская столица обязала своим происхождением тому же Франсиско Писарро,

основавшему этот город в 1535 году на берегу реки, которую индейцы аймара называли Лимак, что на языке кечуа произносилось как Римак, но в том и другом случае это означало «река умеющих говорить на кечуа». Аймарское Лимак перешло в Лима и определило окончательное название столицы Перу…

С Мигелем, надо сказать, мне очень повезло: он был прекрасно образовал и начитал; как архитектор он великолепно знал свой город; он серьёзно интересовался искусством и был знатоком балета, внимательно следившим за творчеством своего идола Майи Плисецкой; он был интересным собеседником и, будучи человеком по натуре очень общительным и обаятельным, имел много друзей и знакомых. Ко всему прочему он принадлежал к старому и богатому аристократическому роду Малатеста, что открывало ему многие двери и возможности.

Мне повезло с ним ещё и в том, что, несмотря на работу над дипломным проектом, ему можно было уделить мне достаточно времени, чтобы сделать три с половиной дня моего пребывания в Перу чрезвычайно насыщенными и интересными. Без такого знакомого даже при длительном пребывании здесь было бы невозможно побывать в целом ряде частных закрытых музеев культуры инков, посетить археологические раскопки, проводившиеся его друзьями на их собственных территориях, обедать или ужинать в роскошных домах некоторых известных перуанских семей, встречаться со студентами в университете и на их вечеринках 2* 35 у них дома. Для всего этого нужно было быть одним из таких местных, каким оказался мой славный гид и новый товарищ Мигель Малатеста.

Будучи русским из СССР — страны, с которой Перу давно не имело никаких отношений, я в Лиме, как и в других местах моего путешествия, вызывал самим этим фактом немалый интерес, так как русских здесь просто никто не видел. Многим очень хотелось со мной повстречаться, узнать, что мы собой представляем, поговорить о Советском Союзе, услышать ответы на интересовавшие их в отношении нас вопросы, побывать в компании с русским. Приглашений у меня возникло столько, что я не смог бы ими всеми воспользоваться, даже если бы моё пребывание здесь было гораздо более продолжительным. Всё это вместе делало наше общение очень интересным и непринуждённым, а то, что я свободно говорил по-испански, в значительной мере способствовало ему.

Совершив первую ознакомительную прогулку по центру Лимы, мы с Мигелем отправились на семейный обед к нему домой в пригород Сан-Исидро. По дороге он ненадолго заехал к своим друзьям в соседний Мирафлорес, где я впервые посетил

дом богатых перуанцев с роскошным садом и собственной конюшней, которые обслуживались целой бригадой прислуги. Одно содержание самого такого хозяйства и всех работников требовало немалых денег, но здесь в них недостатка явно не было. Нас угостили соками и предлагали остаться на обед или приехать на ужин, но в тот день мы уже были ангажированы.

Дом семьи Мигеля Малатеста был во многом похож на пригородные виллы других богатых перуанцев по своим размерам, ухоженности окружавшей его территории, наличию бассейна, численности прислуги и другим атрибутам их социального положения. Отец и мать Мигеля унаследовали от своих родителей

не только деньги и акции ряда крупных американских компаний, но и плантации на юге страны, которые давали немалый доход. Его отец, находившейся в те дни в деловой поездке в Калифорнии, входил в советы директоров нескольких перуанских фирм. Дети таких семей обучались в лучших школах и университетах страны и за границей. Свои длительные отпуска эти люди часто проводили в путешествиях по Европе.

На обеде у Мигеля были его мать, старшая сестра с мужем, брат матери с женой и взрослым сыном. За длительной застольной беседой вести разговор в основном пришлось мне, так как члены семейства один за другим задавали много вопросов, на которые я с удовольствием отвечал. Кухня в тот день была главным образом европейская, а отдельные перуанские блюда мне как-то не запомнились. Десерт подавали в саду, где в местный зимний июль было солнечно и приятно. Я распрощался с хлебосольной хозяйкой дома и се гостями около четырёх дня, получив приглашения приходить сюда снова и побывать в домах её родственников. Подаренные мной русские сувениры, особенно матрёшки и чёрная икра из нашего представительства в Нью-Йорке, произвели здесь впечатление раритетов.

После замечательного обеда с семьёй богатых перуанских аристократов меня ждал ужин с руководителями местных рабочих. Мигель отвёз меня на центральную площадь Лимы Пласа де Армас, а сам поехал по делам своего проекта, условившись со мной забрать меня на следующий день из гостиницы в 9 утра для встречи с его однокашниками по университету.

В остававшееся до ужина время я побродил по центру города, который по плану был довольно сильно похож на главные площади других столиц стран бывшей испанской империи. Даже центры их более мелких городов в своей основе повторяли ту же модель: большая площадь с бьющим в её центре фонтаном,

резиденция и канцелярия главного управляющего чиновника в качестве самого крупного и импозантного сооружения, а также расположенные по периметру площади правительственные учреждения с утроившимися между ними магазинами. План был почти один и тот же, хотя его воплощение в каждом месте имело свой специфический колорит.

С точки зрения городского пейзажа даже по сравнению с Мехико и Боготой, где уже было немало интересных зданий современной архитектуры из металла и стекла, и где сама уличная жизнь выглядела бурной и активной, Лима производила впечатление провинции. Оно ещё больше усиливалось большим присутствием бедных индейцев в их древних традиционных костюмах. Особенно заметными были женщины в ярких платьях и мужского типа шляпах с неизменным нелёгким грузом на спине и забитыми, никогда не улыбающимися лицами, несущими на себе какую-то вековую печаль. Их вид и поведение набрасывали на всё вокруг оттенок некоторой щемящей грусти.

Около 7 вечера за мной в гостиницу заехали профруководители. Сначала они повозили меня по незнакомым мне ещё районам города, показывая их достопримечательности, а потом привезли в ресторан морской кухни, где мы за вкусными плодами моря и местной водкой писко провели за разговорами около трёх часов. На этот раз их интерес сосредоточился в основном на советских профсоюзах. В мои студенческие годы мне немало раз доводилось работать с делегациями профсоюзов нескольких стран, в том числе с первой такой американской делегацией, посетившей СССР после середины 30-х годов. Поскольку я в определённой степени был осведомлён в этой тематике, то мог более-менее предметно отвечать на их деловые вопросы. Их очень интересовала возможность установить связь с нашими профсоюзами и познакомиться с жизнью советских рабочих.

Ввиду отсутствия каких-либо советских представительств в Перу я им посоветовал попробовать выяснить данный вопрос через посольство или консульство СССР в одной из других стран, где они могут оказаться. Судя по их реакции, они намеревались воспользоваться такой рекомендацией в будущем. На следующее утро мои профруководители уезжали по своим делам на несколько дней в Куско, но, прощаясь со мной у гостиницы, оставили телефоны своих коллег на случай, если мне что-то понадобится, и взяли мои нью-йоркские координаты. Мы обменивались с ними рождественскими открытками вплоть до завершения моей командировки в ООН.

Первую половину моего второго дня в Лиме мы с Мигелем

провели во встречах и беседах с его однокашниками в университете Сан-Марко. Здесь мы обменивались бесконечными вопросами и ответами, касающимися жизни и учебы студентов в СССР и Перу. Наши разговоры происходили в конце студенческого кафетерия, где то и дело появлялись другие студенты, некоторые из которых, узнав, что происходит, включались в наш общий разговор, превратив его в настоящее студенческое собрание. Перед тем как разойтись на обед, один из товарищей Мигеля пригласил его вместе со мной к нему на ужин на снимаемую им квартиру, куда должны были прийти ещё несколько его друзей. Мы пообедали с Мигелем и несколькими из его однокашников там же, в студенческом кафетерии, где была очень приличная и недорогая кухня.

После обеда Мигель отвёз меня в музей истории инков, а сам вернулся к делам по своему проекту. В музее была представлена большая интересная коллекция предметов археологических раскопок периода до становления империи инков и восхитительно богатая экспозиция, рассказывающая об их собственной удивительно высокой цивилизации, практически полностью уничтоженной испанскими завоевателями.

Вечер того дня мы провели в новых раундах разговоров на квартире товарища Мигеля Родриго. Он сам был из провинции, а его двухкомнатную квартиру в хорошем квартале города ему снимали его состоятельные родители. Кстати, я заметил, что в обществе Мигеля и его друзей людей не из состоятельных семей не было, что не мешало этой молодёжи часто высказываться относительно необходимости социальной справедливости и даже на словах поддерживать революцию на Кубе, политику Кастро и революционную борьбу Че Гевары. Узнав, что мне довелось быть на Кубе и даже работать какое-то время с Че, они меня просто замучили просьбами рассказывать об этом до самой полуночи.

В последующие полтора дня моего пребывания я провёл время, посещая государственные и частные музеи, выезжал на археологические раскопки, обедал и ужинал каждый раз в домах или квартирах друзей Мигеля и его семьи. Мы с пим съездили и в порт Лимы Кальяо, бродили по улицам столицы и сё богатых пригородов Мирафлорес и Сан-Исидро, где мой замечательный гид со знанием дела знакомил меня с особенно интересными историческими и архитектурными памятниками. Как оказалось впоследствии, когда я прочитал почти все основные работы Марио Варгаса Льосы, это были те места, где разворачивалось действие многих его романов и рассказов, в том числе и, как мне думается, его лучшего и частично автобиографического произведения «Тётушка Юлия и писака». Кстати, на мой взгляд,

испанское слово «escribidor» в названии этого романа следовало бы перевести на русский как «сценарист».

Моё интереснейшее и увлекательное время в Перу заканчивалось. Мой славный и гостеприимный Мигель, с которым мы очень подружились за эти короткие, но насыщенные по общению дни, отвёз меня в аэропорт, где мы с ним обменялись нашими координатами и, тепло распрощавшись, расстались действительно как добрые друзья.

Когда я почти через месяц после начала моей поездки вернулся в Нью-Йорк, то узнал, что очаровательная Мария-Элена, благодаря которой у меня получилось совершенно уникальное пребывание на ее родине, к сожалению, не сдала экзамены в ООН и вернулась в Лиму. Мы с Мигелем регулярно переписывались. Он всё планировал приехать в Нью-Йорк, но вплоть до моего отъезда на работу в Москву ему это так и не удалось сделать. С моим переездом на работу в МИД паша переписка вынужденно прекратилась с моей стороны, и я потерял замечательного перуанского друга…

Из бывшей столицы вице-королевства Перу я вылетал в Сантьяго — столицу Чили.

В СТРАНЕ «НА КРАЮ ЗЕМЛИ»

Уже в 1533 году, то есть всего год спустя после первой высадки испанцев в местечке Тумбес на западном побережье Перу и в самом начале его завоевания, между двумя основными группировками конкистадоров начались серьёзные раздоры из-за дележа еще не полностью покорённой огромной территории империи инков и сё сказочных богатств. Во главе первой из них стоял клан пяти братьев Писарро, а второй руководил основной партнёр Франсиско Писарро но подготовке и проведению перуанской экспедиции Диего де Альмарго. В январе 1534 года Эрнандо Писарро доставил из Перу королю Карлу V в Севилью, к великой радости последнего, невиданное в Европе количество слитков золота и серебра. Прибытие такого неслыханного богатства ясно показывало огромное значение для Испании новой громадной колонии в Южной Америке, но одновременно подчёркивало и ту большую опасность, которая была заложена в разраставшемся конфликте между двумя вооружёнными группировками конкистадоров, о чем королю стало сразу же известно от прибывших из Перу людей.

Стремясь предотвратить перерастание раздоров между Писарро и Альмарго в гражданскую войну между завоевателями, Карл V согласился удовлетворить претензии последнего на важный титул «аделантадо», т. е. верховного правителя новой территории, и на предоставление ему такой новой территории под названием Новое Толедо, которая должна была простираться к югу от земель под управлением Писарро вплоть до конца всего континента. Такое неопределённое разграничение не могло быть тогда более точным, поскольку никому не было известно, где именно кончалась территория Писарро и где начинались владения Альмарго. Другими словами, конфликт между бывшими партнёрами удалось смягчить, но не устранить.

Ссылаясь на решение короля, каждый из соперников теперь выдвинул претензии на главный приз империи инков — её столицу город Куско. Более хитрый Франсиско Писарро уговорил более доверчивого Альмарго оставить на время спор из-за Куско и отправиться на завоевание его новых неизвестных территорий, выделенных ему Карлом V. После нескольких месяцев труднейших переходов через Анды, хотя этот путь проходил по проложенной королевской дороге инков, хорошо вооружённый отряд Альмарго в сопровождении массы индейцев достиг южной оконечности владений перуанских императоров в суровой пустыне на побережье Тихого, или, как его тогда называли,

Южного океана.

Дальше на юг простирались бесконечные земли племён арауканос — самых физически крупных и бесстрашных индейцев Американского континента. Даже прекрасно подготовленные и хорошо вооружённые воины инков, покорившие многие народы, отказывались воевать со своими южными соседями. Все попытки испанцев продвинуться дальше здесь столкнулись с совершено непреодолимым сопротивлением со стороны арауканос. Некоторое время конкистадорам не удавалось даже взять кого-либо из арауканос в плен, поскольку эти отважные воины предпочитали самим лишать себя жизни, нежели сдаваться живыми в плен. Но однажды ночью испанцы смогли захватить нескольких спавших арауканос и доставить их в свой лагерь. Под страшными пытками пришельцы заставили пленных признаться в том, что именно их племена так самоотверженно защищали. Их ответом было «Чили», что на языке арауканос означало «край Земли». На этот раз испанцам не удалось прорвать оборону бесстрашных арауканос, и изможденный голодом пустыни и холодом Анд отряд Альмарго был вынужден вернуться назад во владения братьев Писарро. Возвратясь из тяжелейшего похода с пустыми руками, эти воины во главе со своим командиром считали себя обманутыми и жаждали мести. В начавшейся между конкистадорами гражданской войне вокруг Куско группировка Альмарго получила название «людей из Чили», или «чилийцев», а та земля, которую испанцам после длительной и кровавой войны в итоге удалось захватить у арауканос, так и сохранила за собой это арауканское название.

После гибели Диего Альмарго в междоусобной войне Франсиско Писарро передал право на завоевание Чили Педро де Вальдивиа, который вступил в эти земли в 1540 году, где через год основал форт Сантьяго, но вынужден был остановиться в своём продвижении на юг перед лицом ожесточённого сопротивления арауканос на рубеже реки Био-Био. В течение десяти последующих лет Вальдивиа даже не решался продолжить свои завоевания, и лишь после 1550 года ему с большим трудом и ценой немалых потерь удалось основать несколько изолированных фортов, в том числе и Консепсьон. Но уже в 1553 году непокорные арауканцы во главе со своим талантливым военным вождём Лаутаром снова поднялись против испанцев. Эта война была очень подробно и поэтично описана в большом классическом произведении испанской литературы эпохи Ренессанса «Лраукапа», автор которого Хуан дель Энсина, хотя и был её непосредственным участником на стороне завоевателей, со всей силой своего огромного таланта воспел в стихах

благородство и бесстрашие арауканос.

В ходе этой войны они смогли захватить и разрушить несколько испанских укрепленных поселений, взять в плен, а затем и казнить самого Вальдивиа. Его имя было позднее присвоено одному из крупных чилийских городов. Завоевание Чили удалось несколько закрепить к концу 1550-х годов лишь новому губернатору маркизу Гарсиа де Мендоса. Впоследствии Мендоса был назначен вице-королём в Перу, а его титул дал название группе островов Тихого океана — Маркизам, случайно открытым тогда же отважным испанским мореплавателем Менданья на пути из Перу в поисках легендарного и ещё не найденного европейцами Южного континента — Новой Голландии, переименованного позднее в звучную Австралию. Умело приспосабливаясь к изменяющимся обстоятельствам и меняя военную тактику, арауканцы продолжали свою вооружённую борьбу до 1880-х годов — уникальное явление в истории колонизации Американского континента…

Итак, покинув перуанскую столицу, через несколько часов полёта над прибрежной тихоокеанской полосой вдоль постоянно сопровождавших нас величественных андийских хребтов я прибыл в Сантьяго-де-Чили. Этот город почти со всех сторон окружён горами, и при посадке на его аэродром самолёты, не имея прямого доступа к посадочной полосе, должны выписывать постепенно снижающиеся к земле спирали.

Не имей сто эскудо… Перед моим отъездом из Нью-Йорка мой чилийский коллега Мардонес, узнав, что я собираюсь побывать в Чили, обратился ко мне с просьбой передать его другу в Сантьяго американский слуховой аппарат самой последней модели, который помещался в дужке очков и был почти не заметен для окружающих. По его словам, в Чили тогда подобных аппаратов ещё не было, и даже более старые модели стоили очень дорого. Я с готовностью согласился выполнить просьбу моего коллеги, который в благодарность за эту услугу заверил меня, что его друг встретит мой рейс, отвезёт меня в гостиницу и окажет мне всякое необходимое содействие. Когда же я вышел в зал встречающих терминала чилийской столицы, то сразу же увидел мужчину и женщину, ожидавших меня с листом бумаги, на котором значилось мое имя. Это и был друг Мардонеса Пабло со своей милой женой. Мы познакомились и тут же поехали в мою гостиницу в самом центре города.

Пабло, как оказалось, был не только экспансивным и разговорчивым человеком, который сразу же превратился в моего гида по своему любимому Сантьяго, но и вице-председателем радикальной партии Чили, т. е. важным членом парламента

страны. В этой связи надо отметить, что в отличие от других государств Латинской Америки, где за исключением Мексики и Уругвая тогда правили военные хунты или диктаторы, в Чили процветала настоящая буржуазная демократия. Здесь социалисты и коммунисты представляли собой серьёзную политическую силу, о чём говорили и многочисленные флаги, плакаты и транспаранты этих и других многочисленных партий, развешанные или расклеенные по всему городу. Активная политическая жизнь страны сразу бросалась в глаза, а комментарии моего нового чилийского знакомого, погружённого в самую её гущу, почти с ходу ввели меня в курс сё основных проблем и событий.

После того как я разместился в гостинице и передал Пабло его долгожданный слуховой аппарат, он, выражая большую благодарность за оказанную услугу, пригласил меня на ужин в традиционный чилийский ресторан. Там за вкусными местными блюдами и прекрасным чилийским вином Пабло и его жена подробно рассказали мне о наиболее интересных местах Сантьяго, где мне следовало побывать, а также о том, как съездить в курортный Винья-дель-Мар и в живописный Вальпараисо, расположенный на побережье Тихого океана, и что там посмотреть. Я со своей стороны отвечал на многочисленные вопросы моих новых чилийских знакомых, рассказывая об СССР, об ООН и о других интересовавших их вещах.

В ходе ужина Пабло сказал мне, что он заметил еще несколько раньше и снова там, в ресторане, двух типов, которые за мной следят. Как бы в объяснение такой слежки, мой новый знакомый отметил, что кроме советских дипломатов в посольстве и советских моряков, посещающих организованными группами Вальпараисо во время стоянки их судов в его порту, других русских из СССР, тем более путешествующих в одиночку, в Чили просто не бывает. По этим причинам такой советский, как я, не мог не вызывать интереса или подозрения со стороны соответствующих служб. Он заверил меня при этом, что в этой несколько, может быть, морально неприятной ситуации есть и свой положительный момент — при таком сопровождении я буду в полной безопасности от каких-либо криминальных действий. Извинившись за такие негостеприимные меры своих властей, Пабло снова подчеркнул, что со мной ничего не будет, но что, в крайнем случае, если вдруг что-то возникнет, я могу позвонить ему по телефонам на его карточке, которую он вручил мне ещё раньше.

Сообщение о слежке меня совершенно не удивило и не обеспокоило, так как мне было известно, что за советскими за

границей следили везде, хотя чаще всего мы этого не замечали. Я на это просто не обращал никакого внимания. При прощании после замечательного и интересного ужина по-чилийски мы условились с Пабло встретиться на следующий день, когда он в своё свободное время хотел повозить меня по интересным местам Сантьяго…

На протяжении двух столетий после его завоевания и вплоть до 1734 года, когда оно было выделено в самостоятельную административную область, Чили оставалось глухой, самой далёкой и непривлекательной провинцией вице-королевства Перу. Даже к концу колониального периода, то есть к 1818 году, там проживало примерно всего около 500 000 тысяч человек, не считая непокоренных индейцев. Этот факт и довольно нередкие разрушительные землетрясения объясняют отсутствие в этой стране каких-либо значительных памятников колониальной эпохи. В самом Сантьяго в этом отношении обращает на себя внимание пышное барокко колониальной архитектуры в парке холма Сайга-Люсия. Наибольший интерес для туриста в Чили представляют его необыкновенные красоты природы — горы с прекрасными лыжными курортами, ледники, пейзажи тихоокеанского побережья, а также некоторые живописные города, как, например, Винья-дель-Мар и Вальпараисо.

После обследования в течение полных двух дней чилийской столицы я выехал поездом в эти упомянутые города. В раннем утреннем поезде сначала было довольно много народа, но потом пассажиры постепенно растаяли, а при подъезде к Винья-дель-Мар в нашем вагоне осталось всего четыре человека. Двое из них сидели далеко сзади, а через два сиденья от меня тоскливо наблюдал за пейзажем через окно молодой парень. Поскольку я не знал, когда будет моя станция, чтобы не проехать её, я обратился за помощью к моему ближайшему спутнику. Он охотно согласился мне сказать, когда следует выходить, тем более что он тоже ехал до Винья-дель-Мар. Мы разговорились. Узнав, что я советский турист, он немало удивился, сказал, что является членом социалистической партии Чили и что многие его соотечественники с большой симпатией и интересом относятся к СССР.

Мы вышли вместе, продолжая начатый разговор. Педро, как оказалось, приехал в Вилья по делам своей фирмы и к вечеру собирался вернуться в Сантьяго. Он предложил показать мне коротко этот курортный городок, а вечером встретить меня здесь же, в моём поезде, на котором я должен был ехать из Вальпараисо обратно. Мы так и условились. Посмотрев ухоженные парки, сады и великолепные виллы, я на очередном поезде продолжил путь к

Тихому океану.

Вальпараисо оказался очень активным и несколько хаотичным городом в своей портовой части. Здесь было много народа, на улицах то и дело встречались группы иностранных моряков, повсюду суетились мелкие торговцы, громко и настойчиво навязывая свой товар. Всё выглядело довольно неприбрано и даже грязно, как во многих портовых городах южных стран. Жилые кварталы Вальпараисо поднимались от прибрежной полосы круто вверх по склонам высоких холмов, и это было живописной достопримечательностью самого крупного морского порта Чили.

Во время обеда в небольшом ресторанчике около порта я спросил официанта, что он советовал бы мне здесь посмотреть. Он сказал, что самое интересное — это прогулка на самый верх жилых кварталов, откуда открывается очень красивый вид на Тихий океан и весь город. Больше, по его мнению, там смотреть было нечего. Я последовал совету официанта и направился пешком вверх по улицам. Подъём становился постепенно всё более крутым, и порой надо было делать передышки. Дойдя до последнего здания последнего квартала моей улицы, я остановился, чтобы подробно полюбоваться открывшейся передо мной великолепной панорамой далеко убегавшего океана, широкой прибрежной полосой и самого скатывавшегося к порту города.

Сделав ряд фотографий, я присел на находившуюся недалеко скамейку, где уже сидел с дымящейся сигаретой один из местных жителей. Вынув свою пачку американских сигарет, я предложил их закурить моему соседу, который, бросив свой окурок, с благодарностью принял мое предложение и, глубоко затянувшись, похвалил вкус иностранного зелья. В ходе завязавшегося разговора мы сказали друг другу, кто мы такие, обменялись обычными в таких случаях вопросами и ответами. Оп в свою очередь выразил большое удивление, что я из Советского Союза, и, как молодой человек в вагоне поезда, тоже оказался членом соцпартии Чили с большими симпатиями к нашей стране. Мой собеседник должен был уходить по ожидавшим его делам. Прощаясь, он вспомнил, что здание, около которого мы с ним сидели, было школой, где в тот день не было занятий, и поэтому можно было подняться на её крышу откуда вид был ещё лучше, и оде я смог бы сделать новые снимки.

Полюбовавшись с плоской крыши школы ещё более широким панорамным пейзажем, я начал спускаться вниз к порту, заходя но пути в разные мелкие лавочки в надежде найти подходящие местные сувениры. При выходе из одной из них уже в портовой

части города я увидел, не веря собственным глазам, поднимавшегося мне навстречу выпускника нашего института, окончившего его на четыре года раньше меня. Мы знали друг друга только шапочно, хотя мне, как это обычно бывает со студентами младших курсов по отношению к старшим, было известно его имя. «Алексей! — радостно сказал я, подавая ему руку. — Это просто невероятно! Такая встреча буквально на краю света!» Мой институтский знакомый просто остолбенел, услышав русскую речь и своё имя. Несколько секунд он с невероятным удивлением и явным недоверием, и даже с тревогой в глазах, разглядывал меня и мою яркую авиасумку с крупными литерами TWA, соображая, как реагировать на моё неожиданное и загадочное для него появление перед ним буквально на другом конце земли. Выжав из себя некоторое подобие улыбки, он осторожно огляделся вокруг и, убедившись, что никаких других людей со мной не было, пожал мою руку. «Ты что здесь делаешь? — как-то неуверенно произнёс он и снова оглянулся по сторонам. — Как ты сюда попал?»

Я коротко сообщил Алексею о своей работе в ООН, командировке в Бразилию и связанной с ней поездке по Южной Америке. Услышав это объяснение, мой старший однокашник несколько расслабился и оживился, а в ответ на мой встречный вопрос о его приезде в Чили сказал, что он приехал в Вальпараисо с советским торговым судном, на котором он теперь работал и которое в тот день разгружалось в порту. Он вместе с группой его команды был отпущен на несколько часов на берег. Его коллеги в тот момент находились в соседнем магазине, занимаясь покупками, а он вышел на улицу сделать несколько снимков. Алексей сообщил мне также, что сначала работал, а потом служил на флоте до поступления в наш институт, а после его окончания вернулся к себе в Одессу, решив продолжить работу морехода. Я пригласил Алексея зайти в кафе на чашку кофе, но тут он заторопился, сказав, что ему надо возвращаться к своим, так как они могли волноваться. Мы попрощались, пожав друг другу руки, и Алексей, где оглядываясь на меня, направился к двери соседнего магазина и исчез за ней. Оставшись один, я продолжал смотреть ему вслед, всё ещё с трудом веря в эту невероятную встречу. Даже сегодня, когда все в России, кто могут и хотят, путешествуют по всему свету, подобная встреча была бы тоже удивительной, но в советское время это было поистине невероятно! Зная наши тогдашние порядки, я прекрасно понимал неуютное состояние Алексея при нашей неожиданной встрече, которая не могла не вызывать у нас чувство определённой грусти и досады в связи с такими глупыми советскими установками по

пребыванию людей за границей.

Погуляв еще некоторое время по Вальпараисо, я сел на запланированный по времени поезд и поехал в Сантьяго. В Винья-дель-Мар, как и было условленно, в мой вагон сел Педро, с которым мы вели разговоры до приезда в столицу. Я пригласил своего нового знакомого вместе поужинать несколько позже в тот же вечер недалеко от моей гостиницы, на что он охотно согласился, и мы договорились встретиться в её вестибюле. Перед тем как разойтись, Педро сказал мне, что он и утром и вечером заметил за мной слежку — два типа ходили за мной на некотором расстоянии, пытаясь быть незамеченными. Хотя я сам этих людей не видел, я сказал Педро, что меня это не волнует, и что с этим сопровождением может быть даже безопаснее.

Приняв душ и немного передохнув у себя в номере, я ответил на телефонные сообщения, оставленные мне Пабло, который интересовался результатами моей поездки, а затем спустился вниз встретиться на ужине с Педро. Он пришёл в назначенное время, и мы посидели сначала в баре гостиницы, решая, куда лучше пойти. Буквально через несколько минут Педро снова сказал мне, что мои сыщики продолжают меня опекать, переместившись из вестибюля, где он их заметал, за нами в бар. Минут через двадцать мы уже шли с ним по городу в предложенный им ресторан, сопровождаемые сзади теми же двумя типами.

Педро предложил освободиться от нашей опеки путём резких изменений маршрута и частыми крутыми поворотами. Поскольку ему был прекрасно знаком город, он быстро, время от времени перебежками, повёл меня через хорошо известные ему дворы, сквозные подъезды и маленькие парки. Иногда мы останавливались в каком-то укромном месте и смотрели за появлением представителей охранки. Это были два пожилых субъекта в одинаковых светлых плащах, которым было нелегко за нами угнаться.

Было очень смешно наблюдать их со стороны, когда они, потеряв нас из виду, задыхаясь, останавливались у какого-нибудь перекрёстка, прохода между домами или входа в ближайший подъезд, делились мнениями о том, куда мы могли исчезнуть, и затем снова бросались искать нас по нашему следу. В основном эта игра в кошки-мышки происходила уже в кварталах неподалёку от выбранного нами ресторана, так как Педро решил проводить наш ужин без непрошеной компании.

Перед входом в ресторан мы оглянулись вокруг, но сыщиков не увидели и, довольные своим успехом, разместились в большом зале этого приятного и довольно наполненного клиентами

заведения. К концу ужина, когда мы уже пили кофе со сливками, Педро вдруг громко расхохотался и сообщил мне, что наша опека снова была с нами. Я стал рассчитываться с официантом, когда мой гость сказал мне, что оба типа тоже готовятся к выходу и сворачивают якобы читаемые ими газеты, за которыми они частично скрывали своё наблюдение за нами. Невзирая на мои колебания, он решил снова пошутить над ними и вместо обычного выхода на улицу пройти в соседнюю дверь, невидимую нашим опекунам и ведущую в туалет. Мы так и сделали. Несколько минут спустя мы вышли из туалета и через стеклянную дверь ресторана посмотрели на улицу, где оба типа в полной растерянности смотрели по сторонам, обнаружив наше загадочное исчезновение. Поскольку, как оказалось, в ресторане было два выхода на параллельные улицы, Педро повёл меня ко второму, где мы вышли на почти пустую улицу и направились без сопровождения в мою гостиницу.

Здесь мы расстались до следующего дня, утром которого мой чилийский друг показывал незнакомые мне ещё районы своего города. Перед обедом, на который я был приглашён Пабло и его женой до отъезда в аэропорт, мы с Педро тепло попрощались, обменявшись адресами. У него ко мне была всего одна просьба — прислать ему из Нью-Йорка американские джинсы. Мы с ним некоторое время регулярно переписывались, свои джинсы он получил, но сообщил, что ему пришлось заплатить за них немалую таможенную пошлину. Наша переписка прекратилась с его переходом на работу в военное ведомство.

После обеда Пабло с женой отвезли меня в аэропорт, где они мне передали небольшой сувенир для моего коллеги Мардонеса в Нью-Йорк. Я был им очень признателен за внимание и гостеприимство, которое они мне оказали, о чём я снова сообщал им в моих поздравительных открытках на Рождество. Из Сантьяго я вылетал рейсом «Люфтганзы» в Рио-де-Жанейро с остановкой в столице Парагвая Асунсьон. Оказавшись в зале ожидания аэропорта перед вылетом, я был очень удивлён тем, что почти все мои спутники говорили по-немецки. Вспомнив, что конечным пунктом назначения нашего рейса был всё-таки Франкфурт, моё удивление могло показаться неоправданным. Разговорившись с моим соседом но залу, я узнал, что почти все говорившие на немецком языке люда были чилийцами немецкого происхождения, которые большой группой летели туристами в страну своих предков. Начиная с середины XIX века Чили, где было много земли и очень мало людей, активно приглашало иммигрантов из Италии, Франции и особенно из Германии — стран, в которых был избыток рабочих рук, но мало работы. В

отличие от итальянцев и французов, которые довольно скоро растворились среди родственного им по языку и культуре местного населения, немецкие иммигранты обживали отдельные поселения, сохраняя язык, обычаи и традиции Германии.

Теперь для меня наступал ещё один новый этап моего необыкновенно интересного и увлекательного путешествия. Однако до него была короткая пауза в столице Парагвая Асунсьоне…

ОСТАНОВКА В ПАРАГВАЕ

Государство Парагвай обязано своим названием большой реке Парагвай, которая, беря начало на Бразильском плоскогорье, несёт свои воды на протяжении почти 2500 километров до впадения в Парану на границе с Аргентиной. Название самой реки Парагвай на языке индейцев гуарани означает «река-вода попугаев» (парагоа — попугай + ай — река-вода) До прихода испанцев его территорию населяло несколько индсйских племен, самым многочисленным из которых были гуарани. Они же дали название ирекe Парана, которое на их языке означает «река-море» (пара — река + ана — похожая на море). Первыми европейцами в этих землях были Алехо Гарсиа, добравшийся *туда,* в 1524 году от бразильского побережья, и Себастьян Кабот, который поднялся на территорию гуарани вверх по реке Парана. Однако эти пионеры Парагвая в тех краях только побывали, а первые поселения там были основаны в 1526–1556 годах Доминго де Ирала. Обосновавшись в форте Асунсьон, что в переводе с испанского означает «Успение», Арала начал постепенно превращать его в центр власти испанской короны на юго-востоке Южной Америки. Оттуда же были предприняты шаги по основанию таких будущих аргентинских городов, как Санта-Фэ, Коррьентес и вторично сам Буэнос-Айрес.

В 1541 году в Асунсьон прибыл первый губернатор провинции Рио-де-Ла-Плата — легендарный исследователь Америки Кабеса де Вака. В 1527–1528 годах он был казначеем трагически закончившейся экспедиции Панфило Нарваэса во Флориду. Из 300 участников этой экспедиции в живых остались только четверо, в том числе Кабеса де Вака, которые на протяжении восьми лет были рабами индейцев, работали и бродили среди индейских племен южных районов теперешних Соединённых Штатов, пока почти случайно не встретились с передовым отрядом испанцев на севере лить недавно завоёванной северо-западной Мексики. Его скитания побудили конкистадоров Де Сото и Коронадо начать экспедиции в глубь Североамериканского континента. После возвращения в Испанию Кабеса де Вака добился назначения в Асунсьон. Высадившись на побережье Бразилии в марте 1541 года, он и его отряд в течение пяти месяцев проделали страшно трудный переход в 1600 км через неисследованные земли, открыли самый крупный в мире водопад Игуасу и впервые достигли Асунсьона не водным путём, а по суше. Интриги и восстание Ирала в 1545 году привели к свержению Кабеса де Вака и его высылке в Испанию, где он был

обвинён в злоупотреблении властью и приговорён к военной службе в Африке. Он умер в нищете и забвении в 1560 году.

Вначале Парагвай стал частью вице-королевства Перу, но в XVII веке он получает статус самостоятельного вице-губернаторства, а в 1776 году, с учреждением вице-королевства Ла-Плата, Асунсьон вместе со всеми парагвайскими землями попадает в подчинение Буэнос-Айресу. Основу колониальной политики Испании в те времена здесь составляли действия по делимитации границы территории Парагвая с Бразилией для приостановления португальской экспансии путём строительства опорных пунктов и поселений, а также поощрения широкого смешения испанцев с гуарани, что создавало более прочную основу поддержки со стороны населения режима королевского правления. В демографическом плане это привело к быстрому смешению двух основных наций и их культур. Парагвай почти полностью превратился в страну метисов, большинство которых является двуязычным, говоря на испанском и гуарани.

С начала XVII века и в течение последующих более 150 лет большая территория юго-восточного Парагвая находилась в руках ордена иезуитов, миссии которого обрели такую широкую самостоятельную военную, политическую и экономическую власть, что превратились в государство в государстве. Даже совместные вооружённые попытки Испании и Португалии расчленить на части объединённую территорию поселений миссионеров столкнулись с их ожесточённым сопротивлением, что в конечном счёте вызвало изгнание иезуитов из Парагвая, а позднее и из Бразилии.

Потеря Асунсьоном своего былого влияния перед растущей силой Буэнос-Айреса вызывала постоянное недовольство и сопротивление его населения, которое в 1810 году отказалось признать провозглашение независимости Аргентины применительно к своей территории, объявив через год свою собственную независимость. Длительные пограничные споры с их соседями в 1865 году привели задиристых парагвайцев к войне одновременно с маленьким Уругваем и с гигантами в лице Бразилии и Аргентины. Несмотря на колоссальное численное преимущество трёх союзников, прекрасно вооружённая и хорошо подготовленная немецкими специалистами парагвайская армия смогла в течение целых пяти лет оказывать им ожесточённое сопротивление. Война закончилась 6-летней оккупацией Парагвая, гибелью его президента Франсиско Лопеса и половины (!) населения страны, а также аннексией ряда частей её территории Бразилией и Аргентиной. Парагвай остался в конечном счёте независимым государством только из-за

соперничества между его главными соседями-победителями. Ещё одну кровопролитную и разрушительную войну Парагвай провёл в 1932–1935 годах с другим соседом — Боливией за контроль над пограничной областью Чако. По мирному договору 1938 года Парагвай получил основную часть оспариваемой территории, а Боливии был дан выход к реке Парагвай. Любопытно отметить в этой связи, что основное командование успешными боевыми действиями парагвайской армии осуществлялось русскими белыми офицерами во главе с генералом Беляевым.

На протяжении почти всей его истории в качестве самостоятельною государства Парагваем управляли гражданские и военные диктаторы. Во время моего прилёта в Асунсьон страной уже много лет правил очередной диктатор в лице генерала А. Стреснера. Поскольку его власти отказали мне в визе, моё пребывание там ограничилось несколькими часами в столичном аэропорту. После этой паузы наступало моё долгожданное свидание с захватывающей Бразилией. Оно началось во всемирно известном красотой своих пейзажей Рио-де-Жанейро несколько часов спустя после вылета из Асунсьона.

ЗАХВАТЫВАЮЩАЯ БРАЗИЛИЯ

… Открытие Бразилии, взятие её во владение и основание в ней первых поселений были одним из ярких эпизодов в истории великих географических открытий в целом и колониальной экспансии Португалии в конце XV — начале XVI века, в частности. Самым первым европейцем, побывавшим на берегах будущей Бразилии в январе 1500 года, был Висенте Янес Пинсон, который вместе с двумя своими братьями участвовал в первом плавании Колумба в Новый Свет. Несколько педель спустя на эти новые земли вышли каравеллы другого спутника Колумба но его второму плаванью — Алонсо Охеда. Однако королевская власть Испании не предприняла каких-либо шагов по утверждению за собой открытой сё поддашгыми территории, хотя по договору Тордесильяс 1494 году между Мадридом и Лиссабоном эти районы материка попадали в сферу владения Португалии. Инициативу на этот счёт очень скоро перехватили решительные португальцы.

Вслед за открытием в 1488 году Бартоломео Диашем мыса Доброй Надежды и обнаружением Васко да Гама в 1498 году морского пути в Индию и к островам Пряностей король Португалии направил в эти земли настоящую эскадру во главе с Пе;фо Альваресом Кабралем. Выполняя навигационные инструкции самого Васко да Гамы в поисках попутных ветров и во избежание продолжительных штилей Атлантики у берегов Африки, Кабраль повёл свои каравеллы далеко на Запад, что и вывело его к берегам новой земли. Понимая огромное значение этого открытия для своей страны, он сразу же отправил один из своих парусников обратно в Лиссабон с донесением об этом событии, а сам продолжил путь в Индию через мыс Доброй Надежды. Этот южный выступ Африканского континента был назван Б. Диашем «мысом Страшных Штормов», но такое отпугивающее моряков название было изменено королём Португалии на более обнадёживающее «мыс Доброй Надежды». Португальская корона установила, что земля, открытая Кабралем, соответствовала португальской зоне владения новыми территориями по договору Тордесильяс. Лиссабон сразу же объявил о её принадлежности своему королевству и назвал её сначала Вера-Крус, то есть землёй Истинного Креста.

Известие об открытии Кабраля вызвало огромный интерес во всей Европе и привело к организации целой серии новых экспедиций к берегам Вера-Крус. Считается, что в одной из первых таких экспедиций участвовал в качестве главного

мореплавателя Америго Веспуччи, ещё до этого побывавший в Новом Свете. Это плавание началось из Лиссабона в мае 1501 года. Именно Веспуччи, проплывая вдоль побережья новой земли, осознал сё огромную протяжённость и дал первые португальские названия различным открываемым мысам, заливам и рекам, давая им, как это тогда было принято, имена святых согласно дням календаря. Предполагается, что в январе 1502 года его каравеллы вошли в залив, который местные индейцы племени тупибамба называли Гуанабара, что означало на их языке «залив, похожий на морс».

Веспуччи назвал его Рио-дс-Жанейро, в переводе с португальского означавшее «Январский залив» — в ту эпоху слово «рио» употреблялось и в значении «залив», и в смысле «река».

Поскольку в течение почти 25 лет после открытия новой громадной земли в ней не было обнаружено никаких ценных металлов и всё внимание Португалии было сосредоточено на невероятно выгодной торговле с Индией и Молуккскими островами, сё европейские соперники, особенно французы, а затем и голландцы решили быстро воспользоваться такой нерадивостью португальцев в земле Вера-Крус. Быстроходные французские корсары начали очень активно и вначале совершенно беспрепятственно вывозить оттуда ценное красильное дерево под названием «пау-бразил». Вырубка и вывоз дерева бразил быстро приобрели характер широких коммерческих операций, а само название столь популярного тогда тропического продукта довольно скоро стало ассоциироваться с названием страны его происхождения, которое постепенно вытеснило из общего употребления старое Вера-Крус в пользу звучного и экзотического Бразил, произносившегося в разных языках с некоторыми вариантами.

Самую активную эксплуатацию красильного дерева сначала стали всти французы, которые предприняли очень серьёзные усилия основать в Бразилии постоянную колонию. Инициатором этого дела выступил французский авантюрист и искатель приключений Николя де Вильганён. Приняв протестантство, он заручился поддержкой очень влиятельного государственного деятеля Франции и главы гугенотов адмирала Колиньи, а также женевского вождя протестантов Кальвина. Вильганён заверил их, что новая колония в Бразилии станет убежищем для всех гугенотов и других протестантов. Кстати сказать, слово гугенот происходит от немецкого «Eidegenossen», что означает «товарищи по клятве» — именно так немецкие протестанты, которые начали это религиозное движете в качестве протеста против католической церкви, стали называть своих единомышленников

во Франции и во франкоговорящей Швейцарии. Во французском языке это немецкое слово произносилось на свой лад, что и выразилось в его знакомых нам югенотах (на французском) и гугенотах (в русском).

В 1555 году французский король Генрих II дал разрешение на основание в Бразилии колонии, которая получила название Франс-Антарктик. Её местом был выбран сказочный по красоте залив Гуанабара, который португальцы, имевшие к этому времени уже несколько своих поселений по побережью, почему-то обошли своим вниманием. Для большей безопасности французы решили для начала обосноваться на одном из островов этой необыкновенной пейзажной бухты, на берегах которой жили довольно мирные индейцы племени тупибамба. Кстати сказать, именно с тупибамба были сделаны обошедшие тогда всю Европу самые первые рисунки и портреты коренных жителей Нового Света. Между новыми поселенцами и их местными соседями сложились дружественные отношения. Некоторые из французов, ещё ранее приплывшие туда за деревом бразил, остались жить среди тупибамба, обзавелись семьями, женясь на местных девушках, и научились свободно говорить на их языке. При прибытии новых колонистов эти французы оказали большое содействие своим соотечественникам в налаживании жизни в незнакомой земле и хороших отношений с тупибамба.

Французская колония протестантов стала расти и набирать силу, привлекая новых единомышленников в свои ряды. Однако через несколько лет её основатель Вильганён неожиданно вернулся в католицизм и стал заставлять остальных протестантов последовать его примеру. В колонии начались бунты и протесты, которые вели к её распаду. Слухи об этих тревожных событиях во Франс-Антарктик вскоре дошли до Европы и заставили новых кандидатов в сё поселенцы отказаться от планов переселения. Некоторые из протестантов, не выдерживая силовых действий Вильганёна, спали покидать Рио-де-Жанейро и уезжать в Швейцарию и Францию. Тем самым был положен конец потенциально широкой миграции населения из этих стран в Бразилию.

К этому же времени католическая Португалия вдруг осознала ту немалую угрозу со стороны Франции и протестантизма, которая возникла непосредственно в одном из помещений её собственного дома. Чтобы положить конец таким посягательствам на её владения и религию, португальцы собрали крупные силы под командованием генерал-губернатора Бразилии Мем де Са и, блокировав доступ в гавань Рио, заставили французский гарнизон сложить оружие. Для предотвращения возможных нападений или

проникновения в эти места со стороны других государств Мем де Са основал на побережье залива город, который он назвал Рио-де-Жанейро.

Другим серьёзным претендентом на владения Лиссабона в Бразилии были голландцы. В течение 60 лет (с 1580 по 1640 год) Португалия входила в состав испанской империи, то есть в этот период хозяином Бразилии была Испания, враги которой неоднократно предпринимали попытки обосноваться на этой громадной и в силу данного обстоятельства уязвимой территории бывшей колонии Португалии. Одним из них была Голландия, которая совсем недавно смогла освободиться от испанского гнёта и стала независимым государством. В 1624–1625 годах голландцам удалось захватить и некоторое время удерживать Баийю на северо-востоке Бразилии. В 1630 году голландская Вест-индийская компания снарядила целую флотилию, которая успешно захватила Пернамбуку — столицу богатого края сахарных плантаций к северу от Баийи. Под руководством назначенного компанией на пост губернатора талантливого организатора графа Мориса Нассау-Зигена её бразильская колония превратилась в процветающую землю экономических и религиозных свобод. Там велись крупные общественные работы на благо всего населения, туда приглашались известные художники и учёные из Европы для популяризации знаний о богатствах и красотах Бразилии, там осуществлялась кампания примирения между португальскими и голландскими поселенцами. Однако алчность руководителей Вест-Индийской компании побудила их не оказывать поддержку столь прогрессивным начинаниям первого губернатора, что привело к его отставке в 1644 году. При последующих губернаторах положение в Пернамбуку стало ухудшаться, португальские плантаторы окружающих земель, почувствовав слабость его новых правителей, стали поднимать против голландцев восстания, которые закончились их изгнанием в 1654 году. В 1661 году Голландия полностью отказалась от своих претензий на Бразилию.

Несмотря на то, что западная граница Бразилии как португальского владения была ограничена по договору Тордсильяс между Мадридом и Лиссабоном вертикальной линией на расстоянии 370 лиг к западу от островов Зелёного Мыса, огромное расширение её территории на запад далеко за пределы этого договорного меридиана явилось самым разительным событием становления этой новой страны в колониальный период. На северо-востоке такую экспансию начали проводить крупные местные скотоводы и плантаторы,

искавшие новые пастбища и плантации для своего скота и сахарного тростника. На севере колонии территориальное наступление активно вели миссионеры, которые в стремлении как можно раньше обратить в христианство как можно большее число индейцев уже в XVII веке основали немало миссий в районе центрального течения Амазонки. Однако самыми энергичными и дерзновенными собирателями новых территорий и проводниками португальской экспансии на Запад стали жители города Сан-Паулу и прилежащих к нему земель, получивших общее название паулистов. Для захвата новых рабов среди индейцев, а также в поисках золота, алмазов и других драгоценных камней паулисты организовывали большие экспедиции в глубь страны, известные как «бандейрас». Именно эти группы авантюристов, нередко объединявшие большие семьи, составляли целые миграционные потоки в неосвоенные новые западные земли, которые длились годами. Некоторые из них доходили до плохо контролируемых испанских владений в Перу и в Колумбии, в том числе до богатых перуанских приисков серебра и самой Боготы. В XVII веке эти отважные пионеры обследовали огромную территорию Мату-Гроссу, примыкавшую к Андийскому хребту, вели успешные наступления на пограничные области сегодняшних Аргентины, Парагвая и Бразилии, встретив серьёзное сопротивление со стороны индейцев и их покровителей иезуитов лишь в районе Ла-Платы.

Впервые чувство единения бразильцев как жителей одной страны стало формироваться в их борьбе с иностранными поселениями французов и голландцев на основе общности португальского языка, культуры, а также уклада и организации жизни в целом. В немалой мере такому единению способствовала значительная изоляция территории от окружавших её владений Испании и постоянная активная связь с Португалией. Свою роль в установлении более действенного административного контроля над страной стал перенос в 1763 году её столицы из Сальвадора на северо-западе в более центрально расположенный Рио-де-Жанейро. Серия договоров между Португалией и Испанией в 1750–1777 годах в определённой степени дала юридическое закрепление захватам «бандейрас», способствуя притоку новых волн мигрантов в эти территории и тем самым оформляя состоявшуюся географическую экспансию Бразилии почти в ее настоящем виде.

После захвата Наполеоном Португалии в 1807 году португальский королевский двор под защитой британского флота переехал в Рио-де-Жанейро. Первые попытки обретения независимости Бразилии были предприняты ещё в конце XVIII

века, но были беспощадно подавлены. Новые шаги в этом направлении были сделаны во время пребывания в стране португальского королевского двора, но тоже оказались безуспешными. После ухода французов из Португалии власть в Лиссабоне перешла в руки жёсткого режима регентства, сопротивление которому создало там революционную ситуацию. Для её погашения король был вынужден покинуть Бразилию и вернуться в метрополию. Перед отплытием он назначил регентом Бразилии своего сына Дона Педро, который под воздействием безответственного отношения к Бразилии со стороны Лиссабона и перед опасностью его собственной высылки из страны решил при широкой поддержке бразильцев объявить её независимость. Он это сделал 7 сентября 1822 года на торжественной церемонии около Сан-Паулу, а в декабре того же года был коронован императором Бразилии. Бразильская империя просуществовала до 1889 года, когда недовольные действиями императора офицерские группировки подняли против него восстание, которое привело к созданию Республики Бразилии.

Бразилия является одной из самых крупных по территории стран мира, уступая по площади лишь России, Китаю и Канаде. Она даже больше Соединённых Штатов Америки, если не считать Аляску и Гавайские острова. Опа граничит со всеми странами Южной Америки, за исключением Чили и Эквадора. В отличие от бывших испанских колоний в Америке, которые разбились на целую группу самостоятельных государств, Бразилия сохранила свою целостность, хотя попытки сё раскола предпринимались неоднократно, в том числе в ходе войны в середине XIX века за независимость сё самого южного штата Риу-Гранде-ду-Сул. В рядах армии этого штата вместе со своей бразильской женой воевал будующий объединитель Италии Джузеппе Гарибальди, успевший уже также повоевать за независимость Уругвая от Аргентины…

Наш самолёт подлетал к Рио-де-Жанейро в яркий солнечный день. Как бы желая дать возможность пассажирам подольше насладиться с воздуха необычайной красотой его капризно извивающейся береговой линии с ослепительно яркими песчаными пляжами в объятиях пенящейся морской лазури и причудливыми зелёными холмами, разделяющими город на несколько обособленных частей, пилот проделал двойной облёт этой жемчужины природы перед тем, как выйти на посадку. Даже сама посадочная полоса за неимением достаточного прямого пространства, словно испытывая притяжение со стороны вод залива Гуанабара, на своём конечном отрезке закруглялась, следуя за изгибом береговой линии.

Я остановился в гостинице, находившейся прямо в центре, пожалуй, самою известного и красивого пляжа в мире — Копакабаны. Оставив вещи в номере, из которого открывался чарующий панорамный вид на море, на пляж и часть города, я, не желая даже что-то перекусить на голодный желудок, тут же направился окунуться в изумрудные воды этого сказочного места. Надо сказать, что пляж там в то время был никак не оборудован для купающихся и отдыхающих, то есть на нём не было ни кабин для переодевания, ни теневых навесов, ни душевых или каких-то кафе, лавочек или ресторанчиков. Люди приходили на пляж уже только в купальных костюмах или в одеждах, которые их прикрывали. Всякую снедь продавали торговцы-лоточники, а всё остальное можно было получить в массе разных кафе и ресторанов, расположенных в домах через проходящую вдоль длинного дугообразного пляжа дорогу. На самой пляжной полосе, если не считать самих отдыхающих, всё оставалось так, как это, видимо, было, когда здесь жили индейцы тупибамба.

Рио-де-Жанейро, или, как его коротко и любовно называют бразильцы, Риу, природа предназначила в первую очередь для отдыха и развлечений. В нём нет крупных музеев или солидных серьёзных театров, хотя уже в те годы он восхищал взгляд смелыми, неординарными архитектурными решениями отдельных больших современных зданий и многих частных домов-вилл. Его самое выдающееся достоинство — окружающая его со всех сторон щедрая и богатая природа. Здесь много замечательных парков и привлекательных мест для туристов, которые продолжают во всё возрастающих числах приезжать сюда отдохнуть и развлечься среди его радостных и лёгких в общении жителей, которых называют кариока. Словом «кариока» тупибамба называли первых поселенцев из Португалии, которые с учётом очень солнечного климата для большей прохлады красили стены своих домов белой краской. На языке тупибамба слово «кариока» означало «белый дом», а его жителей по ассоциации эти индейцы тоже называли тем же звучным словом.

В этот первый приезд я пробыл в Рио три дня, насыщенных туристскими маршрутами, хождением по улицам и паркам, поиском немногих сохранившихся от колониальных времён памятников и, конечно же, купанием. Знакомых у меня здесь не было, а единственная посылка, которую я привёз сюда из Нью-Йорка от одного из наших дипломатов, предназначалась для советского посла. Надо сказать, что с передачей этой посылки возникла некоторая проблема из-за почти совершенно не действовавшей здесь телефонной связи. Я пытался буквально десятки раз позвонить в наше посольство из гостиницы и из

автомата, но после набора уже первой цифры раздавался гудок, говоривший о том, что линия занята. Оказывается, от этой проблемы в городе страдали все, что на деле означало практически отсутствие здесь телефона. Лишь на третий день, когда я уже должен был вылетать в новую столицу страны — Бразилиа — и перед отлётом собрался ехать в далёкое наше посольство на такси, портье нашей гостиницы, которому я поручил связаться с посольством даже в моё отсутствие, смог передать туда моё сообщение о посылке.

Новая столица Бразилии находится в её географическом центре, и решение о сё строительстве в пустынной саванне на высоте 900 метров над уровнем моря на расстоянии свыше 1000 км от Рио-де-Жанейро объяснялось стремлением правительства содействовать экономическому и культурному развитию огромных внутренних областей страны, население которой со времени появления первых европейских переселенцев продолжало и в середине XX века сосредоточиваться главным образом вдоль её колоссально протяжённой прибрежной полосы. Идея переноса столицы Бразилии в глубь страны впервые была выдвинута в 1789 году во время возникновения первого движения к обретению её независимости. К этой идее снова вернулись в 1822 году при объявлении страны империей, а с возникновением республики положение о новой столице в центральной её части было записано в конституцию. Вплоть до 1956 года попытки правительственных комиссий по выбору конкретного места для нового города оканчивались безрезультатно. На этот раз работы по определению такого места проводились совместно с американскими специалистами и тщательно учитывали целый ряд факторов: топографию местности, климат, естественный дренаж, водоснабжение, геологическую структуру и характеристики почвы, землепользование, тип требуемых инженерных работ, электроснабжение, транспорт, наличие строительных материалов, возможности для отдыха, пейзаж и взаимодействие человека с окружающей средой. До того времени никогда и нигде место для столицы не выбирали столь тщательно.

Строительство города Бразилиа началось в 1957 году при активном руководстве со стороны его главного инициатора — президента Хуселино Кубичека и стало самым выдающимся достижением его администрации, которая в целом внесла очень большой вклад в развитие экономики и инфраструктуры страны. Х. Кубичек представлял те силы бразильского общества, которые были убеждены в том, что Бразилии с её огромной территорией, большой численностью населения и богатыми природными

ресурсами было предназначено будущее великой державы. Именно эти силы стали решительными сторонниками создания новой столицы в середине 50-х годов. К её созданию Кубичек привлёк лучшие таланты градостроительства и архитектуры страны, во главе которых были поставлены соответственно выдающийся Лусио Коста и гениальный Оскар Нимейер. В ходе всех пяти лет напряжённого графика строительных работ президент страны принимал самое активное участие в рассмотрении, утверждении и осуществлении планов и проектов, обеспечивая общее руководство, для чего он регулярно встречался с ведущими специалистами и посещал зону стройки.

21 апреля 1960 года, то есть в последний год 5-летнего президентства Хуселино Кубичека, Бразилиа, хотя и не полностью завершённая, получила статус новой столицы. После её инаугурации бывший федеральный округ Рио-де-Жанейро стал штатом Гуанабара. В плане с воздуха Бразилиа имеет очертания реактивного самолёта, устремлённого на запад, символизируя движение в сторону развития глубинных неосвоенных районов страны. На месте кабины этого лайнера находится президентский дворец, символически представляющий сосредоточение рычагов управления и власти. Законодательная и судебные ветви государственного правления размещены в крыльях лайнера, как двигатели, обеспечивающие его движение вперёд.

По замыслу его творцов и во многих отношениях по его исполнению этот город — город футуристический, город будущего, город, не имевший в мире аналогов. В нём многое удивляет своей новизной и необычностью по сравнению с другими привычными для нас городами. Там, например, нет перекрёстков, т. е. улицы не пересекаются друг с другом, а уходят в тоннели или поднимаются, чтобы избежать пересечения. Поэтому там не нужны светофоры, которые регулируют движение на перекрёстках. За исключением одной улицы, на которой сосредоточены самые крупные магазины, кафе, рестораны, кинотеатры и другие места массового пользования, в Бразилиа нет тротуаров и поэтому нет пешеходов. Предполагалось, что все должны ездить на машинах, о чём во время моего пребывания там свидетельствовало отсутствие в городе какого-либо общественного транспорта.

В Бразилиа в то время не было никаких других жителей, кроме государственных чиновников и тех, кто их обслуживал. Сами жилые кварталы были задуманы и построены так, чтобы до максимума избавить их обитателей от каждодневного перемещения по городу. Каждый жилой дом представлял собой огромный многоэтажный прямоугольный квартал, построенный

по периметру вокруг соответственно огромного зелёного двора, оборудованного для отдыха взрослых и игр детей. В пределах каждого из этих домов находились магазины, рестораны, кафе, прачечные, кинотеатры, мастерские и прочие разнообразные заведения и службы, которые могут понадобиться жителям в их повседневных жизненных хлопотах и которыми здесь можно пользоваться, не выходя на улицу. Для всех прочих дел нужно было ехать на единственную торговую улицу, где, кстати говоря, всегда было очень оживлённо, — видимо, людям хотелось там окунуться в более привычную городскую жизнь.

Современная, скорее даже модернистская архитектура правительственных зданий и учреждений, расположенных в одной официальной части города, не может не поражать воображение и не вызывать восхищения. Лёгкий, ажурный президентский дворец Альвораду в окружении искусно выполненных в текучей форме бетонных колон и водных бассейнов, кажется, по желанию его гениального творца преодолел земное притяжение и парит в воздухе, заставляя каждого из смотрящих на него остановиться и задуматься, не веря глазам своим: неужели такое возможно? Необыкновенно интересны и здания двух палат Национального конгресса: соединённые вместе возвышающейся над ними прямоугольной структурой из стекла и металла их общего секретариата, они представляют собой две огромные чаши-полусферы, одна из которых — для верхней палаты — поставлена на своё основание, а вторая — для нижней палаты — перевёрнута дном вверх. А какой взлёт мысли и воображения заложен в устремлённый к небу главный кафедральный собор, находящийся там же неподалёку, побуждающий каждого входящего обращать свой взор к всевышнему! Каждое сооружение здесь само по себе уникально, но все они удивительно гармонично сливаются в фантастическую симфонию единой архитектуры в завораживающем ожерелье строгого плана всего этого невероятного города.

По замыслу главных творцов новой столицы Бразилии в ней были предусмотрены и полузагородные кварталы с индивидуальными домами-виллами, построенными в соответствии с установленными ими требованиями, одно из которых предусматривало обязательное наличие на их территории сада или парка. Для того чтобы озеленить город, поднимавшийся среди совершенно голой красноватой саваны центрального бразильского плоскогорья, туда, из-за отсутствия дорог и его удаленности, весь травянистый дерн, деревья и кусты перевозили на самолетах! Поскольку в этой жаркой и очень сухой

местности, где влажность воздуха обычно составляет всего 30 %, не было никаких рек или водоёмов, было предусмотрено создать здесь огромное искусственное озеро путём проведения очень крупных гидростроительных работ, которые обеспечили приход вода из тех могучих бразильских рек, истоки или бассейны которых находятся в районе Центрального плоскогорья. Новая столица получила водную зону отдыха и пляжи. Трудно поверить, что вся эта колоссальная стройка в основном была совершена всего за пять лет.

То, что не было предусмотрено никем, возникло диким путём уже в ходе строительства этого чуда-города: фавелы, или бидон-вилли. На его строительство сюда в поисках работы ринулись десятки тысяч рабочих-бедняков. Поскольку всё начиналось на голом месте, а рабочим нужно было где-то жить, они стали строить для себя крошечные лачуги, которые постепенно превратились в целый город, возникший ещё до появления новой столицы. Здесь среди них сначала в палатках, а затем в деревянных времянках-сараях жили и архитекторы, инженеры и другие специалисты. Но после завершения основного строительства бедные рабочие за неимением других возможностей и будучи не в состоянии переехать в построенные их руками великолепные дома, остались жить в своих фавелах, которые составили для столицы страшный по нищете и грязи город-спутник, явившись живым укором её беспрецедентному модернистскому великолепию.

На большинство людей, привыкших к традиционному типу городов и городской жизни, Бразилиа, при всём её невероятно привлекательном физическом облике, производила впечатление безлюдного холодного города, в котором человек чувствует себя неуютно и отчуждённо. Здесь страшно интересно побывать, но, как кажется, не хотелось бы жить. Может быть, это обстоятельство объясняет тот факт, что сюда, в новую футуристическую столицу, никто не хотел переезжать. Ещё в 1966ˆгоду, когда я оказался в ней на международной конференции, то есть шесть лет после её инаугурации, здесь не было ни одного правительственного министерства. Все чиновники, начиная с министров и кончая рядовыми служащими, под всевозможными предлогами затягивали переезд сюда из обжитого и лёгкого Рио. К этому времени здесь находились лишь президент и обе палаты Национального конгресса, которые пребывали в городе только в рабочие дни, а на уикенды отправлялись в Рио или Сан-Паулу. В столице не было ни одного посольства, которые вслед за МИДом Бразилии стремились задержать переселение в новую столицу. Лишь несколько лет спустя волевым решением верховной власти

правительственные учреждения были вынуждены неохотно начинать переезд.

Поскольку в Бразилиа тогда была всего только одна гостиница, а других подходящих помещений для проведения нашей конференции там ещё не существовало, мы все жили и работали в дорогом «Интерконтинентале». С учётом того, что это была вообще первая международная конференция в новой столице, бразильские организаторы делали всё возможное, чтобы её участники остались всем довольны, а само мероприятие прошло успешно. Поэтому они устраивали частые приёмы, в свободное время организовывали экскурсии, приглашали вечерами на шоу и концерты, а в один из уикендов возили на далёкую ферму, где большое хозяйство очень эффективно вели японские эмигранты.

В Бразилии традиционно было много переселенцев из других стран, особенно из Португалии, Италии и Германии. Немцы быстро выдвигались в наиболее богатую прослойку населения, в частности в южных штатах страны, где они уже давно стали крупными землевладельцами и скотоводами. Сюда приехало немало русских и украинцев, с некоторыми из которых мне довелось познакомиться и даже побывать у них дома в гостях в Рио-де-Жанейро на обратном пути. Но и в новой столице на нашей конференции в качестве местных служащих работали одна красивая русская девушка, родившаяся в Рио, и один русский из Минска. Они все без исключения с большим интересом и благожелательностью относились ко мне — человеку из Советского Союза, предлагая советы и помощь.

РАЗГОВОР С ПРЕЗИДЕНТОМ — ВОЕННЫМ ДИКТАТОРОМ

Где-то недели через две после начала конференции некоторые послы — руководители делегаций получили приглашение на приём у президента страны. В то время главой государства был генерал Кастслу Бранку, пришедший к власти в 1964 году после переворота против законного, но для военных и правых групп слитком левого, президента Гуларта. В числе приглашённых оказался советский советник из представительства СССР при ООН в Нью-Йорке, прекрасный юрист-международник Евгений Насиновский и совершенно неожиданно я сам — единственный сотрудник Секретариата из тех, кто принимал участие в конференции.

Моё приглашение на этот приём было делом рук главы протокольного отдела МИД Бразилии обаятельного Жозе Лобу, который отвечал за проведении конференции. Я познакомился с ним и его красавицей женой Норой уже в первые дни этого мероприятия. В ходе работы и в свободное от работы время мы много общались. Жозе и Нора происходили из богатых и знатных семей, были прекрасно образованы и начитаны. Мать Норы была одним из самых известных скульпторов Бразилии, работы которой можно было видеть не только там же, в новой столице, но и на зелёном газоне у здания Секретариата ООН в Нью-Йорке. Её отец в те годы был послом Бразилии в Японии. Моё знакомство с этой великолепной парой и объясняет мое появление на узком приёме у президента страны.

Мы были приглашены в президентский дворец заблаговременно до начала приёма, чтобы иметь возможность познакомиться с большей частью этого гениального творения Оскара Нимейера. Любопытно в этой связи отметить, что сам Нимейер в это время был во Франции, работая над зданием ЦК компартии в Париже, поскольку с приходом к власти режима Бранку он был выслан из сараны за открытую и активную принадлежность к коммунистической партии Бразилии. Интерьеры президентского дворца до подробностей, включая его меблировку, разработанные самим архитектором, как и его экстерьер, вызывали у посетителей искреннее восхищение своей поразительной простотой и элегантностью, были ли это зал приёмов, кабинеты, жилые комнаты, конференц-зал, помещения для отдыха или даже огромная кухня с самым современным оборудованием. Как объяснил нам проводивший экскурсию сам

Жозе, любые перемены в интерьере дворца проводились только после телефонных консультаций с Нимейером. Гениальный зодчий был неприемлем для правого режима как политик и был отправлен в изгнание, но даже его идеологические противники относились к нему как архитектору с нескрываемым благоговением.

После завершения этой интереснейшей экскурсии по президентскому дворцу Оскара Нимейера нас пригласили в предусмотренное время в зал приёмов. В зале было два входа, и перед началом самого приёма, как сообщил нам Жозе, всей группе следовало встать в линию, поскольку президент хотел познакомиться с каждым участником и обменяться с ним рукопожатием.

Ожидалось, что Бранку войдёт через правую дверь по отношению к линии гостей, и поэтому нас поставили в соответствии с протоколом но старшинству служебного положения, так чтобы самый важный из приглашённых был в этой линии первым. Так как я был самым младшим и по положению, и по возрасту среди всех остальных, мне надлежало встать в самом конце очереди.

Всего 2–3 минуты после формирования нашей линии, когда все взгляды были обращены к двери, через которую к нам должен был выйти президент, мы услышали шаги с совершенно противоположной стороны. Повернувшись ко второй двери, мы, к своему удивлению, увидели президента в сопровождении Жозе, входящими как раз там, где стоял я.

Остановившись передо мной вместе с президентом, Жозе, представляя меня, назвал мои имя и фамилию и затем по-португальски сказал президенту, что я участвую в конференции в качестве сотрудника международного Секретариата ООН в Нью-Йорке и что я из Советского Союза. Услышав это представление, президент, который оказался ниже среднего роста толстеньким человеком, протянул мне руку и сказал по-португальски, что он рад моему участию на его приёме. Я в свою очередь на португальском поблагодарил господина президента за его любезное приглашение побывать на его приёме в его великолепном дворце. Услышав мой ответ' по-португальски, президент выразил на лице немалое удивление и тут же спросил, где и сколько времени я изучал португальский язык. Получив мой ответ, он вдруг оживился и начал задавать новые вопросы чисто бытового характера: как давно я работаю в ООН, сколько времени нахожусь в Нью-Йорке, есть ли у меня жена и дети, приехала ли жена в Бразилию вместе со мной, изучают ли у нас в школах португальский язык, и ещё несколько подобных вопросов. Вместо

представления и рукопожатия у нас получилась неожиданная короткая беседа.

Вся остальная очередь, не зная португальского, не понимала, о чём мы говорили, и главное, почему президент уделил мне столько внимания. Затем, как бы спохватившись, что нужно идти дальше, президент пожелал мне успехов и начал здороваться с другими участниками с помощью Жозе. Он прошёл остальную линию очень быстро, задержавшись на разговор только со стоявшим последним в очереди шведским послом, который был генеральным секретарём нашей конференции. После этого все направились в зал с накрытым для приёма а-ля фуршет столом, где президент, находясь всё время рядом с главой конференции, но отдельно от остальных гостей, обменялся с ним тостами соответственно за успех нашего общего мероприятия и за гостеприимство бразильского руководства. Пригубив бокал вина, президент покинул зал, оставив дальнейшее проведение приёма одному из своих старших сотрудников. Уже в ходе приёма ко мне подходили некоторые другие гости и спрашивали о моём разговоре с президентом, так как все были заинтригованы относительной продолжительностью нашей беседы. Несколько участников даже полагали, что мы с ним, видимо, были знакомы раньше.

За три недели работы конференции у меня появилось немало новых знакомых и друзей, особенно среди бразильцев, у которых сама экзотичность человека из СССР в моём лице, по всей вероятности, вызывала повышенный интерес, как это было почти повсюду на Американском континенте, а моё владение португальским языком, что их тоже удивляло, к тому же облегчало общение. Благодаря этому они меня часто приглашали в свои дома или в дома и квартиры своих друзей из тех, кто уже переехал в Бразилиа, возили с собой на пикники и купание. Всё это позволило взглянуть на бразильцев и их страну как бы изнутри, увидеть устройство и течение их быта, услышать в разговорах с ними о тех проблемах, которыми живут они и их страна. Так как многие из моих бразильских коллег по работе на конференции были из Рио, то есть кариоки, то после ее завершения и нашего возвращения в старую столицу мне довелось побывать в их домах или квартирах и там. Вместе с ними и их друзьями для меня оказалось возможным увидеть не знакомые по первому посещению Рио роскошные виллы, музеи, частные клубы и другие новые интересные места, что существенно расширило мои представления и знания об этом необыкновенном городе. С рядом из них мы потом поддерживали переписку. С одной парой и одним из сотрудников местного

МИДа мы йотом неоднократно встречались в Нью-Йорке, куда супружеская пара приезжала но делам мужа, а сотрудник министерства был назначен генеральным консулом Бразилии.

После еще трёх дней в Рио-де-Жанейро я направлялся в столицу Венесуэлы Каракас. При регистрации на аэродроме в Рио я оказался в очереди за одним молодым американцем, у которого возникла проблема с перевесом багажа. Поскольку у меня был всего один довольно лёгкий чемодан и авиасумка, я предложил засчитать его перевес за мой багаж, что и было сделано. Американец был очень обрадован предложенным мной решением проблемы с его перевесом, искренно меня благодарил, и в итоге мы с ним познакомились.

Джефф оказался научным сотрудником Гарвардского университета. Он совершал продолжительную поездку по ряду стран Южной Америки с целью записи на магнитофон языков некоторых небольших племён индейцев для пополнения лингвистической фонотеки своего университета и их исследования. В его багаже было уже много произведённых записей и два увесистых магнитофона, которые иногда и вызывали проблему перевеса, если в аэропортах попадались строгие регистраторы. Его поездка и работа меня заинтриговали, и мы продолжили нашу беседу по этой теме до посадки в самолёт, в котором оказалось много свободных мест, что позволило нам сесть вместе. Он очень удивился, что я был из Советского Союза, и много меня расспрашивал про нашу страну. Он собирался пробыть в Каракасе три дня как турист, а затем отправиться к индейцам в глубины обширной Венесуэлы. Так как я тоже планировал отвести на Каракас столько же дней, мы решили делать это вместе: советский и американец дуэтом.

По пути в Венесуэлу самолёт сделал двухчасовую остановку в бразильском городе Белеме в устье самой большой реки мира — могучей Амазонки. О колоссальной силе и размере этого водного гиганта свидетельствует, помимо прочих, и такой факт; что находящийся в её устье остров Маражо по своей площади превосходит Швейцарию. Устье Амазонки было открыто в 1500 году тем же самым Висенте Пинсоном, который был первым европейцем, побывавшим на берегах сегодняшней Бразилии. Благодаря невероятной силе её течения Амазонка выбрасывает свои пресные воды на десятки километров от берега океана, что и побудило Пинсона назвать её рекой «Санта-Марии Пресного Моря».

Первое, и совсем не преднамеренное, плавание по ней проделал конкистадор Ф. де Орельяна, который в качестве заместителя Педро Писарро — тогдашнего правителя Эквадора —

в 1541 году совершал вместе со своим отрядом экспедицию из этой страны в поисках легендарного Эльдорадо. После бесплодного и тяжелейшего перехода через отроги Анд и болотистые джунгли экспедиция оказалась на грани гибели от голода и тропических болезней, что побудило П. Писарро согласиться на предложение Орельяны ему самому со своим отрядом отправиться на поиск индейских поселений, где можно было бы найти продукты питания.

Построив два небольших судна, отряд Орельяны отправился в плавание по реке под названием Мараньон. Несколько дней спустя, так и не найдя пропитания, этот отряд смельчаков был захвачен мощным водным потоком при впадении Мараньона в другую более крупную реку. Ее течете было настолько сильным, что испанцы не могли противопоставить ему силу своих вёсел, чтобы подняться назад вверх по течению. Вся окружающая их местность представляла собой совершенно непроходимые топкие болота, лишая их возможности возвращения к своим по суше. Оставалось одно — плыть вместе с мощным течением вниз в поисках еды и спасения у индейцев. Большая часть прибрежных племён оказалась очень воинственной и часто преследовала путешественников вдоль берегов, засыпая их дождём стрел, в том числе и отравленных.

В некоторых случаях в ряде встречавшихся племён наиболее смелыми и решительными проявляли себя женщины, воевавшие рядом с мужчинами. Общаясь с более мирными индейцами, Орельяна, который отличался удивительными языковыми способностями и старался усвоить языки местного населения, составляя даже специальный словарь, слышал от них, что глубже в джунглях от берегов реки жили поселения женщин, которые были очень воинственными и которые принимали у себя мужчин только раз в год. Эти рассказы вызывали у испанцев ассоциации с мифическими амазонками и подтверждали для них подлинность содержания древних мифов на этот счёт. Проделав около шести с половиной тысяч километров по постоянно вбиравшей в себя новые притоки реке и пережив страшный голод и опасности, после почти 10 месяцев от начала плавания, Орельяна с остатками своих людей вышел из устья этой громадной реки в океан и вдоль берегов континента поднялся на север, где они затем встретили на одном из островов у побережья Венесуэлы своих соотечественников.

Среди отряда Орельяны был монах Карвахаль, потерявший в этой авантюре один глаз от стрелы индейца. Карвахаль оставил довольно подробное описание плавания по самой многоводной реке мира, где он рассказал и о женщинах-амазонках, с которыми

им пришлось столкнуться во время путешествия. О них же упоминал в своём письме королю об открытии огромной реки и сам Орельяна, который в этой связи просил своего суверена дать ему разрешение на исследование и завоевание огромных земель в сё бассейне. Однако, оказавшись в Мадриде со своим ходатайством, Орельяна предстал перед судом в связи с обвинениями П. Писарро в бегстве, которое привело к гибели многих его людей по экспедиции в поисках Эльдорадо. Герой путешествия в итоге судебного процесса был оправдан и получил разрешение короля на новую экспедицию в район Амазонки, которая закончилась полным провалом и в ходе которой умер и сам Орельяна. Некоторое время после открытия им этой новой реки она носила название Мараньон по имени её истока, но после смерти сё первопроходца её стали называть Орельяна. Однако со временем более романтическое и мистическое имя «Амазонка» заменило его на картах и в описаниях…

Мне оказалось возможным видеть воды и берега Амазонки лишь из недалеко находившегося от неё аэропорта и с борта самолёта при посадке и взлёте.

В ГОСУДАРСТВЕ «МАЛЕНЬКАЯ ВЕНЕЦИЯ»

Через несколько часов после вылета с берегов Амазонки мы с Джеффом приземлились в международном аэропорту венесуэльской столицы Майкетия…

Венесуэла была открыта великим Колумбом в 1498 году, который обследовал её побережье во время своего третьего плавания в Новый Свет. В следующем году более тщательное исследование берегов этой земли провёл бесстрашный и блистательный любимец королевы Изабелы Алонсо Охеда, который до этого принял участие во втором плавании Колумба и был оставлен адмиралом Океан-моря на главной базе испанцев на острове Эспаньола (сегодняшние Доминиканская Республика и Гаити) в качестве се управляющего. Как и ряд других выдающихся спутников Колумба по его первым плаваниям, Охеда, стремясь к собственным открытиям и связанным с ними славой и богатством, организовал свою экспедицию в новые земли, которая и привела его к берегам Венесуэлы. Исследуя сё побережье, Охеда наткнулся на очень большое озеро — залив Маракайбо, где местные индейцы строили свои хижины на сваях его мелководья, передвигаясь между ними на лодках с помощью багров. Эта картина напомнила испанцам итальянскую Венецию, и они назвали данную местность Венесуэла, что по-испански означает «Маленькая Венеция».

В течение около пятидесяти последующих лет испанцы почти не проводили колонизацию этой территории, ограничивая свою деятельность лишь сё северо-восточной частью, где они занимались охотой за рабами на побережье и поиском жемчуга в водах близлежащих островов. Лишь в 1520-х годах здесь возникло первое испанское поселение. В конце этого десятилетия император Карл V, желая хотя бы частично расплатиться с долгами, которые он накопил у банкиров дома Вельзера в Аугсбурге, передал в их распоряжение северо-западную часть этой большой земли, где немцы начали осуществлять экспедиции в поисках ценных металлов и камней. Одна из таких экспедиций под руководством Николауса Федерманна, как об этом рассказывалось в разделе о приключениях в Колумбии, вышла по притокам Ориноко в долину Боготы. Немцы вели здесь свои поиски почти до конца XVI века, но ничего существенного не нашли, и тогда же эта территория снова вернулась под контроль испанцев.

Во второй половине того же столетия испанцы начали более широко основывать в Венесуэле поселения и религиозные миссии.

В 1567 году в день святого Якова (Сантьяго) на месте сожжённого поселения индейцев племени каракас Диего де Досада основал город под названием Сантяго-де-Леон-де-Каракас, а к концу XVI века в венесуэльских Андах и вдоль карибского побережья насчитывалось уже более 20 испанских поселений. Глубинные области страны в последующие два века осваивались в основном миссионерами. Всё её побережье и сама столица длительное время подвергались налётам и грабежам английских, французских и голландских пиратов. В 1577 году Каракас стал резиденцией испанского губернатора, а с 1777 года её сделали столицей генерал-капитанства Венесуэла.

В течение большей части колониального периода Венесуэла оставалась в административном подчинении у соседних территорий. Сначала она находилась под юрисдикцией Санто-Доминго, а затем была передана под контроль вице-короля Новой Гранады. Её удалённость от центров колониальной власти содействовала более высокой местной автономии. Это обстоятельство в определённой степени объясняет тот факт, что война за независимость испанских колоний в Америке началась именно в Венесуэле. Воспользовавшись захватом Испании Наполеоном, народное восстание в Каракасе в 1810 году положило начало войне за независимость, а через год Венесуэла была объявлена республикой. Однако уже в 1812 году армия идеолога независимости страны Франсиско Миранды, потерпев военное поражение, капитулировала, а власть Испании была восстановлена.

Но всего год спустя сторонники независимости во главе с блестящим полководцем Симоном Боливаром возобновили войну за освобождение. Боливар до этого провёл немало лет в Европе, где он стал очевидцем коронации Наполеона, провёл некоторое время и в столице России, ведя повсюду, как это делал его учитель Миранда в Англии и США, работу в пользу освобождения своей страны от испанского господства. Оп руководил страшно кровавой и разрушительной войной против Испании до её победного завершения в 1821 году. К этому времени страна потеряла почти четверть своего населения, её экономика была полностью разрушена, а общество стояло на грани дезинтеграции. В течение девяти лет Венесуэла вместе с освобождёнными тем же Боливаром Колумбией и Эквадором входила в состав Республики Великая Колумбия, но против желания её освободителя сторонники полной самостоятельности Венесуэлы во главе с генералом Хосе Паесом взяли верх и объявили её отдельным государством.

Последующая история Венесуэлы характеризовалась длинной

вереницей военных переворотов и диктатур, сменявших друг друга и избранных президентов. Её экономика строилась на скотоводстве, производстве сахара, табака и кож, находившихся в руках крупных латифундистов. Во втором десятилетии XX века здесь началась добыча нефти, которую вели иностранные компании, и уже к 1928 году Венесуэла стала её вторым мировым производителем и первым экспортёром, что стало важнейшим фактором сё последующего развития.

Военные перевороты продолжались там и после Второй мировой войны вплоть до наших дней. Хотелось бы в этой связи привести два любопытных примера. Так, на выборах в 1947 году на пост нового президента подавляющим числом голосов был избран самый крупный писатель страны, заслуженно пользовавшийся мировой известностью, особенно за роман «Донья Барбара», Ромуло Гальегос, которому удалось продержаться в этом качестве всего девять месяцев, когда он был отстранён от власти очередным военным переворотом. В январе 1991 года в ООН состоялся первый в истории саммит Совета Безопасности, в котором в качестве его непостоянного члена принимала участие и Венесуэла в лице сё тогдашнего президента Переса. Меня как испано-говорящего сотрудника политического департамента Секретариата назначили сопровождать президента Венесуэлы в ходе саммита. На другой день, уже находясь на научной конференции в Монреале, я услышал в телевизионных новостях сообщение о том, что президент Перес был свергнут в результате военного переворота, во главе которого стоял генерал Уго Чавес. Тоща Чавес не удержался у власти, но после того, как он завоевал пост президента на последующих выборах, против него был тоже устроен переворот, когда Чавес был арестован, но через несколько дней сумел вернуться в президентский дворец благодаря решительной поддержке своих сторонников…

Прибыв в Каракас, мы с Джеффом решили остановиться в одной гостинице, что было удобнее для наших совместных экскурсий по городу. При регистрации в отеле оформлявший для нас номера администратор не мог поверить, узнав, что я из Советского Союза. В Венесуэле, что случалось почти повсеместно в Южной Америке, появление человека из СССР в те годы воспринималось почти как приземление инопланетянина. Вместо того чтобы нормальным порядком завершить процедуру регистрации, администратор, несколько растерявшись, отправился сообщить об этой «сенсации» своему начальнику, который через пару минут возник перед нами вместе с 5–6 своими сотрудниками с радостными словами приветствий и удивления: никто из них никогда русских из Советского Союза не

видел. После короткого сеанса их вопросов и моих ответов относительно СССР, ООН и плана посещения Каракаса главный управляющий распорядился предоставить мне один из лучших номеров по цене зарезервированной мной ранее комнаты, выразив при этом готовность оказать всяческое содействие в организации экскурсий и ознакомлении с городом.

В этой суматохе вокруг меня Джефф с большим любопытством наблюдал за всем происходящим, ожидая своей очереди на регистрацию по соседству в кресле вестибюля. Когда со мной было закопчено, я представил столпившимся вокруг прилавка венесуэльцам своего нового американского друга, что вызвало в них ещё одну волну изумления: советский и американец как друзья путешествуют вместе в их стране! В атмосфере этого эмоционального ажиотажа наконец-то оформили и Джеффа, предоставив ему такой же, как и мне, номер и за ту же цену. Все были очень довольны. После короткого отдыха мы с Джеффом отправились обедать и осматривать город, получив предварительно самые полные сведения относительно местных ресторанов и прогулки но Каракасу от администратора гостиницы.

Столица Венесуэлы расположена в очень красивой узкой долине, окружённой с двух сторон отрогами гор и большой впадиной с западной стороны на высоте почти 1000 метров над уровнем моря. Приятный и здоровый климат дал Каракасу известность как «городу вечной весны». В соответствии с традицией колониальных времён его старая часть сохранила правильную сетку улиц. Уже к началу XIX века очень сильные землетрясения разрушили большую часть зданий и узких, мощёных камнем улиц, которые когда-то являли собой лицо этого города. Одно из сохранившихся строений XVII века — собор, находящийся на его центральной площади Пласа Боливар. Вызывало удивление большое число новых больших зданий лёгкой современной архитектуры, обилие прекрасных дорог и магистралей, парадных ансамблей деловых офисов и учреждений, жилых комплексов и даже двух башен-небоскрёбов.

За время нашего пребывания нам удалось посетить основные достопримечательности Каракаса, в том числе Музей изящных искусств, построенный Оскаром Нимейером, Национальный пантеон, Капитолий, Музей Боливара и его Дом-музей, Музей колониального искусства и университетский городок. При строительстве расширяющегося Каракаса за последние десятилетия в него прибывали массы рабочих, которые плотно заселили окружающие его холмы, создав здесь целые поселения трущобных лачуг, остающихся спутниками этого в целом

современного и красивого города, несмотря на серьёзные усилия правительства разместить их население в благоустроенных и недорогих домах. Особенно интересными для меня были посещения Музея и Дома-музея Симона Боливара, где сохранилось много личных вещей этого освободителя большей части испанской Южной Америки, документов, связанных с его яркой и довольно короткой жизнью, блистательными военными походами и политической деятельностью, а также трагической смертью на карибском побережье Колумбии.

Три насыщенных дня пребывания в Каракасе подошли к концу. Мы по-дружески попрощались с Джеффом, которого ждало интересное путешествие к индейцам, а я, завершая свою необыкновенно увлекательную поездку с приключениями по Мексике и Южной Америке, возвращался к семье и работе в Нью-Йорк, обогащённый новыми знаниями и богатейшими впечатлениями.

Однако рассказанное выше получило свое продолжите, когда через некоторое время я вновь оказался в Южной Америке, где меня ждали новые необыкновенные приключения…

СНОВА В БРАЗИЛИИ, НО С ЗАДЕРЖАНИЕМ

…Три года спустя меня направили вновь на международную конференцию в Южную Америку. На этот раз её проводили в столице Чили. Вместе со мной на неё же ехали ещё двое моих коллег — мой товарищ Евгений Кочетков и англичанин Стивен. Мы решили путешествовать вместе и согласовали наш маршрут: Рио-де-Жанейро, Монтевидео, Буэнос-Айрес, Сантьяго, а на обратном пути Гуаякиль и Кито в Эквадоре. Исходя из этого плана, мы стали заказывать необходимые визы, хотя, как оказалось, нашему английскому коллеге визы требовались не везде.

На одной из наших довольно частых встреч с моим бразильским другом Зезиньо де Андраде, который к этому времени стал генеральным консулом своей страны в Нью-Йорке, я сообщил ему о моей поездке и намерении снова побывать в Рио, упомянув, что я и мой советский спутник собираемся через паспортную службу ООН подать бумаг и для получения бразильской визы. Услышав об этом, Зезиньо заверил меня, что для моего коллеги он ускорит получение его визы через свой МИД, а что для меня виза будет не нужна, так как он договорится об этом с Консульским управлением министерства, которое даст соответствующее указание службе паспортного контроля в аэропорту Рио. Получив эти заверения, я не стал подавать визовую заявку для въезда в Бразилию и в назначенный день вылетел туда с моими коллегами без визы.

В Рио-де-Жанейро мы прибыли около шести утра в невероятно жаркую погоду, что мы сразу же ощутили, выйдя из самолёта на лётное поле. В здании терминала шёл капитальный ремонт, воздушное охлаждение не работало, а во всех ремонтируемых помещениях было нелегко разобраться. Когда мы добрались до стойки паспортного контроля, мои коллеги пропустили меня вперёд на тот случай, чтобы меня поддержать, если у меня возникнут проблемы из-за отсутствия визы.

Я подошёл к пограничнику и, подавая свой паспорт ООН, любезно поприветствовал его на португальском языке. Увидев, что я иностранец, он также любезно ответил мне традиционным «Добро пожаловать в Бразилию», но уже через 2–3 минуты после внимательного изучения моего паспорта он, видимо, понял, что с этим приветствием он несколько поспешил. Не найдя среди массы других виз на страницах паспорта бразильскую визу, чиновник спросил меня, где она проставлена. Мне пришлось ответить, что визы у меня нет, и дать целое объяснение со

ссылками на разговор с генеральным консулом Бразилии в Нью-Йорке и на его заверения, что моё разрешение на въезд в страну будет передано через МИД на паспортный контроль аэропорта. Выслушав с изрядной долей недоверия мой рассказ, пограничник сказал, что никакого указания на мой счёт он не получал и что со мной нужно будет разбираться отдельно.

Поскольку в этот ранний час был только один прибывший самолёт, и этот служащий был один на проверке паспортов, за мной выстроилась длинная очередь, нетерпеливо ожидавшая выхода в город после утомительного многочасового перелёта. Чтобы пропустить остальных пассажиров, чиновник попросил меня выйти из очереди и встать за условную открытую загородку, видимо, специально предусмотренную для тех, кто оказывался в подобной ситуации. Я переместился в указанный мне отсек, освободив место для моих спутников. Каждый из моих коллег, пройдя проверку, пытался подтвердить правдивость моего объяснения, но это не помогло. Проявляя дружескую солидарность, и за отсутствием другого места, мои спутники встали за загородку вместе со мной, ожидая разрешения моего положения. Когда все пассажиры прошли, пограничник подошёл ко мне и, задав ещё несколько уточняющих вопросов относительно цели моего приезда в Рио, о месте моей работы и дальнейшем маршруте, сказал, что он должен доложить обо мне своему начальству, и ушёл.

Мы остались ждать его за загородкой. Прошло минут 20–30, но никто не появлялся. Тоща я решил пойти разыскивать этого пограничника или какого-нибудь начальника сам. Так как никаких других барьеров для моего выхода из-за загородки дальше не было, я оставил моих коллег заложниками и направился во внутренние помещения терминала. Все пассажиры к тому времени его покинули, а служащих аэропорта почти не было видно. Миловав несколько пустых помещений, я обратился к проходившему человеку в форме с просьбой сказать мне, где я могу найти какого-нибудь ответственного сотрудника службы паспортного контроля. Служащий, улыбаясь, сообщил мне, что в это время я могу найти почти любого начальника и сотрудника в кафетерии, где сейчас все пьют кофе. Он добавил, что видел нужного мне человека только что там, и объяснил, за каким столом он сидит и как выглядит. Вооруженный этой важной информацией, я направился прямо в кафетерий.

Следуя полученным описаниям, я подошёл к столу, за которым должен был бы находиться нужный мне начальник, и увидел здесь того служащего, который меня задержал на контроле. Он, по всей вероятности, или обо мне забыл, или не

спешил с обсуждением моего дела со своим руководителем, так как, узнав меня и при этом совершенно не удивившись моему появлению в кафетерии, стал только теперь ему обо мне рассказывать. Начальник службы тут же предложил мне сесть за их стол и заказал мне кофе. Он выслушал сообщение своего подчинённого о моём деле, во время которого тот отмстил моё задержание в специальном отсеке за загородкой. Однако начальник службы в свою очередь тоже не спросил меня, почему я покинул место моего задержания и пришёл к ним в кафетерий. Вместо этого, явно заинтересовавшись скорее моей личностью как советского человека, нежели проблемой моей попытки незаконным образом въехать в Бразилию, он стал расспрашивать меня о России, о нашей жизни, о моей работе, об ООН и всяких прочих банальных вещах. Исчерпав свой интерес в таких общих вопросах, он поделился комментариями в отношении моего рассказа со своим подчинённым, а потом, оставшись, видимо, довольным нашей беседой и словно спохватившись, вернулся к главному вопросу нашей неожиданной встречи.

Начиная обсуждение моего дела, начальник службы паспортного контроля принял вдруг серьёзный вид и перешёл на холодный тон бюрократа, рассматривающего дело о нарушении закона страны. Констатируя факт закононарушения с моей стороны, он проиллюстрировал его соответствующей выдержкой из книжки, которую он, по всей вероятности, на службе всегда носил с собой, где чёрным карандашом была подчёркнута предусмотренная в таких случаях мера наказания: штраф в размере нескольких сот долларов или до 5 суток тюремного заключения с последующей высылкой из Бразилии самолётом бразильской авиакомпании в более отдалённую после ближайшей по маршруту страну. Зачитав это наказание, начальник службы паспортного контроля передал книжку мне для прочтения меры наказания собственными глазами.

Я удостоверился в истинности этого положения и спросил моего собеседника, нельзя ли что-то сделать в порядке моего наказания по-другому с учётом всей истории и того факта, что я уже бывал в Бразилии раньше и даже имел честь быть на приёме во дворце президента страны и беседовать с ним. Надо сказать, что ссылка на президента-генерала заинтересовала начальника службы, так как он сразу смягчил тон и, услышав ответы на свои уточняющие вопросы по этому факту, задумался над тем, как со мной поступить, и снова заглянул в сборник законоуложений. Затем он поднял на меня свой взгляд и с полусерьёзным видом сказал, что у него есть для меня предложение. Я весь напрягся для заслушивания моего возможного приговора и в поисках

молчаливой поддержки взглянул на задержавшего меня служащего аэропорта.

Закурив очередную сигарету, начальник сообщил мне, что, принимая во внимание все смягчающие обстоятельства, он разрешит мне въезд в Рио-де-Жанейро без права выезда за черту города на три дня вместо планировавшихся мной пяти при условии, что я должен будут выехать из Бразилии не на американской авиакомпании согласно моему билету, а на бразильской, и вместо более близкого Монтевидео в Уругвае мне нужно будет лететь в Буэнос-Айрес. В случае нарушения этой договоренности будет применено по крайней мере то наказание, от которого меня тогда освобождали, то сеть до 5 дней тюрьмы или денежного штрафа. Я с готовностью согласился на такой серьёзно смягчённый вариант моего наказания, тут же получил соответствующий штамп в моем паспорте, переданном мне задержавшим меня служащим, горячо поблагодарил обоих бразильцев за проявленное ко мне снисхождении и быстро направился в отсек задержания, где меня уже заждались мои коллеги, гадавшие всё это время, что со мной происходит и чем кончится вся эта авантюра. Услышав моё сообщение о вердикте бразильских властей, они не могли поверить, что мне удалось так легко выпутаться из этой истории.

Получив чемоданы, мы должны были ещё задержаться за прилавком бразильской компании «Вариг», где мне следовало переделать мой билет согласно состоявшейся договорённости на Буэнос-Айрсс. Мой друг Евгений решил разделить со мной вынесенное мне наказание и переделать свой билет тоже, чтобы продолжать наше путешествие вместе, но Стив предпочёл не менять первоначальный план и остаться в Рио на пять дней. Оформив новый маршрут, мы поехали в свою гостиницу на Копакабане и, разместившись, сразу направились на пляж. В гуляньях и в туристских поездках по городу наши с Женей три дня в великолепном Рио пролетели невероятно быстро, и наступило утро нашего вылета в Буэнос-Айрес.

Подойдя к огромному табло с расписанием вылетов самолётов в аэропорту Рио до прохождения регистрации, мы заметили, что наш показательный рейс в Буэнос-Айрес отправлялся минут на 40 позже нашего изначально запланированного ежедневного рейса «Панамэрикан» в Монтевидео. Меня посетила дерзкая соблазнительная мысль переоформить наши билеты снова на Монтевидео и избежать пролёта мимо него на пути в Буэнос-Айрес, а затем нового перелёта в обратном направлении в столицу Уругвая, что к тому же было связано не только с лишними неудобствами, но и с

необходимостью покупки дополнительных билетов из Аргентины в Уругвай и обратно. Я поделился этим планом с Женей, который после некоторых размышлений пришёл к выводу, что так было бы значительно лучше, за исключением неопределённости относительно невыполнения мною договорённости со службой паспортного контроля аэропорта и связанными с этим возможными неприятными последствиями.

Мы конспиративно оглянулись вокруг, изучая глазами людей в форме, пытаясь определить присутствие среди них тех служащих, которые имели со мной дело три дня тому назад. Не увидев никого из них, мы решили, что их на выезде и не должно быть, поскольку они занимались паспортным контролём при прибытии пассажиров. Обрадовавшись сделанному нами выводу, мы решительно направились к прилавку «Пан Американ» и, вновь убедившись, что моих опекунов или каких-либо стражей порядка в форме вокруг не было, переделали билеты на Монтевидео, сдали чемоданы и направились к выходу на только что объявленную посадку.

От терминала к самолёту нужно было идти пешком метров 150, и, смешавшись с толпой других пассажиров нашего рейса на лётном поле, мы начали между собой весело комментировать нашу удачу в обход договорённости с паспортной службой аэропорта. Мы остановились у подножия трапа для входа в самолёт, ожидая своей очереди, когда я вдруг почувствовал, что какая-то мощная сила мгновенно подняла меня вверх за шею вместе с воротником рубашки и стала разворачивать всё моё тело в сторону оставшегося сзади терминала. Когда мои глаза оказались с той стороны, где до этого стоял в очереди Женя, я, к своему ужасу, увидел, что он, подобно мне, тоже висит приподнятый за шею в воздухе чьей-то могучей рукой. Приземлившись на ноги и потирая сдавленное молниеносной операцией шеи, мы увидели около себя двух громадных негров-великанов, которые дуэтом уже выражали нам свое возмущение нашим безобразным поведением, хотя фактически оно должно было бы касаться меня одного, но из-за солидарности отразилось и на совершенно невинном Евгении. Дав нам полминуты отдышаться от применённого силового приёма, бразильские гренадёры, снова взяв нас за шиворот, но уже гораздо мягче, направились вместе с нами обратно в терминал, вызывая нескрываемое удивление других шедших к нашему самолёту пассажиров и служащих аэропорта.

Доведя нас таким способом до какой-то комнаты в здании терминала, они нас отпустили перед незнакомым нам человеком в форме, сидевшим за скромным письменным столом. Предложив

нам сесть, незнакомец поблагодарил наших часовых и попросил их подождать нас в коридоре. Без всяких проволочек он сразу же перешёл к изложению в мой адрес претензий паспортной службы в связи с нарушением нашей договорённости относительно вылета в Аргентину на самолете бразильской авиакомпании и напомнил мне о возможном применении первоначально отменённой меры наказания штрафом или 5 днями тюремного заключения.

Я сразу сказал, что поскольку мы должны через несколько дней быть на конференции ООН в Чили, я бы предпочёл заплатить какой-то штраф, хотя денег у меня было немного, и они были мне нужны для проживания в Сантьяго и на обратный путь. Услышав про ООН, служащий аэропорта спросил про конференцию, про саму эту Организацию и даже про Советский Союз. Отвечая с облегчением на его вопросы, я даже умудрился упомянуть о моём предыдущем посещении Бразилии и о встрече с президентом Бранку в его президентском дворце в столице Бразилиа в расчёте показать отсутствие с моей стороны злого умысла по отношению к стране и смягчить ожидаемое наказание. Весь этот разговор продолжался минут 10–12.

Я посмотрел на часы, прикидывая, сколько времени оставалось до вылета самолёта «Пан Американ», в который уже должны были погрузить наши чемоданы. Мой собеседник, поймав мой взгляд, тоже посмотрел на часы и сказал, что до переоформления наших билетов в Буэнос-Айрес на «Вариг» остаётся не так много времени, и что билеты мы будем переделывать в присутствии тех же двух охранников, которые доставили нас к нему, «На первый раз, — подчеркнул он, улыбаясь и поднимаясь из кресла с протянутой для пожатия рукой, — мы вас прощаем. Счастливого пути в Аргентину на «Варите». У нас хорошая авиакомпания, вам должна понравиться. До свидания». Доброжелательно попрощавшись, служащий вызвал наших часовых и инструктировал их проводить нас для переоформления билетов. Я не мог поверить своим ушам, что снова отделался так легко от местных властей, и что обошлось даже без штрафа. Уже в дверях я вспомнил про наш багаж, сданный на «Пан Американ», но наш хозяин заверил нас с лукавой улыбкой, что наши чемоданы до самолёта этой компании не дошли и ждут нас за прилавком «Варига» для оформления на Буэнос-Айрес.

В сопровождении двух гренадёров, как две важные персоны, мы прошествовали к стойке бразильской авиакомпании, переоформили билеты в соответствии с полученными указаниями и убедились, что наши чемоданы едут с нами в Буэнос-Айрес.

Почти сразу же мы отправились на посадку под наблюдением наших часовых, которые расстались с нами только у самого трапа, когда мы начали подниматься по нему в самолёт.

При входе в салон самолёта нас ожидали два сюрприза. На первом же кресле первого ряда сидел наш аргентинский коллега по Секретариату Карлос дель Пьерре, который летел из Нью-Йорка на ту же конференцию в Чили, что и мы, но с заездом на несколько дней на свою родину в Мендосу на самом западе Аргентины. Второй сюрприз уже играл и танцевал по всему салону самолёта. Оказалось, что мы попали на частичную репетицию концерта тогда очень популярного испанского певца Рафаэля, который вместе со своими музыкантами и подпевающими ему красивыми девушками летел с концертами в Аргентину. Их первое выступление должно было состояться сразу после прилёта в Буэнос-Айрес прямо на большой площади перед терминалами аэропорта. Пользуясь часовой остановкой самолёта в аэропорту Рио, группа Рафаэля решила провести репетицию перед прилётом в столицу Аргентины. Так что наш полёт в Буэнос-Айрес начался с весёлого концерта, который иногда возобновлялся во время почти всего полёта, правда, уже без танцев в коридоре между рядами. Впереди нас ждала «Страна Серебряная» — родина Сан-Мартина, танго и Че Гевары.

«СТРАНА СЕРЕБРЯНАЯ»

Название страны «Аргентина» непосредственно связано с серебром как по самому значению этого слова (от латинского argentum — серебро), так и по истории поиска этого металла в занимаемой ею части Южной Америки — название, которое в ходе становления данного государства несколько раз менялось, но сохраняло при этом упоминание о серебре…

…Среди историков до сих пор нет единого мнения относительно того, кто первым из европейцев побывал на берегах сегодняшней Аргентины. Одни считают, что пальма первенства в этом открытии принадлежит Америго Веспучи, который во время плавания вдоль Южноамериканского континента в 1501–1502 годах заходил на своих каравеллах в огромное устье Ла-Платы. Другие специалисты приписывают эту честь испанскому мореходу Хуану Диасу де Солису, который в 1516 году поднялся вверх по этой невероятно широкой в самом нижнем её течении реке, что и побудило его назвать её «Пресным морем». В ходе этой экспедиции Солис и большая часть его команды погибли в результате нападения на них местных индейцев, некоторые пропали в этой дикой местности, и лишь немногим удалось вернуться домой в Испанию. Возможно, Америго Веспучи и не бывал у берегов Аргентины, но история доподлинно свидетельствует о том, что он сыграл важную роль в направлении экспедиции Солиса, а четыре года спустя — и эпохального плавания самого Магеллана в поисках пролива из Атлантики в Тихий океан у берегов Южной Америки. Магеллан зарегистрировал своё посещение «Пресного моря» в 1520 году, а в 1526 году подробным исследованием этого обширного речного бассейна занялся великолепный мореплаватель и первопроходец Себастьян Кабот.

Во время плавания в местных водах группа Кабота на острове Катарина наткнулась на двух выживших членов экспедиции Солиса, которые своими рассказами о несметных богатствах здешних земель распалили еще больше уже и без того возбуждённое воображение своих соотечественников, которые усматривали в нахождении драгоценных металлов и камней главную цель своих опасных и трудных заморских авантюр. Следуя из «Пресного моря» вверх по течению незнакомой широкой реки, Кабот открыл ещё два ее огромных притока, которые индейцы самого крупного в этом районе племени гуарани называли соответственно Парана и Парагвай. В этой местности он решил заложить опорный пункт под названием

Санкти-Спиритус (Святой Дух). В своих донесениях императору Карлу V Кабот, опираясь на собранные сведения, щедро расписывал богатства открытых им новых земель, в которых якобы находилась целая серебряная гора и жили невероятно богатые люди, в подтверждение чего он посылал в Испанию образцы найденных там серебряных изделий. Это были сообщения, которых с нетерпением ждал и сам глава Великой Римской империи, накопивший массу долгов из-за своих бесконечных войн с Францией и турками. На основании этих оптимистических описаний Карл V решил учредить в этом богатом крае пограничную провинцию (аделантазго) под названием Рио-де-Ла-Плата по имени главной реки, которое он же и присвоил ей — Ла-Плата, что по-испански значит «серебро».

Надо сказать, что заход Кабота вверх по Ла-Плате и её притокам был серьёзным отклонением от того маршрута, которому он должен был следовать изначально: пройти вслед за Магелланом из Атлантики в Тихий океан к островам Пряностей Индонезийского архипелага. Однако рассказы о больших богатствах внутренних областей континента за Ла-Платой и связанные с ними надежды на возможности быстрого обогащения себя и короны оправдывали в глазах Кабота и многих других первооткрывателей подобные изменения их планов. Продолжая поиски неуловимых богатств, экспедиция Кабота застряла в этих краях на целых три года, когда при подготовке к очередному походу в поисках легендарного местного Эльдорадо под названием «очарованного города Цезарей» его форт Санкти-Спиритус был сметён при нападении индейцев, а он с остатками своего отряда был вынужден отплыть в Испанию.

Несколько лет спустя Франсиско Писарро успешно завоевывает богатейшую империю инков, посылая невиданные потоки золота и драгоценностей в королевскую казну из глубин Южной Америки и разжигая аппетиты обретения богатства и славы в ее ещё не открытых или не освоенных землях у многих испанских аристократов и бедняков. В 1535 году представитель одного из самых именитых и богатых родов Кастильи Педро де Мендоса добивается разрешения Карла V на снаряжение за свой собственный счёт самой крупной экспедиции в Новый Свет с целью заселения земель бассейна Ла-Платы и защиты их от посягательств Португалии со стороны её расширявшихся владений в Бразилии. Именно Мендосе выпала честь основать в 1536 году на южной стороне устья Ла-Платы поселение под длинным церковным, как тогда было принято у католиков, названием «город Нашей Богоматери Святой Марии Доброго Ветра» (Nuestra Senora Santa Maria del Buen Aire), или Буэнос-

Айрес. Однако отсутствие снабжения, постоянные нападения индейцев и серьёзная болезнь вынудили Мендосу уже в следующем году отплыть в Испанию, но до пиренейских берегов он не доехал, расставшись с жизнью во время перехода через Атлантику.

Несколько месяцев после отъезда Мендосы два его заместителя, оставленных им в Буэнос-Айресе, Хуан де Айолас и Доминго де Ирала, решили сами попытаться обнаружить прославленные богатства новых земель и отправились в длительную и опасную экспедицию на расстояние свыше 1500 км от своей базы вверх по Ла-Плате и затем по реке Парагвай. Весь отряд Айоласа пропал без вести во время этого труднейшего похода, а Ирала сумел добраться до слияния Парагвая с ещё одной крупной рекой — Пилкомайо, где основал город Асунсьон, что по-испански значит «Успение». По сравнению с голодными условиями и враждебным окружением воинственных индейцев в Буэнос-Айресе Асунсьон имел тогда немало преимуществ, что и побудило немногих остававшихся в городе Доброго Ветра поселенцев перебраться в более привлекательное и надёжное «Успение». В течение целого ряда последующих десятилетий Асунсьон выполнял роль главной базы в завоевании и заселении северных областей сегодняшней Аргентины. Сам Буэнос-Айрес был возвращён к жизни в 1580 году, когда Хуан де Гарай привёз туда часть колонистов из Асунсьона.

Будущая столица Аргентины, как и все северные области этой страны, долгое время не получали переселенцев из самой Испании и росла в основном за счёт мигрантов из окружавших их территорий в Чили, Перу и Парагвае. Это объяснялось отсутствием таких крупных богатств и полезных ископаемых, какими к себе притягивали Мексика и Перу, относительно низкой плотностью населения индейцев, которых можно было бы использовать в качестве бесплатной рабочей силы, а также запретом на прямую торговлю с Испанией — главного потребителя продуктов колоний. Поэтому неудивительно, что к концу первой четверти XVIII века население Буэнос-Айреса всё ещё не превышало 2200 человек.

Вплоть до 1776 года Аргентина оставалась полузаброшенной провинцией вице-королевства Перу, но после учреждения в том же году нового вице-королевства Ла-Плата, включавшего территории сегодняшних Аргентины, Парагвая, Уругвая и южной части Боливии, со столицей в Буэнос-Айресе, начинается её постепенное экономическое развитие, сопровождаемое заметным ростом населения.

Движение за независимость Аргентины, как и в большинстве

испанских колоний, было ускорено захватом их метрополии Наполеоном в 1808 году с последующим изгнанием её правящего короля, место которого занял брат Наполеона Жозеф. В 1810 году в Буэнос-Айресе было создано автономное правительство для управления вице-королевством Ла-Плата от имени изгнанного короля до реставрации его власти, что было скорее актом лояльности к прежнему режиму, а не декларацией независимости. Однако после реставрации королевского правления действия короны в Аргентине вызвали там такое недовольство, что уже в 1816 году Национальная ассамблея, созванная для рассмотрения сложившихся отношений с Мадридом, объявила страну независимой под названием Объединённые Провинции Рио-де-Ла-Плата.

Однако сторонники королевского режима, особенно в северных областях республики, в течение нескольких лет оказывали ожесточённое сопротивление новой власти, получая сильную поддержку от своих единомышленников в Перу. Решение этой проблемы было найдено выдающимся аргентинским полководцем и освободителем Хосе де Сан-Мартином, который, совершив исторический переход из города Мендосы через Анды в Чили в 1817 году, помог чилийским патриотам завоевать собственную независимость, а затем, высадившись со своей флотилией на побережье Перу, начал освобождать от испанского правления и это вице-королевство. Это движение было завершено в 1824 году великим венесуэльским освободителем Симоном Боливаром.

Правительство Буэнос-Айреса делало всё возможное для сохранения территориальной целостности бывшего вице-королевства Рио-де-Ла-Плата, но постепенно её крупные составные части стали откалываться в самостоятельные государства, что и привело к созданию Парагвая в 1814, Боливии в 1825 и Уругвая в 1828 году. Даже сама оставшаяся Аргентина вплоть до 80-х годов XIX века неоднократно оказывалась под угрозой внутреннего распада из-за нерешённости вопроса об отношениях Буэнос-Айреса с остальными частями страны. Именно вслед за решением этой трудной национальной проблемы началось её бурное экономическое развитие. Вслед за первоначальным названием страна называлась Аргентинской Республикой, Аргентинской Конфедерацией и затем получила своё сегодняшнее название Аргентинской Республики, ставшей после Первой мировой войны одной из наиболее зажиточных стран Латинской Америки. Как и в большинстве этих стран, в Аргентине законно избранные правительства многократно сменялись военными диктатурами…

Такая очередная диктатура правила этой страной, воща мы с моим другом и коллегой Женей Кочетковым вместе с певцом Рафаэлем и его музыкальной группой на самолёте бразильской компании «Вариг» приземлились в центральном аэропорту столицы Аргентины. Выходя на аргентинскую землю вслед за отправлявшейся на концерт перед уже ревевшей толпой группой Рафаэля, мы с Женей совершенно не подозревали, что нас с ним тоже встречали. С двумя встречающими нас в штатском мы неожиданно познакомились при заполнении анкет на въезд перед паспортным контролем. Кстати, кроме нас двоих, такие анкеты больше никто из прибывших не заполнял, так что, когда мы увидели перед собой две незнакомые фигуры, в зале перед пропускными кабинами больше никого не было. Незнакомцы, не представляясь, спросили нас, являемся ли мы носителями фамилий, которые один из них, хотя и искажённо, но узнаваемо произнёс. Мы признались, что это наши фамилии, после чего представители, как было очевидно, соответствующих местных служб придвинули к нашему столу два недалеко стоявших стула и, устроившись перед нами, начали разговор с уточняющих наши личности вопросов. Они спрашивали, откуда и как надолго мы приехали, куда направляемся дальше, где мы живём и работаем, что нас интересует в Буэнос-Айресе, где собирались остановиться и с кем намеревались общаться. Ответив на заданные вопросы, мы заверши представителей властей, что прилетели как туристы всего на пару дней и никаких встреч с местными жителями не планировали.

Выслушав нас, наши собеседники посоветовали нам отказаться от планов посещения города по соображениям нашей безопасности, так как положение в нём было неспокойно, на улицах происходили демонстрации и столкновения разных групп с полицией, и что мы выбрали не очень удачное время для туризма. Звучали они как-то совсем неубедительно, да и нам самим было известно по СМИ, что военные в это время твёрдо контролировали ситуацию в стране. Посоветовавшись, мы спросили, означает ли всё это отказ нам во въезде даже при наличии официальных аргентинских виз, проставленных в наших паспортах ООН. В ответ нам было сказано, что это лишь дружеский совет, и что если мы всё таки решим вопреки этой рекомендации остаться в Буэнос-Айресе, мы можем это сделать, но при этом проявлять большую осторожность. Ещё раз переговорив между собой, мы решили направиться в город и, поблагодарив наших «опекунов» за их советы, сообщили им о нашем решении. Они встали и, вежливо попрощавшись, направились на выход. Мы в свою очередь подошли к кабине

паспортного контроля, предъявили наши документы с заполненными анкетами и прошли в зал получения багажа, где нас уже какое-то время ждали наши чемоданы.

При выходе на улицу из здания терминала аэропорта «Эсейса» мы сразу же услышали ревущие громкоговорители, которые транслировали концерт нашего спутника Рафаэля на всю округу, заполненную десятками тысяч его поклонниц и поклонников, чья массовая оккупация парковочных площадей создала здесь невероятную неразбериху и суету. После нескольких неудачных попыток найти транспорт в город мы наконец вышли на одного таксиста, который и доставил нас с задержками всё из-за того же концерта в нашу гостиницу на улице Флорида неподалёку от Музея президента Митре и главных торговых кварталов города.

Зарегистрировавшись и приведя себя в порядок после перелёта, мы поспешили на прогулку по Буэнос-Айресу, направляясь сначала в исторический центр — главную площадь Пласа-де-Майо, которая оказалась совсем неподалеку. Здесь находится президентский дворец, называемый Розовым домом, старое здание Национального конгресса, мэрия, главный собор и несколько музеев. Дом президента получил своё второе и более популярное название за его розовые стены, цвет которых был выбран после завершения строительства здания в 1882 году тогдашним президентом-просветителем Сармьенто. Этот цвет должен был символизировать единство страны путём слияния красного и белого цвета, которые олицетворяли партийную принадлежность двух главных политических группировок — федералистов и унитарное, соперничество которых потрясало жизнь Аргентины на протяжении большей части XIX века. Известность этого здания непосредственно связана с его балконом, с которого руководители страны, в том числе Перон и его популярная в народе жена Ева, выступали перед жителями города.

Очень привлекательной по архитектуре строений и общему оформлению является центральная Авенида-де-Майо, соединяющая президентский дворец со зданием Национального конгресса. Она всем своим обликом и характером напоминает крупные улицы Парижа, в подражание которому, включая множество вынесенных на тротуары кафе, строились многие кварталы и парки этого, пожалуй, самого европейского города Латинской Америки. Парков, музеев, ресторанов магазинов, театров и кино в Буэнос-Айресе оказалось неожиданно много. Сами музеи, однако, если не считать тех, что посвящены историческому прошлому страны и её президентам, выглядят

довольно провинциально и не содержат крупных и интересных коллекций, за исключением собрания французских мастеров XIX века и картин XVI–XVII веков, рассказывающих о завоевании Мексики, в Музее изящных искусств. Но сам факт наличия такого числа подобных учреждений свидетельствует о стремлении властей развивать культуру своего народа и приобщать его к культурным ценностям.

За имевшееся в нашем распоряжении время мы с Женей посмотрели все наиболее интересные места и музеи города, много бродили по его приятным и благоустроенным улицам и паркам, побывали в его богатых и бедных районах, посетили старый и живописный портовый район Ла-Бока и даже поплавали на лодках по каналам пригорода Тигре. Очень удивило обилие звуков музыки танго в главных торговых кварталах, которые там сопровождают посетителя повсюду, поскольку буквально из каждого магазина и лавочки слышится та или другая песня, и чаще всего в исполнении всемирно известного аргентинского певца в этом жанре Карлоса Гарделя, который погиб в авиакатастрофе в Колумбии ещё в 1935 году. Танго уже давно стало предметом национальной гордости Аргентины, но его судьба на собственной родине складывалась далеко не просто. Эта увлекательная и необычная история заслуживает внимание нашего уважаемого читателя…

ЭЛЬ ТАНГО

Танго, или «el tango» в его испанском оригинале, несомненно, было одним из самых известных и популярных парных танцев XX века. В своём упрощённом и широко распространённом бально-бытовом варианте оно, как и вальс, благополучно пережило некогда очень модные чарльстон, фокстрот, румбу, буги-вуги и другие не столь продолжительные танцевальные увлечения, сохранив свою отдохновенно-задумчивую лирическую привлекательность даже в тираническую эпоху короля-рока и его всевозможных ответвлений. Танго танцуют и сегодня почти во всём мире, хотя предпочтение ему отдают в основном люди, вышедшие за рамки «преступно-молодого буйного» возраста. В целом ряде стран существуют не только радиостанции, часто передающие музыку танго, но и специальные школы обучения этому элегантному танцу, а также клубы его любителей. Свидетельством неизбывной притягательной силы танго являются посвящённые ему документальные и художественные фильмы, а также отдельные музыкально-театральные постановки, осуществлённые за последние 10–15 лет. В наши дни самой большой популярностью танго пользуется среди населения… Финляндии.

Где же и когда зародился этот столь не похожий на своих народных и бальных собратьев танец? Как ему удалось сначала покорить Европу и Америку, а затем завоевать собственную родину, которая горячо и решительно отвергала его во младенчестве как постыдного и отвратительного ублюдка, подброшенного ей самым недостойным преступным сбродом из числа наседавших на неё пришельцев? Хотя история происхождения танго является далеко не простой и даже сегодня остаётся покрытой некоторым туманом ввиду отсутствия его чёткого «свидетельства о рождении», в её основных элементах она установлена довольно определённо и представляет собой очень увлекательное повествование.

Танго родилось не на пустом месте, а явилось постепенно оформлявшимся гибридом целого ряда предшествовавших ему музыкально-песенных и танцевальных форм, которые в то или другое время были популярны среди некоторых групп населения в Испании, на Кубе и других антильских островах, а также в Уругвае и Аргентине. Но именно этой «Стране Серебряной» (от латинского «argentum» — «серебро»), а говоря ещё точнее, её столице и крупному международному порту Буэнос-Айресу (в переводе с испанского — город «Добрых ветров») было суждено

стать родиной будущего всемирно популярного танца.

К середине 70-х годов XIX века Аргентина, провозгласившая независимость от Испании ещё в 1816 году под названием Объединённые Провинции де Ла-Плата (по названию своей самой крупной реки Ла-Плата, что по-испански означает «серебро»)[1] ещё переживала нелёгкий процесс своего исторического становления как нового государства, раскинувшегося на огромных земельных пространствах, значительную часть которых занимали южноамериканские прерии-пампасы. Именно здесь тяжёлым трудом местных ковбоев-гаучо создавалось основное будущее национальное богатство страны — скотоводство. Жизнь гаучо и её специфический уклад стали одним из главных источников не только фольклора и литературной классики Аргентины (поэма «Мартин Фьерро» Х. Эрнандеса, роман «Дон Сегунда Сомбра» Гуирандеса и др.), но и формирования национального характера её населения.

В среде гаучо провинции Буэнос-Айрес и близлежащего маленького Уругвая с давнего времени была популярна ла пайада — импровизированная песня под гитару, которая исполнялась способными любителями в редкие часы отдыха и во время праздников этого трудового люда, зачастую на открытом воздухе вокруг костра с обильным употреблением мяса и спиртных напитков. В пайадах гаучо рассказывалось об их тяжёлой доле, об одиночестве в почти полностью мужских трудовых общинах, о мечтах о любви, о той большой жизни, которая протекала без их участия в далёких городах и посёлках. Постепенно импровизированная пайада стала уступать место устоявшимся в памяти исполнителей песням, которые не только интерпретировали их по собственному желанию и вкусу, но и меняли их стихотворное и ритмическое оформление. Новая ритмика, развивавшаяся благодаря влиянию привезенных в Буэнос-Айрес моряками с Кубы гаванской хабанеры и новыми эмигрантами из Испании — разновидности фламенко андалузского танго, явилась своего рода приглашением к танцу, который стал сопровождать песенное исполнение. Возникший в результате этих изменений и смешений музыкальный песенно-танцевальный гибрид получил название «милонга», заимствованное из словаря местного индейского племени кимбунда и означавшее «слова», т. е. слова исполнителя песни. Если вспомнить хабанеру из оперы Бизе «Кармен», написанную задолго до появления танго, то в ее ритме и тональности вполне отчетливо можно угадать некоторые музыкальные детали рисунка будущего популярного танца. Те же, кому довелось когда-либо видеть исполнение даже классического испанского фламенко, не

говоря уже о его варианте в виде андалузского танго, не могут не распознать в нём танцевальные элементы и фигуры его аргентинского сценического тёзки.

В середине 1880-х годов, когда завершились гражданские войны, а Буэнос-Айрес окончательно стал столицей Аргентины, началось бурное экономическое развитие страны в качестве крупного экспортёра сельскохозяйственной продукции. Быстрый рост больших перерабатывающих предприятий в городских центрах и прежде всего в Буэнос-Айресе привел к мощному притоку в них дешевой рабочей силы из числа гаучо и нараставших волн эмигрантов из Европы, большую часть которых стали составлять итальянцы. Вместе с массами гаучо в бедные пригороды столицы пришла и милонга, которая становилась всё более популярной среди пролетарского и портового населения разбухавшей по своей территории и числу жителей столицы.

На начальном этапе своего пригородного распространения новый танец с только ещё намечавшимися чертами танго нашёл особенно благоприятную среду на празднествах и вечеринках, часто проводившихся в жилищах так называемых свободных «обозных женщин», или маркитанток, которые устраивались на поселение недалеко от военных казарм. Большинство из них были негритянками, мулатками, метисками и коренными индианками, хотя среди них встречались и белые женщины. Почти одновременно танцевально-песенная милонга захватила таверны и притопы портовых кварталов аргентинской столицы с их международной клиентурой, представители которой — заезжавшие моряки и прибывавшие эмигранты — накладывали свой отпечаток на содержание текста песен, состав используемых музыкальных инструментов, ритм музыки, а также на элементы и фигуры танца. Мужчины и женщины танцевали там парами, обнявшись руками, в подражание тому, что считалось бальными танцами «общества». В самом обществе бальные танцы (польку, мазурку, вальс и другие) тогда танцевали парами, не прикасаясь корпусом друг к другу, а мужчина всегда двигался, отступая перед женщиной спиной. В более свободной, если не сказать распущенной, обстановке портовых заведений и жилищ маркитанток светские моральные рамки были постепенно отброшены. Здесь в зависимости от степени знакомства и фамильярности танцующие пары касались друг друга корпусами или даже прижимались друг к другу, а женщина всегда шла назад, отступая перед мужчиной спиной.

По свидетельству современников, в этот период милонга в её более приличном, «очищенном» и не оскорбляющем семейные ценности, варианте превратилась в самый популярный танец и

среди широких бедных слоев населения. Без него не могли пройти ни праздники, ни вечеринки, ни какие-либо увеселительные мероприятия. Сначала мужчины и женщины танцевали его раздельно, но затем стали объединяться в пары, держа друг друга за руки на небольшом расстоянии. Другим её новшеством стало то, что теперь в городских условиях милонгу исполняли не только на традиционных гитарах, но и на аккордеонах, флейтах, арфах, скрипках и даже на расческах с прикладываемой к ним бумагой. Появились и группы музыкантов-милонгеров, которые исполняли этот танец с пением на городских улицах и площадях, а затем и по приглашению на специальных вечерах в кафе, дворах жилых домов и пригородных притонах. Со временем некоторые из таких заведений для привлечения и развлечения клиентов стали обзаводиться собственными танцевальными площадками и исполнителями, которые работали у них по контрактам на более продолжительной основе. Милонга стала неотъемлемой частью репертуара и многочисленных шарманщиков. Крупным шагом в ее более широком принятии среди посетителей концертных и цирковых представлений, то есть более высокой социальной прослойки населения, явилось включение в них специальных номеров с танцевально-песенным исполнением наиболее известных и популярных милонг в их общественно-приемлемой интерпретации. Некоторые авторы начали сочинять специально для таких представлений и новые милонги, часть которых приобретала известность именно со сцены. Отдельные авторы даже полагают; что милонга начала 1890-х годов «Ке-Ко», которую называли также «Милонгоп», была одним из самых первых аргентинских танго, хотя в ней отсутствовало несколько довольно примечательных элементов более позднего, уже сформировавшегося танго, в том числе эль корте и кебрада[2].

Хотя большинство исследователей танго, придерживаясь вышеизложенного подхода, рассматривают милонгу в качестве его непосредственной предшественницы, которая подверглась целой серии новаторских преобразований на почве местной субкультуры Буэнос-Айреса, некоторые из них считают, и с определённым основанием, что танго сформировалось в результате африканизации милонги обосновавшимися в Аргентине неграми. Согласно данной точке зрения милонга как танец появилась в качестве карикатурно-шутливого изображения негритянских плясок на танцевальных вечерах бедных пригородных кварталов и увеселительных портовых заведений. Первоначально её танцевали там тоже не парами, взявшись за руки, а раздельно, и уже затем стали исполнять парами, и

предпочтительно мужскими. Однако уже к 1890-м годам мужские пары были окончательно заменены на смешанные. В этой связи аргентинский музыковед Нестор Одериго отмечает, что на фазе своего зарождения в форме милонги танго исполнялось афро-аргентинцами раздельными парами, когда танцующие женщина и мужчина двигались друг перед другом, совершая различные движения корпусом, ногами и руками в сопровождении самой разнообразной мимики, что было непосредственным наследием афро-карибского танца кандомбс. В подтверждение своей точки зрения он ссылается на фотографию, помещённую в номере журнала «Илустрасьон Архептина» от 30 ноября 1882 года с изображением танцующей лицом друг к другу негритянской пары с подписью «Эль танго».

Однако, несмотря на подобные расхождения, почти все исследователи сходятся на том, что непосредственной предшественницей аргентинского танго была милонга. Они также разделяют мнение о том, что все те основные метаморфозы, которые со временем превратили её в новый популярный международный танец, она пережила именною в условиях Буэнос-Айреса конца XIX и самых первых лет начала XX века благодаря стихийному и творческому новаторству её сочинителей и исполнителей среди музыкантов, танцоров, композиторов, певцов и поэтов- песен-пиков, как из безымянной массы любителей, в первую очередь в бедных пролетарских и портовых кварталах столицы Аргентины, так и профессионалов. В чем же проявились эти радикальные перемены, которые столь заметно выделили танго из числа других широко известных бальных танцев?

Исследователь танцев и песен Аргентины Карлос Вега в этой связи отмечает в первую очередь совершение танцующими в объятии нарами не только уже устоявшихся и постоянно повторяющихся на-шажков и поворотов (как в вальсе, кадрили, той же милонге и др.), но и танцевальных фигур различной степени сложности. Другая особенность танго заключается в том, что в отличие от других парных танцев, исполняемых партнёрами в объятии руками, требующих пребывания в непрерывном движении, танго вводит паузы в совершение перемещения. Танцующая танго пара в определённый момент неожиданно коротко замирает в своём движении. При этом обычно мужчина останавливается только пока поворачивается или вращается женщина, и наоборот, когда женщина замирает на месте, мужчина может двигаться. Даже взятые сами по себе, эти особенности уже создают совершенно иную хореографию танца. Такое отличие в рисунке танца заметно усиливается, если учесть, что в противоположность, скажем, кадрили и другим танцам,

когда пары исполняют фигуры (например, похожую на вращение мельницы кресть) в рамках относительно широкого пространства, образованного их корпусами и двойной длиной их соединённых рук, двигаясь в определенном заданном направлении (чаще всего по кругу), тогда как в танго они их выполняют, перемещаясь по полу в любую сторону в серьёзно суженных пределах их почти касающихся или даже касающихся тел. При этом каждая короткая комбинация шажков-па, которые женщина делает, двигаясь назад и отступая перед мужчиной, составляет отдельную фигуру. Проявление даже небольшой изобретательности позволяет каждой паре делать по десять, двадцать, а с приобретением опыта до сорока и более фигур по всей имеющейся площади, которые мужчина соединяет в целую хореографическую цепочку, всякий раз создавая новый вариант танго, который повторить с полной точностью практически невозможно.

Иными словами, каждое исполнение танго — это его новая интерпретация, что значительно расширяет его хореографические возможности по сравнению с повторяющимися поворотами и на вальса или мазурки. Кроме того, если при выполнении последних объятие танцующих на ширину их соединённых рук давало им возможность определённой независимости в совершении легко предсказуемых шажков по прямой линии или поворотов, то в танго подобная независимость полностью исчезала. Такая новая ситуация объясняется тем, что в танго пет регулярности или предсказуемости движений, поскольку каждая последующая фигура, каждая их серия и весь танец в целом строятся в момент их выполнения танцующими. Подобная особенность нового танца потребовала выработки и новой техники его исполнения: танцующая пара должна была двигаться в тесном объятии, лицом к лицу, бок о бок; мужчина должен был направлять и определять на женщины своей правой рукой, твёрдо держащей её талию. К середине 1890-х годов танго в основном уже обрело, а в первые годы XX века утвердило свою собственную хореографию. Умение хорошо и красиво танцевать танго, которое ещё и тогда оставалось пока танцем бедных рабочих пригородов и кварталов, а также портовых заведений, стало высоко престижным делом, составлявшим предмет мужской гордости, красоты, силы и ловкости и ставшим неотъемлемой частью мачо Буэнос-Айреса.

Подавляющее большинство танцев народов мира за исключением тех, которые являются частью каких-то серьёзных

религиозно-ритуальных церемоний, возникли и исполняются для выражения людьми веселья, прекрасного праздничного настроения и радости жизни. Именно такими в основном были по своему характеру те танцы, которые в той или иной мере

передали свои гены будущему танго. Своим столь типичным грустно-лирическим, меланхолическим и ностальгическим характером новорождённый танец был обязан своим первым исполнителям и авторам, многие из которых были бедные, неустроенные и тоскующие по родине, любимым и друзьям итальянские эмигранты. Период формирования и становления танго совпал с переселением в богатевшую Аргентину огромной массы переселенцев из Европы и в особенности из Италии. Практически все они прибывали в поисках лучшей доли на пароходах сначала в Буэнос-Айрес, где и оседали на первые годы, а многие и надолго в самых бедных пригородах и портовых кварталах этой быстро расширявшейся столицы на берегах Ла-Платы.

Несмотря на относительную несложность освоения родственного итальянскому испанского языка большинство эмигрантов из Италии, как, впрочем, и все остальные переселенцы, столкнулись с очень серьёзными трудностями в устройстве своей жизни на новой для них земле, испытывая неизбежное при этом разочарование, ностальгию но оставленным за океаном родным местам, семьям и любимым. Некоторые, собрав деньги на обратную дорогу, возвращались назад, но большинству не удавалось и это, что обрекало их на экономические и моральные страдания среди чужих людей в чужой стране. Будучи по своей природе очень отзывчивыми на музыку, владея музыкальными инструментами и любительскими исполнительскими данными, итальянцы довольно быстро стали не только приобщаться к популярной музыкальной культуре бедных слоев населения Буэнос-Айреса, но и участвовать в ней с целью заработка или в качестве исполнителей-любителей. В период формирования и становления танго воздействие на него разочарованных своей судьбой и жизнью своих собратьев-переселенцев итальянских эмигрантов-исполнителей и сочинителей оказалось столь сильным и долговечным, что со временем радикально изменило его первоначально гораздо более жизнеутверждающий характер и сделало его музыкально и в тексте песен таким грустным, лиричным и меланхоличным, каким оно в основном дошло и до наших дней.

В те же годы стал складываться и состав музыкальных инструментов, которые использовались при исполнении танго, где главенствовали бандонеон (вид небольшой гармони немецкой фирмы Банд-Униоп, от которой и пошло это название), скрипка, контрабас и аккордеон. Первое десятилетие XX века было отмечено также появлением профессиональных композиторов, авторов песенных текстов и певцов танго, некоторые из которых

успешно сочетали все эти амплуа. Одними из первых таких пионеров танго были Анхель Вильолдо, автор «Эль Чокло» («El Choclo»), исполненное им в 1903 году и ставшего известным в нашей стране в 1960-х годах в его американском варианте под названием «Огненный поцелуй» («Kiss of fire»), автор вечнозелёной «Кумпарситы» («La Cumparcita») Матто Родригес, а также Энрике Саборидо, написавший «Мулатку» («La morocha»). На рубеже 1910-х годов началась карьера самого известного в мире певца танго Карлоса Гарделя, который стал национальной гордостью и живой легендой Аргентины ещё задолго до своей гибели в авиакатастрофе в аэропорту Медельина (Колумбия) в июне 1935 года.

Примерно в тот же период танго начало утверждаться в Европе, где оно стало распространяться сперва во Франции, а затем и в других странах через привозимые из Буэнос-Айреса партитуры и гастролирующие группы аргентинских артистов и музыкантов. Именно на долю удивительно красивых и ритмичных «Эль Чокло» и «Кумпарситы» выпала роль авангарда в завоевании популярности танго сначала в Европе, а затем и в других странах мира. Уже в 1911 году выходивший в Буэнос-Айресе для читателей высшего сословия еженедельник «Эль Огар» перепечатал в своём номере от 20 декабря 1911 года сообщение, в котором среди прочего говорилось: «Ещё недавно модными танцами в избранных салонах Парижа были бостон, двойной бостон и тройной бостон. Однако в этом году модным танцем стало аргентинское танго, которое теперь танцуют наравне с вальсом». В печатных изданиях Парижа, Лондона, Берлина и даже Нью-Йорка стали воспроизводиться рисунки, иллюстрировавшие на и фигуры нового танца, помещаться хвалебные рецензии, проводиться дискуссии музыкальных и театральных критиков. Одни называли его утончённым и сладострастным танцем с ласкающим и увлекающим ритмом, а для других танго представлялось порождением трущоб и притонов далёкого Буэнос-Айреса, разносившего аргентинскую заразу по салопам Европы. В разных странах стали открываться курсы и школы обучения новому танцу.

Очень любопытной в этой связи выглядела оценка данному явлению со стороны тогдашнего посла Аргентины в Париже Энрике Ларреты, который с полным возмущением заявлял, что танго в Буэнос-Айресе считается исключительно танцем его самых худших и недостойных домов и кварталов, что его никогда не танцуют пи в салонах хорошего тона, ни уважаемые люди и что сама музыка танго пробуждает в слушателях самые неприятные мысли. В своём мнении аргентинский посол в то

время был далеко не одинок. В Италии, например, считалось, что даже само обучение в возникавших школах танго сладострастно-похотливым движениям этого танца с берегов Ла-Платы могло бросить тень на репутацию женщины. В Германии кайзер Вильгельм II запретил танцевать танго своим офицерам, исходя из того, что исполнение его фигур вредило сохранению должной осанки прусских воинов. Глава Баварии Людовик называл танго настоящим абсурдом, недостойным того, чтобы его танцевали люди, дорожащие своей воинской честью. В Англии некоторые считали танго противоречащим английскому характеру и идеалам Англии. Королева страны Мария отказалась появляться на тех вечерах, где танцевали танго, однако не запретила танцевать его своим фрейлинам. Как бы там ни было, но к началу Первой мировой войны аргентинское танго уже утвердилось на Европейском континенте.

Под влиянием принятия, а затем и растущей популярности танго в странах Европы и Северной Америки, в том числе и в кругах высокого общества, отношение к нему стало меняться и в Аргентине, где со временем этот отвергнутый с презрением при его рождении танец стал любимым детищем и, пожалуй, главной национальной гордостью своей страны. Такое отношение к танго, которое не так давно перешагнуло свой столетний рубеж существования, не только не ослабло, но и продолжает переходить в сферу великого национального достижения и достояния Аргентины. Так, например, в июне 1990 года в столице страны было проведено первое публичное заседание недавно созданной Национальной академии танго, которая наряду с подобными академиями истории, литературы, изящных искусств или медицины представляет собой одно из 18 официальных академических учреждений страны и целенаправленно занимается исследованиями, сбором, сохранением и распространением знаний и сведений по всем вопросам, связанным с танго. С 1992 года под эгидой муниципалитета Буэнос-Айреса действует Университет танго, в котором прошли курс обучения уже тысячи слушателей. Музыкальный спектакль «Танго» аргентинских авторов Сеговии и Орезоли продолжает своё успешное шествие по сценам всего мира. С 1982 года в столице Аргентины действует пользующаяся большой популярностью у слушателей специальная радиостанция, передающая исключительно музыку танго всех периодов её существования. Танго покорило весь мир и свою родину, хотя по сравнению со своими ранними вариантами и даже с его сегодняшним сценическим исполнением профессиональными танцовщиками, оно вошло в число наиболее популярных бальных

и бытовых танцев в самой упрощённой и доступной для массового исполнителя форме.

Теперь остаётся сказать несколько слов о происхождении самого названия этого всемирно известного танца. В этой связи следует прежде всего отметить, что слово «танго» обозначает собственно танец, а также музыку и слова, которые его сопровождают. Точная история этого названия, или его этимология, до сих пор не установлены, хотя и существует несколько вариантов, претендующих на его объяснение. На первый взгляд довольно соблазнительным и простым является обращение к латинскому глаголу «tanguere», означающим «касаться», «трогать», или, как считают некоторые исследователи, к испанским глаголам «tangir», «taner» или «tocar», соответствующих русскому «играть» (на музыкальном инструменте), один из которых имел средневековую форму «tango». Однако при таком варианте происхождения слова «танго» довольно трудно объяснить, каким образом после нескольких столетий отсутствия из употребления оно вдруг всплыло у берегов Ла-Платы в конце XIX века.

Из всех других объяснений, пожалуй, наиболее убедительным, хотя пока ещё не окончательным, является концепция его африканского происхождения. Согласно сторонникам этого подхода, слово «tango» на языках нескольких народов побережья Гвинейского залива, где европейцы захватывали рабов для продажи в страны Америки, означает «закрытое пространство» или «загороженное место». Именно этим словом захваченные африканцы называли места, в которых их содержали как в Африке, так и после прибытия в Америку. В Буэнос-Айресе, который тоже приобрёл свою часть чёрных рабов, уже в начале XIX века, словом «tango» согласно имеющимся документам обозначались постройки или дома, в которых африканские негры устраивали свои танцы. Это же слово употреблялось для обозначения и самих таких танцев, и барабанов-тамбуров, или тамбо, под сопровождение которых они исполнялись. Примерно в ту же эпоху на юге Испании практиковался очень старый контрданс времён Возрождения, который назывался «андалузское танго», «тангильо» или просто «танго». Вместе с колонистами из Испании он достиг берегов Америки. На Кубе это андалузское танго воплотило в себя целый ряд фигур африканских танцев и преобразовалось в гаванский танец, или хабанеру (La habanera), которая затем вернулась в Испанию в новом виде и затем распространилась по странам Южной Америки, достигнув и Буэнос-Айреса. Именно в его аргентинском варианте весь мир узнал и сделал своим этот

красивый и элегантный танец со звучным и загадочным названием «эль танго»…

…После такого лирического отступления в историю происхождения и становления этого всемирно популярного танца можно снова вернуться к продолжению нашего необыкновенно увлекательного путешествия.

Словом, мы получили довольно приличное представление о столице Аргентины, не встретившись при этом с какими бы то ни было неприятностями, о которых нас предупреждали представители властей в аэропорту. Озадачивало в этой связи то, что они каким-то образом узнали о нашем прилёте, хотя мы прибыли в другой день, из другой страны и другой авиакомпанией, чем предусматривалось нашим первоначальным планом.

Во время одной из наших прогулок по городу мы купили билеты из Буэнос-Айреса в Монтевидео и обратно, рассчитывая провести в маленьком и близком Уругвае полтора дня, а при возвращении в Аргентину в тот же вечер вылететь в Сантьяго. Рано утром нашего последнего дня в Буэнос-Айресе мы отправились с его второго аэропорта Лэропарке в столицу Уругвая…

В УРУГВАЙ С ЧЕРНОГО ХОДА

…Восточная Республика Уругвай — так официально называется это самое маленькое государство Южной Америки. Основное слово в этом названии происходит от названия самой большой местной реки Уругвай, что на языке местных индейцев гуарани означает «река водных ракушек» (уругва — водная ракушка + ай — река). Но почему же тогда в нём присутствует определение «Восточная»? Разве есть «Западная Республика Уругвай»? Нет, такой страны никогда не было и не существует. Дело в том, что исторически первые поселенцы бассейна Ла-Платы обосновывались к западу и северо-западу от сегодняшнего Уругвая, который заселялся значительно позже других территорий региона из-за отсутствия в нём полезных ископаемых и ввиду ожесточённого сопротивления со стороны индейцев-кочевников племени чарруа. Те, кто осваивал регион Парагвая и аргентинские земли около Ла-Платы, называли лежавшую к востоку и отделённую от них рекой Уругвай дикую территорию её «Восточным Берегом», откуда определение «Восточная» в силу исторической традиции перешло в официальное название нового государства при получении им независимости.

Первыми европейскими посетителями этих земель были те же Хуан де Солис, Фердинанд Магеллан и Себастьян Кабот, которые начиная с 1516 года приступили к исследованию бассейна Ла-Платы и её притоков. Территория Восточного Берега долгое время оставалась огромным пустынным пастбищем, на которое поселенцы Асунсьона выпустили небольшой табун лошадей и стадо коров, что буквально через несколько десятилетий превратило эту землю в бескрайний и бесплатный источник скота и кожи. Сюда с западного берега стали совершаться постоянные набеги скотоводов-гаучо, которые на этой основе организовали широкую торговлю, прежде всего добытыми здесь кожами, но каких-либо постоянных поселений не создавали. Этот человеческий вакуум начал привлекать внимание португальцев из постоянно расширявшейся за счёт испанских владений соседней Бразилии, которые в 1680 году дерзким манёвром двинулись на северное побережье Ла-Платы и прямо напротив Буэнос-Айреса учредили Новую Колонию Сакраменту. Лишь около 50 лет спустя встревоженные присутствием на их территории португальцев испанцы решили наконец отреагировать и построили на Восточном Берегу форт Сан-Фелипе-де-Монтевидео, опираясь на возможности которого они затем смогли вытеснить своих агрессивных соседей из устья Ла-Платы.

Начиная с этого времени и на протяжении всего колониального периода Восточный Берег оставался ареной постоянной борьбы между Испанией и Португалией, которых затем в этом соперничестве сменили независимые Аргентина, Бразилия и Парагвай. Движение за независимость на Восточном Береге получило первый импульс после захвата Испании Наполеоном, что одновременно превратило его в союзника Франции и во врага Англии. Воспользовавшись этим важным геополитическим изменением, англичане решили установить свой плацдарм в Южной Америке в районе Ла-Платы, как они успешно это сделали в Южной Африке, захватив у оккупированных французами голландцев их владения в области Кейптауна. Сначала английская эскадра в 1806 году легко овладела на несколько месяцев Буэнос-Айресом, но затем англичане были разбиты восставшими портеньос (так называют жителей этого города). Однако в 1807 году англичане вернулись с новой эскадрой, которая по пути в Буэнос-Айрес на девять месяцев оккупировала Монтевидео, но они снова понесли поражение и, по условиям соглашения с аргентинцами, были вынуждены освободить и Монтевидео, где они, кстати, уже начали издавать первую на Восточном Берегу газету на испанском языке.

Вслед за объявлением независимости Аргентиной в 1810 году руководитель уругвайских ковбоев-гаучос Хосе Артигас уже в следующем году поднял восстание против испанцев, окружив своими вооружёнными сторонниками их гарнизон в Монтевидео. Эта героическая борьба продолжалась целых девять лет, когда попавший в политические интриги Аргентины Артигас был вынужден спасаться бегством в Парагвае. После этого Восточный Берег был оккупирован Аргентиной и Португалией, которые продолжали соперничать за эту территорию вплоть до 1827 года, когда уругвайцы возобновили борьбу за независимость и с помощью аргентинцев разбили теперь уже бразильские войска (к этому времени Бразилия стала самостоятельной империей). Так как главные претенденты на захват Восточного Берега не смогли этого сделать, зайдя в полный тупик со своими планами его присоединения к себе, активные англичане выступили между ними в качестве посредника и предложили сделать эту территорию независимым буферным государством. В результате этих действий Аргентина и Бразилия в 1827 году подписали в Рио-де- Жанейро договор, который и провозгласил независимость Восточного Берега под названием Восточная Республика Уругвай.

Новое государство стало жить трудной и довольно бурной политической жизнью, характеризовавшейся до наших дней

борьбой двух главных партий — Колорадо и бланко (красной и белой) с активным участием армии, которая, по образцу и подобию других латиноамериканских стран, очень часто сменяла правление избранных населением политиков. В течение ряда десятилетий после обретения независимости Уругвай продолжал оставаться объектом вмешательства в его дела со стороны Аргентины и Бразилии, что порой приводило к затяжным гражданским, в том числе и вооружённым, конфликтам, в одном из которых в середине 40-х годов активное участие принимал Джузеппе Гарибальди во главе своего легиона краснорубашечников. Ко времени нашего посещения этой страны её военные в очередной раз стояли здесь у власти…

В столице Уругвая мы приземлились довольно рано, и поскольку наши места оказались прямо у выхода из самолета, мы были одними из первых, кто подошёл к стойке паспортного контроля. Однако если опередившие нас пассажиры, показывая свои документы, проходили через этот пункт так же быстро, как у нас проходили в метро по проездным билетам, то, дойдя до нас, очередь в единственную открытую для проверки приехавших кабину резко застопорилась. Приняв наши документы с уругвайскими визами, чиновник на контроле сначала стал их внимательно изучать, возможно, частично из-за любопытства, так как паспорта ООН ему вряд ли приходилось встречать в его маленькой периферийной стране. Потом он сравнил их фотографии с нашими лицами и задумался. Закончив минутное размышление, он поднялся со своего сиденья, сказал нам, что нужно подождать, и исчез за дверью во внутренних помещениях.

Прошло минут 5–6 ожидания, которые привели к росту недовольного ропота в рядах застрявших за нами пассажиров, видимо, совсем не привыкших к подобным простоям в этом тихом, полусонном аэропорту. Но вдруг чиновник вернулся, правда, без наших паспортов, и, сообщив нам, что нашим делом занимаются, попросил нас отойти в сторону, чтобы он мог пропустить остальную очередь. Вся эта очередь проскочила мимо нас на выход, практически не останавливаясь перед будкой контроля, но успевая выразить нам в своих взглядах испытываемое ими удивление или недоумение. Пропустив ожидавших пассажиров, чиновник в будке закрыл се окошко и снова исчез за дверью.

В течение последующих 12–15 минут в будку раза три заходили другие служащие, которые, посмотрев на нас через стекло кабины и обменявшись какими-то комментариями, вновь пропадали во внутренних помещениях. Затем в будке возникли сразу три человека и дали нам сигнал подойти к открывшемуся

снова окошку. Когда мы оказались перед ними, один, по-видимому, старший из них по положению, держа в руках наши паспорта и не задавая никаких вопросов, сообщил нам, что для нас въезд в Монтевидео не разрешается, но, что, если мы всё-таки хотели бы въехать в Уругвай, то могли бы отправиться прямо с аэродрома только в одно место — Пунта-дель-Эсте. Мы слышали об этом курортном городке, расположенном примерно в 150 км от столицы Уругвая, и раньше, как о месте встречи руководителей США и латиноамериканских стран, где была принята программа «Союз ради прогресса» и на которой делегацию Кубы возглавлял Эрнесто Че Гевара. Поскольку у нас не было другого выбора, кроме возвращения в Буэнос-Айрес после обеда тем же самолётом, на котором мы только что прилетели, посоветовавшись, мы решили согласиться на предложенный нам вариант посещения Уругвая.

Принимая из рук чиновника наши паспорта, я спросил у него, как нам проехать на рекомендованный курорт с аэродрома, минуя запрещённую для нашего въезда столицу, откуда, как мы полагали, должны были идти в Пунта-дель-Эсте поезда или автобусы. В ответ чиновник показал пальцем в сторону стоянки автобусов и сказал, что там мы найдём нужный нам автобус. Расставшись с представителями властей, мы сначала пошли разменять доллары на местные песо и затем без особых проблем разыскали автобус, который довольно скоро отправился на указанный нам курорт. Погода в это утро быстро испортилась, солнце исчезло, и пошёл мелкий, по-осеннему нудный дождь. Автобус шёл не спеша и, сделав за всю дорогу всего несколько остановок, часа за четыре доставил нас в наш мокрый курортный городок. По пути в него дорога была скорее однообразно монотонной, хотя всё равно было очень любопытно наблюдать из окна устройство и уличную жизнь небольших городков и деревень, а также меняющийся ландшафт новой для нас страны.

Когда мы сошли с автобуса на конечной остановке, дождь временно прекратился, что позволило нам совершить небольшую прогулку по известному уругвайскому курорту. Посмотрев на пляже на холодные бурные воды Атлантики и пройдясь по нескольким очень зелёным улицам с богатыми виллами, мы поняли, что здесь нам делать было больше нечего, да ещё при такой погоде. Овеянные такими сомнениями относительно того, стоило ли там оставаться до следующего дня, ожидая в гостинице обратного автобуса, мы решили разыскать какое-нибудь кафе или ресторанчик, где можно было бы пообедать и обсудить, что делать дальше. За обедом мы окончательно пришли к выводу, что оставаться в этом месте в такую холодную дождливую погоду

было бессмысленно, и решили отправиться на автобусную станцию для выяснения возможности уехать обратно.

На станции выяснилось, что единственный автобус, который шёл бы прямо в аэропорт, будет только на следующее утро, но в то же время мы обнаружили другой автобус, отправлявшийся в пределах следующего часа непосредственно в Монтевидео, куда он должен был прибыть согласно расписанию около четырёх часов следующего утра. Мы удивились тому, что путь, который мы проделали в Пунта-дель-Эсте от аэропорта, занял у нас всего около четырёх часов по сравнению с почти двенадцатью часами, объявленными в расписании для автобуса в Монтевидео. За разъяснением этого расхождения я обратился в билетную кассу, где мне объяснили, что в отличие от нашего утреннего автобуса, отправлявшийся вскоре автобус на Монтевидео будет идти разными просёлочными дорогами, делая остановки в каждой деревне и в каждом населённом пункте по его маршруту, и поэтому поездка на нём занимает так много времени.

Полученное объяснение нам очень понравилось, так как оно нам давало возможность совершить довольно большую поездку но городкам и весям этой части Уругвая вдоль длинного маршрута нашего автобуса и приехать в Монтевидео глубокой ночью, когда весь город спит. Иначе говоря, до нас в такой час никому не будет никакого дела, а поспав немного в какой-нибудь маленькой гостинице, чтобы не привлекать к себе внимания, мы могли бы ещё несколько часов погулять по столице и уже потом отправиться на автобусе к каждодневному послеобеденному рейсу на Буэнос-Айрес. Взвесив все за и против, мы тут же купили билеты и выбрали наиболее удобные места для нашего долгого путешествия.

Когда мы вскоре тронулись, дождь прекратился, и даже снова вышло солнце, что сделало светлые часы нашего пути гораздо более приятными. Путешествие оказалось действительно очень интересным. При относительно медленном движении нашего автобуса по узким сельским дорогам и благодаря частым остановкам, на некоторых из которых можно было выйти, перекусить или выпить чашку чая в попутной деревенской харчевне и даже немного погулять около автобусной остановки, перед нами раскрывалась хотя бы внешняя сторона жизни местных людей. Можно было вблизи видеть их жилища, устройство их деревень и городков, получить некоторое представление об их маленьких лавочках и магазинчиках, о том, как они одеваются, какое у них хозяйство, как выглядят их сельские ресторанчики и что там предлагают в меню, да и немало других любопытных вещей, из которых складывается

многогранная жизнь людей повсюду. Наблюдая за разными сценами местной жизни, мы даже не чувствовали большой усталости — так для нас всё было интересно и увлекательно.

На станцию в пустынном Монтевидео наш автобус прибыл почти в четыре часа утра. Выйдя на широкую улицу в центре города, мы пошли по ней просто прямо в поисках вывески небольшой гостиницы, которая попалась нам на глаза после 10–15 минут ходьбы по довольно плохо освещенным кварталам. Входные двери гостиницы были наглухо закрыты и заперты, но около них висела кнопка звонка и маленькое объявление, приглашавшее клиентов звонить для вызова хозяев. Оглядев небольшое трёхэтажное здание го станицы, мы решили, что она должна нам вполне подойти на несколько часов отдыха, и мы нажали кнопку звонка. Понимая, что час очень поздний и хозяева наверняка спят, мы подождали несколько минут и, не услышав ответа, нажали на кнопку ещё раз. Прошло ещё несколько минут, и, поскольку ответа снова не последовало, мы уже сделали несколько шагов, чтобы идти дальше, когда вдруг где-то наверху раздался мужской голос, просивший звонивших немного подождать, за чем последовал грохот падающих к двери предметов и тяжёлое дыхание, сопровождаемое звоном ключей.

Мы вернулись к двери, которая открылась нам навстречу почти из совсем тёмного помещения, на которое падал тусклый свет маленькой лампочки с вершины деревянной лестницы, которая круто поднималась прямо от самой двери. Открывшего её человека сначала совсем не было видно, но через несколько секунд мы разглядели его поднимающим с пола деревянный костыль, который он, по его словам, уронил, спускаясь в темноте по лестнице. Сейчас ему удалось включить нормальный свет, при котором мы увидели перед собой пожилого человека, стоявшего на одной ноге с помощью найденного костыля. Мы извинились за позднее вторжение, но хозяин заверил нас, что это его работа, и что подобное случается с его гостями совсем нередко. Он предложил нам подняться на второй этаж и подождать его у прилавка регистрации, пока он запирал двери и поднимался сам.

Оказавшись наверху, мы увидели очень респектабельно оформленное чистое помещение, в начале которого располагалась уютная конторка, а в конце находилась маленькая приятная столовая. Поднявшись в свою конторку, хозяин спросил, на сколько времени мы хотим у него остановиться, и нисколько не был разочарован, узнав, что мы пробудем у него всего несколько часов, так как плата взималась в любом случае посуточно. После разъяснения этого вопроса мы получили и заполнили обычные в таких случаях гостиничные анкеты, а

хозяин достал ключи к отведённым нам номерам. Поглядев на наши анкеты, хозяин почти прокричал нам свой восторженный, радостный вопрос: «Вы из Советского Союза?! Не может бы-ы-ыть! Неужели это правда?! — горячо выпалил он, разглядывая нас сверкающими чёрными глазами. — Я из Испании! Я воевал за нашу Республику! Я потерял тогда одну ногу! Ваша страна нам так много помогала! Ах, какой сюрприз, какая радость!» — не останавливаясь, выпалил нага хозяин и прокричал ещё громче кому-то наверх: «Мария, готовь завтрак, вино и закуску! У меня сегодня дорогие гости из СССР!»

Такая бурная и искренняя реакция хозяина на наше советское происхождение была настолько неожиданной и громогласной, тем более в стране, где правила правая военная диктатура, и в столице которой нам было запрещено даже появляться, что мы поначалу испытали в этой связи некоторое смущение и неловкость. Республиканский ветеран дал нам десять минут привести себя в порядок после дороги, проводив нас каждого лично в наши номера и заявив, что ждёт нас к праздничному столу, который уже готовит его работница. Минут через пятнадцать мы уже были за столом с бокалами вина и закусками на испанский лад. За массой взаимных вопросов и рассказов мы провели около двух часов, по потом усталость стала брать своё, и мы разошлись, чтобы немного поспать. Встали мы часов в десять, но хозяин уже дожидался нас для совместного завтрака, за которым наша беседа продолжалась ещё около часа. Наступило время, когда нам нужно было уже выходить и прощаться с хозяином, заплатив за ночлег и поблагодарив его за щедрое искреннее гостеприимство. При нашем выходе из гостиницы славный испанец даже прослезился и выразил надежду, что мы ещё сможем когда-нибудь навесить его в Монтевидео.

Оставшееся до выезда в аэропорт время мы провели в прогулках по этому довольно большому морскому городу, сосредоточившись на его центральных улицах, площадях и парках. В аэропорт мы приехали на автобусе, сразу зарегистрировались на посадку и без всяких проблем прошли паспортный контроль, унеся впечатление, что со вчерашнего утра власти о нас просто позабыли.

Вернувшись в аэропорт Аэропарке в Буэнос-Айресе, мы взяли оставленные там в камере хранения чемоданы и отправились на центральный аэродром Эсейса, откуда нам предстояло вылетать в Сантьяго-де-Чиле.

«ПРИКЛЮЧЕНИЕ В ГОРОДЕ ДОБРЫХ ВЕТРОВ»

Наш рейс в Сантьяго на аргентинской авиакомпании французским самолётом «Каравель» должен был отправиться около пяти часов вечера, и мы удачно прибыли в Эсейсу прямо к па-чалу регистрации. В зале ожидания на посадку уже собралось много народа, когда вдруг небо неожиданно потемнело, и пошёл сильный дождь с ветром. В течение всего нескольких минут разбушевавшаяся стихия обрушила на Буэнос-Айрес сильнейший тропический шторм, в котором бешено крутившийся дождь чередовался с потоками града величиной с грецкий орех. Через некоторое время по радио аэропорта объявили, что ввиду начавшегося шторма аэропорт закрывается для вылета и приёма самолётов до улучшения погодных условий. Для получения более подробной информации о шторме многие пассажиры стали собираться у нескольких телевизоров, висевших в зале регистрации, куца всем нам было разрешено выйти коротать неопределённое время ожидания вылета в находившихся в той части терминала кафе, ресторанах, магазинах и киосках.

По передачам бюллетеней погоды по телевизору мы узнавали одновременно о наводнениях, разрушениях и других неприятностях, которые шторм уже причинил району Буэнос-Айреса. Среди прочего сообщалось, в частности, об инциденте с самолётом во втором аэропорте города, куда за часа два до этого мы прилетели из Монтевидео, который при совершении посадки в самом начале шторма неудачно приземлился, повредив часть крыла и взлётную полосу. В ожидании изменения погоды прошло ещё около двух часов, когда вдруг по радио аэропорта объявили, что шторм начал ослабевать и в ближайшие полчаса будут разрешены вылеты, но приём прилетающих самолётов откладывается на неопределённое время.

Минут через десять после этого объявления нас пригласили собираться на посадку, что вызвало удивление всех пассажиров, поскольку через стеклянные стены нашего зала ожидания какого-либо улучшения погоды мы не заметили. Выстроившись скученной линией, мы стали двигаться к выходу через пропускной пункт в посадочный рукав, соединённый с входной дверью самолёта.

Когда мы с Женей оказались перед пропускной стойкой, один из служащих взял наши паспорта с посадочными талонами, вернул нам оторванные от талона корешки и, оставив наши

паспорта у себя на прилавке, попросил нас пройти в самолет, объяснив, что наши документы будут находиться на хранении у членов экипажа до момента выхода самолёта из воздушного пространства Аргентины, когда они будут нам возвращены. Мы стали возражать против такой дискриминации по отношению к нам, поскольку ни у кого другого паспорта не изымали, и потому что это не соответствует принятой во всём мире практике перевоза пассажиров, которые во время перелёта должны сохранять свои личные документы при себе. Чиновник терпеливо выслушал наш протест, пока его коллеги пропускали других пассажиров, и потом сказал, что это делается не самой авиакомпанией, а по просьбе соответствующих властей, поскольку самолёт будет делать часовую остановку на западе Аргентины в Мендосе, и что поэтому данный вопрос не может быть решён службой аэропорта. Извинившись за применение к нам необычной процедуры, он попросил нас не беспокоиться за наши паспорта и пройти в самолёт, не задерживая его отправки. Нам пришлось повиноваться обстоятельствам.

Заняв свои места, мы, как и другие пассажиры, стали смотреть через запотевшие окна на улицу, пытаясь обнаружить признаки существенного улучшения погоды, но таковых не было видно, о чём говорили и потоки дождя, с шумом падавшие на корпус самолёта. Однако, несмотря на такое состояние погоды, «Каравель» тронулась от причала и направилась к взлётной полосе. Теперь дождь сменился градом, который с большим грохотом бил по нашему металлическому фюзеляжу. Под этот необычный аккомпанемент мы взлетели и стали подниматься в сплошных несущихся мимо облаках, испытывая довольно большую тряску. Но после 2–3 минут после взлёта капитан вдруг объявил, что из-за технической неисправности мы должны вернуться обратно в аэропорт. Сразу после этого в самолёте погас или был специально выключен свет, что погрузило нас в темноту, а сам он стал резко крениться на одну сторону среди сотрясавших его густых облаков. Затем мы начали сильно крениться в другую сторону под грохот падающего на нас града. Пассажиры замерли в ожидании исхода попытки приземления, не зная, в чём состояла наша техническая неисправность, но помня, что аэропорт был закрыт для посадки самолётов. Проходившие минуты нервного напряжения казались страшно длинными. Облегчению этого состояния вовсе не способствовала и группа из 10–12 монахинь, которые начали активно молиться. Остальные пассажиры молчали в нервном оцепенении. Сделав ещё несколько резких поворотов и кренов, «Каравель» пошла на резкое снижение и вскоре жёстко стукнулась об асфальт посадочной полосы, снова

подскочила в воздух, а затем несколько раз повторила уже затихающие подскоки и с рёвом реверсов помчалась дальше, постепенно сбивая скорость. Наконец она остановилась с выключенными двигателями в почти полной темноте, и мы почувствовали себя в безопасности, несмотря на то, что нам казалось, будто нас заперли в каком-то герметически закрытом темном металлическом ящике, по которому оглушительно бьют тысячи палок — это были потоки хлещущего по самолёту града.

«Каравель» продолжала стоять в мокрой темноте где-то на лётном поле при полном молчании экипажа и команды в течение нескольких минут. Затем, словно опомнившись, одна из стюардесс сообщила, что самолёт не может подъехать к терминалу и поэтому нужно ждать автобусов для нашей перевозки. После этого нервное напряжете среди пассажиров заметно спало, все начали вставать, торопясь поскорее покинуть самолёт, но выходить было пока некуда. Минут через 10 появился первый автобус, и пассажиры поспешили к открывшемуся сзади трапу выхода. На улице по-прежнему бушевал ветер с дождём и градом, и за несколько шагов к автобусу все успевали промокнуть до нитки. К счастью, быстро подошли ещё два автобуса и смогли взять остальных пассажиров.

При входе в зал ожидания, который мы покинули около получаса тому назад, собралась большая толпа служащих и пассажиров, ожидавших своих рейсов, которые восторженно приветствовали нас, как людей, переживших большое испытание. Когда мы с Женей переступали порог входа в этот зал, к нам быстро подошёл чиновник, отобравший у нас паспорта, и с новыми извинениями вернул их нам. Большая часть пассажиров нашего рейса сразу же направились к стойке компании сдавать или менять свои билеты: после случившегося с нами инцидента они не хотели продолжать этот полёт. Мы вместе с небольшой группой, оставшейся от нашего рейса, пытались выяснить, что с нами будет дальше. Никто толком ничего нам сказать на этот счёт не мог, кроме просьбы подождать выяснения ситуации.

Мы слонялись по залу в томительном ожидании решения относительно нашего перелёта в Сантьяго, волнуясь в связи с возможным запозданием к началу конференции, которая открывалась там на следующее утро. Где-то час спустя все заметили прекращение дождя и ветра, рассчитывая в этой связи, что, может быть, скоро аэропорт откроют для вылетов и нас отправят, пусть с пересадками, в Сантьяго.

Каково же было наше удивление, когда по радио объявили, что наш самолёт приведён в порядок и на него начинается посадка. Многие чувствовали себя неуютно, снова садясь в тот же

самый самолёт, в котором они каких-то пару часов назад пережили немалые неприятности. По этой причине ещё несколько человек решили сменить свои билеты, а остальные направились на посадку. На этот раз мы просто показали прежние корешки посадочных талонов, и никто не предлагал нам показать наши документы.

Мы взлетели, и почти весь путь до Мендосы у подножия Анд наша «Каравель» спокойно летела на необычно низкой для реактивных самолётов высоте, стараясь идти между низким и высоким слоями плотных облаков. Обслуживали нас по-королевски, предлагая бесплатно даже шампанское и сигареты, как бы компенсируя все неприятности, с которыми нам пришлось рапсе столкнуться. В Мендосе нас встретило чистое звёздное южное небо. После посадки нам даже удалось немного погулять вокруг терминала и вдохнуть удивительно чистый и бодрящий воздух восточных склонов громады величественных Анд. Далеко за полночь мы наконец прибыли в чилийскую столицу, и хотя у нас оставалось всего несколько коротких часов для сна, самым главным было то, что после стольких перипетий в Уругвае и Буэнос-Айресе в тот день мы всё-таки оказались здесь к началу конференции.

Наша конференция продолжалась две недели, и за это время мне удалось познакомиться со столицей Чили гораздо более подробно, побывав в новых и посетив уже известные мне места. В этот раз особенно запомнились концерты фольклорных ансамблей из разных регионов Чили, посещение частных музеев современного прикладного искусства, виноградников и винодельческих хозяйств в окрестностях Винья-дель-Мар и вечеринки в домах у чилийских коллег. На этот раз какой-либо слежки за собой я не замечал, и моё пребывание здесь прошло спокойно и расслабленно. Согласно ранее согласованному плану нашего совместного путешествия Женя Кочетков, англичанин Стив Пёрл и я после завершения конференции вылетели в Эквадор.

ЭКВАДОРСКАЯ АВАНТЮРА

Моим соседом на пути в Гуякиль в самолёте оказался старый русский эмигрант из казачьего полка, которого революция застала новобранцем на службе в Иране, где напиши войсками командовал царский генерал Кондратьев. Будучи верен интересам России даже при смене власти, которую сам Кондратьев не принял, он сохранял вверенное ему войско ещё некоторое время после Октябрьской революции, но поскольку долго эта история продолжаться не мота в отрыве от страны, Кондратьев добился разрешения Москвы на встречу с Лениным для обсуждения положения с его войсками. В ходе встречи в Кремле генерал настаивал на сохранении нашего контингента в Иране в целях поддержания российских интересов в этом регионе, но на это требовались деньги, которых в стране, где шла Гражданская война, просто не было. Разочарованный отрицательным ответом вождя революции, генерал Кондратьев вернулся в Иран и распустил своё войско.

Те из офицеров и солдат, кто решил эмигрировать, стали разъезжаться в разные страны, но некоторые из них целыми отрядами направлялись на сельскохозяйственные работы в страны Южной Америки, где возникли целые поселения наших бывших воинов. Мой сосед по самолёту, с которым я разговорился, был одним из тех солдат, которые оказались на работах в Аргентине. Находясь уже на пенсии, сейчас он летел в Канаду навестить своего брата, который туда переехал ещё перед Второй мировой войной.

О рассказанной выше истории с генералом Кондратьевым я знал ещё раньше от его сына, с которым познакомился через его жену-француженку в ООН, где они оба работали. Шанталь Кондратьева была моей коллегой, а её муж был корреспондентом французской редакции «Голоса Америки» при нашей Организации. Кстати сама Шанталь принадлежит к очень старому, но давно обедневшему роду, который происходил от потомков дочери русского киевского князя Ярослава Анны, выданной отцом замуж за французского короля. Удивительно то, что в семейных архивах семьи Шанталь, которая, кстати сказать, великолепно говорит по-русски, сохранились документы, свидетельствующие о связи сё рода с русской королевой Франции. Любопытно, что одна из дочерей Кондратьевых, Валя, во время туристической поездки в Россию познакомилась с русским инженером и потом вышла за него замуж, но жить они стали в Америке.

Сделав часовую остановку в Лиме, наш самолёт без приключений доставил нас в самый крупный город Эквадора Гуаякиль, откуда мы собирались начать наше увлекательное путешествие по этой стране — путешествие, которое приготовило для нас целый ряд сюрпризов, сделавших его настоящим приключением…

…Первым европейцем, оказавшимся на территории сегодняшнего Эквадора, был великолепный испанский мореплаватель Бартоломе Руис, который в поисках богатой страны Биру в 1526 году по поручению Франсиско Писарро и его партнёров провёл их каравеллу от Панамского перешейка вдоль южноамериканского побережья и высадился вскоре после перехода через экватор около трех крупных индейских поселений. В них Руис обнаружил большое количество предметов из золота, а также драгоценности, что подтверждало слышанные раньше испанцами рассказы индейцев на карибском побережье об очень богатых землях на юге. Однако Писарро, Альмарго и их партнёрам после этого потребовалось ещё несколько плаваний к берегам Эквадора, чтобы подготовиться к завоеванию действительно баснословно богатой империи инков.

Незадолго до прихода испанских конкистадоров и своей смерти в 1525 году император Инка Уйана Капак разделил свои гигантские владения между двумя сыновьями. Один из них — Атауальпа — получил от отца северную часть империи под названием королевство Кито, а второму — Уаскару — досталось королевство Куско на территориях сегодняшних Перу и Боливии. В начавшейся между братьями жестокой войне Атауальпа взял верх и объявил себя императором всех владений отца. Но его торжество продолжалось недолго: в 1532 году Писарро высадился со своим отрядом на побережье Эквадора в заливе, названном им по имени святого Матео, и начал своё кровавое завоевание империи Атауальпа. Сам император, передав Писарро невероятное количество золота и драгоценностей ради спасения своей жизни, был вероломно убит испанцами в 1533 году в городе Кахамарка.

Завоевание королевства Кито Писарро поручил своему заместителю Бельалкасару, который начал свой поход в сегодняшний Эквадор из основанного Писарро поселения Сан-Мигель на севере Перу и, не встречая серьёзного сопротивления индейцев, уже в 1534 году поднялся через Аиды к главному городу северного королевства Кара. Отступившие перед Белъалькасаром индейцы полностью разрушили свою столицу, на месте которой он тогда же заложил новое поселение под названием Город Сан-Франциско де Кито. По его же приказу на

следующий год был основан важный и удобный порт Гуаякиль, в названии которого объединились имена вождя местного индейского племени Гуаяс и его жены Киль — название, которое перешло и на большой залив, щс расположился новый порт.

С 1539 года губернатором территории бывшего королевства Кито стал брат Франсиско Писарро Гонсало, который поднял восстание против попыток императора Карла V ограничить безжалостную эксплуатацию индейцев в новых колониях, но через два года Гонсало Писарро потерпел поражение от войск короны, после чего его бывшие владения обрели относительное спокойствие, однако испанцы, как и прежде, продолжали немилосердно эксплуатировать завоеванное население.

До конца XVII века Эквадор оставался частью вице-королевства Перу, а его главный город Кито стал постепенно превращаться в важный промежуточный центр наземного пути между столицей вице-королевства Лимой и его крупным портом на карибском побережье Картахеной, которая повторяла название большого города в Испании, повторившего в свою очередь в испанском звучании название Карфагена. (Другим наследием Карфагена в Испании является город Барселона, основанный отцом Ганнибала Баркой и названный его именем.) С 1740 года Эквадор перешёл в состав нового вице-королевства Новая Гранада и оставался его частью вплоть до обретения независимости.

Движение за независимость в Эквадоре и по времени, и по своему характеру примерно совпадало с действиями патриотов в большинстве других испанских колоний в Америке. Начиная с 1809 года и по 1822 год в Эквадоре предпринималось несколько безуспешных попыток добиться освобождения от власти Испании. Наконец в мае 1822 года в битве при Пичинче войска Антонио де Сукре — одного из самых талантливых и верных генералов Симона Боливара — нанесли окончательное поражение испанцам, после чего Эквадор вместе с Венесуэлой и Колумбией образовал конфедерацию Великая Колумбия, в которую он вошёл под названием «Южный департамент». Однако, после выхода Венесуэлы из этой конфедерации в 1829 году Эквадор в свою очередь в 1830 году объявил полную независимость. Сегодняшние границы этой страны были определены в протоколе Рио-де-Жанейро 1941 года, который оформил победу Перу в войне с Эквадором и потерю им в пользу победителя более половины его территории…

… Накануне нашего приезда в Гуаякиль в нём прошли крупные демонстрации студентов и рабочих, протестовавших против прибытия с визитом в страну тогдашнего вице-президента США Нельсона Рокфеллера. Несмотря на то что демонстрации

были буквально раздавлены полицией и войсками, причем с большими жертвами раненых и даже убитых, визит Рокфеллера пришлось отменить, но обстановка в городе оставалась очень напряжённой. Об этом нас всех троих уже в аэропорту предупредил служащий на паспортном контроле. Он добавил при этом, что хотя мы не были американцами, но поскольку других белых иностранцев в Эквадоре бывает очень мало, нас могут легко принять за гринго со всеми возможными последствиями. Поэтому, по его мнению, нам было бы лучше не ходить по городу пешком.

В нашем распоряжении было всего несколько часов, которые до выезда поездом в путешествие по стране мы могли посвятить ознакомлению с городом. Когда мы получили свой багаж, день уже клонился к вечеру. Для уточнения расписания поездов и определения местонахождения нужного нам вокзала мы обратились в бюро путешествий самого терминала. Там мы узнали совершенно неожиданную для нас новость: нужный нам вокзал находился не в городе, а на расположенном в заливе Гуаякиль острове, до которого нужно было плыть пароходом. Оказалось, что наш поезд в Кито будет отправляться с вокзала на острове в 9 часов утра, а чтобы успеть на него, мы должны были отплыть пароходом, уходившим от пристани города в шесть тридцать утра. Это означало, что на пристани нам следовало быть не позже шести часов.

Обсудив новую ситуацию, мы решили сначала поездить по городу на такси и хотя бы немного, таким образом, получить о нём какое-то представление, затем поужинать, поездить ещё по вечернему городу и отправиться к месту пристани, где рассчитывали купить заранее билеты на утренний пароход. В соответствии с этим планом мы взяли такси и начали поездку но городу, используя водителя в качестве гида. По своей инициативе и в ответ на наши просьбы он показывал нам центральные площади и улицы, памятники, церкви, парки и другие достопримечательности Гуаякиля, в том числе и импозантный монумент освободителям страны Хосе де Сан-Мартину и Симону Боливару. В целом ряде кварталов мы видели много разного мусора, разбитого стекла, камней, палок и всяких других свидетельств прошедших здесь недавно демонстраций и их силовых столкновений с армией и полицией. На стенах домов было немало антиамериканских лозунгов, крупно написанных красной и чёрной краской. На некоторых из них можно было увидеть очень большие портреты Че Гевары в революционном берете с красной звездой, занимавшие иногда несколько этажей безоконных стен. Надо сказать, что подобные изображения Че

вместе с подписью местных революционеров тупамарос встречались и в других городах Южной Америки. Таксист рассказывал о некоторых подробностях бурных событий ряда прошедших дней. Пока было светло, мы порой выходили из машины сделать фотографии, но наш водитель старался нас от этого удержать или просил не отходить при этом от машины.

Экскурсия по городу завершилась совсем поздно, когда уже давно наступила плотная тропическая ночь. Мы попросили таксиста отвезти нас на пристань, где думали в обычном вокзальном помещении купить билеты на пароход и убедиться в правильности сообщённого нам в аэропорту расписания и парохода, и поезда. Услышав нашу просьбу, водитель такси замялся и после некоторых колебаний сказал, что это место, особенно ночью, является очень опасным, так как там собираются по своим делам и для ночлега десятки воров и бандитов города. Это неуютное сообщение заставило нас задуматься, но всё равно нужно было хотя бы знать, куда мы должны явиться ещё в совершенно тёмный по-здешнему утренний час для покупки билетов и посадки на пароход, когда все эти опасные люди ещё будут там находиться в полном сборе. Мы решили поехать на пристань, для того чтобы оценить существующую там ситуацию.

Минут через тридцать наша машина въехала в совершенно тёмный, ничем не освещённый район, и водитель попросил пас плотно закрыть окна и запереть двери для большей безопасности, подтверждая тем самым опасную репутацию этого района. После нескольких поворотов перед нами под лучами фар возникла совершенно пустая набережная, где не было ни одного фонаря, ни одного автомобиля и никаких людей. Через несколько минут на той стороне, где должен был быть залив, в свете фар мелькнуло какое-то строение, похожее на заброшенный сарай, которое таксист назвал вокзалом, а затем по мере продвижения машины вперёд мы увидели кишащую массу полураздетых стоявших, сидевших или лежавших на земле людей в грязных лохмотьях. Некоторые фигуры возникали совсем недалеко от машины, и тогда мы могли мельком увидеть их страшные физиономии со следами побоев и увечий, иногда прикрытых грязными лоскутами тряпок или бинтов. Это было действительно устрашающее зрелище. «Я же вас предупреждал», — сказал водитель, направляя машину вдоль набережной подальше от этой ужасной толпы, и затем спросил, что мы будем делать дальше.

Мы попросили его остановиться в безопасном месте обсудить наше положение. Проехав ещё немного вперёд и увидев на другой стороне маленькую вывеску кафе, он развернулся и остановился у его входа. Сейчас мы были примерно в 200–250 метрах от

причала. Мы пригласили водителя на чашку кофе и сели все вместе обдумывать наш план действий. В кафе было всего пять-шесть столиков, и помимо нас там сидело ещё двое молодых людей, беседуя о своих делах. Наше появление в этом забытом богом месте в такой поздний час в сопровождении таксиста вызвало удивление присутствующих и хозяина, который сразу же подошёл к нам и поинтересовался, что мы хотим заказать. Все попросили кофе и, не дожидаясь чашек с ароматным напитком, принялись за обсуждение нашей проблемы. Поскольку мы говорили между собой по-английски, таксист перешёл к маленькой стойке, где хозяин готовил наши напитки, и стал пока общаться с ним. Двое молодых людей прекратили собственный разговор и словно зачарованные наблюдали за нами.

Поскольку никакого решения для безопасной посадки на пароход в тёмный утренний час, когда в кромешной тропической тьме было непросто найти даже сам сарай вокзала, не говоря уже о преодолении массы профессиональных воров и бандитов, мы не находили, нам пришла в голову мысль о возможности узнать о другом, более позднем поезде и соответственно пароходе. Наш первый вопрос относительно этой идеи был задан нашему водителю, но он, будучи не в курсе, переадресовал его хозяину, который в этот момент направлялся к нашему столу с приготовленными чашками кофе. Хозяин нас разочаровал своим ответом, сообщив, что единственный пароход на наш единственный поезд, который, как оказалось, к тому же ходит не каждый день, отплывал именно в шесть тридцать утра.

Тоща мы стали расспрашивать хозяина, каким образом можно было бы без неприятностей попасть на пароход в нашем положении, и как это делают другие люди, которым нужно проехать от причала на вокзал. В ответ он сообщил, что местные пассажиры приезжают на пристань за несколько минут до отплытия парохода в окружении нескольких друзей или родственников из мужчин, чтобы как можно меньше времени находиться на пристани. Во-вторых, зная об этой опасной ситуации, они никогда не имеют при себе липших денег, но даже при этих предосторожностях, подчеркнул хозяин, у них тоже возникают неприятности, так как иногда их тоже грабят или крадут у них вещи. Однако, по его мнению, ввиду того, что мы иностранцы, к нам наверняка будет проявлено особое внимание, и нам следует быть особенно осторожными.

Ответ хозяина не давал безопасного решения нашей проблемы. Мы чувствовали себя словно в мышеловке, не видя другого выхода, кроме радикального изменения давно подготовленного плана путешествия и отказа от одного из самых

интересных маршрутов, о котором мне довелось слышать и читать. Но на это мы пока ещё идти не хотели. Таксист, который провёл с нами много времени и уже хорошо заработал, тоже ждал нашего решения, так как было очень поздно, и ему нужно было возвращаться домой. Два молодых человека продолжали следить за нами, слушая наши разговоры. Один из них увидел у меня пачку американских сигарет и подошёл ко мне с просьбой его угостить, что я и сделал. Через несколько минут его примеру последовал второй, после чего они оба подошли к хозяину и стали с ним о чём-то говорить. Поскольку они все трое время от времени поглядывали в нашу сторону, мы подумали, что их разговор касался нас.

Действительно, через несколько минут хозяин подошёл к нам и, ссылаясь на идею, подсказанную ему двумя молодыми людьми, предложил возможное решение нашей проблемы. Он сообщил, что в его ночное кафе каждый день около половины шестого утра приходит на чашку кофе живший неподалёку механик, который работает в аэропорту Гуаякиля по обслуживанию самолётов американской (сегодня уже не существующей) авиакомпании «Брэнифф». Около шести часов за ним приходит автобус этой компании и отвозит его на работу. Этот механик, которого хозяин кафе считал славным малым, был знаком с некоторыми из обитателей пристани, и предположил, что, может быть, если он согласится, нам удастся с его помощью целыми и невредимыми сесть на пароход.

Я сразу ухватился за эту идею, но мой английский спутник считал, что доверяться в такой ситуации незнакомому человеку было довольно рискованно. Некоторые сомнения на этот счёт были и у Жени, но он в принципе не возражал. После нескольких минут обсуждений мы решили дождаться механика в кафе, так как ехать куца- то в гостиницу было слишком поздно, да и уже бессмысленно, если мы не хотели разминуться с нашим гидом из «Брэниффа». Таксист внёс наши чемоданы в кафе, получил очень щедрое вознаграждение и отправился домой. Хозяин, опасаясь за судьбу наших чемоданов, стоявших около нашего стола, тут же перенёс их с помощью двух молодых парней к себе на кухню, объяснив, что некоторые люди с пристани иногда приходят выпить чашку кофе, а с ними нужна большая осторожность.

Мы поблагодарили молодых ребят, которые, казалось, никуда не собирались уходить, за их предложение насчёт механика и угостили их кофе вместе с целой пачкой моих сигарет, запас которых был в моей сумке. До появления механика теперь оставалось ещё около трёх часов. Мы коротали их в разговорах с хозяином и молодыми людьми, которые устроились за столиком

рядом с нашим. Сейчас, когда мы почти согласились на услуги механика, нас стал беспокоить вопрос о его возможном несогласии на нашу просьбу, но наши эквадорские собеседники были в нём уверены и даже обещали свою поддержку. Они с охотой отвечали на другие наши вопросы, рассказывали о недавних демонстрациях и жизни в стране, о себе, и в свою очередь расспрашивали нас. Их очень удивило, что мы не были американцами, и они ещё больше удивились, узнав, что двое из нас были русскими.

Незадолго до прихода механика у открытого настежь входа в кафе, у которого не было двери и вход закрывался только створчатым металлическим занавесом, стали показываться отдельные личности с пристани. Они оставались, как правило, на улице, с любопытством рассматривая нас оттуда. Затем двое из них прошли прямо в кафе и, заняв столик, заказали себе по чашке кофе, уставившись на нас своими немытыми физиономиями. Им-то уж действительно некуда было спешить, а наше необычное присутствие здесь было для них, по крайней мере, целым развлечением. Вели они себя спокойно и совсем не враждебно. Через некоторое время один из них подошёл к нашему столу и попросил у меня сигарет для себя и своего спутника. Получив сигареты, они повернули свои стулья полностью в нашу сторону и продолжали так сидеть, слушая наши разговоры.

Наконец в кафе вошёл механик, который очень удивился тому, что в нём оказалось трое иностранцев, совершенно не подозревая, что мы давно и с нетерпением ждали его прихода. Он оказался рослым и крепким молодым мужчиной в чёрной кожаной куртке, наброшенной на тенниску с буквами «Braniff». Внешне он скорее был похож на американского рабочего парня, а не на эквадорца. Пожав руку хозяину и двум молодым людям, он поприветствовал и нас. До того, как принести механику его обычную чашку кофе, хозяин коротко рассказал ему о нашей просьбе, а мы предложили ему сесть за наш стол для продолжения разговора. Садясь к нам, он теперь заметил находившихся в кафе двух обитателей пристани и кивнул им головой в знак приветствия, что нам показалось хорошим признаком — некоторые из этих людей были ему по крайней мере знакомы.

Поскольку из нас троих я один говорил по-испански, весь разговор с механиком выпал на меня, а в остальных случаях я исполнял роль переводчика. Я ещё раз изложил механику нашу просьбу, отметив, что мы сумеем его отблагодарить за услугу. Выслушав меня, он посмотрел на часы и сказал, что его служебная машина придёт за ним около шести, то есть нам нужно

будет выйти так, чтобы оказаться прямо у кассы в шесть, когда она открывается, и чтобы он, проводив нас до трапа парохода, мог быстро вернуться к машине. На случай небольшой задержки он собирался попросить хозяина кафе передать его водителю просьбу подождать несколько минут до его возвращения с пристани. К нашей радости, Мигель — так звали механика — не заставил себя уговаривать и, начиная свою чашку невероятно густого кофе, изложил тактику нашего перехода из кафе к будке кассы на пристани.

Во-первых, мы должны были сразу же начать двигаться в один ряд, плотно держась друг друга, и сохранять этот порядок на протяжении всего перехода. Он сам будет идти с того края, который ближе к пристани, и нести два из наших трёх чемоданов. Рядом с ним буду идти я с моим чемоданом, а мои коллеги будут идти без поклажи рядом со мной и почаще смотреть назад, чтобы следить за возможными попытками напасть на нас со спины. Мы заранее прямо в кафе должны были ему передать деньги на билеты, чтобы не доставать их каждому из нас перед кассой, и чтобы билеты для нас он взял сам. Оказавшись у будки кассы, нам следовало каждому держать собственные чемоданы за ручку, постараться не ставить их на землю и стоять лицом к толпе, которая должна была непременно возникнуть вокруг нас. После получения билетов он хотел проводить нас через турникет, где на контроле стоял его знакомый, и затем дойти с нами до трапа парохода. Судя по изложенному им подробному плану нашего перехода на пристань, Мигель, по-видимому, неплохо знал поведение, приёмы и способы действий её обитателей. Ещё раз посмотрев на часы, он попросил нас передать ему деньги на билеты и приготовиться к переходу.

Механик поднялся и, подойдя к тем двум субъектам с пристани, которые продолжали следить за нами со своего столика, о чём-то коротко с ними переговорил, после чего они оба поднялись и вышли, а он оставил несколько монет за их и свой кофе хозяину.

Стив, который заметно волновался по поводу всей этой истории, потихоньку выразил нам с Женей свои сомнения относительно порядочности механика и нашей затеи. Но теперь заниматься обсуждениями было уже поздно, и, получив от хозяина наши чемоданы и щедро рассчитавшись с ним за кофе и оказанную нам помощь, мы выстроились по схеме Мигеля и двинулись при первых признаках рассвета к пристани. Два молодых человека, которым мы были обязаны идеей о механике, вызвались пройти с нами, держась на несколько метров сзади и следя за возможными покушениями на наши вещи или карманы

сзади.

Мы не успели сделать и двух десятков из предстоявших нам 200–250 метров, как на некотором расстоянии за нашими спинами уже появилась небольшая толпа неизвестно откуда возникших людей с пристани. Эта толпа всё время нарастала по мере нашего продвижения по осевой набережной, а когда мы стали подходить к самой пристани, почти все находившиеся там десятки её обитателей поднялись и, тыча в нас пальцами, начали громогласно высказываться по поводу нашего шествия всего в нескольких метрах от шагавшего с их стороны Мигеля. По ходу нашего продвижения механик вносил поправки в свой план с учётом реальностей обстановки. Когда мы остановились за символической перекладиной металлического барьера у будки кассы, вся эта масса люда с пристани сгрудилась совсем рядом с нами, разглядывая и изучая нас почти в упор, так как Мигель поставил нас лицом к толпе с чемоданами в руках. В кассе перед нами был всего один местный пассажир с двумя сопровождавшими его мужчинами, что ускорило получение Мигелем билетов, которые он сам же передал своему знакомому контролёру, а потом, подхватив у нас два чемодана и пропустив нас на контроле вперёд, проследовал с нами к трапу парохода. Он вернул нам корешки наших билетов и полученную за них сдачу, наотрез отказавшись от какого-либо вознаграждения за свои услуги и приняв от меня только пачку американских сигарет. Он спешил, и мы быстро попрощались, осыпая его словами признательности и благодарности.

Только поднявшись на нижнюю палубу парохода и оглянувшись на уходившего Мигеля, мы могли с высоты лучше разглядеть всю массу тех страшных людей, через которую мы прошли несколько минут тому назад под защитой славного эквадорского механика из американской компании «Брэнифф».

Сам пароход для нас тоже явился сюрпризом. По своему внешнему виду и общему устройству он относился к тому поколению своих колёсных собратьев, которые начали бороздить воды тропиков на рубеже XIX–XX веков и которые можно было видеть в старых голливудских фильмах, рассказывавших о приключениях той эпохи где-нибудь в джунглях Бразилии. На нашем пароходе не было никаких кают или внутренних помещений. Все пассажиры должны были размещаться на нижней или верхней из двух палуб, последняя из которых была прикрытием от дождя и солнца для первой. Обе палубы, казалось, служили каким- то вспомогательным дополнением к трюму и машинному отделению, которые занимали большую часть корпуса парохода в его центре. Само машинное отделение было

полностью открытым, и любой пассажир мог наблюдать с той или другой палубы деловое движение дымящих и грохочущих механизмов металлического сердца нашей древней посудины.

Осмотрев быстрым взглядом этот экземпляр плавучего антиквариата, мы поднялись наверх и разместились на одной из скамеек второй палубы. Оставив чемоданы около скамейки, мы подошли к перилам, чтобы посмотреть на панораму города со стороны залива Гуаякиль. Даже в этот ранний час при поднимавшемся солнце было уже очень жарко. От грязной воды, в которой плавали гниющие отбросы, ветки и листья тропической флоры, а также всякие случайные предметы, несло душными неприятными испарениями. Через постоянно разинутую пасть трюма и машинного отделения можно было видеть бегающих взад и вперёд мокрых от пота грузчиков в трусах с огромными ветками бананов, а также рабочих, деловито осматривающих работающие механизмы. Всё выглядело очень экзотично, было полное ощущение того, что находишься где-то в далёких от цивилизации тропиках, но тропиках прошлого века.

Пассажиров на пароходе было совсем немного, и мы, как редкие здесь иностранцы, сразу же стали привлекать к себе внимание. Один из пассажиров подошёл к нам, поздоровался и посоветовал нам не оставлять без внимания наши чемоданы и сумки, так как воры, как это здесь случалось, вплавь подкрадывались к пароходу с пристани и незаметно крали вещи, оставленные без присмотра, иногда выбрасывая их за борт своим сообщникам и прыгая за ними в воду сами. После того как я перевёл это предупреждение моим коллегам, мы решили устроиться на скамейке у своих вещей и по очереди, если было нужно, прогуливаться по палубе.

Стив, который продолжал беспокоиться за нашу безопасность и недоверчиво относился ко всяким новым контактам, которые возникали у меня по моей инициативе в силу свойственной мне общительности или по причине моего знания испанского языка, предложил в моих разговорах представлять нас шведами. По его мнению, о шведах в этих странах вряд ли кто что-либо знал или слышал, к тому же это нейтральная страна, граждане которой не могут вызывать отрицательных эмоций, что сделает наше положение менее уязвимым.

На эту удочку моего английского спутника я попался почти сразу, так как через несколько минут ко мне подошёл тот же человек, который нас предупредил о наших вещах, и начал разговор именно с вопроса, из какой страны мы приехали. Следуя совету Стива, я сказал, что мы из Швеции, за чем последовала целая серия более подробных вопросов об этой стране: «нашей»

шведской географии, климате, медицинском страховании, системе образования, уровне жизни и вообще о самых разных вещах. Моим собеседником оказался неплохо образованный инженер, который по тачным делам ехал в какое-то местечко со своим товарищем, сидевшим на другой лавочке с их вещами. Если бы я не бывал раньше в Швеции, то мне было бы совсем непросто выйти из этого положения, не обнаружив нашей неправды. За время плавания к нам подходили ещё и другие пассажиры, которые тоже интересовались нашим происхождением, и которым мне приходилось снова представлять нас шведами. Но это было со мной в первый и последний раз. Вскоре появился и остров с нашим железнодорожным вокзалом, на который нам оказалось так непросто попасть.

Здешний вокзал, оказавшийся совсем недалеко от пристани, представлял собой одну платформу, за которой стоял древний сарай, где находились несколько примитивных грязных лавчонок со всякой местной снедью и билетная касса с расписанием поездов. Однако расписание было настолько стёрто временем и замазано грязью, что на нём ничего нельзя было разобрать. Я решил ещё раз убедиться в правильности той информации, которая у нас была относительно конечной станции назначения поезда и его отправления, и справился на этот счёт в кассе. Получив подтверждение, что стоявший на пути единственный здесь поезд действительно шёл в Кито и должен был отправляться примерно через 35–40 минут, мы приобрели билеты до Кито и сразу же пошли к вагону, чтобы занять удобные места для наблюдения за меняющимися пейзажами во время нашего долгого и, как нам было известно, необычного и очень живописного пути из Гуаякиля.

Наш совсем крохотный поезд походил скорее на привезённый со свалки времени старый трамвай, состоявший из трёх небольших вагонов, в которых тамбуры не имели никаких дверей, а в самих вагонах крупные по размерам окна в основном были без стёкол. У деревянных лавок для пассажиров были необычно высокие спинки, но их сиденья, несмотря на жёсткость, были относительно удобными для короткого путешествия. Внутри вагонов было грязно и очень жарко. Мы выбрали себе места у окон, расположившись каждый на отдельной лавке, ввиду небольшого числа собравшихся пассажиров. Конечно, после перелёта накануне из Чили и бессонной ночи в кафе на пристани в Гуаякиле со всеми постигшими нас перипетиями мы очень устали и уже проголодались, но после успешной посадки на пароход, а теперь и на поезд у нас появилось второе дыхание, подкреплённое захватывающей перспективой предстоящего

увлекательного путешествия через джунгли и Анды Эквадора.

Что касается еды, то нам было известно, что во всех южных странах на безопасное для желудка питание можно было рассчитывать только в хороших ресторанах больших городов, а воду следовало пить предпочтительно из бутылок и даже чистить зубы нужно было тоже минеральной водой. Находясь в путешествии, мы особенно старались соблюдать эти элементарные правила, предпочитая иногда обойтись без соблазнов местной кухни. Но находиться целый день в поезде без еды было тоже невозможно, и, посовещавшись, мы решили запастись достаточным числом бутылок с минеральной водой и крупной связкой бананов, которые можно было спокойно есть, снимая с них кожу. С этим поручением мои коллеги отправили меня в лавочки на вокзал.

Когда, нагруженный приобретёнными запасами, я стал подходить к поезду, то очень удивился собравшейся прямо у входа в наш вагон толпе людей. По внешнему виду они были индейцами, которые, кстати, вместе с метисами составляют свыше 70 % всего населения Эквадора. Подойдя ближе, я увидел, что в центре толпы, которая заблокировала вход в наш вагон, происходит самая настоящая драка. Дрались два индейца с уже окровавленными лицами и синяками, но их взаимное избиение друг друга проходило без всякою внешнего проявления злобы или ненависти. Сначала как-то ненормально спокойно, даже будто без всякого желания и скорее по необходимости, один ударял второго, который почти не защищался от получаемых ударов. Затем такой же раунд предпринимался в ответ против первого нападавшего. После короткой серии обмена кулаками наступала пауза, в ходе которой враги переводили дыхание, испытывающе смотрели друг на друга, не говоря при этом ни одного слова, а затем всё повторялось сначала. Это была какая-то странная молчаливая драка без всяких внешних эмоций. Люди в окружавшей их толпе наблюдали за дракой очень сосредоточенно, но тоже в полном молчании и лишь немного перемещаясь, чтобы не мешать и не занимать пространство у участников поединка. Видя, что эта тупая драка может продолжаться ещё какое-то время и блокировать для меня вход, я пошёл к другому тамбуру, но вдруг в проёме окна увидел Женю, который принял от меня принесённый провиант прямо с платформы, а я вошёл в вагон через вторую площадку. Несколько минут спустя драка закончилась, и толпа разошлась так же молчаливо, как наблюдала за кулачным боем.

Вскоре поезд тронулся и по узкой полосе рельс очень медленно, словно тяжёлый пароход, потянулся по водам залива,

создавая иллюзию, что мы не едем, а плывём по воде. Солнце продолжало подниматься, а вслед за ним росла и влажная, липкая жара. Пассажиров в нашем вагоне было совсем не много, и мы сохраняли свои просторные места. Очень скоро наш поезд вышел из водного пространства и так же медленно стал вползать в район тропических болот, где в вагоны без оконных стёкол стали влетать массы самых невероятных местных насекомых, досаждая пассажирам своими упрямыми приставаниями. Потом возникли очень крупные комары. Меня комары любят во всех широтах, но в здешних болотах мне пришлось с ними воевать в течение всего продвижения поезда по этой влажной тропической полосе, с сожалением вспоминания, что я единственный из нас троих, кто не удосужился перед отъездом из Нью-Йорка сделать необходимые прививки или запастись нужными лекарствами.

Затем поезд стал понемногу подниматься, и болота уступили место более сухому тропическому лесу, а с его появлением начались остановки, *где,* как обычно происходит на станциях, выходили одни и входили другие пассажиры. Необычность наших новых пассажиров заключалась в том, что они почти все, за исключением нескольких метисов, были настоящими индейцами в их ярких национальных одеждах с неизменными шляпами. У женщин шляпы были совершенно одинаковыми, в форме котелка из фетра, но разных расцветок, тогда как мужчины носили разные по форме и плетению соломенные шляпы. Между собой они почти все говорили на кечуа — языке, который здесь когда-то усиленно и успешно насаждали завоевавшие эти земли инки.

Другой любопытной особенностью новых пассажиров было то, что они везли с собой не только какие-то вещи в виде мешков, корзинок, пакетов и узлов, но и свою домашнюю живность: за время пути в нашем вагоне побывали куры, гуси, козы, овцы и даже свиньи вместе с другими птицами и маленькими животными. Все, кроме нас, воспринимали это путешествующий скотный двор как обычное нормальное явление, не обращая внимания на находившихся рядом с ними птиц и животных с их пением, кудахтаньем, блеянием и хрюканьем. Проходивший время от времени для проверки билетов контролёр тоже без всяких возражений перешагивал через эти живые препятствия на своём пути. Иногда попадались безбилетники, которые, увидев контролёра, сразу же направлялись к выходу на противоположной стороне вагона и спрыгивали с поезда.

Дело в том, что наш маленький поезд тянул совсем неказистый паровозик английского производства конца XIX века, когда англичане, строившие здесь, да и в большинстве стран Южной Америки, первые железные дороги, привезли сюда свои

паровозы и вагоны. С тех пор этот подвижной состав данной железной дороги не менялся, а лишь ремонтировался. Наш поезд к тому же двигался все время вслед за поднимающейся местностью вверх, и чем выше, тем медленнее. Он шёл в основном так медленно, что люди сходили с него и входили в него не только на станциях, но и в наиболее удобных для них местах. Кроме того, поскольку из-за крутизны подъёма при приближении к отрогам Андийских Кордильер железнодорожное полотно извивалось длинными петлями, из поезда можно было выйти в начале такой петли, пересечь её пешком без всякой спешки и встретить поезд на следующем изгибе. Мы с Женей тоже испробовали такой эксперимент, а на одной из более длительных остановок мы с ним даже пошли погулять по индейской деревеньке, поглядывая на поезд, а когда он пошел, мы сели на него на очередной петле.

Несколько раз наш паровоз-ветеран на более трудных подъёмах скользил на рельсах так сильно, что часть пассажиров сходила, чтобы облегчить его усилия, а помощник машиниста спускался из кабины с ведром песка и сыпал его на рельсы, после чего поезд, скрипя и напрягаясь, трогался, и все снова занимали свои места.

Окружавший нас пейзаж менялся с возраставшей высотой местности. На этом маршруте мы должны были пройти несколько климатических зон от жарких тропиков побережья до холода перевалов через Анды. Именно на нескольких подъёмах и спусках почти по вертикальным склонам высоких андийских скал наш паровоз проявил себя самым настоящим мужественным воином. До того как я сам испытал эти восхождения и спуски на поезде, я никогда бы не мог себе представить, что это возможно не только на нашем хилом паровозике, но и на мощном современном электровозе.

Попробуйте, дорогой читатель, представить себе почти отвесную и очень высокую гору, к подошве которой подъезжает ваш поезд с задачей подняться на неё и затем спуститься с неё с противоположной стороны — задачей, которая представляется невыполнимой. Но английские инженеры нашли для неё восхитительно простое и смелое решение: вдоль подошвы горы под небольшим углом подъёма, на который способен подняться паровоз, в скале прорубали узкий срез, где укладывались рельсы; затем этот срез с рельсами продолжали снова параллельно подошве горы, образуя пространство, на котором мог разместиться состав поезда; поезд сначала поднимается по срезу в скале под небольшим углом вверх и затем останавливается на ровной части среза; от хвоста поезда теперь начинается новый

срез в скале под таким же небольшим углом, как и предыдущий, с продолжением рельс в плоскую часть, куца поезд попадает с первого яруса остановки, двигаясь своим последним вагоном вперёд.

Эта страшная, головокружительная схема подъёма продолжается до самой вершины горы, преодолев которую поезд точно таким же способом затем проводит спуск с ее другой стороны. На всём расстоянии этого невероятного подъёма и спуска с повторяющимися манёврами вперёд-назад поезд и пассажиры висят над бездной без каких-либо ограждений или перил, да они, видимо, были бы просто бессмысленными, так как были бы в любом случае не способны удержать поезд от падения. Когда наш слабенький паровоз, несколько раз выполняя эту горную акробатику, оказывался всего на втором или третьем этаже этой устрашающей лестницы, большинство пассажиров, увидев, как с высоты самолета, подножие горы при подъёме или спуске, инстинктивно переходили на ту сторону вагона, которая упиралась в стену горы, чтобы не видеть далеко внизу зияющую пропасть.

Однажды во время пути мы остановились перед мостом через горную реку, что, оказалось, было вызвано размывом небольшого участка сё полотна водой во время недавно прошедшего здесь шторма. Многие пассажиры высыпали на улицу посмотреть, как рабочие ремонтируют наш путь. Мы с Женей присоединились к некоторым из них и рискнули перейти по шпалам на противоположный берег, где велись работы. К нашей радости, начатый за несколько часов до нашего прибытия к этому месту ремонт пути уже заканчивался, и довольно скоро наш паровоз со скоростью пешехода преодолел починенный участок и направился к самой большой на этом пути станции Рио-Бамба, лежащей примерно на половине расстояния между Гуаякилем и Кито. Ковда мы прибыли в этот горный городок с фантастическим видом на поразительно красивый вулкан Чимборасо, наш кондуктор вошёл в наш вагон и громко объявил, что это последняя станция, что поезд дальше не пойдёт и что всем нужно освободить вагоны.

Это объявление явилось для нас полной неожиданностью, но мы наивно подумали, что здесь, очевидно, была пересадка на Кито. Для уточнения я обратился к проходившему кондуктору с этим вопросом, показывая ему наши билеты, где чётко значился Кито, на что он ответил очень просто: расписание поменяли, и если мы хотели продолжить путь до столицы, мы могли это сделать с этими же билетами, но через два дня, когда туда будет поезд. Нам трудно было поверить в подобные методы работы

местной железной дороги, но неожиданному изменению ситуации нужно было смотреть в лицо, что в тот конкретный момент означало выгрузку из вагона и обдумывание плана наших дальнейших действий на половине пути к Кито.

Оказавшись на быстро опустевшей платформе под взглядом великолепного величественного Чимборасо со снежной шапкой на его вершине, мы присели на наши чемоданы и обменялись мнениями по поводу сложившегося положения. Поскольку дело шло к вечеру, ясно было одно, что в тот же день мы никуда уехать всё равно не сможем и, поскольку за время нашего длительного путешествия мы порядном устали и проголодались, было решено направиться в гостиницу, вымыться и за ужином решить, как быть дальше.

На выходе с вокзала нам удалось без труда взять такси, водителя которого мы попросили отвезти нас в самую приличную гостиницу города, куца он подъехал буквально через десять минут. К нашему удовлетворению, в гостинице, которая по своей архитектуре и возрасту напоминала крупное жилище одного из первых богатых испанских поселенцев, было много свободных номеров, и мы могли выбрать комнаты с панорамным видом на глубокую долину и поднимающийся за ней высокий конус Чимборасо. Как и в других местах, приезд сюда иностранцев был экзотическим событием для тех, кто нас видел, и прежде всего в гостинице.

Расположившись и приняв душ, мы отправились в ресторан, где в этот час оказались единственными клиентами и где нас обслуживало одновременно несколько официантов во главе с хозяином. Заказав ужин, мы решили выяснить у хозяина возможности выезда из Рио-Бамбы на следующий день, не дожидаясь два дня поезда. Он сообщил, что оттуда в Кито каждое утро отправлялся автобус, который прибывал в него к вечеру из-за не очень хорошей дороги и бесконечных остановок в крупных деревнях и городках. Такое путешествие нам показалось очень привлекательным, так как давало возможность проехать по широкой высокогорной долине, посмотреть более близко на жизнь индейцев и увидеть новые потрясающе красивые пейзажи. Выяснив дополнительные подробности, связанные с часом отправления автобуса, местом нахождения его станции и магазина для закупки в дорогу воды и бананов, мы рано отправились спать и попросили хозяина разбудить нас в шесть утра, чтобы успеть позавтракать и немного погулять по городу до выезда на автобусную станцию.

На следующее утро с восходом солнца мы уже с аппетитом завтракали, наслаждаясь почти всегда безопасными жареными

яйцами с беконом. Приготовив к отъезду вещи, наша троица вышла в экзотическое индейское поселение Рио-Бамба, состоявшее в основном из жалких примитивных лачуг без каких-либо удобств и даже без электричества, но разместившихся по внедрённой ещё первыми испанцами квадратной сетке расположения улиц вокруг центральной площади, которая почти неизменно везде называлась Пласа де Армас.

Пройдясь по нескольким очень похожим друг на друга улицам, мы случайно наткнулись на окраине этого городка на базар. Этот день оказался, на нашу удачу, базарным, что дало нам возможность познакомиться с той формой торговли, которую мы считали уже давно ушедшей в прошлое и забытой. К нашему невероятному удивлению, на этом базаре люди деньгами не пользовались. Мы с любопытством наблюдали, как, например, человек, нёсший в руках живую курицу, останавливался у других продавцов, продававших корзинки, домотканую одежду или ремесленную посуду, и в разговоре с ними рассматривал их товар и демонстрировал достоинства своей курицы. Обойдя нескольких потенциальных кандидатов на сделку и выяснив наиболее подходящие условия, он затем подходил к тому из них, кто его устраивал больше других. Отобрав себе несколько горшков, продавец курицы передавал её новому владельцу и отправлялся со своими приобретениями домой.

Мы не разу не видели, чтобы люди на базаре рассчитывались деньгами. Надо также отметить, что сама атмосфера рынка была совершенно не похожа на движение, шум, выкрики продавцов и то общее оживление, которые являются типичными для обычных рынков. На этом базаре в основном царило какое-то мрачное молчание, люди никогда не улыбались, почти не разговаривали друг с другом, если не считать коротких фраз, которыми они изредка обменивались для целей выяснения условий сделки. На лицах присутствующих лежала печать какой-то неизбывной вековой печали и страдания, что оставляет угнетающее впечатление. Этот общий мрачный, угнетённый вид мы наблюдали среди индейцев и в других местах.

Познакомившись с этим необычным базаром, мы поспешили в гостиницу за своими вещами, а оттуда на такси прямо на автобусную станцию. Там автобус уже принимал пассажиров, которые, как и в поезде из Гуаякиля, ехали тоже со своим скарбом, маленькими домашними животными и птицами. Поскольку в автобусе между сиденьями было не так много места, чемоданы и другие крупные вещи загружались за специальную загородку на его крыше и укреплялись верёвками. Там же, на крыше, среди чемоданов размещалось несколько более крепких и

смелых пассажиров, которые охотно поднимали туда вещи других путешественников.

Ввиду того, что мы были единственными, кто ехал до конечной станции, нас посадили на самое последнее сиденье, чтобы мы не мешали тем, кто выходил или садился раньше, и чтобы нас тоже меньше беспокоить. По-видимому, на таком автобусе иностранцы здесь раньше никогда не ездили или ездили очень редко, что вполне объясняет тот чрезвычайный, но молчаливый интерес, который вызывало наше присутствие среди пассажиров-индейцев. Они с нескрываемым любопытством нас разглядывали в течение всего нашего многочасового пути, но разговоров с нами не заводили.

Собрав всех желающих, и почти по расписанию, наш повидавший виды автобус, покачиваясь и погромыхивая нашим багажом на неровностях дороги, выехал из Рио-Бамбы и взял курс на Кито. Шоссе, напоминавшее нам с Женей наши советские дорога, в основном шло по большой долине среди гор, где попадались местные крутые спуски и подъёмы, но это не имело ничего общего с преодолением высоких отвесных скал, которые выпали на пути нашего поезда накануне. Ярко светило прохладное из-за большой высоты солнце, что делало путешествие более приятным, чем в удушающей жаре на подступах к Андам. То и дело рядом с нами пробегали чистые и пышные, как воздушный взбитый крем, кучевые облака. Иногда они оказывались прямо на дороге, и было забавно проезжать сквозь них на автобусе, как на самолёте.

Остановок автобус делал много, постоянно меняя состав пассажиров и их живое сопровождение, давая нам возможность лучше рассмотреть попутные деревни и городки, их нехитрую размеренную жизнь на улицах и их примитивное хозяйство. На больших станциях при более длительных остановках мы выходили на улицы размять ноги, попить воды и поесть бананов, непременно привлекая к себе внимание местных жителей. Уже к самому вечеру мы подъехали к центральной автобусной станции Кито и сразу же направились в заказанную ещё из Нью-Йорка гостиницу. Мы прибыли в неё вовремя, так что наши номера уже нас ждали.

За ужином Стив пожаловался на не очень хорошее самочувствие, а Женя объявил, что после телефонного разговора с женой в Нью-Йорке перед приходом в ресторан он решил завтра же вылетать домой, так как там возник какой-то срочный вопрос с квартирой, который она сама решить не могла и просила его ускорить возвращение. На следующее утро Женя быстро переделал свой билет на Нью-Йорк, куца теперь он должен был

вылететь после обеда, что давало ему несколько часов для поездки с нами на параллель экватора, отмеченную недалеко от Кито каменным монументом, около которого можно было встать над чертой экватора, поставив одну ногу на Северное, а вторую на Южное полушарие.

После обеда Женя поехал в аэропорт, а мы со Стивом отправились гулять по столице Эквадора, построенной на месте бывшей столицы королевства Кито. Немногие города мира могут похвастаться столь красивым окружающим их пейзажем. Он расположен на высоте свыше трёх километров, но торжественно опоясывающие его горы подняты ещё выше. Вдалеке, хотя и кажется, *что* это совсем рядом, над городом висит покрытый снегом и пока спящий вулкан Пичинча. В принципе Кито лежит на горном плато, но улицы его старой части резко обрываются в глубокие впадины, делающее любое продвижение здесь очень затруднительным. Памятников колониального периода в нём сохранилось очень немного, да и те в значительной мере были восстановлены позднее после сильных землетрясений. В городе сохранилось несколько монастырей, в которых по-прежнему располагаются когда-то занявшие их монашеские ордена. Наиболее привлекательными из сооружений культа являются монастырь Ла-Мерсед, а также церковь иезуитов Ла-Компания и барочный монастырь Сан-Франциско. На центральной площади города мы осмотрели снаружи скромный президентский дворец, на длинном балконе которого было трогательно увидеть развешенное на верёвках президентское бельё. В целом Кито оставил впечатление далёкой забытой провинции.

Когда мы со Стивом вернулись на ужин в гостиницу, он почувствовал себя значительно хуже, жалуясь на желудок и предусмотрительно отказавшись от еды. Я сам перекусил и потом по просьбе моего английского спутника пошёл искать ему лекарство, предварительно справившись в гостинице о ближайших аптеках, которые могли ещё работать в уже несколько поздний час. Вооружившись рядом рекомендованных мне аптекарем средств, я принёс их Стиву, который спешно заглотал немного больше рекомендованных доз для скорейшего выздоровления и улёгся спать. На следующий день он почувствовал себя лучше, но предпочёл провести его в постели перед длительным полётом в Нью-Йорк с пересадкой в Майами на другое утро. Часть этого дня я оставался с моим выздоравливавшим спутником, чтобы составить ему компанию, а также и выполнить его некоторые просьбы, а остальное проводил в прогулках по городу На следующее утро мы со Стивом вылетели в Штаты и к концу дня прибыли в Нью-Йорк. Прощаясь до скорой

встречи на работе, Стивен сказал мне, что хотя наше путешествие оказалось, глядя назад, интересным и закончилось благополучно, он со мной больше никуда ездить не будет, так как, по его словам, я просто притягивал к себе незапланированные авантюры и опасные ситуации. В ответ я засмеялся и сказал, что если бы не все эта авантюры и опасные ситуации, ему вряд ли бы что-то надолго запомнилось из этого путешествия. Но больше нам с ним ездить вместе просто не приходилось.

Часть вторая
НЕОБЫЧНЫЕ ИСТОРИИ В ЕВРОПЕ»

За годы моего первого раунда работы в Секретариате ООН мне довелось немало поездить по странам Европы, как в командировки, так и во время отпуска в Москву и обратно. С учётом существовавших тогда у нас порядков выездов за границу, к тому же, как правило, организованными группами, моё положение международного служащего Секретариата ООН в Нью-Йорке предоставляло мне и моей жене уникальные возможности самим совершить целый ряд памятных путешествий и по европейским странам. Максимально используя эти возможности, мы посетили вместе или раздельно, в зависимости от обстоятельств, а иногда и неоднократно, Францию, Италию, Испанию, ФРГ/ГДР, Португалию, Австрию, Бельгию, Данию, Швецию, Голландию, Грецию, Югославию, Чехословакию, Болгарию, Венгрию, Англию, Финляндию и Польшу.

Сам факт свободного посещения советскими людьми многих из упомянутых стран тогда был событием далеко не ординарным, а скорее исключительным. Находясь в Европе, мы ездили по ней на автомобилях, поездах, самолётах, пароходах и даже на ледоколе. В ходе этих путешествий нам довелось вплотную познакомиться с разнообразной культурой европейских стран, посетить многие музеи и достопримечательности, побывать в театрах и на выставках, увидеть разнообразие и красоту их природы, лучше проникнуться их жизненными ценностями. Некоторые из этих поездок становились ещё более интересными, когда они оказывались связанными с необычными обстоятельствами, как, например, в рассказываемых ниже случаях.

РИМСКИЕ «КАНИКУЛЫ»

Летом 1967 года, в самом начале нашего приезда домой в отпуск после поездки по Италии и командировки в Женеве меня вызвали в Информцентр ООН в Москве, где вручили телеграмму из моего офиса в Нью-Йорке с предписанием через несколько дней отправиться в месячную командировку в Рим. Оказавшись снова в столице Италии, правда, на этот раз по рабочим делам, я сразу же направился в ту же самую уютную и приятную гостиницу-пансион в самом центре Вечного города, где мы всей семьёй останавливались в качестве туристов всего два месяца тому назад. Добрая хозяйка пансиона ещё хорошо помнила меня и мою семью и смогла найти для меня приятный номер, хотя пока лишь на несколько дней.

Моя конференция открывалась на следующее утро в здании ФАО — Продовольственной и сельскохозяйственной организации системы ООН. Однако разногласия между государствами-участниками конференции по центральным вопросам оказались настолько серьёзными, что после двух дней официальных заседаний вся сё работа перешла в форму неофициальных кулуарных консультаций. Сотрудникам Секретариата было предложено звонить рано каждое утро в офис и справляться у дежурного представителя о необходимости являться в тот дет на работу. Мы прилежно звонили, но в первую неделю приходили на работу всего три раза.

В это время в Риме стояла необыкновенная даже для него жара, кондиционеров здесь практически нигде в те годы не было, а мой номер в гостинице хозяйке сохранить для меня не удалось. Из-за переполненности других гостиниц туристами мне пришлось искать отель в окрестностях Рима. К этим поискам присоединились еще двое моих коллег, которые хотели уехать из удушающей жары города. Мы вместе нашли очень приятную гостиницу, расположенную прямо напротив пляжа в Лидо ди Остиа, куда можно было ездить на метро. Мы с удовольствием поселились в этом месте, и пока не было работа, проводили много времени на пляже.

Поскольку заседаний было немного и в последующие две недели, мы стали почти постоянными посетителями пляжа наряду с жившими неподалёку итальянцами. Один из них, услышав однажды нашу иностранную речь, спросил нас по-итальянски, из какой мы были страны, и я, который, хотя и не очень грамотно, но довольно бойко говорил на этом языке, сказал ему, что мы из Советского Союза. То, что потом произошло,

заставило меня неоднократно пожалеть об этом признании.

Оказалось, что этот простой пожилой итальянец, бывший рабочий, живший на очень скромную пенсию, был убеждённым коммунистом и считал СССР совершенным раем. Он, по-видимому, решил как можно больше приблизиться к этому раю путём самого тесного общения с нами. Но поскольку мои коллеги по-итальянски не говорили, а наш новый знакомый не говорил на других языках, то всё своё общение с нами он сосредоточил на мне.

Поначалу он подходил с некоторыми общими вопросами о стране передового социализма, как он её обычно называл в наших разговорах. Затем он стал переходить к более подробным вопросам о жизни населения в целом и наших рабочих, в частности, расспрашивая о нашей бесплатной медицине, оплачиваемых отпусках, бесплатном образовании и прочих социальных благах, о которых он был наслышан, но подтверждения которым он искал от первоисточника в моем лице. Иногда он сам начинал фантазировать о том, что, ему казалось, было или должно непременно быть в нашей чудесной стране, представляя, естественно, всё в нереально идеальном виде, например, описывая улицы наших городов как самые широкие и красивые в мире проспекты, утопающие в зелени фруктовых деревьев, и тому подобное.

Он, Джузеппе, скромный рабочий, живший, видимо, в несколько стеснённых обстоятельствах, рисовал себе СССР как идеальную страну, в которой ему бы так хотелось жить. Это порой ставило меня перед ним в несколько неудобное положение, когда мне приходилось несколько умерять его фантазию, но не хотелось при этом и разочаровывать его в тех представлениях, которыми он так счастливо грезил.

Джузеппе настолько начал к нам привязываться, что довольно скоро главной целью его пребывания на пляже стали встречи и разговоры с нами. Он пытался через меня включить в беседы и моих коллег, но они долго не выдерживали общения с ним, а я через некоторое время старался как можно больше находиться в воде, в которой он сам только смачивал ступни своих ног. Он взял за привычку встречать нас на пляже и провожать до нашей гостиницы. Узнав, что мы скоро собираемся уезжать, он стал уговаривать нас взять его с нами в СССР, чтобы самому посмотреть, каким будет будущее народов мира. Мы уже начинали думать, что Джузеппе не в своём уме, но видевший его у нашей гостиницы портье, который его знал по их общему дому, сказал, что этот рабочий-пенсионер пользовался большим авторитетом в своей местной партийной организации и в общине

Лидо ди Остиа. Мы не сообщили ему о точном дне нашего отъезда, чтобы не разочаровывать его ещё одним отказом взять его с собой в Москву, и уехали не попрощавшись.

МЮНХЕНСКИЕ СЮРПРИЗЫ

После завершения римской конференции, которая для сотрудников её Секретариата превратилась почти в каникулы, я решил на обратном пути в Москву навестить мою сестру, которая в это время находилась в Берлине. Однако в Восточный Берлин самолёты из стран Запада в то время не летали вообще, а в соответствии с существовавшим тогда статусом Западного Берлина его могли обслуживать только американская, английская и французская авиакомпании. Так что для того чтобы попасть из Италии в Восточный Берлин кратчайшим путём, нужно было сначала долететь до Мюнхена, там пересесть на американскую «Пан-Ам», оттуда прилететь в Западный Берлин, где через, наверное, самый известный в мире пропускной пункт Чарли переходитˆ в Восточный Берлин.

Следуя этому маршруту, я заказал свои билеты с расчётом воспользоваться пересадкой в Мюнхене и остановиться в столице Баварии на два дня. Там мне хотелось посетить его великолепные Старую и Новую пинакотеки, познакомиться с уникальным собранием картин Кандинского, Явленского и Верёвкиной периода «Голубого всадника» в галерее Лебенсфрау, о которых я был наслышан, побывать в известных мюнхенских пивных залах — бирхале и увидеть другие достопримечательности этого нетипичного, альпийского по духу города Германии.

К вечеру первого дня в Мюнхене после посещения двух музеев и прогулки по городу я решил воспользоваться советом имевшегося у меня путеводителя и поужинать на центральном мюнхенском вокзале, где рекомендовалось обязательно попробовать местный леберкэзе — мясное блюдо, приготовленное из своего рода ливерной колбасы. Рекомендованный путеводителем ресторан оказался скорее типичным немецким пивным кабачком, где не было даже столов, а полученные за прилавком раздачи блюда и пиво нужно было потреблять за массивными высокими бочками, стоя.

Взяв леберкэзе и кружку чёрного мюнхенского пива, я нашёл для себя место за одной из бочек-столов. В кабачке, который, видимо, действительно пользовался популярностью, в тот час было так многолюдно, что найти место в нём было непросто, и некоторые посетители были вынуждены ждать, пока кто-то из клиентов не закончит свою трапезу. Через пару минут вслед за мной на освободившееся около меня место встал со своим пивом и закуской американский солдат в форме, который вежливо извинился на английском языке за то, что ему приходится своим

вторжением стеснять своих соседей за уже довольно плотно занятой бочкой. Я, как его непосредственный сосед, ответил ему тоже по-английски, что всё нормально и что в этой ситуации нам всем можно немного потесниться.

Услышав мой ответ, новый сосед по ужину, как это довольно принято среди американцев, сразу запросто представился, назвав свое имя — Питер. Он сообщил, что служит в военной американской части под Мюнхеном, а сегодня гуляет в городе по увольнительной вместе с несколькими сослуживцами, которые ждут его к вечеру в армейском клубе недалеко от вокзала. Я в ответ сообщил ему своё имя, которое он тут же в американской манере сократил для собственного удобства до «Тим». Затем Питер рассказал, что он из Нового Орлеана, *где* теперь живут его родители и где у него ожидающая его возвращения подруга, с которой у них серьёзные намерения.

Когда я заметил ему, что у него совершенно не южный, а скорее нью-йоркский акцент, он с удовольствием признался, что до пятнадцати лет жил под Нью-Йорком в маленьком местечке Рай-Бич и ещё сохранил прежний акцент. В свою очередь я сказал Питеру, что мне это место очень хорошо знакомо, так как мы уже несколько лет подряд снимаем там дом на летний сезон. Узнав от меня название нашей улицы в Рай-Бич, Питер радостно установил, что его семья жила рядом с этой улицей и что мы с ним фактически соседи. Затем, вспоминая свои годы в Рай-Бич, он стал расспрашивать о разных маленьких магазинчиках, кафе и лавочках, в которых он часто бывал, о прекрасном частном пляже и замечательном парке аттракционов, куца приезжали люди со всей округи, и о всяких других вещах, связанных с его годами жизни в этом уютном ухоженном местечке.

Потом его заинтересовало, сколько времени я буду в Мюнхене и когда собираюсь возвращаться в Штаты. Узнав, что через день я уезжаю в Берлин, он стал настаивать на том, чтобы мы провели вечер вместе с его ребятами в их армейском клубе, где должна быть очень весёлая компания, которая будет в восторге увидеться с соотечественником, недавно приехавшим из Штатов, тем более что их сержант был непосредственно из самого Нью-Йорка, и для него моё появление будет настоящим сюрпризом. Я поблагодарил Питера за его приятное приглашение, но принять его отказался, так как у меня якобы была уже назначена деловая встреча с одним знакомым, и перенести её, к сожалению, было невозможно.

Мы уже какое-то время назад закончили с пивом и едой, и, заговорившись, не заметили, как пролетело около часа. Я стал собираться возвращаться в гостиницу, где после длительных

походов по музеям и очень жаркому городу хотел немного отдохнуть перед запланированным посещением бирхалле, в которых в 20-е годы Гитлер собирался со своими единомышленниками. Питер решил меня проводить хотя бы часть пути и, пока мы шли, вновь вернулся к приглашению в их клуб, теперь уже предлагая мне после обсуждения дел с моим знакомым прийти к ним вместе, даже если он немец, лишь бы говорил по-английски. При этом он тут же написал адрес клуба, свою фамилию и фамилию сержанта и объяснил, как к ним пройти от вокзала.

Я еще раз поблагодарил симпатичного солдата за его приглашение, сказав, что, если у нас получится, то мы с удовольствием присоединимся к ним позже вечером. На этом мы с Питером попрощались до возможной скорой встречи в их клубе. Я был уверен, хотя этого не замечал, что за мной, редким визитёром из Советского Союза в американской зоне Германии, просто не могли не следить. Мне даже трудно себе представить, что могло бы произойти, если бы я оказался в клубе американской армии в Мюнхене в самый разгар холодной войны.

Второй мюнхенский сюрприз был приготовлен для меня вечером того же самого дня в большом бирхале, куца я пришёл после короткого отдыха в гостинице. Это было солидное двухэтажное здание в старо-немецком стиле, где каждый этаж представлял собой огромный зал, во всю длину и ширину которого были поставлены рядами торцом друг к другу длинные деревянные столы с такими же длинными деревянными лавками. Когда я где-то в начале девятого вошёл в зал первого этажа, застолье там было уже в полном разгаре: все места были полностью заняты, на столах громоздились гаргантюанского размера кружки с пивом и массой посуды с традиционными всевозможными баварскими закусками, на скамейках плотно сидели мужчины и женщины, в большинстве своём в баварских национальных одеждах, и, сильно раскачиваясь с положенными на плечи друг друга вытянутыми руками, громко пели уже подвыпившими или просто пьяными голосами под музыку, исполнявшуюся ходившими между рядами музыкантами. В зале стояли шум и смех, составлявшие неотъемлемую часть этого искреннего непринуждённого веселья.

Понаблюдав несколько минут за этой весёлой сценой и не найдя здесь свободного места, я по совету проходившей мимо с большим подносом официантки поднялся на второй этаж. На этом этаже происходило то же самое, что и на первом, и здесь тоже не было свободных мест. Пока я стоял и наблюдал за

веселившейся публикой, ко мне неожиданно подошёл официант и сказал, что если я один, то он попробует попросить разрешения у пожилой пары, которая занимала отдельный стол на четырёх человек, стоявший в стороне от других длинных столов, приютившись у входа в раздаточную. Я поблагодарил официанта за его любезное предложение, и через минуту он подвёл меня к упомянутому столу, где сидевшая пара, приняв высказанную им мной признательность, продолжала свою беседу на английском языке.

Я заказал себе пиво с закусками и начал более внимательно рассматривать зал. Мой заказ и заказ моих соседей по столу были поданы одновременно, и мы заговорили по-английски, комментируя полученные блюда. Я быстро понял по их разным акцентам, что мужчина был американцем, а его жена говорила с лёгким иностранным акцентом. В ответ на их вопрос я сказал, что я русский сотрудник Секретариата ООН в Нью-Йорке и нахожусь в Мюнхене как турист на пути в Москву через Берлин. Они в свою очередь рассказали мне, что живут в Колорадо и приехали в Баварию, где в конце 40-х годов поженились, когда он служил здесь в американских войсках, чтобы побывать в старых памятных местах. Женщина была из окрестностей Мюнхена, но приехала на родину впервые после переезда с мужем в Америку.

Мы продолжали нашу непринуждённую беседу, когда к нам подошёл тот же официант, который устроил меня за этот стол, где оставалось одно свободное место, и попросил у нас разрешения подсадить к нам ещё одного клиента. У нас не было возражений, и через минуту на четвёртое место к нам подсел мужчина среднего возраста и, поблагодарив нас по-немецки за любезность, стал сообщать официанту свой заказ, а мы возобновили наш разговор на английском. Послушав минуты две нашу беседу, немец обратился к нам по-английски с просьбой разрешить приставить к нашему столу еще два стула, так как он пришёл с двумя дамами. Мы решили уплотниться, освободив место для двух ожидавших особ, и их кавалер, снова выразив нам свою благодарность, направился к своим дамам. Только теперь мы заметили, что он был выпивши. Через несколько минут наш новый сосед нетвёрдой походкой вернулся с двумя где-то раздобытыми стульями в сопровождении своих дам и пристроил их около стола.

Заказав своим женщинам пиво, сообщив нам при этом, что они уже поужинали, немец вдруг взял инициативу разговора в свои руки. Он начал с того, что представил пришедших с ним дам как коллег по работе на американской военной базе под Мюнхеном. Затем, считая, видимо, нас всех американцами, он

стал говорить о том, как немцы любят американцев, как они им благодарны за то, что они спасли западную часть Германии от советской оккупации и чумы социализма, подняли её из руин войны, сделали самой процветающей и сильной страной Европы и даже дали хорошую работу тысячам немцев, в том числе ему и его дамам. При этих извержениях благодарности Америке и нелестных упоминаниях о роли СССР в судьбе Германии американская пара то и дело поглядывала на меня, явно испытывая чувство неловкости и смущения.

Но немец, совершенно позабыв про скучавших дам, закусив удила, сам выпил за Америку и продолжал свои излияния. Теперь он пустился в довольно подробные описания количеств и боевых достоинств передовой военной техники, которую в то время американцы завозили на свои базы в ФРГ, что, по его мнению, должно было ещё больше гарантировать её безопасность и безопасность Запада в целом. Американская пара, слыша изложение таких, наверное, секретных сведений в моём присутствии, несколько раз пыталась вежливо прервать этот монолог нашего соседа по столу, ссылаясь на то, что мы никто в подобных вещах не разбираемся и нас они совсем не интересуют.

Однако немец решительно отклонял их попытки его остановить, утверждая, что мы все должны знать, какая военная техника нас защищает и на что она способна. Он тут же решил привести ряд конкретных примеров. Услышав о таких намерениях нашего лектора, оба американца заёрзали на своих стульях и, не зная как положить конец этому потоку военных сведений, стали смотреть на меня умоляющими взглядами. Поскольку в этих подробностях я не разбирался и вполне сочувствовал переживаниям американской четы в свалившейся на них неловкой ситуации, я кивнул им головой, давая понять, чтобы они сказали ему, из какой страны я был, что должно было наверняка прекратить монолог немца о новой американской военной технике.

Американка тут же, кивая в мою сторону головой, сказала ему на родном немецком языке только одну фразу: «Он из Советского Союза», — и замолчала. Немец остолбенел, пытаясь осмыслить услышанное. Он не мог поверить ни в то, что американка говорила по-немецки, как он сам, и тем более в то, что он сидит в мюнхенском бирхале рядом с человеком из СССР и по собственной воле столько времени изливает перед ним сведения, связанные с военной тайной. Он сначала недоверчиво посмотрел на меня, но поскольку мы сидели очень близко, резко отодвинул стул назад, чтобы лучше меня разглядеть.

«Это, что — правда?» — спросил он меня почему-то по-

немецки, глядя мне с ужасом в глаза. «Да, это правда», — ответил я ему тоже по-немецки. Услышав мои слова, немец обвёл неверящим взглядом американскую пару и меня и словно ошпаренный резко вскочил со стула. Он ещё раз посмотрел на нас троих, по-видимому, всё ещё пытаясь осмыслить то, что с ним произошло, затем щёлкнул по-военному каблуками своих ботинок и, быстро сказав по-немецки «извините», резко повернулся и направился к выходу. Обе сопровождавшие немца женщины тоже быстро поднялись, извинились и направились вслед за покинувшим их кавалером.

Теперь, когда мы остались втроём, американка поблагодарила меня за моё участие в разрешении неудобной для них ситуации, и они стали прощаться, ссылаясь на усталость и необходимость закончить сборы вещей перед утренним вылетом в Штаты. Мы пожелали друг другу счастливого пути, и американцы ушли. Я посидел ещё пару минут за столом, давая им возможность выйти из здания, не пересекаясь со мной снова. Когда я встал, готовясь выходить, я заметил на полу около стула, где сидела американка, белые летние перчатки, которые она уронила.

Надеясь, что я успею догнать американцев около бирхале, так как они не могли за это время далеко уйти, я поднял перчатки и быстро направился вниз по лестнице, думая, что, если я их не найду, то принесу перчатки официанту для передачи их хозяйке в случае её возвращения за ними. При выходе из здания бирхале я увидел возвращающуюся в него американскую пару и, подняв руку с перчатками, направился к ним. Американка вспомнила про забытые перчатки, и они направлялись их подобрать. Когда я их ей передавал, они оба пожали мне руку со словами благодарности за перчатки и за то, как я себя проявил в тупой ситуации за столом. Мы снова пожелали друг другу счастливого пути и расстались. За несколько часов одного дня Мюнхен преподнёс мне два сюрприза с участием американцев!..

Восемь лет спустя я снова оказался в Мюнхене как представитель Юридического департамента Секретариата ООН, в котором я тогда работал, на Международной конференции по космосу, где помимо научно-технических проблем обсуждались и вопросы космического права, входившие в компетенцию нашего департамента.

В один из свободных вечеров двое из моих коллег по МИДу и я решили посетить тот бирхале, в котором произошла рассказанная выше история с немцем с американской военной базы. Для них посещение этого исторически любопытного места было особенно интересным, а для меня оно было связано и с

воспоминанием об упомянутом инциденте. Пришли мы сюда около пяти вечера, когда для обычных посетителей было ещё рано, и народу в зале было совсем немного. Получив свои большие кружки пива и закуски, мы сидели и болтали о всякой всячине за одной из частей длинного стола в 3–4 метрах от ближайших соседей, которыми были три довольно пожилых мужчины, занятые своим пивом и собственными разговорами.

Через некоторое время мы обратили внимание на то, что наши соседи то и дело дружелюбно посматривают на нас, улыбаются и, видимо, нас обсуждают. Мы продолжали свою трапезу и беседу, когда один из немцев-соседей подошёл к нам и спросил с сильным акцентом по-русски, были ли мы из России. Нас удивило, что немец говорил по-русски, и, сказав ему, что мы из СССР, спросили его в свою очередь, где он учил русский язык. Показав на своих двух приятелей, он с большим трудом по-русски же сказал, что они учились русскому языку в плену, в котором провели несколько лет. При этих словах его приятели встали со своими кружками и тарелками, и все трое, не спрашивая разрешения, передвинулись к нам с желанием продолжить начатый разговор.

Поскольку наш язык они уже основательно забыли, и наш немецкий был лучше их русского, мы перешли на немецкий, в который они то и дело вставляли вспоминаемые русские слова. К нашему большому удивлению, у этих немцев были самые восторженные воспоминания о России (иначе СССР они не называли) и о русских, в том числе во время их пребывания у нас в плену. Как, очевидно, и большинство других простых немцев, наши собеседники говорили нам, что воевать они не хотели, но как солдаты вынуждены были выполнять свой долг.

Война соединила их троих вместе сначала в общей воинской часта в Германии, потом в боях на фронте, а затем и в плену, в который они попали с армией Паулюса. В страшные зимние холода их в лохмотьях показывали населению Москвы, а потом отправили в лагеря, где их держали в приличных отапливаемых бараках, в более тёплой русской одежде, чем та, в которую их одевала собственная армия, и, по условиям военного времени, сносно кормили.

Зная, как тяжело было русской армии и гражданскому населению во время начатой Германией войны, такое гуманное и даже щедрое отношение к ним — немецким военнопленным со стороны русских властей и русских людей их очень трогало и высоко ими ценилось. Они прочувствованно вспоминали в этой связи случаи, когда русские, с которыми им доводилось общаться, часто голодая сами, передавали им клубень варёной картошки,

корку хлеба или ещё что-то съедобное. В плену они в основном работали на стройках, а после окончания войны восстанавливали разрушенные немецкими войсками объекты. Их строительной гордостью был построенный с их участием от начала до конца железнодорожный вокзал в Витебске, на который им бы очень хотелось снова посмотреть. В Россию с тех пор они больше не ездили, но надеялись, что в ближайшее время это свое давнишнее желание они смогут осуществить.

По ходу незаметно растянувшейся уютной беседы наши мюнхенские немцы неоднократно угощали нас пивом, расспрашивали нас о жизни в России, выражая сожаление по поводу напряжённых отношений между нашими странами. Мы расстались с бывшими немецкими военнопленными с самыми добрыми чувствами.

ПОЕЗДКА В ПРАГУ ПАМЯТНОЙ ВЕСНОЙ 1968-го

В марте 1968 года мне выпала чрезвычайно интересная трехмесячная командировка в Вену на Международную конференцию по праву договоров. В ходе этого относительно длительного периода и совпавших с ним почти двухнедельных пасхальных каникул мне с несколькими коллегами удалось не только подробно познакомиться с прекрасной столицей Австрии, её многочисленными богатыми музеями и галереями искусств, домами-музеями Моцарта и Штрауса, её великолепными дворцами (в одном из них — Хоффбурге — происходила сама конференция), памятниками и парками, соборами и театрами, побывать на красочных национальных и действительно народных праздниках, но и поездить по этой удивительно живописной альпийской стране. Отсюда же, пользуясь относительной близостью Вены к Чехословакии и Венгрии, нам удалось совершить увлекательные путешествия и в эти страны. Наиболее памятным из них стало путешествие на автомобиле через Словакию и Чехию в Прагу и обратно.

Практически всем известно, какие события в те весенние месяцы развёртывались в той тогда одной из самых преуспевающих социалистических стран в связи с целом рядом практических шагов, которые её партийное и государственное руководство принимало, чтобы построить у себя «социализм с человеческим лицом». В Австрии — бывшей владелице территорий соседней Чехословакии — всегда сохранялся повышенный интерес к событиям в отколовшихся частях бывшей Австро-Венгерской империи. Ввиду их огромной политической значимости, а также действия инерции вековых исторических уз и географической близости, чехословацкие события весны 1968 года в Австрии воспринимались с особым вниманием и остротой и, конечно же, очень широко освещались. Так же как и в других описываемых здесь эпизодах, я и в данном случае не касаюсь сути политических вопросов, связанных с этими событиями, сосредоточивая внимание на чисто человеческой стороне их восприятия в качестве оказавшегося среди них или рядом с ними наблюдателя.

Вместе с двумя другими советскими коллегами по работе мы решили съездить в Прагу, чтобы своими тазами увидеть то, что там так бурно происходило и о чём так сенсационно и подробно каждый день вещали средства массовой информации всего мира.

Сергей, один из этих коллег, работал в Секретариате ООН в Женеве и приехал в командировку в Вену на своей старой «Волге» первой модели. Он любезно предложил отправиться в Прагу на его машине, что позволило бы нам лучше познакомиться со страной во время поездки по её городам и весям.

Зная, что ни в одну социалистическую страну нельзя было приехать и найти с ходу гостиницу, а при имевшем тогда место массовом наплыве туристов и других заинтересованных визитёров в бурлившую Прагу, мы решили заказать себе номера через агентство путешествий, которое обслуживало участников нашей конференции. В агентстве нам сообщили, что нам нужно сначала позаботиться о визе, на которую потребуется неопределённое время, а потом выбрать дни поездки. Согласно нашему статусу международных служащих мы по линии МИДа были приравнены к дипломатам, и нам выдавались советские дипломатические паспорта, с которыми, по крайней мере до весенних событий в Чехословакии, визы туда не требовались. Агент решил убедиться в том, что это положение не изменилось, и, сделав несколько звонков, подтвердил действие старого правила.

Теперь мы перешли к обсуждению вопроса о гостинице. Наведя необходимые справки, наш агент сообщил, что с гостиницами в Праге в это время было очень трудно. Единственное, что он мог предложить, были самые дорогие номера «люкс» в центральной гостинице Праги, которые следовало оплачивать только в долларах и предпочтительнее сразу, так как при любой задержке и эти номера могли уйти. Кроме того, мы должны были также за доллары выкупить купоны на питание по разряду «люкс» на оба дня пребывания в гостинице. Посоветовавшись, мы согласились на предложенные условия и соответственно оформили заказ, получив подтверждающие его бумаги. На дорогу и на разные мелкие расходы мы разменяли небольшие суммы шиллингов на чехословацкие кроны.

С восходом солнца в назначенный день середины мая мы выехали из Вены на нашей тёмно-зелёной «Волге», привлекая всеобщее внимание необычностью её формы и медленным ходом. По нашим расчётам, при нескольких остановках в пути мы должны были прибыть в Прагу в 4–5 часов вечера. Желая получше увидеть страну, мы выбирали второстепенные дороги, которые шли через деревни, посёлки и города. Проезжая по словацкой, а затем чешской части страны, мы не видели, по крайней мере внешне, каких-либо проявлений того внутреннего бурления, которое, согласно международным СМИ, охватило сё в целом. Останавливаясь неоднократно для перекуса или уточнения

маршрута и коротко по-русски общаясь с населением, мы нигде не замечали никаких признаков изменений по сравнению с прошлым опытом посещения Чехословакии, в том числе по отношению к русским. Страна, казалось, жила в прежнем спокойном режиме устоявшегося, знакомого социализма.

Как мы примерно и рассчитывали, около пяти вечера наша очень советская «Волга» с несвойственными таким машинам швейцарскими номерами, озадачивавшими местную публику в этой комбинации, уже въезжала на улицы Праги. На пути к центру города опять-таки ничто не обращало на себя внимания, как что-то необычное. Однако в самом центре Праги картина резко поменялась.

Прежде всего, в глаза бросалось необычно большое число людей на улицах. Люди не просто шли куда-то по своим делам, как это обычно бывает в многонаселённом городе, а стояли крупными или небольшими группами, нередко держа в руках газеты или листовки и что-то активно обсуждая. В некоторых местах были просто большие толпы, слушавшие выступления ораторов, а в других можно было видеть человека, стоявшего на ящике или табуретке и обращавшегося с речью и с призывами к прохожим, некоторые из которых останавливались и удостаивали его своим вниманием, слушая его или вступая с ним в разговор. Повсюду ходили и стояли продавцы газет, среди которых было немало просто мальчишек, размахивавших своим бумажным товаром и выкрикивающих последние новости, чьи заголовки крупными аншлагами срывались с первых страниц. Постоянно можно было видеть людей с пачками самых разных листовок и других печатных материалов, часть которых они раздавали бесплатно, а за другие брали деньги. Народу на улицах было так много, что, казалось, будто никто не ходит на работу. Люди толпились и на тротуарах, и на проезжей части улиц и площадей, очень затрудняя движение транспорта. В целом представшая перед нами картина создавала впечатление какого-то всеобщего хаоса, в котором никому невозможно было разобраться. Это было действительно бурное кипение народа, и подобное никому из нас нигде и никогда не приходилось видеть.

Нам хотелось поскорее оформиться в гостинице и пойти в город, чтобы, смешавшись с толпой, испытать этот необыкновенный феномен. С трудом пробираясь по запруженным народом улицам, мы наконец подъехали к своей гостинице, но, за обилием запаркованных около неё машин западных марок, были вынуждены оставить «Волгу» несколько дальше от её входа. В вестибюле гостиницы тоже было необычно оживленно, толпились группками клиенты и посетители, слышалась речь на

иностранных языках, в шторой превалировал немецкий.

Мы подошли к прилавку регистрации и, дождавшись своей очереди, по-русски обратились к портье по поводу номеров и предъявили документы оплаченного заказа. Оп откровенно недовольно взглянул на нас и, притворившись, что совершенно не понимает по-русски, ушёл во внутренние помещения. Мы впервые испытали на себе проявление к нам неприязни только потому, что мы были русские, что свидетельствовало о тех настроениях, которые стали распространяться среди некоторых слоев населения.

Через несколько минут наш портье вернулся в сопровождении своей коллеги, которая сразу направилась к нам, а он стал заниматься следующим после нас клиентом. Подошедшая сотрудница гостиницы тоже обратилась к нам по-чешски, и хотя её можно было понять, для облегчения общения мы спросили, на каком иностранном языке она предпочитает разговаривать. Довольно нехотя она упомянула английский и немецкий. Тоща, переходя на английский, мы ей объяснили, что у нас заказаны три номера «люкс», оплаченных в долларах с этого дня, и передали соответствующие квитанции. Взяв эти бумаги, администратор стала их внимательно изучать, а затем, не говоря ни слова, утла во внутренний офис.

Вернувшись через 5–7 минут, она сообщила нам, что наш заказ был оформлен ошибочно, так как на день его принятия у них уже не было номеров, как их не было и на момент нашего разговора с ней. Мы тогда её спросили, могут ли они выяснить в таком случае наличие номеров в других гостиницах города, поскольку, если с нами была допущена ошибка, то это было не по нашей вине. Когда она с некоторым недовольством ответила, что этим должны заниматься сами клиенты или оформлявшее их агентство, мы, посовещавшись, решили потребовать от гостиницы вернуть нам наши деньги в долларах за номера и питание. Услышав нашу просьбу о возвращении денег в долларах, администратор пробурчала, что они обратно денег в валюте не возвращают и что такой случай, как с нами, у них происходит в первый раз. На этом, ничего опять нам не сказав, она ушла снова в офис.

Вместо неё к нам теперь вышел другой администратор, который, говоря по-английски, сказал, что, видимо, наше агентство действительно допустило ошибку при оформлении нашего заказа, так как свободных номеров «шоке» у них не было, но с учётом сложившегося положения они могут предоставить три номера первой категории и компенсировать разницу купонами на напитки и сувениры в магазинчике гостиницы. У нас другого

выхода не было, и нам пришлось согласиться на предложенный вариант выхода из этой неприятной ситуации.

Несмотря на высокую цену, наши номера оказались очень непривлекательными и даже не были должным образом приготовлены. После неприязненной встречи с администраторами это наводило на мысль, что, может быть, номера были оставлены нам в таком виде преднамеренно. После душа мы договорились перед выходом в город поужинать в гостинице на купоны. Ужин давали в небольшой и не располагающей к трапезе комнате, однако поданное было вполне съедобным, но скорее отвечало стандарту местной столовой, чем ресторану гостиницы за валюту. Несколько разочарованные приёмом в гостинице, мы вышли на заполненные народом улицы.

Стоял очень приятный и светлый пражский вечер середины мая. Пробираясь сквозь толпы людей, которых в этот час на улицах было ещё больше, чем когда мы въезжали в город, мы постепенно добрались до Вацлавской площади, полностью заполненной народом. Здесь шёл очередной политический митинг, на котором коротко выступали разные ораторы, встречавшие в основном одобрительные аплодисменты и крики присутствующих, хотя порой раздавались свист и возгласы протеста. Не зная языка и не разбираясь должным образом в непростой, динамичной политической ситуации страны, мы не могли вынести какую-либо оценку происходящему митингу

Ясно было одно, что присутствующие здесь люди сами пытаются разобраться в возникших разнообразных политических платформах, определить своё отношение к ним и соответственно повлиять на направление движения разворачивающихся событий, поддерживая те или другие формирующиеся силы. Складывалось впечатление, что народ хочет быть причастным к выбору тех решений и путей, связанных с будущей судьбой страны, которые предлагают ему различные политические группировки и их руководители. Такое было совершенно немыслимо себе представить ни в одном из бывших социалистических государств.

Побродив ещё некоторое время по бурлящей уличной политической активностью Праге, мы вернулись в гостиницу и потом немного посидели с напитками на купоны, обсуждая уникальную ситуацию в городе, и чем всё это может кончиться для Чехословакии и для других соцстран, с учётом пока ещё не окончательно определившейся реакции на эти события нашей собственной страны.

На следующее утро мы отправились в город, планируя сначала побродить снова по улицам, а затем посетить музеи. В центре Праги было много иностранных туристов, большую часть

которых составляли немцы из соседней ФРГ, чьи яркие автобусы можно было видеть во многих местах. К западным немцам, в отличие от русских, в это время относились здесь не только с уважением, но и с особой доброжелательностью. Помня о реакции в го станице на нашу русскую речь, при необходимости спросить, как пройти в какое-то место, мы обращались к прохожим по-немецки и всегда встречали несколько завышено угодливую реакцию.

Однажды, находясь неподалёку от музея, который мы собирались посетить, я обратился на немецком к одному прохожему средних лет с просьбой сказать, правильно ли мы к нему идём. Услышав мой вопрос, этот прохожий буквально просветлел и загорелся желанием не только подтвердить правильность нашего маршрута, но и проводить нас до самого музея. Чтобы не разочаровывать нашего гида, в дальнейшей помощи которого мы вовсе не нуждались, мои коллеги, чтобы не говорить при нём на русском, пошли как бы отдельно, оставив меня с ним одного. Чех говорил по-немецки довольно плохо и не распознал мои слабости в немецком языке, продолжая считать меня немцем. Когда мы остановились у входа в музей, я стал благодарить услужливого чеха за его любезность и прощаться с ним перед билетной кассой. Но он вдруг сказал, что у него есть свободное время, и он с удовольствием пойдёт со мной в музей, в котором он уже довольно давно не был. Я пытался возражать, но чех направился прямо в кассу и взял билеты на меня и на себя, отказавшись при этом взять у меня деньги. Делать было нечего, и я получил себе сопровождающего по музею, в то время как мои коллеги рассматривали его экспонаты отдельно. После осмотра я снова поблагодарил чеха за компанию и наконец мог с ним расстаться.

Остальное время в Праге мы провели в походах по городу и музеям. Удалось нам побывать и в харчевне, где столовался бессмертный бравый солдат Швейк. В день отъезда мы с пакетами сувениров зашли в гостиничное отделение чешского варианта нашего «Интуриста», где хотели получить карту дорог Чехословакии, так как собирались возвращаться в Вену другим путём, чтобы посмотреть на новые места и пейзажи. Уходя, я случайно оставил на прилавке агентства один пакет с сувенирами, в том числе чудную куклу Швейка. Когда, спохватившись, я всего пять минут спустя вернулся за этим пакетом, офис агентства закрылся на обед. Мой забытый пакет по-прежнему сиротливо лежал на прилавке, и я попытался найти кого-нибудь из администрации помочь мне его взять.

Все утверждали, что этого нельзя сделать до возвращения

агента с обеда, но мы должны были уезжать сразу, и мои спутники уже пошли к машине. Тогда один из администраторов предложил мне оплатить пересылку пакета по почте в валюте прямо в почтовом отделении гостиницы, поскольку пакет нужно было отправлять на мой адрес в Вену. Заплатив за пересылку сувениров в несколько завышенном по прикидке весе и получив квитанцию, я поспешил в машину к ожидавшим меня коллегам.

Мы выехали из Праги, и снова перед нами предстала та же спокойная неторопливая Чехословакия, которую мы знали по прошлым посещениям этой страны и которую наблюдали на пути из Австрии. Уже будучи где-то вблизи от австрийской границы, мы потеряли нужную дорогу и несколько заблудились в сельской местности. При обращении к местным жителям показать нам дорогу в Вену, а мы называли этот город для них именно так, то есть прусском звучании, они говорили, что никогда о таком городе не слышали. Затем, при новых обращениях с этим же вопросом, мы стали называть город на разных других языках, но получали тот же ответ. Наконец в одном месте, я назвал Вену в её немецком варианте, и тут же получил необходимые разъяснения относительно нужной нам дороги. Оказалось, что столица Австрии на чешском и словацком языках произносится точно так же, как по-немецки. После этой языковой заминки мы благополучно выбрались на дорогу, ведущую к Вене. Прошло несколько дней после нашего возвращения, но посылка, которую мне обещали доставить через 2–3 дня, не приходила. Я оставался в Вене ещё около трёх недель, но посылки с занятной куклой Швейка так и не дождался.

Часть третья
НЕОБЫКНОВЕННЫЕ ЭПИЗОДЫ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ

ИНЦИДЕНТ С ПРЕЗИДЕНТОМ ПАКИСТАНА В КИЕВЕ

В июне 1970 года по заданию своего отдела МИДа я работал с президентом Пакистана Яхья Ханом, который прибыл в Советский Союз с официальным визитом. После завершения переговоров и культурной программы в Москве наш зарубежный гость отправился в поездку по другим городам, среди которых был и Киев. По прибытии в столицу Украины президента и его делегацию на аэродроме встречало высшее руководство республики со всеми почестями, предусмотренными для таких случаев протоколом. Когда официальная церемония встречи прямо на лётном поле была закончена, Щербицкий в качестве главного принимающего лица пригласил Яхья Хана сесть в свою официальную машину, с тем чтобы продолжить начатую у борта самолёта беседу по пути в отведенную президенту резиденцию в центре Киева.

Я пошел вместе с остальными гостями и хозяевами к президентскому лимузину, стоявшему в метрах 30 от самолёта во главе впечатляющего эскорта милицейских мотоциклов и машин, среди которых всегда была «скорая помощь» с запасом крови труппы основного зарубежного руководителя. Когда мы подошли к ожидавшему нас с открытыми дверями автомобилю, где на переднем сиденье уже находились водитель и наш офицер безопасности, Яхья Хан и Щербицкий стали прощаться с сопровождающими их лицами. После нескольких минут прощальных слов и рукопожатий первый секретарь компартии Украины повел своего высокого гостя к открытой дверце лимузина с левой стороны, где ему протокол предусматривал место на заднем сиденье. Когда мы все трое подошли к этой двери, то, к своему большому удивлению, обнаружили, что президентское место было надёжно оккупировано личным адъютантом и охранником Яхья Хана.

Это был необычно высокий, страшно худой человек с пышной бородой, усами и бакенбардами, которые все были переплетены между собой в невероятно причудливые арабески. На нём всегда был очень яркий церемониальный костюм, в котором удачно сочетались элегантность английского военного мундира с пышным восточным тюрбаном, орнаментальными шнурами и разноцветной отделкой. Этот привлекающий всеобщие взгляды ходячий гардероб, который, кстати сказать, никогда не менялся независимо от времени дня или случая, дополнялся такой же

необычной позолоченной шпагой редкой длины, что, по-видимому, должно было соответствовать неординарному росту её хозяина. Это сверкающее, скорее церемониальное, нежели защитное оружие на его нижнем конце было прикреплено к специальной пряжке-замку на левой щиколотке её владельца с помощью короткой блестящей цепочки, которая почти не позволяла нарядному адъютанту президента сгибать левую часть тела ниже талии. Упомянутый последний элемент в ослепительном наряде высоченного пакистанского охранника в данный момент превратился в международную проблему способа рассадки в президентском лимузине.

Ввиду своего необычно высокого роста адъютант Яхья Хана буквально поглотил большую часть пространства заднего салона по той простой причине, что он не мог согнуть свою длинную зафиксированную нижнюю конечность. Если говорить более широко, то можно сказать, что для того чтобы как-то компенсировать свой церемониальный недостаток, он разработал несколько довольно хитроумных приёмов. Так, например, иногда этому адъютанту нужно было идти рядом со своим президентом, но он, конечно, не мог этого делать, поскольку носимый им костюм не позволял ему сгибать левую ногу. Однако каждому из нас известно, что сгибание колена является необходимым условием для пешеходного перемещения двуногих. Это тем более представляется необходимым для тех из них, которые по долгу службы и своих обязанностей должны быть ловкими, быстрыми и проворными, в том числе и в ногах, для защиты своих вождей при возникновении неблагоприятных обстоятельств. Один из таких приёмов нашего пакистанского офицера заключался в том, что он вытягивал свои обе нижние конечности (этот приём было бы просто невозможно применять, используя только одну из них без серьёзной потери равновесия) в таком невероятном размахе гусиного шага, что любой находившийся поблизости человек должен был сохранять безопасную дистанцию от этого марширующего гиганта. Естественно, что применение подобных приёмов чрезвычайно осложнялось, когда эта удлинённая и искусственно несгибаемая фигура должна была действовать в сокращённом или тесном пространстве пассажирского автомобиля, даже если речь шла о его более просторном варианте, обычно доступном высокопоставленным государственным деятелям или некоторым богатым людям. В таких случаях сама недостаточность пространства, и в частности пространства для помещения ног, требует гораздо большей находчивости и, что ещё важнее, смелости для опережения других претендентов, даже если это будут верховные руководители

государств или партий.

Скованный своей намертво пристёгнутой шпагой, пакистанский телохранитель уже заблаговременно завершил свой маневр размещения в государственном лимузине, когда президент его собственной страны и высший представитель принимающей республики подошли для занятия предусмотренных для них протоколом мест. Картина, которая предстала перед нашими удивлёнными взглядами, вызвала ужас на физиономиях представителей протокольных отделов, скомканную улыбку на загорелом лице президента Пакистана и плохо скрываемое недоумение в глазах первого секретаря Коммунистической партии Украины. «А это кто?» — спросил он голосом, скорее выражавшим удивление, нежели недовольство, и повернулся ко мне за ответом.

В ходе торжественной церемонии прибытия Щербицкий, по всей вероятности, смотрел в основном на своего президентского гостя и, даже если он заметил высоченного пакистанского гренадера, а его было трудно не заметить, то не имел возможности спросить о его положении в официальной зарубежной делегации. Я объяснил нашему хозяину, что это был личный адъютант президента, но что по нашему протоколу он не должен был находиться в его автомобиле. Однако сам по себе факт присутствия телохранителя Яхья Хана в лимузине Щербицкого представлял собой значительно меньшую проблему по сравнению с той, которую создало размещение этого присутствия на большей части и без того ограниченного пространства заднего салона машины. Удлинённая экзотическая фигура пакистанского офицера не только оккупировала место, предназначавшееся для президента его страны, но и растянула свои несгибающиеся нижние конечности по диагонали через весь пол, фактически узурпировав и то пространство, на котором должны были разместиться ещё три пассажира.

Щербицкий хотел разрешить эту неловкую кризисную ситуацию, попросив через меня президентского охранника (который, кстати, совершенно невозмутимо продолжал сохранять занятую им удобную для него позицию, не обращая внимания на переминавшихся около него в неопределённости собственного президента и высшего руководителя Украины) пересесть в другую машину, поскольку на гостеприимной украинской территории за безопасность высокого гостя отвечали соответствующие местные службы. Этот, казалось бы, логичный и убедительный довод не произвел совершенно никакого воздействия на решительного и верного солдата, который успешно отстоял свою твёрдо закрепленную позицию в автомобиле Щербицкого ссылками на

пакистанский кодекс охраны главы их государства, особенно во время его нахождения за рубежом. Разочарованный таким решительным, но довольно обоснованным объяснением, Щербицкий смотрел на Яхья Хана в ожидании какой-то помощи с его стороны в отношении его воинственно настроенного подданного.

Президент, наблюдавший за этой сценой со спокойной улыбкой, продолжая покуривать свою любимую английскую сигарету, повернулся ко всё ещё удивлённому украинцу номер один и сказал: «Вы знаете, ваше превосходительство, боюсь, что мой адъютант прав, и я не могу менять наши установленные нормы безопасности. Почему бы нам не попробовать разместиться с другой стороны машины?» Откровенно говоря, это утверждение Яхья Хана выглядело несколько преувеличенно и даже не совсем правдиво, поскольку, как я помнил, ни в Москве, ни в Ленинграде до приезда в Киев о таком положении пакистанского кодекса безопасности никто не вспоминал и захвата пространства на заднем сиденье президентского лимузина не происходило. Мне не хотелось ещё больше осложнять этот инцидент упоминанием о протоколе, соблюдавшемся до Киева, и я промолчал. Услышав суждение высшей пакистанской инстанции, мы последовали за президентом на другую сторону автомобиля.

Однако, посмотрев на возможности рассадки с этой новой позиции, Щербицкий и я сразу поняли, что перемена стороны посадки не приблизила нас к нахождению решения. Надо сказать, что все остальные машины президентской колонны уже давно были готовы к отъезду и ждали, когда тронется головной лимузин. К этому моменту нашей первой задачей было посадить в уже стеснённое пространство автомобиля президентского гостя. Хотя с этой, другой стороны машины само место для него на сиденье было доступно, вездесущие нижние конечности телохранителя Яхья Хана оставляли на полу лишь узкое пространство в форме остроугольного треугольника, в котором несгибаемые ноги пакистанского гренадёра служили непоколебимой гипотенузой, уходившей в небольшую щель под откидным сиденьем, находившимся точно по диагонали от того места, которое так удобно занимал бравый и верный адъютант президента.

К этому моменту Яхья Хан начал выбирать позицию, которая бы позволила ему ввести свой корпус внутрь салона. В целях разъяснения необходимо упомянуть, что хотя президент Пакистана был профессиональным военным в ранге маршала и носил офицерские сапоги даже с его теперешним гражданским костюмом, на данном этапе жизни его тело представляло собой

тяжёлую корпулентную массу, которая с большим трудом поддавалась наклонам и подъёмам обычных повседневных перемещений, как, например, при посадке за стол или в машину. Однако действительно серьёзной проблемой, которая доставляла ему настоящие физические страдания и была главной причиной его плохой мобильности, были его болезненно толстые ноги.

Когда мы оказывались наедине, Яхья Хан признавался, что он испытывал почти непрекращающиеся боли в ногах от колен до пальцев ступней. Поскольку в свободное время президент нередко приглашал меня в свою гостиную для компании, чтобы поговорить, выпить и покурить (а он много курил и выпивал несколько раз в день, начиная с подъёма утром, когда он буквально опрокидывал два небольших стакана «Black & White»), я несколько раз был свидетелем той пытки, через которую он проходил при утреннем надевании и вечернем снятии с помощью двух слуг специально пошитых для него сапог. Вечерняя процедура была для него гораздо более болезненной, ввиду того, что его патологически толстые ноги за день распухали ещё больше, оказываясь в тисках кожаных сапог. Понаблюдав эти тяжёлые операции с сапогами несколько раз, я однажды спросил Яхья Хана, почему он не хотел поменять их на какие-то более удобные ботинки или сапоги с молнией, что значительно облегчило бы для него прохождение ежедневного ритуала обувания и разобувания. «Вы знаете, — сказал он мне в ответ, — я был солдатом всю мою жизнь. Сейчас, когда я являюсь президентом моей страны, я должен носить гражданский костюм. Мои военные сапоги — это единственное, что постоянно напоминает мне, да и другим, что независимо от обстоятельств в своём сердце я остаюсь солдатом». И он продолжал стоически страдать.

Сейчас перед посадкой в машину он должен был сначала запять для этого соответствующую позицию: повернувшись спиной к сиденью и взявшись одной рукой за корпус автомобиля, а другой, опираясь на перегородку, разделявшую салон, Яхья Хан начал медленно и трудно опускать свой корпус вниз. Затем он как-то скользнул нижней частью тела вдоль достигнутого сиденья и только потом смог втянуть одну ногу за другой внутрь, вытянув их тоже по диагонали вдоль конечностей своего охранника. С ним было кое-как закончено. Сейчас было необходимо разместить в уже переполненном салоне самого первого секретаря, да ещё и меня, поскольку без моего участия эти руководители не могли общаться друг с другом.

После посадки президента пространство на полу для ног сократилось почти полностью, но на самом сиденье ещё

оставалась небольшая щель между корпусом Яхья Хана и его ординарцем. Заметив эту обнадёживающую для него перспективу, Щербицкий спросил меня, не будет ли неудобно попросить президента подвинуться плотнее к корпусу своего телохранителя, что, таким образом, несколько расширило бы пока ещё слишком узкое пространство для его собственного сиденья, хотя этот маневр можно было осуществить только за счёт дальнейшего сокращения места для ног. В ответ на эту любезную просьбу президент проявил большое понимание и сумел не только придвинуться вплотную к своему ординарцу, но и тесно прижать его к стене автомобиля. Эти участливые действия главы пакистанского государства привели одновременно к тому, что тела двух уже размещённых пассажиров образовали ещё более острый угол по отношению к общему направлению дороги — позицию, которую без всякого преувеличения можно было определить полулежачей. Сейчас Щербицкий обрёл возможность попытаться с большей надеждой устроиться в собственном автомобиле.

Надо сказать, что первый секретарь Украины был крупным, но довольно пластичным мужчиной. Без дальнейшего миндальничаянья или размышлений он смело просунул одну ногу в машину, закрепил позицию для своей ступни в тесном пространстве пола и, помогая себе обеими руками, продвинул свой габаритный корпус между стиснутым телом президента и стенкой автомобиля. В отличие от своих почти лежавших соседей по салопу, позиции которых он не мог подражать из-за практического отсутствия места для ног, ему пришлось собраться в компактную сидячую позу, предоставлявшую ему, несмотря на все остальные неудобства, одно неоспоримое преимущество — он сидел совершенно прямо и поэтому мог отлично видеть дорогу и наслаждаться знакомым украинским пейзажем.

Теперь, когда первый секретарь Компартии Украины прочно, хотя и слишком стеснённо, устроился в автомобиле, он и президент Пакистана дружно отметили на глазах растущее сближение их позиций громким доброжелательным смехом, который можно было с учётом обстоятельств трактовать по смыслу русского выражения «в тесноте — не в обиде». К данному моменту лимузин Щербицкого был настолько плотно упакован тремя крупными телами, что на заднем сиденье не оставалось и свободной щели, в то время как откидное сиденье было надёжно забаррикадировано тремя парами недвижимых ног и ступней.

Я продолжал танцевать около двери в поисках какого-нибудь варианта моего собственного размещения в салоне, где всё пространство уже было безнадёжно использовано. Но без меня

машина уйти не могла. Щербицкий какое-то короткое время смотрел на меня с сочувствием, но потом вдруг решительно сказал: «Я не вижу другого способа захватить вас с нами, кроме как у меня на коленях. Так что, если вы не особенно возражаете, залезайте ко мне, а я вас буду держать по дороге, чтобы вы не упали». «А вы уверены, что мы так с вами удержимся? Ведь нам придётся ехать где-то минут двадцать», — спросил я с сомнением. «Но работу-то нам надо делать. Не будем больше терять время. Залезайте», — завершил Щербицкий. Я так и сделал и через несколько секунд уже сидел в плотных объятиях первого секретаря Коммунистической партии Украины. Теперь, когда я тоже всё-таки оказался в машине и Щербицкий дал сигнал водителю трогаться, вся масса важных и не столь важных тел, загромоздивших заднюю часть салона официального украинского лимузина, от души разразилась громким и продолжительным смехом. Трудно себе представить, но даже в этом невообразимом месиве правительственных тел официальная работа возобновилась и продолжалась в течение всего пути до резиденции президента…

ПРОВАЛ БАЛЕТА В БОЛЬШОМ ТЕАТРЕ

Накануне отъезда президента Яхья Хана в Пакистан наше правительство пригласило его вместе с сопровождающей делегацией на балетный спектакль в Большой театр. Услышав об этом приглашении, переданном ему премьер-министром А.Н. Косыгиным, который в тот день вёл с советской стороны заключительный раунд переговоров с главой государства Пакистана, Яхья Хан буквально просветлел в улыбке и выразил благодарность руководителю нашего правительственного кабинета за возможность побывать на спектакле лучшего балетного театра в мире. Прощаясь с президентом до встречи на балете вечером и заверив его, что он и члены его делегации получат огромное удовольствие от предстоящего представления, А.Н. Косыгин сообщил ему также, что вместе с ним в театре, где они смогут уточнить некоторые оставшиеся для согласования детали переговоров, будут председатель Верховного Совета СССР Н.В. Подгорный и наш министр культуры Е. Фурцева.

Как было предусмотрено протоколом, делегация пакистанских гостей прибыла к подъезду Большого театра минут за десять до начала спектакля. Там у входа гостей встречал Н.В. Подгорный, который по своему официальному положению главы советского государства соответствовал президентскому рангу Яхья Хана и был его главным хозяином во время пребывания в Советском Союзе.

С Н.В. Подгорным мне приходилось работать неоднократно, в том числе во время его государственных визитов в Индию и Северный Вьетнам. Наблюдая его во время переговоров с президентами других стран, у меня складывалось впечатление, что он как-то тяготился существенной стороной обсуждаемых государственных вопросов и что они ему были неинтересны. Во время переговоров в СССР он с удовольствием передавал такую работу энергичному, деловому и прекрасно подготовленному Косыгину. В противоположность нашему президенту советский премьер, казалось, получал от ведения переговоров удовольствие, демонстрируя при этом хорошее знание обсуждаемой проблематики и редко обращаясь к помощи присутствующих экспертов. Его стремление узнать что-то новое и полезное для нашей экономики красноречиво и естественно проявлялось даже в относительно ординарных для него ситуациях.

Вспоминаю в этой связи, как однажды он вместе с А.И. Микояном коротко заехал на виллу на Ленинских горах, где остановился посещавший нашу страну президент Индии Гири. Их

приезд был приурочен к предусмотренному в переговорах перерыву, который давал обеим сторонам возможность провести внутренние консультации перед достижением окончательной договорённости. После завершения консультаций их главные участники вышли в зелёный двор виллы, где они продолжали неофициальное общение.

Перед отъездом Косыгина и Микояна президент Индии, неоднократно упоминавший о решающем вкладе нашего премьер-министра в прекращение войны между его страной и Пакистаном в начале 1960-х годов, предложил им всем на память сфотографироваться. Поскольку профессионального фотографа в это время там не было, снимки вызвался сделать находившийся рядом с Гири его советник, у которого оказался с собой фотоаппарат. Сделав снимок, советник Гири попросил снимавшихся не расходиться для следующего снимка, пока готовился первый, и буквально через минуту показал им, что у него получилось. Увидев столь быстро полученную готовую фотографию, А.Н. Косыгин, который ранее, видимо, с подобными аппаратами не встречался, сразу же попросил фотографа ему его показать, задавая при этом массу вопросов. Удовлетворив своё любопытство в американской новинке и выразив восхищение этим достижением заграничной техники, наш премьер прямо там же попросил своего помощника записать необходимые данные об аппарате, чтобы потом обсудить с нашими специалистами вопрос о возможности налаживания производства подобных камер у нас в стране. Этот пример служит хорошей иллюстрацией делового характера нашего премьера тех лет. На упомянутых переговорах с президентом Пакистана А.Н. Косыгин тоже играл главную роль.

Встретив своего пакистанского гостя у центрального подъезда Большого театра, Подгорный предложил ему пройти в правительственную ложу театра, куда нужно было подниматься по красивой, но довольно нелёгкой для больных ног Яхья Хана лестнице. Стоически преодолев возникшее на его пути в бывшую царскую ложу препятствие и оказавшись наконец в этом роскошном и уютном помещении, он тяжело опустился в центральное кресло первого ряда ложи по правую руку от кресла принимающего хозяина. Для обеспечения удобства их общения моему замечательному коллеге и товарищу Юрию Клюкину и мне отводилось одно место непосредственно за ними во втором ряду, где мы должны были садиться для работы, переходя на него по очереди с кресла в одном из задних рядов. Несколько минут спустя вслед за президентами в ложу пришли Косыгин и Фурцева, которые, поприветствовав их, заняли соседние кресла первого ряда через проход от кресла главного гостя. Затем вошли все

остальные приглашённые и разместились на местах второго и последующих рядов в соответствии с правилами протокола, после чего нам всем была роздана программа предстоящего спектакля на русском языке.

До поднятия занавеса оставались считаные минуты. Великолепие правительственной ложи продолжалось и усиливалось в торжественном убранстве тёмно-красного бархата, пышных светильников и позолоте роскошного интерьера огромного зрительного зала, многоэтажных ярусах и парящем над ними высоком плафоне. Вся эта почти сказочная атмосфера готовила собравшуюся аудиторию к встрече с таинствами сценического зрелища.

В этот момент вдруг раздались звуки большого оркестра, начавшего исполнять национальный гимн Пакистана. Все присутствующие, подавляющее большинство которых даже не поняли, что происходит; постепенно и недружно встали, обращая взгляды на правительственную ложу. При виде знакомых правительственных лиц рядом с неизвестным для них субъектом им стало ясно, что они будут смотреть спектакль вместе с нашими вождями и важным зарубежным гостем. Затем был сыгран гимн Советского Союза, за которым последовал взрыв аплодисментов, обращенный к правительственной ложе.

В ходе короткой паузы между замиранием аплодисментов и началом увертюры Яхья Хан, как бы спохватившись, повернулся к в основном негостеприимно молчавшему Подгорному и через меня спросил у него название начинавшегося балета. Для Николая Викторовича этот вопрос оказался полной неожиданностью, так как до приезда в театр он на этот счёт, по всей вероятности, не осведомился, а во вручённую ему программу ещё не посмотрел. Поэтому, услышав вопрос президента, он тут же спросил об этом у меня, и когда я сообщил ему название балета, он повернулся к Яхья Хану и уверенным голосом коротко произнёс «Асель», сильно смягчив при этом звук «с» добавив мне через плечо: «Вот так и переведите». Поскольку буквальное воспроизведение русского названия этого балета на английском языке могло показаться несколько грубоватым, я решил обойти возникшее неудобство передачей названия повести Чингиза Айтматова, которая лета в основу сюжета балета — «Тополек мой в красной косынке». Услышав короткий ответ председателя Верховного Совета СССР в моём несколько удлинённом переводе, Яхья Хан одобрительно крякнул и устремил взгляд на уже поднимавшийся тяжёлый тёмно-красный бархат занавеса.

Открывшаяся перед зрителями сцена изображала небольшой горный аул с несколькими маленькими домиками, кусочком сада

с цветами и горными вершинами, видневшимися на заднем плане в освещении начинавшегося рассвета. Через 1–2 минуты, пока поднималось солнце под аккомпанемент оркестра, сцена осветилась более ярко, и её быстро заполнила группа танцовщиц, которые выбегали на неё одновременно по одной с каждой стороны в чёрных спортивных тенниских и такого же цвета коротких юбочках. Собравшись перед зрителями с печальными лицами, они продолжали легко носиться по сцене, широко «размахивая во все стороны длинными чёрными воздушными платками, постепенно меняя направление извивающихся линий своего коллективного перемещения. Затем, продолжая энергичные взмахи руками с платками, они перестроились в новый рисунок взаимодействия нескольких образованных ими танцующих линий, когда эти линии, двигаясь по всей ширине сцены, стали как бы пронизывать друг друга через каждую следующую танцовщицу в каждой из них. Подобное пересечение 3–4 потоков танцовщиц по замыслу должно было бы выглядеть довольно эффектно, но для воплощения такой идеи требовалось много внимания и дисциплины, которые достигаются хорошей подготовкой.

Незнакомый, видимо, ни с повестью Айтматова, ни тем более с содержанием балета, хотя оно было изложено в программе, Подгорный повернулся ко мне вполоборота и полушёпотом спросил: «А что изображают эти бабы в чёрном? Бегают, бегают туда- сюда! Когда же это кончится?» Я ответил, что в этой картоне выражается печаль жительниц аула по жертвам войны и тревога за судьбу тех, кто находится на фронте. Подгорный выслушал моё объяснение без всяких комментариев и, как-то недовольно вздохнув, посмотрел в сторону Косыгина и Фурцевой, которые, поглядывая на сцену, одновременно о чём-то тихо разговаривали.

В этот момент около нашего президента появился его помощник и, наклонившись к нему, прошептал: «Вы знаете, пока ноль-ноль, но играют интересно». «Ладно, — ответил ему Николай Викторович, — я скоро подойду». Как оказалось, в этот же вечер играла любимая команда Подгорного киевское «Динамо», и он, как заядлый болельщик, сгорал от нетерпения поскорее выйти из ложи и засесть за экран телевизора, который стоял в одной из небольших комнат около выхода из правительственной ложи.

На сцене пока продолжалась та же картина, но теперь, когда, следуя за возросшим темпом оркестра, пересекающиеся линии танцовщиц значительно ускорили свой бег, одна из них неожиданно столкнулась с другой. Они обе еле-еле удержались на ногах и, придя в себя, бросились вдогонку за потерянными

хвостами своих линий. Однако их столкновение вызвало развал не только их собственных, но и остальных потоков пробегавших мимо друг друга танцовщиц. Некоторые из них потеряли свои места в линиях и в создавшейся суматохе начали натыкаться одна на другую, задевать ближайших к ним подруг своими руками и длинными шарфами, что привело к полному разрушению рисунка танца и всей первой картины.

Дело серьёзно осложнялось тем, что оркестр продолжал играть, не пережидая восстановления разрушенного действия, за которым уже возникала следующая часть картины с участием нескольких танцевальных пар балерин и танцовщиков. Зрители замерли от того кошмара, который несколько минут творился на сцене, пока шокированные и обескураженные своим провалом в первой же картине танцовщицы наконец не исчезли неправильными скученными группками или в одиночку за кулисами. В нескольких местах зала раздались сдавленные взрывы смеха. Но даже при этом провале спектакль должен был продолжаться.

Почти мгновенно после исчезновения со сцены первой группы танцовщиц на неё бодро вышло несколько балетных пар, которым пришлось искать подходящего по музыке вступления в дальнейшее действие за счёт пропуска некоторых отрепетированных в надлежащей последовательности балетных движений. Наконец им, видимо, удалось вернуться к нужной канве балета, и они, безусловно, испытывая страшное расстройство в связи с произошедшей до них сценой, стали робко и неуверенно продолжать спектакль. Однако переживаемое ими потрясение было, вероятно, настолько сильно, что они стали совершать всё больше ошибок. В одном случае, например, прыгнувшая в руки своего партнёра танцовщица не удержалась и съехала с его рук на пол и, видимо, достаточно сильно ушиблась, так как не смогла не потереть прямо перед зрителями своё ушибленное место. В другой паре после исполнения непродолжительного фуэте перед выходом в арабеску танцовщица не смогла остановиться на пуанте и чуть не упала на бок. В конце этого акта кто-то из исполнителей, а может, кто-то за сценой, задел за декорации. Некоторые из них упали или покосились, создав очень смешной фон для предположительно драматического действия, которое само по себе было сплошной вереницей ошибок и выглядело скорее клоунадой.

С того момента, когда танцующие пары во второй части первого акта стали совершать одну ошибку за другой, каждый раз после этого предпринимая неуклюжие попытки восстановить скомканную хореографию, зрители уже не находили сил

сдерживаться от охватывающих их приступов смеха. В самом деле, при взгляде на сцену из зала складывалось впечатление, что вместо балетного спектакля артисты представляли пародию на балет. Удержаться от смеха было очень трудно, хотя и было понятно то ужасно травмированное состояние, в котором оказалась вся труппа театра, особенно с учётом того, что они выступали не только перед высокими иностранными гостями, но и перед членами нашего правительства, а самое главное, перед своим строгим министром культуры.

В правительственной ложе Косыгин и Фурцева, бросая взгляды на сцепу, то и дело разражались весёлыми взрывами смеха, опуская при этом головы вниз, чтобы их было не видно зрителям в зале. Озадаченный происходившей на сцене клоунадой Подгорный, не зная, как на неё реагировать, неспокойно переваливался в своём кресле, по всей вероятности, дожидаясь скорейшего завершения акта, чтобы успеть посмотреть футбольный матч. Яхья Хан был, пожалуй, единственным зрителем в правительственной ложе, который воздерживался от смеха, хотя его лицо приняло явно весёлоё выражение. Все члены его делегации и присутствующие здесь советские сотрудники были охвачены волной всеобщего сдавленного смеха. Меня самого, кому даже в этой ситуации нужно было сохранять профессиональный нейтралитет, смех разбирал так сильно, что от невероятного усилия сдержаться у меня разболелся затылок, и я стал делать знаки моему коллеге Юрию, который смеялся вместе со всеми несколько рядов сзади, освободить меня от пытки не рассмеяться и сесть на моё место. Мы обменялись местами, но я тут же вышел в коридор, чтобы там дать волю непреодолимому смеху.

Ко всеобщему облегчению, через несколько минут закончился первый акт, и зрители правительственной ложи стали подниматься для выхода на перерыв. Первым из ложи быстро вышел Подгорный и тут же исчез в небольшой комнате с телевизором. За ним вместе с Яхья Ханом вышли Косыгин и Фурцева. Косыгин сказал президенту, что минут через пять после того, как все немного разомнут ноги, в небольшом банкетном зале этого же этажа состоится ужин, за которым они обсудят некоторые оставшиеся для согласования детали прошедших ранее переговоров.

Когда все приглашённые заняли отведённые им места за банкетным столом, Косыгин обратился к президенту Пакистана с разъяснением относительно проходившего спектакля. Вначале он сообщил ему, что в тот вечер перед зрителями выступала не труппа самого Большого театра, а приехавший в Москву на

гастроли театр оперы и балета Киргизии. Это была очень молодая и неопытная труппа, рассказывал наш премьер, которая не так давно была создана в этой республике, где до советской власти не было даже своей письменности. В этой связи он сделал особый акцент на том факте, что сюжет показываемого в тот вечер балета был основан на очень популярной у нас повести крупного советского писателя Чингиза Айтматова, который сам был киргизом.

Здесь в разговор вступила Екатерина Фурцева, которая добавила, что перед самым началом спектакля артистам сообщили о том, что среди зрителей будут высокий гость — президент Пакистана господин Яхья Хан и руководители Советского государства и правительства. По её словам, эта новость так разволновала молодых артистов, что они не могли успокоиться, очень волновались и переживали, а это не могло не сказаться на их выступлении, которое в первом акте вышло довольно неудачным. Но она сразу же выразила уверенность, что после перерыва труппа успокоится и остальную часть спектакля сможет провести лучше. Пока Фурцева давала свои объяснения, Косыгин, около которого я сидел, спросил меня, кто был автором музыки обсуждаемого балета. Когда я ответил ему, что музыку написал Власов, он улыбнулся и сказал, что о композиторе в таком случае будет упоминать неуместно. Сам Яхья Хан, проявляя показанное в подобных случаях понимание и великодушие, сказал, что, за исключением некоторых неудачных моментов и с учётом испытанного артистами понятного волнения, труппа выступала в целом не так плохо.

Затем разговор перешёл на обсуждение немногих вопросов, подлежавших согласованию после переговоров, которое и было вскоре завершено, к удовлетворению обеих сторон. Перед подачей десерта Косыгин вдруг обратил внимание на то, что я за весь вечер ничего не выпивал, отказываясь каждый раз от предлагаемого мне официантами спиртного. «Молодой человек, это почему же вы с нами ничего не пьёте? — спросил он меня с удивлением. — вы что, вообще не пьёте или только с нами?» «Алексей Николаевич, — попытался я оправдаться, — но я же на работе». «Так, значит, вы на работе, а я, по-вашему, что здесь делаю? — задал он риторический вопрос и тут же обратился к стоявшему за нами официанту: — Налейте, пожалуйста, этому молодому человеку штрафной, — и, повернувшись снова ко мне, с лукавой улыбкой добавил: — Попробуйте не выпить, ведь я ваш главный начальник». После этого мы вместе подняли рюмки с душистым армянским коньяком.

Остальная часть возобновившегося после антракта балета

прошла без катастрофических неудач первого акта. Однако и после того, как, оставив наших подопечных на правительственной вилле, мы с Юрием вышли в её двор, у пае в памяти продолжали возникать смешные сцены неудачного представления, вызывая новые приступы неудержимого смеха.

НЕПРЕДВИДЕННЫЙ САММИТ В ПОДМОСКОВНЫХ КУСТАХ

На следующий день после необычного представления в Большом театре президент Яхья Хан со своей делегацией вылетал обратно в Пакистан. В первые утренние часы он осматривал Кремль, Алмазный фонд, Оружейную палату и другие его достопримечательности. После завершения экскурсии к ожидавшему президента кортежу присоединились Подгорный и Косыгин, которые должны были сопровождать Яхья Хана на аэродром в старое Шереметьево. Они все трое разместились на заднем сиденье просторного лимузина Подгорного, а такая же машина Косыгина с одним его водителем непосредственно следовала за ними.

При обычном в таких случаях эскорте парадных мотоциклистов правительственный кортеж выехал из Кремля на улицу Горького (Тверскую), выйдя на прямую и свободную от движения трассу в направлении Шереметьева. В этот раз президент Пакистана ехал с советскими руководителями совсем один, без сопровождения его охранника или кого-либо из членов делегации. При сохранявшем молчание Подгорном Косыгин в свойственной ему деловой манере продолжал обсуждать с Яхья Ханом некоторые аспекты проблем индо-пакистанских отношений и ряд других интересовавших его вопросов.

Президент Пакистана в свою очередь спросил Косыгина о его оценке наших отношений с Китаем. В своём ответе наш премьер-министр, среди прочего, упомянул о том, что одним из первых предлогов, использованных Пекином для выражения своего недовольства Москвой, который спровоцировал начальное полуоткрытое ухудшение их отношений, стал вопрос новых географических карт Китая. Тоща СССР отказался согласиться на предложение китайского руководства переиздать наши карты территории Китая в соответствии с его новыми картами, на которых часть территории Индии на границе с Тибетом была представлена китайской. Интересно в этой связи отметить, что именно Яхья Хан был тем посредником, которого США и Китай в большой тайне использовали для подготовки и организации секретного визита Киссинджера в Пекин, который коренным образом изменил соотношение сил в мире в ущерб Советскому Союзу. Увлеченные беседой, мы довольно быстро оказались за чертой московских улиц.

Увидев загородный пейзаж, президент Пакистана немного

привстал на своем сиденье, окинул взглядом окружавшую нас местность и попросил Косыгина остановить машину, сказав, что ему нужно коротко выйти на улицу по нужде, или, как он выразился правильно по-английски, по позыву природы. Чтобы выпустить сидевшего в центре Яхья Хана на обочину после остановки, Косыгин должен был сначала выйти из машины сам. Когда они оба оказались на улице, президент сообщил Косыгину, что он хотел бы пройти с ним вместе в кусты, так как ему нужно было с ним коротко переговорить по одному очень важному вопросу совершенно наедине.

Отдав распоряжение представителю Девятого управления КГБ, который сопровождал нас на переднем сиденье рядом с водителем, обеспечить их усдипспие, Косыгин вместе с Яхья Ханом и мной направился через заросли некошеной травы невысокого придорожного холма к начинавшимся в метрах 20 от дороги зарослям кустарника. Зайдя за первый ряд кустов и оглянувшись на остановившийся за нами кортеж, Яхья Хан повернулся спиной к дороге с видом отправления естественной нужды, пригласив нас последовать его примеру, и очень сжато изложил Косыгину своё дело.

Он сказал, что поднимаемый им сейчас вопрос является самым главным из тех, которые он хотел бы обсудить с советским руководством. Сообщив, что он делает это один на один, так как не доверяет своему окружению в делегации, Яхья Хан выразил от своего имени желание Пакистана закупать у Советского Союза оружие, чтобы несколько освободиться от полной зависимости от США в этом вопросе. Он сказал при этом, что прекрасно понимает невозможность получения быстрого конкретного ответа в столь щепетильном деле и что сейчас лишь выдвигает эту просьбу на рассмотрение правительства СССР. Выслушав Яхья Хана, Косыгин сообщил президенту, что затронутое им дело действительно является очень сложным и деликатным, но что он обещает поставить его на рассмотрение Политбюро, которое уполномочено решать подобные вопросы. Он добавил, что о результате президенту будет сообщено по соответствующему каналу. На этом импровизированный саммит в подмосковных кустах был завершён, и мы спустились вниз к ожидавшим нас машинам. Пропуская президента вперёд, Косыгин повернулся ко мне и тихо сказал, чтобы об этом разговоре в записях его беседу: Яхья Ханом я не упоминал и не сообщал о нём никому в МИДе.

После прибытия на аэродром президент Пакистана и Подгорный обошли заждавшийся их под начавшимся дождём почётный караул и выслушали национальные гимны своих стран. Затем Яхья Хан и его делегация попрощались с их советскими

хозяевами и поднялись по трапу в самолёт, который через несколько минут направился на взлётную полосу. Когда пакистанцы, будучи ещё на поле аэродрома, стали направляться к своему самолёту, ко мне подошёл наш заместитель министра Фирюбин, курировавший страны Южной Азии, и спросил, что у нас была за остановка по дороге, и обсуждалось ли что-то достойное его внимания. Следуя указанию Косыгина, мне пришлось дать Николаю Павловичу уклончивый ответ…

Одновременно он сообщил мне, что во время переезда нашего кортежа через площадь Белорусского вокзала в шедшую за главным лимузином машину Косыгина врезался поливающий улицы грузовик. Как этот грузовик мог оказаться на площади при перекрытом движении, он не знал. Другие подробности этого происшествия ему тоже не были известны…

Через три месяца я вновь оказался в Нью-Йорке на очередной сессии Генеральной ассамблеи ООН. В один из первых дней после открытия сессии я проходил за документами по вестибюлю около входа на трибуну для глав государств и правительств, которым они пользуются непосредственно перед своим выступлением. В конце широкого коридора, ведущего к этому входу, я вдруг увидел шедшую в мою сторону группу людей, во главе которой шествовал сам Яхья Хан. Он и его сопровождение, которое почти полностью повторяло его делегацию во время визита в СССР, узнали меня и, приблизившись ко мне, стали издавать приветственные возгласы. Яхья Хан обнял меня, к удивлению всех присутствовавших при этом сотрудников Секретариата, и мы с ним коротко, но очень тепло побеседовали.

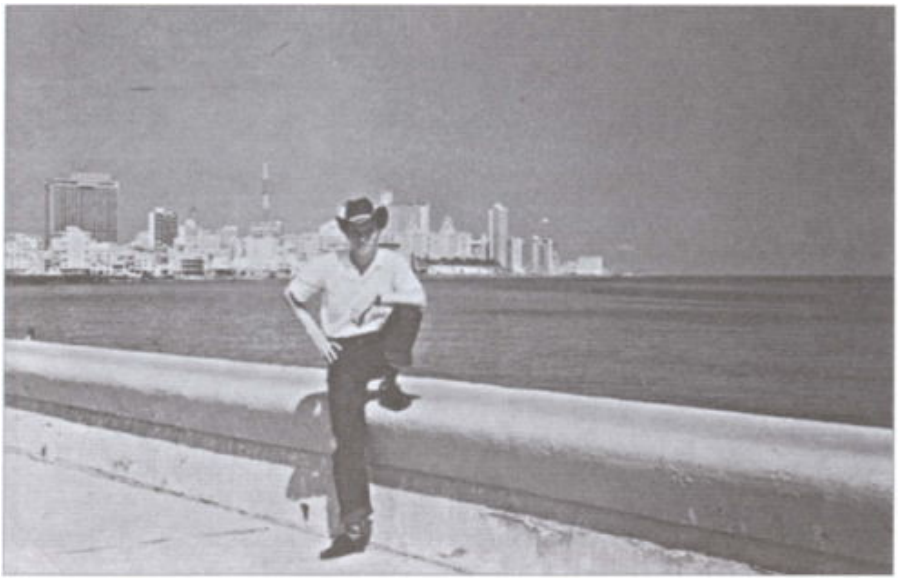
Несколько месяцев спустя в Восточном Пакистане началось серьёзное брожение населения под руководством Муджибура Рахмана за его отделение от западной части страны и провозглашение независимости. В результате последовавших за этим событий Яхья Хан был отстранён от власти, уступив её партии Али Бхутго, который затем потерял Восточный Пакистан, провозгласивший себя новым независимым государством под названием Бангладеш.

Ещё до завершения процесса отделения Бангладеша Али Бхутто приезжал в Москву и встречался с А.Н. Косыгиным, рассчитывая на то, что СССР может оказать воздействие на ход событий, чтобы предотвратить потерю Восточного Пакистана. Любопытно, что заключительная беседа между ними в тот раз происходила во время антракта в балетном спектакле, но, правда, уже самой труппы Большого театра, в той же самой ложе, где до него Яхья Хан смотрел столь неудачное выступление киргизских танцоров.

Некоторое время спустя я работал на заседании Совета Безопасности ООН, которое было в срочном порядке созвано по просьбе Пакистана для рассмотрения событий в тогда ещё Восточном Пакистане. В работе Совета по столь жизненно важному для его страны вопросу принимал участие сам премьер-министр Али Бхутто, специально прибывший для этого из Исламабада. Надо сказать, что он был прекрасным оратором и очень эмоциональным человеком. Выступая несколько раз перед членами Совета Безопасности, Бхутто до предела исчерпал возможности своего действительно большого ораторского искусства. Однако, видимо, осознав окончательную безысходность сложившейся пакистанской трагедии и полную бессмысленность своих дальнейших усилий, в заключение своей последней, заряженной взрывчатыми эмоциями речи, он не удержался и разразился самыми настоящими рыданиями перед переполненным залом присутствующих делегатов и средств массовой информации всего мира. Как известно, несколько лет спустя Али Бхутто был свергнут в ходе очередного военного переворота, приговорен к смертной казни и повешен.

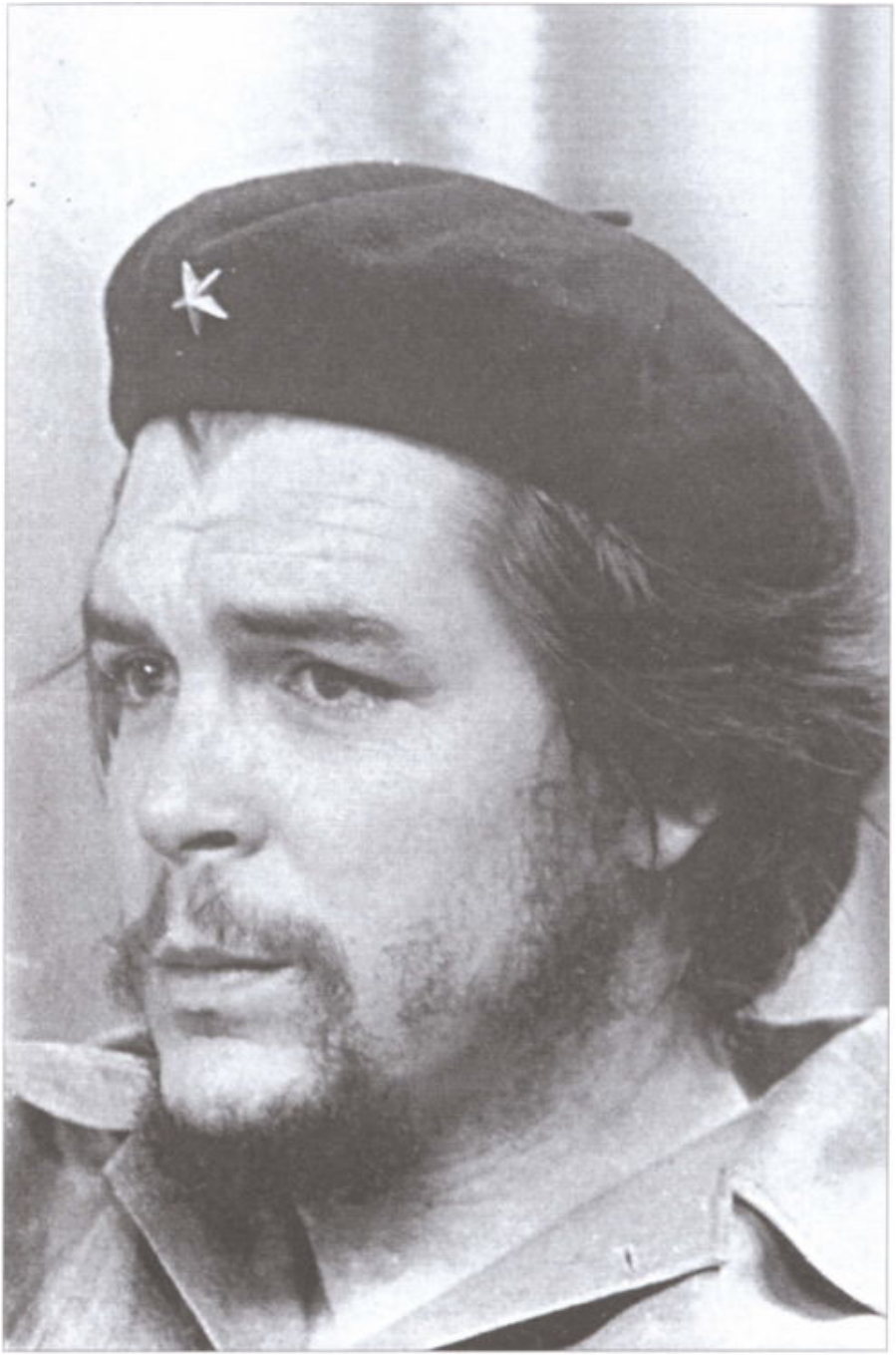
Т. Дмитричев в первой загранкомандировке после окочания 3-го курса с египетской парой и другом Б. Борисовым (третий справа) вместе с коллегами В. Ермоленко и А. Колтыпиным, Каир, 1958 г.

Вид на парагвайскую столицу



Т. Дмитричев на набережной Гаваны вскоре после завершения войны на Плайя Хирон

Встреча с Юрием Гагариным в советском посольстве в Гаване, 25 июля 1961 г.



Эрнесто Че Гевара

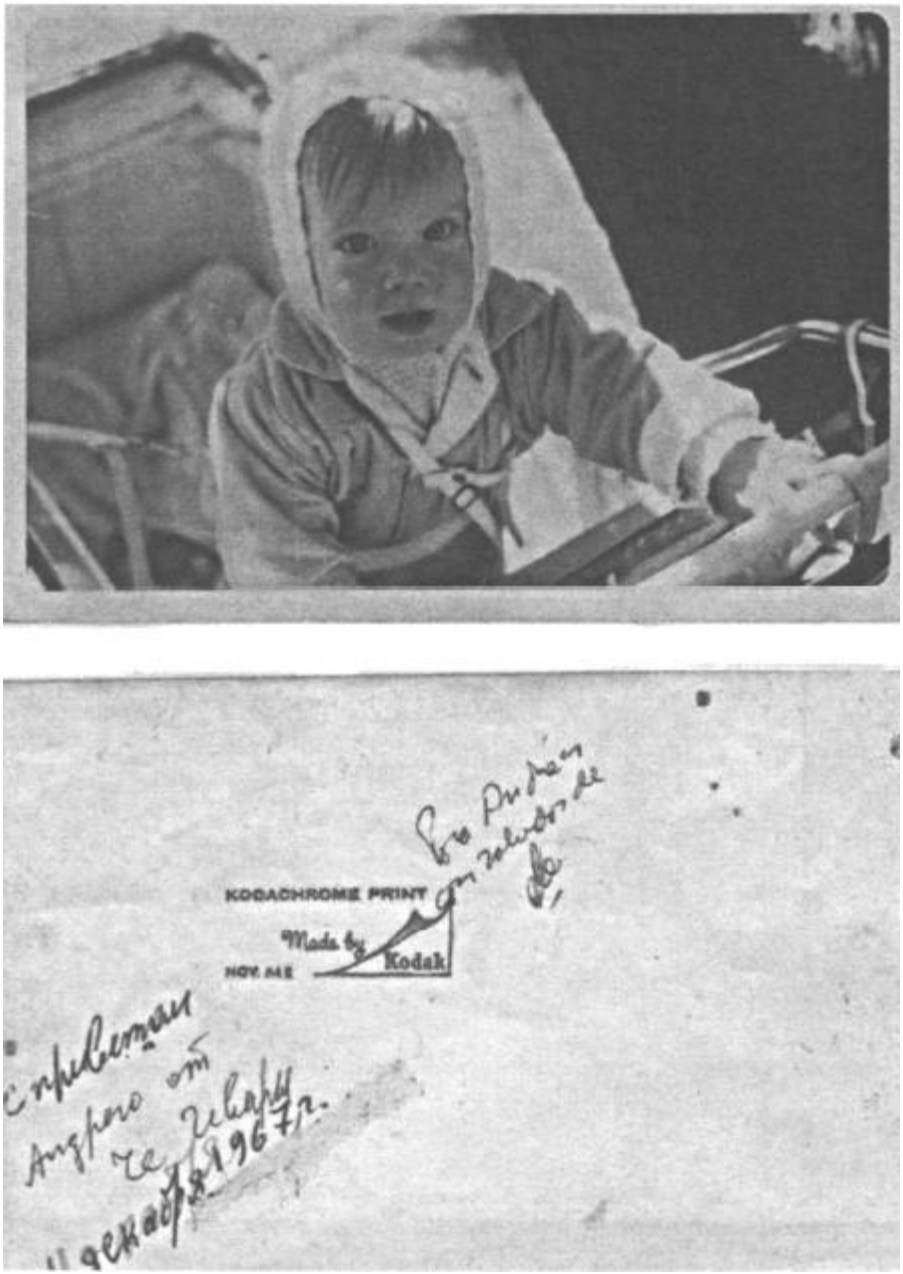


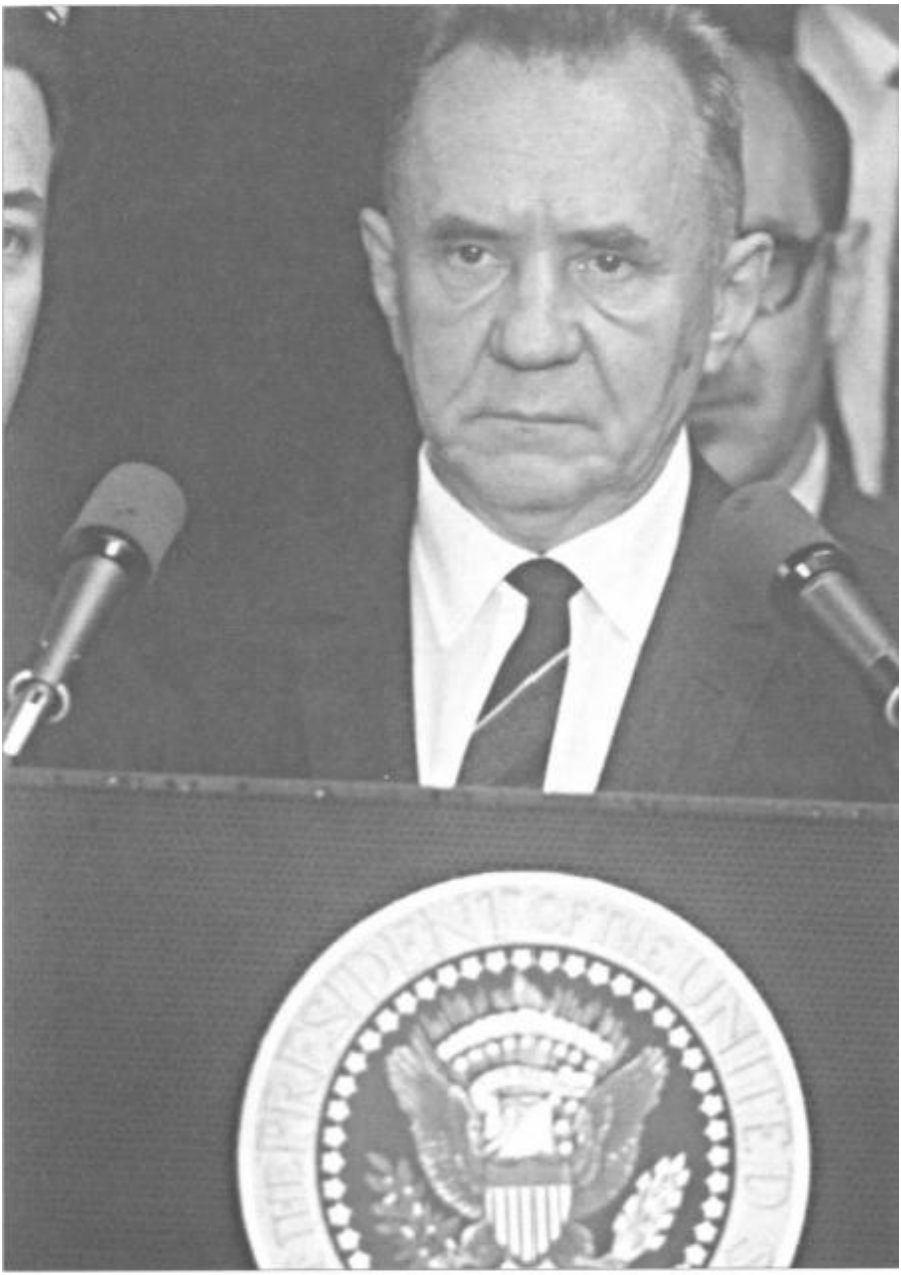
Фото сына Т. Дмитричева Андрея, подписанное Че Геварой в Нью-Йорке 11 декабря 1965 г.: «С приветом Андрею от Че»

На молочной ферме в штате Мичиган, США. Слева направо: М. Соболев, друг и коллега автора; Т. Дмитричев; Д. Литвинов — друг и коллега автора по работе; хозяин фермы Джон Лаке. Май 1965 г.

Первая международная конференция в новой столице Бразилии Бразилиа. На приеме МИДа страны: крайний слева — председатель конференции посол Швеции при ООН; на переднем плане — автор с бразильским коллегой русским эмигрантом Берковичем. Бразилиа, август 1966 г.

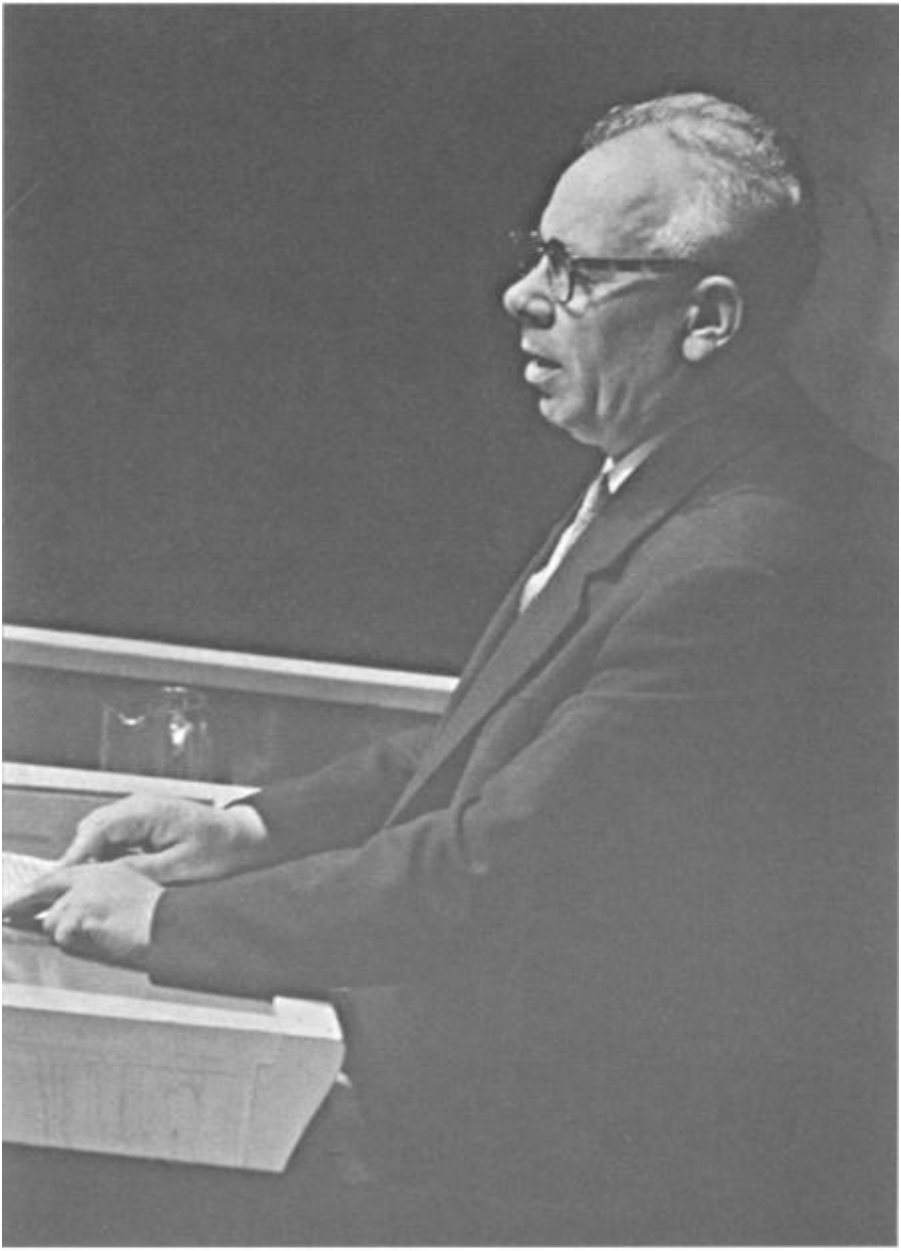
В.И. Филатов со своими медведями

Знаменитый филатовский медведь на мотоцикле

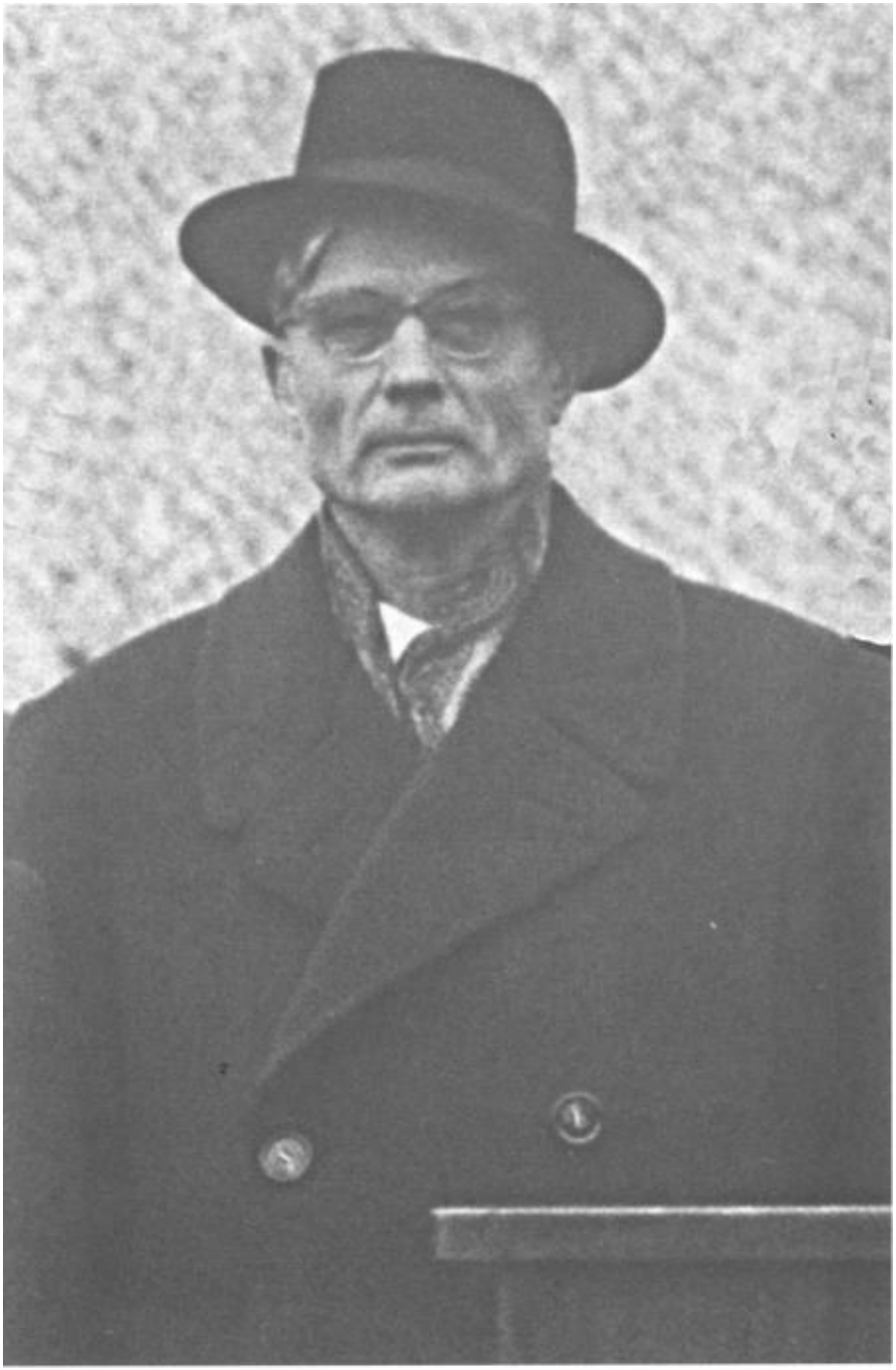


А.Н. Косыгин

Яхья Хан

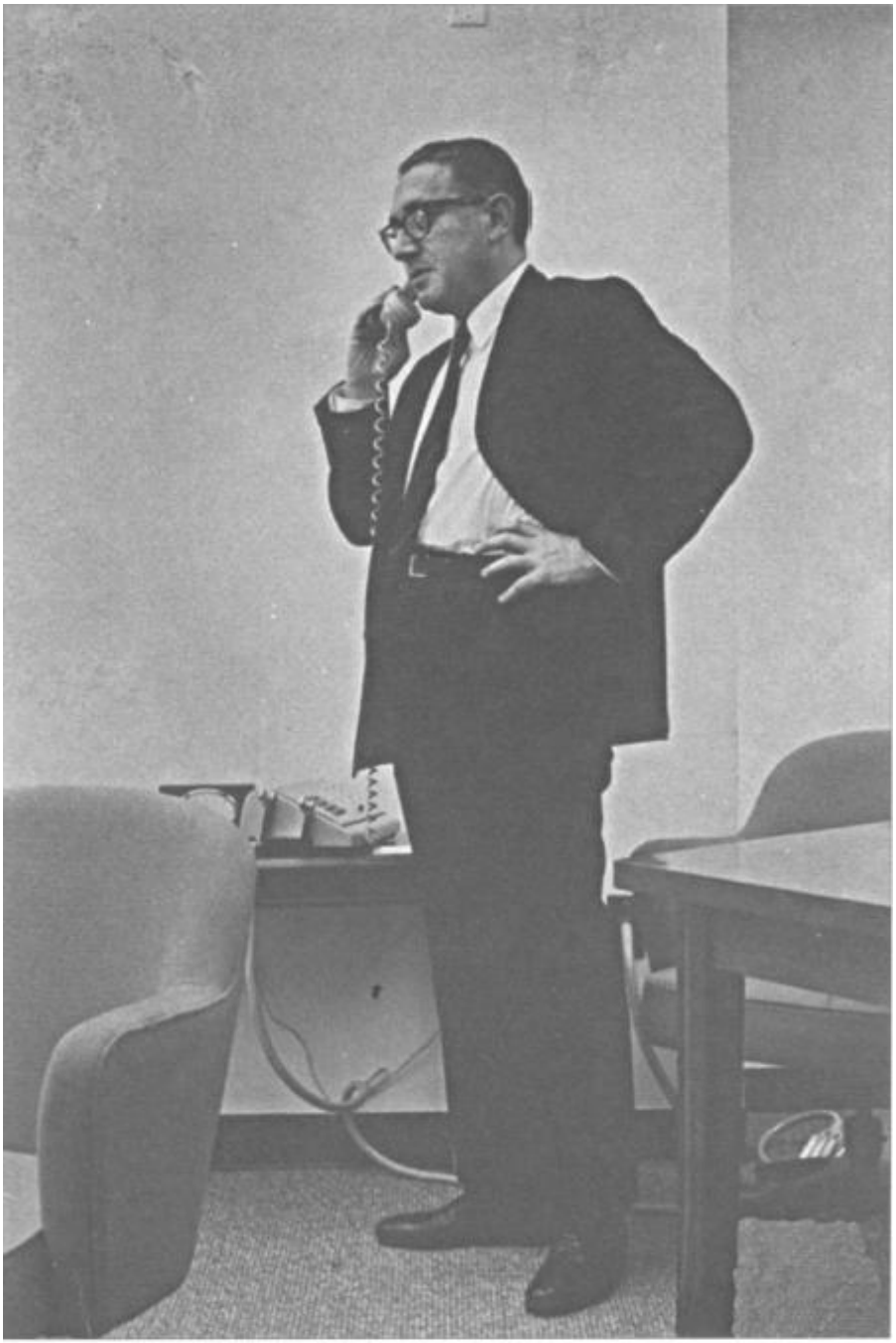


Н.В. Подгорный



М.А. Суслов

А.А. Громыко на одном из заседаний ООН

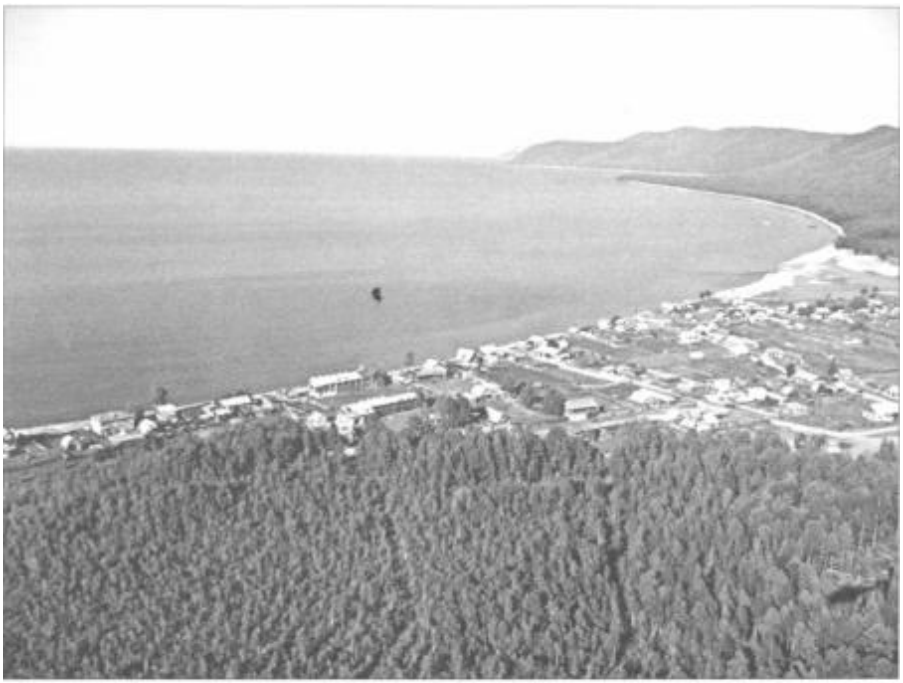


Г. Киссинджер

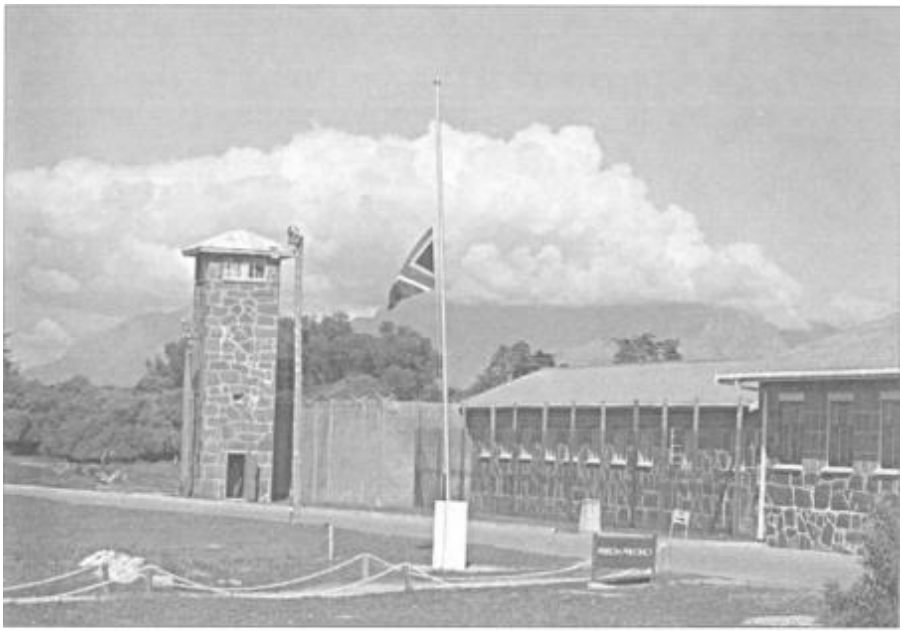
Одна из главных улиц Житомира

Железнодорожный вокзал в Бердичеве

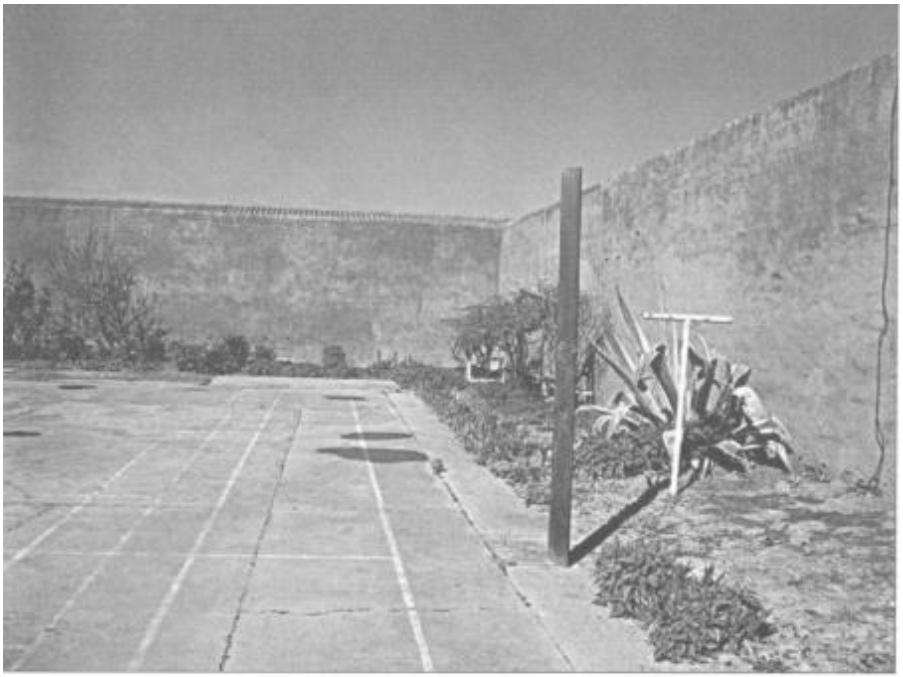
Театр оперы и балета в Улан-Удэ



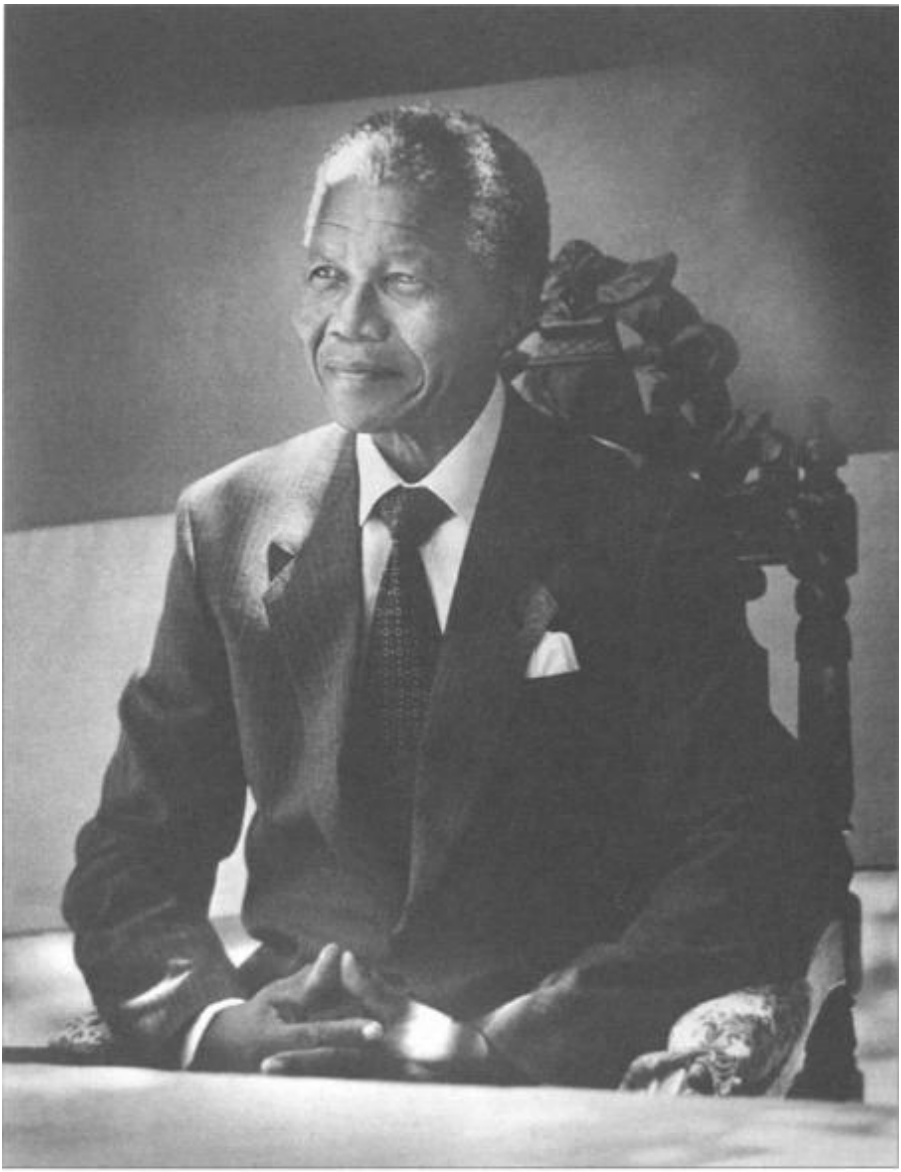
Вид на Горячинск



Тюремные постройки на о. Роббен



Внутренний двор тюрьмы на о. Роббен



Нельсон Мандела

ДИПЛОМАТИЯ И МЕДВЕДИ ГРУППЫ ФИЛАТОВА

В месяцы, предшествовавшие провозглашению независимости Бангладеш, руководство Пакистана неоднократно направляло своих эмиссаров в Москву, пытаясь заручиться поддержкой Советского Союза в предотвращении раскола страны. Кстати, название этого государства образовано из первых букв названий основных народностей, населяющих именно его западную часть, то есть пуштунов, афганцев и кашмирцев с присоединением слова «стан», которое в целом ряде восточных языков, как и в заимствованном из них русском варианте, означает «месторасположение» или «местонахождение», а в буквальном переводе значит «место, где я нахожусь» (по аналогии образованы названия целого ряда других государств, как, например, Казахстан, Таджикистан и другие). Одним из таких представителей был министр иностранных дел этой страны, который прибыл в Москву в августе месяце, когда наш министр А.А. Громыко, как обычно в это время года, находился в отпуске. Его обязанности на этот период исполнял Н.П. Фирюбин, который в качестве заместителя министра отвечал за проблематику стран Южной Азии и по удачному стечению обстоятельств должен был сам принимать хорошо знакомого ему пакистанского гостя.

Проходившие в течение одного с половиной дня переговоры между двумя сторонами топтались на месте и не могли не вызывать у пакистанцев чувство неудовлетворённости и разочарования, которое ещё больше усугубляло их и без того очень мрачное настроение в связи с событиями в восточной части их страны. На второй день пребывания гостей в Москве Фирюбин устраивал в честь министра Пакистана обед, который проходил в особняке МИДа на Спиридоновке.

В ходе основной части обеда, когда стороны снова и также безрезультатно возвращались к основным вопросам переговоров, настроение пакистанцев испортилось совсем, и они даже внешне перестали его скрывать. Чтобы как-то развеять сложившуюся напряжённую обстановку, Фирюбин предложил перейти на десерт в соседний салон, где все могли сесть в удобные мягкие кресла и несколько расслабиться за чаем и кофе с коньяком. Когда гости и хозяева расположились в более непринуждённых позах в салоне, Фирюбин решил отойти от серьёзных тем предшествующей беседы и немного развлечь пребывавших в подавленном настроении пакистанцев.

«Вы знаете, — начал он, — на днях моя жена, а она у нас является министром культуры, рассказала мне очень занятную историю, которая недавно произошла с известной нашей группой медведей дрессировщика Филатова. Эти медведи, помимо прочего, надрессированы ездить на лёгких мопедах, которые специально для них приспособлены. Одна из наиболее забавных сторон исполняемого ими номера состоит в том, что они приучены останавливаться на красный свет, пережидать жёлтый и затем трогаться на зелёный. Ездят они, конечно, только по цирковому кругу арены, где для них ставят светофоры, а после завершения номера выезжают под раскрывающуюся для них занавеску и дальше по коридору, направляющему их прямо в отсек, где их отправляю? в клетки. Эта группа медведей Филатова, которые выполняют и другие интересные номера, пользуется очень большой популярностью не только у нас, но и за рубежом, куда её часто приглашают.

История, которую я пересказываю вам со слов моей жены, произошла с этой группой во время её выступлений в одном из крупных городов ФРГ — кажется, это было в Дюссельдорфе, — где она уже дала несколько очень успешных представлений. При завершении номера с мопедами на одном из выступлений медведь, замыкавший всю их едущую линию, на последнем светофоре задержался несколько больше положенного и немного отстал от вереницы своих собратьев, которые все вместе, как обычно, свернули с арены под поднятую для них занавеску и проехали по коридору в свой отсек. Когда последний медведь выезжал с арены, поднимаемая для его группы занавеска уже опустилась, и он въехал в висевшую широкую ткань занавески на её другом конце. Поскольку представление происходило, как это принято в других странах, в цирке под большим тентом, а не в специальном здании, какие цирки имеют у нас, отставший медведь, попав в другую часть занавеси, вместо своего отсека выехал на городскую улицу.

Пока сам Филатов раздавал поклоны и принимал аплодисменты восхищённых зрителей, его помощник поместил приехавших после номера медведей в клетки, но не заметил, что их в этот раз было на одного меньше. Дрессировщик, пришедший к своим «артистам» лишь некоторое время спустя, об исчезновении одного из медведей пока ничего не знал.

А тем временем выехавший по недоразумению из цирка медведь начал продолжать свой привычный номер на улицах города среди потока ошарашенных этим невероятным зрелищем водителей машин и потрясённых пешеходов. Сидя совершенно чинно на своём мопеде, медведь спокойно продвигался в первом

от тротуара ряду движения, останавливался по всем правилам на красный свет, пережидал его и жёлтый, а увидев зелёный сигнал, трогался и продолжал ехать дальше.

Можно себе представить, какую неразбериху и сумятицу вызвал этот медведь на уличной трассе, где одни увидевшие его водители стремились освободить ему дорогу, тогда как другим хотелось подъехать к нему поближе, чтобы лучше разглядеть это чудо, а третьи просто останавливали свои машины, не в силах поверить своим глазам. Один из первых увидевших медведя на 8* 211 мопеде полицейских, придя в себя от первоначального шока, стал звонить о появлении едущего по улице медведя в своё отделение, спрашивая, что в этом случае надо делать. Несмотря на все заверения полицейского о том, что ему не померещилось и что он действительно собственными глазами видел медведя, проезжавшим мимо него на мотоцикле, ответившие на его звонок коллеги сочли, что он, видимо, их разыгрывает или у него что-то случилось с головой. Однако через несколько минут в отделении раздался ещё один звонок с точно таким же сообщением о медведе, едущим по улице на мотоцикле. На этот раз в полицейском отделении решили разобраться, что на самом деле происходит, и если бы действительно сообщения подтвердились, продумать необходимые меры.

В это время в полицейском отделении раздался ещё один звонок, который развеял там возможные остававшиеся сомнения насчёт медведя, продвигавшегося по городу на мопеде. В полицию звонил директор цирка и по просьбе дрессировщика Филатова сообщил о случайно уехавшем на мопеде медведе. Подчёркивая ту серьёзную опасность, которую может представлять собой для окружающих это дикое животное, он просил полицию помочь обеспечить скорейший проезд дрессировщика к месту нахождения медведя и не допускать к нему по возможности никого другого. Необходимые меры были приняты, и спустя 10–15 минут Филатов уже заводил катавшегося по городу медведя в специальный фургон. Дрессировщик потом признался, что, обнаружив пропажу медведя, он страшно переживал за возможность самого плохого исхода этого инцидента как для потенциальных жертв среди людей, так и для самого медведя.

Об этом происшествии было много сообщений в СМИ, что создало группе медведей Филатова ещё большую популярность. Перед их выступлениями в Японии всемирно известная фирма «Кавасаки» поместила в центре Токио огромную рекламу с изображением на ней едущего на её мотоцикле медведя с сопровождающей надписью: «Если на нашем мотоцикле может

ездить МЕДВЕДЬ, представьте себе, что на нём можете делать ВЫ»».

В ходе этого забавного рассказа сам Фирюбин и я неоднократно начинали смеяться, вызывая в воображении описываемые им невероятные сцены, связанные с этим экстраординарным происшествием. Слушая эту развлекательную историю, пакистанцы начали постепенно отходить от своего тяжёлого настроения, улыбаться, а затем и смеяться вместе с остальными присутствующими. Хотя основные вопросы на тот момент для них по-прежнему оставались нерешёнными, уходили они после этого обеда в более приподнятом настроении. Занятная история с медведями Филатова, так к месту и умело рассказанная нашим заместителем министра иностранных дел, оказала своё позитивное эмоциональное воздействие на настроение иностранных дипломатов.

БЕЗЗУБЫЙ РАЗГОВОР С ПРЕЗИДЕНТОМ ИНДИИ В КРЕМЛЕ

В то же лето, что и Яхья Хан, Советский Союз с государственным визитом посетил президент Индии Гири. В отличие от пакистанского гостя, который приезжал даже без жены, глава индийского государства прибыл с 8—10 членами своего большого семейства, среди которого были его жена и сын, несколько дочерей, жена сына и другие родственники. Такое обилие членов семьи президента, который, надо полагать, совсем не по деловым причинам, возил весь этот клан с собой повсюду, создавало немало головоломок нашему протоколу с их размещением, рассадкой по машинам и на приёмах, не говоря уже о распределении мест за столом переговоров, которые проходили в Кремле.

В самом начале 70-х годов Гири был уже в преклонном возрасте, но держался он очень бодро, с удовольствием ездил по разным городам нашей страны, принимал активное участие во всевозможных экскурсиях и в различных культурных мероприятиях его довольно напряжённой программы пребывания. Его выносливость вызывала удивление. Самая большая возрастная проблема, которая не только ему, но и всем окружающим, общавшимся с ним, создавала трудности, а порой и головоломки, были его зубы. Если говорить точнее, то это были его съёмные зубные протезы.

В зависимости от того, насколько удачно или неудачно ему удавалось их поставить в тот или другой день, окружающие могли его понимать лучше или хуже, но почти никогда с полной ясностью. Люди из Индии, говорящие по-английски, почти всегда говорят с очень сильным специфическим акцентом, к которому нужно привыкнуть. Но когда эта проблема накладывается ещё и на речевой дефект, как это было с президентом Индии, то понимание говорящего затрудняется ещё больше. Единственный, кто неплохо ориентировался в трудной для понимания речи Гири, был приехавший с ним сын,ˆк услугам которого зачастую приходилось прибегать тем, кто пытался разговаривать с его отцом. Но даже ему иногда приходилось переспрашивать отца не один раз, чтобы потом передать слушателям, что он хотел сказать. Создавалось даже впечатление, что президент брал своего сына повсюду с собой в качестве помощника в его высказываниях и выступлениях.

При этом надо сказать, что сам Гири к этой проблеме

относился с пониманием и даже юмором, но одновременно не очень заботился о том, чтобы должным образом закреплять свои протезы и тем самым создавать как можно меньше проблем для своих слушателей. По той же причине он был вынужден есть только очень мягкие блюда и делать это к тому же очень медленно, заставляя других участников трапезы его подолгу ждать и создавая тем самым определенные задержки в точном выполнении строго во времени расписанных программ.

Самым сложным в этом отношении с ним оказался самый первый день его пребывания в Москве после приезда накануне вечером. Именно тогда, и, к всеобщему сожалению, в самый ответственный момент, мы впервые столкнулись с зубной проблемой президента Гири.

Утром того первого дня делегации Индии предстояло вести переговоры в Кремле с советским руководством во главе с Л.И. Брежневым, А.Н. Косыгиным, Н.В. Подгорным и А.А. Громыко. После несколько затянувшегося завтрака нужно было сразу же рассаживаться по машинам и отправляться на встречу в Кремль, но Гири сначала решил вернуться со своими родственниками к себе в номер, где они немного задержались, что-то обсуждая между собой. При размещении по машинам с членами президентского клана возникла суматоха и определённая неразбериха, так как они сначала не могли поладить между собой, где и кому в какой машине ехать, а потом обнаружили, что кого-то из членов семейства оставили в резиденции, хотя после проведённых поисков пропавшую женщину удалось найти в одном из автомобилей, куда она не должна была садиться. Наконец несколько растянувшийся во времени и пространстве президентский кортеж тронулся и с некоторым опозданием прибыл в Кремль.

Советское руководство в полной готовности уже ждало индийских гостей. Поприветствовав пожатием рук президента Гири и его многочисленное семейство, Л.И. Брежнев и другие советские руководители предложили членам делегации Индии занять места на противоположной стороне стола, где с учётом их необычно большого числа был выстроен второй ряд стульев. По-еле завершения непривычно шумной и суетливой для подобных залов рассадки гостей Н.В. Подгорный в качестве главы нашего государства тепло приветствовал их в своей протокольной вступительной речи. Затем с ответным приветственным словом начал выступать президент Индии.

Широко улыбаясь и весело глядя на своих хозяев, он продолжал говорить 1–2 минуты к абсолютному ужасу, как меня, так и моего коллеги. Мы, охваченные холодным потом, вдруг

осознали, что из-за полного непонимания речи Гири переговоры в тот момент состояться не могут. Мы в отчаянии оглядывали лица присутствующих, пытаясь определить по их выражению реакцию на произносимые президентом нечленораздельные звуки, и только ещё где-то через полминуты увидели, что его сын, сидевший во втором ряду сразу за отцом, приподнялся и наклонился к его голове. Наступила неловкая, но короткая пауза, когда президент прервал своё выступление перед наблюдавшими за ним советскими руководителями и начал объясняться шёпотом с сыном.

Когда они закончили, Гири уже не в продолжение начатого выступления, а в попытке объяснения советской стороне, хотел что-то сказать, но и это было выше нашего понимания. К нашему невероятному облегчению, сын президента снова прервал его и, извиняясь перед собравшимися от имени отца, перевёл на нормальный английский то, что тот хотел сообщить. Президент просил прощения за то, что он только что обнаружил, что забыл вымытый им после завтрака зубной протез в резиденции, и поэтому не мог говорить так, чтобы его понимали. Принося новые извинения за создаваемые по его вине неудобства, он просил отложить продолжение переговоров до того, как ему привезут из резиденции забытые зубы. Услышав произнесённые за него сыном слова, Гири легко и добродушно рассмеялся, увлекая своим смехом всех присутствующих. Брежнев с понимающей улыбкой согласился с просьбой президента и объявил перерыв.

После короткого совещания среди членов делегации Индии они попросили нашего представителя протокола дать возможность одному из них связаться с резиденцией, где оставалось несколько человек из окружения президента, чтобы передать просьбу как можно быстрее привезти оставленный там протез в Кремль. Во время перерыва наши руководители вышли в другие помещения, но за 2–3 минуты до прихода посыльного они уже сидели на своих местах, разговаривая между собой.

Вдруг главная дверь зала переговоров широко растворилась и пропустила высокого индийского офицера в нарядном национальном военном костюме с нежно-голубым тюрбаном на голове и аккуратной бородой. Офицер держал на руках довольно широкий серебряный поднос с небольшим элегантно упакованным свертком, лежавшим в самом его центре. Взгляды всех присутствующих остановились на бравом офицере, который торжественным шагом приблизился к своему президенту и красивым восточным жестом поставил перед ним принесённый сверкающий поднос. Под громкие аплодисменты обеих делегаций президент Индии развернул лежавший на подносе свёрток и

быстрым движением отправил розоватый протез себе в рот. Завершив эту операцию, он от души рассмеялся и под общий смех сказал, что теперь можно продолжать начатую работу. И работа была продолжена.

НЕОЖИДАННОСТЬ НА ПЕРЕГОВОРАХ В ЗАПАДНОМ БЕРЛИНЕ

В начале января 1971 года, чуть больше двух недель после моего возвращения с сессии Генеральной Ассамблеи в Нью-Йорке, моё руководство в МИДе сообщило мне, что я должен в срочном порядке вылететь в Берлин на четырёхсторонние переговоры по статусу Западного Берлина. Мой непосредственный руководитель и заведующий отделом Всеволод Владимирович Пастоев, замечательный шеф и прекрасный человек, при обсуждении со мной этого вопроса сказал, что хотя предстоявший раунд должен был продлиться около двух недель, по его сведениям, я мог застрять на переговорах на несколько месяцев. Для меня это задание оказалось совершенной неожиданностью, а по времени оно вызывало у меня целый ряд осложнений, главное из которых было связано с написанием и представлением в аспирантуру ИМЭМО (Институт мировой экономики и международных отношений), куда я поступил полгода тому назад, очередных глав моей диссертации. Очень не хотелось также снова оставлять жену с малолетним сыном, которым было нужно моё присутствие для облегчения общих житейских забот. Мои попытки уклониться от этого задания ни к чему не привели, и мне пришлось срочно собираться в Берлин.

После прилёта за день до начала переговоров меня разместили в огромном многокомнатном номере нашей большой гостиницы при посольстве СССР в ГДР, которое находилось около массивных Бранденбургских ворот и проходившей в том же месте пресловутой Берлинской стены (сегодня в этом здании размещается посольство России в Германии, а стену, как известно, разрушили). В квартире, где был даже рояль, у меня оказался прекрасный и славный сосед, совсем молодой советник нашей делегации на берлинских переговорах, талантливый дипломат и будущий заместитель министра иностранных дел Юлий Квицинский, с которым у нас сложились добрые дружеские отношения. Квицинский ввёл меня в суть обсуждаемых на переговорах вопросов для необходимой мне ориентации в незнакомой и непростой проблематике статуса Западного Берлина, в которой было немало технических аспектов. Его брифинги мне очень помогли даже без предварительного опыта участия в этих давно начавшихся переговорах сразу и в полную силу включиться в работу.

Через некоторое время в тот же день я был приглашён на

ознакомительную встречу с нашим послом в ГДР и главой делегации на переговорах Петром Андреевичем Абрасимовым. Встретил он меня очень приветливо в своём рабочем кабинете, поинтересовался, как я долетел и как устроился, а затем коротко рассказал о специфике переговорной тематики, об участниках со стороны делегаций Англии, США и Франции, а также о формах и методах нашей работы. Характер его беседы со мной свидетельствовал о серьёзном деловом подходе и хорошей организованности нашего посла. Очень отрадным и неожиданным было совершенно нетипичное для большинства советских руководителей за границей его предложение относительно того, чтобы я установил самые непринуждённые отношения с моими западными коллегами. Он сказал в этой связи, что я могу рассчитывать на определённые представительские расходы, если буду их приглашать на обед или ужин вне посольства, не говоря уже об обеспечении такого мероприятия нашим персоналом в случае их приезда к нам в посольство.

Я поблагодарил посла за его внимание и за сделанное предложение относительно налаживания дружественных отношений с коллегами, которое, однако, несколько усилило мои опасения насчёт продления моей работы на переговорах на более длительный срок. На следующий день мне предстояло начинать их первый и, я надеялся, для меня последний раунд.

Хотя мне доводилось бывать в Берлине неоднократно и раньше, в предшествующих случаях я приезжал туда сам по себе как турист по дороге с Запада в Москву и поэтому никогда не посещал наше посольство. Любопытно в этой связи отметить, что в советское время мы и наши союзники в порядке разных политических игр той поры настойчиво называли Восточный Берлин — Берлином, а Западный Берлин — Западным. Однако наши бывшие союзники в войне с Германией проводили чёткое различие между Западным и Восточным Берлином, считая, что только они вместе составляют Берлин. В то же время, ведя собственную политическую игру, они называли ФРГ Германией, а ГДР долгое время оставалась для них Восточной Германией. Оказавшись в нашем посольстве на этот раз, я был поражён невероятно обширными размерами его территории, числом расположенных на ней и в ближайшем окружении комплексов жилых зданий и учреждений. По всей вероятности, размером территории и численностью персонала наше посольство в ГДР превосходило какое-либо другое посольство в мире.

По сравнению с СССР и другими странами Восточной Европы население ГДР, даже при относительной скромности её экономических успехов, тогда жило гораздо более обеспеченно.

Но перед лицом витрины Запада в виде богатого Западного Берлина, который щедро финансировался ФРГ и поддерживался её союзниками, жизнь социалистической части Германии проигрывала во всём, особенно в её внешних, зрительных проявлениях. Яркий пример процветающего Западного Берлина перед живыми взглядами населения ГДР не мог не тревожить её руководство и не беспокоить правительство СССР, которые, практически безуспешно, стремились затруднить такое пропагандистское воздействие созданием разных препятствий, способных осложнить жизнь этому городу, в том числе в области его сообщения с ФРГ и остальным миром. В значительной мере тогдашние переговоры по статусу Западного Берлина, территориально оторванного от ФРГ, касались проблем его наземных коммуникаций с Западом, которые находились почти полностью в руках ГДР под советской опекой.

Переговоры, на которые я приехал, уже значительное время находились в тупике и, ввиду неизменности принципиальных позиций двух сторон, вынуждены были прерываться после каждого очередного возобновления для дальнейшего поиска возможных подвижек. Встречи участников проходили в Западном Берлине в здании формально совместного командования союзников, ответственного за весь Берлин. Наши западные партнёры на переговорах были представлены их послами в ФРГ, которые приезжали на заседания из Бонна. Несмотря на то что дела на переговорах никуда не продвигались, они проходили в основном во вполне дружественной и расслабленной атмосфере, без резкой риторики холодной войны, столь типичной тогда для встреч представителей Востока и Запада на различных международных форумах. В этом же духе руководители делегаций поочерёдно принимали своих коллег на регулярные обеды или ужины, а в случае щедрого П.А. Абрасимова — и на специальные для них концерты в нашем посольстве с участием гастролировавших в ГДР советских исполнителей.

Надо сказать, что наш посол в целом ряде отношений выгодно отличался от многих других советских послов, особенно не от карьерных дипломатов, а таких же, как он, назначенных на посты по партийной линии. Во-первых, он был всегда аккуратно и даже элегантно одет. Отличался он, несмотря на годы, и тем, что следил за своей внешностью, будучи спортивно подтянут, всегда хорошо выбрит и пострижен. Кроме того, он обладал хорошими манерами и чувством юмора. Ему было также свойственно интересоваться проблемами, которые беспокоили его сотрудников, и по возможности им помогать. Когда, например, ему стало известно не от меня, что моему тогда серьезно

больному тестю требовалось западногерманское лекарство, он при первой же встрече со мной сказал, чтобы я получил у бухгалтера представительства, которому он уже дал соответствующее распоряжение, в обмен на марки ГДР небольшую требовавшуюся на это сумму в марках ФРГ, и дал мне посольскую машину съездить за покупкой в Западный Берлин.

Мой первый день на переговорах прошёл успешно. Я тогда же познакомился с моими западными коллегами, среди которых был князь Андроников. Он был сыном того давно обедневшего князя Андроникова, который в предреволюционные годы в Петрограде получил прозвище «князь-побирушка», за то, что он, находясь, видимо, в очень трудном материальном положении, ходил по знакомым богатым аристократам, выклянчивая у них подачки на жизнь. Берлинский Андроников являлся респектабельным сотрудником МИДа Франции и кавалером ордена Почётного легиона, полученного за заслуги в ходе Второй мировой войны.

Американская делегация тоже не обошлась без участия в ней русского сотрудника Государственного департамента. Им оказался Александр Акаловский, который уже работал до этого в посольстве США в Москве, где он, как оказалось, неоднократно бывал в гостях в нашем доме у подруги моей жены актрисы и львицы московских артистических кругов Марины Фигнер. Акаловский впоследствии стал одним из ведущих представителей США по вопросам разоружения в комитетах и комиссиях ООН в Нью-Йорке. Кроме него среди американских специалистов в переговорах принимал участие ведущий германист Госдепартамента Джеймс Сатгерлин, который в начале 80-х годов начал свою карьеру в ООН в качестве советника и речеписца её тогдашнего генерального секретаря Переса де Куэльяра. В те годы мы с Джеймсом очень тесно сотрудничали по работе в Секретариате, совместно создавали академическую группу по проблематике ООН при Йельском университете, организовывали научные конференции и встречи в разных странах и участвовали в их работе. Встречались мы с ним и в нерабочих условиях, в том числе бывая друг у друга в гостях.

С интервалами в несколько дней на этом раунде состоялось ещё три официальных заседания, после чего был объявлен ставший ритуальным перерыв на две недели. Через несколько дней после моего возвращения из Берлина мой шеф сообщил мне, что на следующий раунд снова придётся ехать мне, поскольку Абрасимов, приезжавший с коротким визитом в Москву, конкретно попросил прислать меня в Берлин снова. Абрасимов, будучи в те годы членом ЦК и лично близким к Брежневу человеком, имел в нашей системе большое влияние. Его деловые

пожелания в нашем министерстве получали зелёный свет, и Пастоев советовал мне пока не пытаться уклоняться от поездки.

Исходя из этого, при сборах к следующему раунду я решил ехать в Берлин поездом, чтобы использовать время в длинной дороге для работы над диссертацией. Такие поездки, как оказалось, мне пришлось совершать на протяжении последующих шести месяцев. Причём в обратную сторону из Берлина по распоряжению посла мне предоставлялось отдельное купе, в которое удобно помещались коробки для передачи в ЦК. По прибытии в Москву ко мне в купе приходили два назначенных для этой цели человека и забирали приехавшие со мной коробки. Я никогда не знал, что в них находилось, но при проезде через нашу границу меня никогда никто не спрашивал об их содержимом или о том, что я вёз в своём чемодане.

Где-то месяцев через пять после начала моей работы на переговорах в ходе одного из заседаний Абрасимов должен был сделать заявление, в котором должна была быть изложена наша несколько изменённая позиция по одному из аспектов переговоров. Как и другие послы в подобных случаях, он такие выступления зачитывал. Однако в отличие от своих коллег Абрасимов зачитывал заранее подготовленный текст не с обычных напечатанных на машинке листов бумаги, а со страниц своей небольшой записной книжки, которую для него специально брошюровали с напечатанным текстом выступления. Это внешне создавало впечатление некоторой большей спонтанности характера его выступлений, и Абрасимов постоянно пользовался этим методом.

На этих переговорах было условлено, что каждого посла переводит его собственный переводчик, то есть в моём случае я всегда должен был переводить нашего посла. По установленному порядку текст каждого выступления переводился каждым из переводчиков своему слушавшему послу полушёпотом синхронно, а затем переводчик выступавшего представителя последовательно переводил его речь отдельными частями по 2–3—4 параграфа сразу в зависимости от того, когда его посол решал сделать очередную паузу. Такой метод давал участникам возможность выслушивать одно и то же выступление каждого из коллег фактически дважды: первый раз синхронно со слов их собственных переводчиков, а вторично, и уже на этот раз официально, по переводу выступавшего посла его переводчиком.

Именно этой принятой процедуре мы и следовали при выступлении Абрасимова на упоминаемом заседании. Поскольку страницы его записной книжки были небольшими, то число таких страниц с напечатанным текстом оказывалось довольно

значительным, и в результате нашему послу приходилось эти страницы часто переворачивать.

При переходе им к одной из новых перевёрнутых страничек я вдруг услышал текст, который мне, теперь, когда я уже довольно неплохо знал суть нашей позиции, показался содержащим серьёзную уступку пожеланиям западных партнёров. Я этот новый текст продолжал фиксировать в своём блокноте, испытывая неуверенность в том, что я услышал. Абрасимов сделал паузу, чтобы мне можно было продолжить перевод его выступления, но прежде, чем я мог возобновить зачтение перевода, среди западных делегаций начался приглушённый обмен комментариями, а сидевший за моей спиной Квицинский резко встал и наклонился к Абрасимову, шепча ему что-то на ухо. Невзирая на эти отвлекающие моменты, я приступил к переводу зачитанных Абрасимовых нескольких параграфов, когда вдруг Квицинский быстро прошептал мне не переводить самый последний. Дойдя в переводе до этого параграфа, я остановился и стал переворачивать мой блокнот на чистую страницу, показывая этим, что зачитанный Абрасимовым текст был завершён.

Все западные послы при поддержке своих переводчиков и членов делегаций вдруг, перебивая друг друга, громкими голосами стали говорить мне, что я не перевёл последнюю и самую важную часть выступления моего посла, призывая меня вернуться снова к тексту моих записей и перевести его. Я быстро взглянул на Абрасимова, рассчитывая заметить его реакцию, но в этот момент он сосредоточенно смотрел в свою записную книжку, находясь как бы в стороне от разразившегося в зале громкого обсуждения по поводу моего серьёзного упущения при переводе его выступления. Тогда я перевернул обратно страницу блокнота с моими записями, и, сделав вид, что я их проверил, объявил ожидавшим дипломатам, что, кроме уже переведённого мной текста, посол больше ничего не говорил.

Услышав моё утверждение, все западные послы, а вслед за ними почти все члены их делегаций, встали со своих мест и стали взывать к Абрасимову подтвердить мою ошибку и попросить меня её исправить, или же ещё раз зачитать последнюю часть его выступления. Пётр Андреевич совершенно спокойно и с удивительным самообладанием посмотрел на стоявших перед ним западных дипломатов и сказал, что они должны верить официальному переводчику советской делегации, а если у неё будут к нему претензии по поводу его неадекватного перевода, то она сможет разобраться с этим вопросом сама. После этого он попросил всех делегатов занять свои места, с тем чтобы он мог закончить своё выступление, и продолжил чтение оставшегося

текста.

Когда он завершил своё заявление, западные послы снова стали задавать ему вопросы по злополучному параграфу, но Абрасимов так же хладнокровно и спокойно повторил, что они все, включая его самого, должны полагаться на официальный перевод, который для этих целей и применяется на проводимых переговорах. В свою очередь он призвал западных коллег обратить внимание на официально внесённые им важные советские подвижки и подготовить свою реакцию на них к следующей встрече. На этом данное заседание завершилось, и мы с Абрасимовым, как обычно, отправились на его лимузине в наше посольство. По дороге он сказал мне, что, перевёртывая страницу в записной книжке, он случайно открыл совершенно не ту страницу и, только начав читать её, понял, что произошла накладка. Он поблагодарил меня за проявленную находчивость, но я сказал, что это было сделано мной по подсказке Квицинского.

Через несколько минут после этого он вдруг сделал мне предложение переехать к нему на работу в посольство, сказав при этом, что «вы в моём стиле». Я поблагодарил его за лестное предложение, сказав, однако, что в ближайшее время мне будет трудно уехать из Москвы вевязи с предстоящими экзаменами в аспирантуре и ожидаемой в течение следующих 10–12 месяцев защиты диссертации. Кроме того, после семи лет в ООН я находился в Центральном аппарате МИДа ещё менее двух лет, что по нашим критериям было слишком коротким промежутком для новой загранкомандировки. Выслушав мои доводы, Абрасимов сказал, что последний вопрос он сможет решить одним звонком в Москву, а в отношении диссертации можно подумать о её защите в Академии наук ГДР. Он к этому добавил, что сейчас он не ждал от меня окончательного ответа на этот серьёзный для меня вопрос, который мне нужно было спокойно и взвешенно обдумать и обсудить с женой, и предложил вернуться к нему, когда я приеду на следующий раунд через 2–3 недели.

Принятие неожиданного предложения Абрасимова о переходе на работу к нему в посольство нарушало бы полностью мои планы защиты диссертации и уже моё намеченное последующее поступление в Высшую дипломатическую школу для специализации в области международного права и целый ряд других уже запланированных долгосрочных дел.

После приезда в Москву я сначала обсудил предложение Абрасимова с женой, которая полностью поддержала меня в моём намерении от него с благодарностью уклониться. Затем я рассказал о нём моему чудному шефу Пастоеву, высказав просьбу

помочь мне не ехать на следующий раунд в Берлин и тем самым избежать нового обсуждения этого предложения с Абрасимовым. Всеволод Владимирович отнёсся к моей просьбе с пониманием и сочувствием, сказав в порядке совета, что единственный для меня способ не поехать на следующий раунд в сложившейся ситуации он видел только в том, чтобы мне лечь под предлогом переутомления в нашу мидовскую Чкаловскую больницу за 10–12 дней до возобновления переговоров. При его молчаливом соучастии я так и сделал.

Несколько месяцев спустя, уже перед самой защитой диссертации, я совершенно случайно встретился с Абрасимовым в здании МИДа около кабинета министра, откуда он выходил и куда направлялся я. Мы с ним тепло поздоровались, но он не преминул добродушно пожурить меня за неявку на переговоры и уход от его предложения о переезде на работу в Берлин. Он сообщил мне тогда же, что переговоры будут скоро завершены подписанием соглашения, и что у него тоже есть свои новые планы. Мы попрощались, пожелав друг другу дальнейших успехов. Через несколько месяцев переговоры по Западному Берлину были успешно завершены, а спустя ещё некоторое время Пётр Андреевич Абрасимов был назначен послом СССР во Франции, а я сам после успешной защиты диссертации прошёл конкурсные экзамены в ВДШ и приступил к специализации в области международного права.

СТОЛКНОВЕНИЕ С М.А. СУСЛОВЫМ

За годы моей работы в МИД СССР мне довелось встречаться с целым рядом советских партийных и государственных руководителей самого высокого уровня. В их числе были Л.И. Брежнев, А.Н. Косыгин, Н.В. Подгорный, А.А. Громыко, члены и кандидаты в члены Политбюро, секретари ЦК, министры и т. д. Память сохранила немало интересных, любопытных и забавных эпизодов, связанных с ними. Один из редких неприятных случаев буквально столкнул меня с М.А. Сусловым.

С этим высоким советским руководителем мне доводилось встречаться несколько раз, когда он сопровождал Брежнева, а в некоторых случаях, когда он сам вёл переговоры от имени КПСС с делегациями «братских» партий, приезжавших с визитами в СССР. М.А. Суслов отвечал за идеологическую работу, одновременно являясь главным теоретиком партии. Он имел репутацию «серого кардинала» в советском правительстве, что отражало его огромное влияние в решении партийных и государственных вопросов Советского Союза.

М. Суслов олицетворял собой крайне жёсткий идеологический подход в партийных и государственных делах в жизни СССР, что обеспечило ему на протяжении нескольких десятилетий важные позиции в первых рядах советского руководства. Внешне он производил впечатление, которое в России ассоциировали с представителями интеллигенции. Элементами такого впечатления были, в частности, его непокорная причёска «полубоксом», толстые роговые очки, высокий рост в сочетании с чрезмерной худобой. Однако этот книжный вид мгновенно улетучивался, по крайней мере для тех, у кого русский язык был родной, как только он открывал рот. Для хорошо образованного человека, он к всеобщему удивлению, говорил с тяжёлым некультурным акцентом неграмотного крестьянина из района Среднего Поволжья. К описываемому времени одна его рука была парализована, и он носил её всегда тесно прижатой к телу с помощью другой руки. Его манера говорить отличалась также редкой и утомительной монотонностью, а обращение с людьми было в основном сухим и неприветливым. Со мной Суслов всегда был стерильно вежлив, а иногда даже проявлял некоторое благодушие, хотя наше общение с ним, как правило, было сугубо деловым и коротким. В отличие от целого ряда своих высоко поставленных коллег он никогда не задавал личных вопросов, строго придерживаясь чисто формальных сторон дела и не позволяя себе хотя бы немного

расслабиться самому или тем, с кем он имел дело.

В день инцидента, о котором здесь идёт речь, я был назначен работать на переговорах между советским руководством во главе с Брежневым и прибывшей в СССР делегацией Компартии Индии (просоветское крыло), которую возглавлял её генеральный секретарь Рао. Встречи проходили в большом рабочем кабинете Брежнева в здании ЦК КПСС на Старой площади. С советской стороны в переговорах помимо самого Брежнева принимали также участие М. Суслов, А. Громыко, Б. Пономарёв и другие ответственные партийные работники, курировавшие регион Юго-Восточной Азии и Индии, в частности.

Когда члены индийской делегации начали, толпясь, собираться у открытой входной двери кабинета, советские хозяева с Брежневым впереди направились им навстречу, чтобы пожать руки, обняться с ними и даже на русский манер поцеловать гостей в щёки, подчёркивая тем самым большую близость и узы дружбы, которые, очевидно, характеризовали отношения между двумя партиями. После предварительного обмена любезностями Брежнев пригласил всех занять места за длинным столом переговоров, покрытым приятным зелёным фетром, что значительно смягчало аскетически холодную атмосферу того довольно большого помещения, в котором обычно работал главный руководитель нашей страны. Этот стол располагался торцом к широкому, тяжёлого вида письменному столу генерального секретаря, на котором громоздились кипы разных документов, батарея телефонов, стаканы с карандашами и другие канцелярские принадлежности. На его левой стороне помещалась полуметровая модель корабельного штурвала, которую можно было нередко видеть на фотографиях советских СМИ, показывавших Брежнева принимающим высоких зарубежных гостей. Брежнев был особенно привязан к данному предмету, поскольку он очень наглядно символизировал его положение как рулевого корабля своей страны.

В отличие от обычной рассадки, когда переводчик садился рядом с ним, а Брежнев редко этот порядок менял, на сей раз хозяин кабинета прямо на ходу решил посадить меня в другом месте. Когда все присутствующие заняли места в соответствии с установленным порядком, при котором я сел по левую руку от Брежнева и по правую от Суслова, он повернулся ко мне и сказал: «Вы знаете, я думаю, что вам для работы будет удобнее сидеть за моим столом. Оттуда вам будет лучше слышно и ту и другую сторону. А нам тоже будет лучше слышать вас, так как вы будете прямо в центре на месте председателя». Следуя предложению генерального секретаря, я собрал свои блокноты и карандаши и

перешёл в массивное и очень удобное кресло Брежнева. Не могло быть никаких сомнений, что моё новое место было значительно более удобным, чем то, в которое я сел сначала.

Переговоры проходили очень гладко и успешно закончились к обоюдному удовлетворению сторон. Закончив своё заключительное слово, пронизанное искренней теплотой, Брежнев, пока я ещё переводил его последние фразы, а остальные присутствующие продолжали их слушать, решил подкрепить сказанное более эмоциональным физическим жестом путём горячих рукопожатий, объятий и поцелуев на русский лад. Не дождавшись завершения перевода, он поднялся со своего кресла, обошёл сзади вокруг меня и, раскрыв широко руки для объятия перед Рао, заставил последнего встать, чтобы ответить взаимностью на излияние добрых чувств Генерального секретаря ЦК КПСС. К этому моменту я завершил перевод последнего предложения Брежнева и, услышав, что он и Рао пытаются говорить друг с другом, пребывая в дружественном объятье, решил тут же помочь им в их общении.

Спеша выполнить свой профессиональный долг и продолжая смотреть на двух обнимающихся руководителей, я довольно сильно и резко отодвинул моё массивное кресло назад, чтобы побыстрее выйти из-за стола и встать рядом с ними. В этот момент, как мне и полагалось, всё моё внимание было сосредоточено на моём главном клиенте, и я не заметил, что все остальные члены советской делегации, находившиеся тогда вне моего поля зрения, решили последовать за своим руководителем и направились с теми же целями к своим индийским гостям. Как оказалось, но я этого не мог видеть, наши хозяева последовали по стопам Брежнева буквально, то есть они стали обходить моё кресло, когда я находился к ним спиной. В суматохе, возникшей в связи с этими перемещениями, в тот самый момент, когда я резким движением оттолкнул назад своё кресло, ответственный за идеологию секретарь партии М. Суслов оказался как раз за моей спиной.

Высокая спинка брежневского кресла в своём движении ударила в худой длинный корпус Суслова, видимо, довольно сильно, поскольку глухой звук этого удара был услышан всеми присутствующими, заставив их остановиться и посмотреть, что произошло. Забыв на мгновенье о своём рабочем долге, я обернулся назад с той же целью. К своему полному ужасу, я тут же понял, что жертвой моего поспешного и резкого движения оказался сам главный идеолог партии. Это и без того ужасное происшествие усугублялось ещё и тем, что удар, словно рассчитанный причинить максимальный ущерб, пришёлся на

самую слабую часть тела жертвы, попав на сторону с парализованной рукой. В дополнение к этому, по всей вероятности, моё кресло ударило Суслова в тот момент, когда одна из его ног оказалась при совершении шага в воздухе, и он потерял из-за этого равновесие, поскольку мой первый взгляд на него застал его шатающимся и размахивающим своей одной здоровой рукой, чтобы не упасть.

Я был совершенно потрясён тем, что произошло, и стал высказывать мои искренние извинения: «Я очень прошу прощения, Михаил Андреевич… Извините, пожалуйста… Я не видел, что вы там проходили… Как вы себя чувствуете? Нужна ли вам какая-то помощь?» Все находившиеся в комнате с озабоченностью на лицах смотрели на нас двоих и в свою очередь стали задавать вопросы жертве происшествия о его самочувствии. К всеобщему, но особенно моему, облегчению Суслов устоял на ногах и быстро пришёл в себя. Повернувшись ко мне, он дружелюбно похлопал меня по плечу и даже с некоторой извиняющейся интонацией в голосе произнес: «Ничего… ничего… Не беспокойтесь… Я скорее от неожиданности… Мне не больно… Вы же не могли меня видеть сзади… Всё в порядке». Он плотно прижал здоровой рукой свою больную и прошёл к индийским гостям брататься вместе с остальными в самом прекрасном расположении духа, как будто ничего и не произошло.

«БОМБА» А.А. ГРОМЫКО

В тот теперь уже далёкий, но памятный день около 6 часов вечера я начал энергично приводить в порядок документы на своём рабочем столе в Министерстве иностранных дел, планируя побыстрее отправиться домой, где моя жена Наташа с нашим маленьким сыном Андреем ожидали меня, чтобы как можно раньше выехать на дачу её родителей. Ровно в шесть я покинул свой кабинет и почти бегом стал спускаться вниз по лестнице в надежде опередить других сотрудников и одним из первых успеть сесть на главной ближайшей остановке в тогда уже очень старые и изматывающе медленные лифты небоскрёба министерства. В тот самый момент, когда мне оставалось преодолеть всего несколько последних ступенек, перед тем как исчезнуть в коридоре к лифтам, до меня донёсся громкий голос одного из коллег, ещё остававшихся в нашей канцелярии двумя этажами выше, сообщавшего мне через лестничный пролёт, что меня срочно вызывают в кабинет министра. Такое сообщение, если принять во внимание прошлый опыт и время дня, почти наверняка означало, что я потребовался министру для работы и что мою поездку с семьёй за город, к нашему общему разочарованию, придётся отложить.

Поскольку вызов к министру был срочным, и, зная, что на седьмом этаже, где находился его кабинет, была запрограммирована остановка только одного лифта, я решил для выигрыша времени продолжать спускаться пешком. Пока я ещё торопился вниз по лестнице, мне пришла в голову мысль, что в этой части здания не было телефонов-автоматов, чтобы сообщить семье о моей непредвиденной задержке. Меня тревожило, что они будут меня ждать и беспокоиться, ничего не зная о причине моего запаздывания.

Занятый этими мыслями, я уже подходил к дверям кабинета министра, когда заметил Виктора Суходрева — нашего блестящего переводчика, который в то время занимался проблемами стран в ведении Второго Европейского отдела. Мы оба шли к одному кабинету, но с разных сторон. «Что, и тебя тоже?» — спросил Виктор полушутя, полу сочувственно. «Похоже, что так, — ответил я, — но совершенно не представляю, что это может означать. А ты что-нибудь знаешь?» — спросил я его в свою очередь. «Да тоже ничего», — ответил он, в то время как мы уже входили с ним в знакомую нам приёмную комнату, где находились два небольших письменных стола, батарея телефонов (не для пользования посетителями!), несколько кресел и стульев.

Георгий Макаров, главный многолетний помощник Л. А. Громыко с вполне заслуженной репутацией жестокого хама и грубияна даже в отношении сотрудников высокого ранга, собирался входить в кабинет министра, когда мы появились на пороге приёмной комнаты. «Где, чёрт возьми, вы болтаетесь?!» — прошипел он сердито сквозь зубы в своей привычной манере вместо приветствия. «Министр уже сидит и ждёт вас. Давайте шевелитесь!» Макаров вовсе не намеревался услышать от нас каких-либо объяснений, да у нас, как ему было прекрасно известно, их не было и не могло быть, поскольку мы действительно явились по его вызову сразу. Он поспешно ввёл нас в кабинет министра и тут же, не говоря ни слова, вернулся в приёмную.

Андрей Андреевич Громыко, самый известный и долго служивший министр иностранных дел СССР, довольно вальяжно сидел в своем крупном кресле за гигантского размера письменным столом, на котором лежали очень аккуратно сложенные пачки документов вместе с впечатляющим рядом телефонных аппаратов бежевого цвета с гербом Советского Союза вместо обычного циферблата, что означало прямые линии связи (они были известны как вертушки) с высшими руководителями КПСС, правительства и государства.

Министр был одет в обычный для него тёмного цвета двубортный костюм, под которым контрастно выделялась белая рубашка с едва заметными тонкими полосками и широкоугольным воротником, выпускавшим на грудь довольно мрачного цвета старомодный галстук. Всё это вполне гармонировало с общим аккуратным, но подавляюще строгим обликом их хозяина.

На протяжении многих лет Андрей Андреевич проявлял примечательную последовательность в выборе своих тёмного цвета костюмов, галстуков, пальто и шляп, которые со временем стали ассоциироваться со своего рода кодексом моды одежды советских руководителей, приобретавшейся ими в специальном кремлёвском магазине-распределителе или по заказу тоже в специальной кремлёвской пошивочной мастерской. Этот специфический стиль, который его приверженцы координировали между собой путём молчаливого взаимного подражания, особенно резко бросался в глаза, когда руководители партии и правительства появлялись вместе целыми группами. Такие непреднамеренные групповые показы правительственной моды происходили, например, в таких случаях, как официальные праздничные демонстрации или военные парады на Красной площади, прибытия или отъезды своих и зарубежных

высокопоставленных делегаций и т. д., которые можно было видеть по телевидению, в газетах и журналах, а также на специальных фотовыставках. Наблюдение этих сцен создавало впечатление, что перед глазами зрителя находится толпа неразличимых близнецов, действующих в унисон или повторяющих идентичные жесты друг друга.

Одним редким исключением из этого униформированного гардероба в случае А. А. Громыко была его любовь к костюмным рубашкам, которая зачастую не получала удовлетворения в монотонном кремлёвском ассортименте. Как министр иностранных дел он нередко выезжал за границу, что открывало перед ним возможности гораздо более широкого выбора рубашек. Однако в данной связи возникали две проблемы, которые превращались в настоящее препятствие при практическом использовании этого очевидного преимущества министра в вопросах одежды.

Наиболее неудобной из них было положение Громыко в качестве министра иностранных дел СССР, впоследствии в данном смысле усложненное его членством в Политбюро. Совершенно очевидно, что это делало абсолютно немыслимым для него личное хождение по магазинам в любом городе любой страны. Для обхождения этого препятствия просьбу о покупке можно было делегировать своей жене, когда она сопровождала его в поездке, или кому-то из доверенных сопровождавших его сотрудников. Но и в том, как и в другом случае, выполнить поручение к полному удовлетворению заказчика было очень непростым делом, если учесть то огромное разнообразие стилей, расцветок, форм и целого ряда прочих важных деталей, которые он не мог видеть.

Другая проблема заключалась в нехватке денег в иностранной валюте. В противоположность довольно распространённому мнению, как в Советском Союзе, так и за рубежом, высшие советские руководители, не говоря уже о тех, кто стоял ниже, вовсе не были богатыми людьми. Конечно, верно, что у них были большие квартиры и дачи или загородные дома. Они действительно могли покупать продукты и другие товары в спецмагазинах по заниженным ценам, проводить свои отпуска в основном бесплатно на правительственных курортах или в домах отдыха, а также пользоваться некоторыми другими благами. Однако в этой связи следует отметить, что почти всеми этими привилегиями они могли пользоваться, только пока они сохраняли свои официальные позиции, и теряли их вместе со своими должностями. Их оклады, хотя они и были в два-три раза выше зарплаты высококвалифицированных рабочих, тем не менее

были очень скромными по сравнению с теми, которые получали люди на сравнимых позициях в других странах. Во время зарубежных командировок им выплачивали суточные, которые были всего вдвое выше, чем те которые получали сопровождавшие их чиновники среднего уровня. В порядке иллюстрации можно упомянуть, что в начале 70-х годов советский министр иностранных дел во время пребывания в США получал всего 40 долларов в день, что для официального лица его ранга по любым меркам было довольно скромным вознаграждением. Совершенно очевидно, что для любого человека, который хотел приобрести что-то для своего гардероба, уже не говоря о подарках для членов семьи, родственников и друзей подобные суммы следовало расходовать с определённой осторожностью.

В этой связи вспоминаю, как однажды осенью 1972 года во время нахождения в командировке в Нью-Йорке министр вызвал меня к себе в кабинет и очень деликатно поинтересовался, не мог ли бы я выполнить для него небольшое личное поручение, касавшееся покупки нескольких рубашек. Естественно, что возражений у меня не было. Услышав моё согласие, Андрей Андреевич достал из заднего кармана своих брюк бумажник, вынул из него 20-долларовую купюру и, передавая её мне, сказал, что если этого не хватит на 3–4 рубашки, то недостающую сумму он вернёт при передаче ему покупки. Когда я спросил его, какие именно рубашки он имел в виду, то после некоторой паузы он более внимательно взглянул на мою собственную рубашку и сказал, что для него подошло бы что-то примерно в таком духе. Рубашка, которую я надел в тот день, была белого цвета в голубоватую полоску и с широкоугольным воротником. Она была куплена мной в одном из магазинов Нью-Йорка примерно за год до этого. Зная, как быстро менялись стили одежды в местных магазинах, я сразу же понял, насколько сложным может оказаться найти то, что нужно было купить для министра.

Мои опасения были совсем не напрасны: вместе с завхозом представительства СССР при ООН, который был и моим водителем, и моим советником в этот день, мы проездили около шести часов по самым разным магазинам города в поисках подходящих рубашек. Наш день уже подходил к концу, нужных рубашек мы пока не находили, и перспектива нашей неспособности выполнить поручение нашего главного шефа становилась ощутимо реальной. И вдруг в этом почти безысходном положении к нам пришла мысль попробовать решить этот вопрос совершенно иным подходом: посмотреть рубашки не в респектабельных магазинах центра, как мы это

безуспешно делали весь день, а во внешне непривлекательных лавочках нижней части Манхэттена, в которых более вероятно могли ещё быть товары минувших сезонов. Этот ход оказался правильным. В том месте мы не только нашли то, что искали, но к тому же и по ценам распродажи.

Поздно вечером того длинного дня я с чувством большого облегчения и удовлетворения передал рубашки и оставшуюся сдачу министру. Сделав это, я тут же попросил его посмотреть на покупки и убедиться, что они ему подходят, добавив, что в противном случае их можно вернуть и продолжить поиски на следующий день. Услышав мой комментарий, Андрей Андреевич слегка улыбнулся и начал раскрывать пакеты. Вынув из них купленные рубашки, он внимательно стал рассматривать их одну за другой, каждый раз взглядывая для сравнения на мою, чтобы, видимо, убедиться в их сходстве. Свидетельствуя своим внешним видом, что он доволен, министр даже несколько оживленно сказал: «Ну что ж, всё сделано хорошо… Молодец… Спасибо. — Но тут же быстро добавил: — Пожалуйста, не забудьте для меня подготовить к началу завтрашнего дня запись беседы с министром иностранных дел, которая у меня была сегодня утром. Ну а сейчас вы свободны. Желаю вам спокойной ночи».

Как раз одна из тех нью-йоркских рубашек и была на плечах Андрея Андреевича в тот апрельский вечер, когда Виктор и я оказались в его кабинете в здании МИДа. Услышав отворившуюся дверь, министр положил перед собой на письменный стол документ, который он читал до нашего прихода, и взглянул на нас через протяжённое пространство своего огромного кабинета. Данное помещение служило как в качестве его личного рабочего кабинета, так и конференц-зала, где он проводил встречи со своими заместителями, послами, заведующими отделами и другими ответственными сотрудниками министерства. Прямо к центру его необычно большого рабочего бюро торцом подходил довольно длинный стол со многими стульями, за который садились посетители кабинета. Весь интерьер помещения имел убедительно аскетический вид, словно стараясь выглядеть в унисон с общим строгим обликом его хозяина. В стене за рабочим столом была дверь, которая вела в приватные помещения министра, где была небольшая гостиная и комната отдыха. Там же находился и довольно просторный конференц-зал для бесед с иностранными визитёрами.

«А, да-да, — сказал он, обращаясь к нам, оставаясь сидеть в своём кресле. — Пожалуйста, проходите ко мне сюда». Мы направились через зал к министру и, дойдя до длинного стола, разошлись по его разные стороны, пока не подошли вплотную к

бюро министра. Он поднялся со своего кресла, чтобы пожать нам руки, и, сделав это, предложил нам сесть, показывая на два ближайших к нему стула за длинным столом. Вслед за этим без каких-либо дальнейших любезностей или приветствий он, согласно своей обычной манере, сразу же перешёл к делу, ради которого и вызвал нас к себе.

«Дело вот в чём, — начал министр своим несколько размеренным баритоном. Сам неторопливый ритм его речи всегда способствовал усилению его довольно заметного белорусского акцента. Сейчас, когда он говорил, он смотрел на каждого из нас по очереди в глаза, словно желая подчеркнуть значение того, что нам сообщал. — После того, как мы здесь с вами закончим, я прошу вас позвонить вашим семьям и сообщить им, что начиная с этого вечера вы будете находиться в моём личном распоряжении в течение нескольких дней и ночей». Высказав это, министр выдержал паузу, давая нам возможность осознать этот ошеломляюще неожиданный поворот событий в нашей жизни и поднять уровень готовившегося им сюрприза. Совершенно не понимая, что имел А.Л. Громыко в виду, и заинтригованные таким завораживающим началом, мы замерли в ожидании продолжения. «Так вот, — возобновил он, говоря, как казалось, медленнее, чем обычно, словно нарочно разжигая наше любопытство. Министр снова сделал паузу, наблюдая нашу реакцию. Создавалось впечатление, что он сам получал удовольствие от этого процесса, одновременно подыскивая наиболее подходившие слова и форму, в которых весомо выразить нам его чрезвычайно важное сообщение. — Ну, это — бомба… То есть, я хочу сказать, что то, что я вам собираюсь сообщить, представляет собой своего рода бомбу, — продолжил он, всё больше поднимая напряжение нашего ожидания. — То, что я сейчас собираюсь вам сообщить, известно лишь небольшой

горстке людей во всём мире… У нас в Советском Союзе об этом знают только Леонид Ильич, члены Политбюро и я. В Соединённых Штатах это известно лишь президенту Никсону, его советнику по вопросам национальной безопасности Генри Киссинджеру и нескольким самым доверенным лицам его команды. Об этом не знает больше вообще никто. Даже государственному секретарю Роджерсу об этом совершенно ничего не известно. Сейчас об этом узнаете вы. Но до того как я вам об этом сообщу, хочу сказать, что вам об этом запрещается даже думать». Министр на этом снова сделал паузу, словно желая лучше оценить эффект сделанного им введения к ещё предстоявшему сообщению. Мы с Виктором оцепенели уже от самого введения.

Прошло несколько напряжённых секунд и, прежде чем Громыко нанёс завершающий удар приготовленной им «бомбой», Виктор легко кашлянул, чтобы прочистить горло, и дерзнул высказать сомнение относительно озвученного приказа «даже не думать». «Андрей Андреевич, — начал он с вполне понятным волнением в интонации. — Как-то довольно трудно о чём-то не думать, даже если высказывается такая просьба. Но мы, конечно, можем обещать ни с кем об этом не говорить». Министр несколько озадаченно взглянул на Виктора, как бы пытаясь понять его мнение, откинулся на спинку своего широкого кресла, поигрывая пальцами карандашом, поразмыслил сам с собой, остановив глаза на ближайшем окне, и затем произнёс: «Да, полагаю, что думать вы об этом можете, но даже тени намёка об этом кому бы то ни было быть не может». Высказав эту поправку к ранее объявленному запрету, он немного поёрзал в кресле, набираясь решимости и, видимо, подыскивая подходящие слова, и, наконец, объявил нам свою сенсационно потрясающую новость-бомбу:

«Генри Киссинджер в данный момент находится на пути в Москву с секретной миссией от имени президента Никсона.

Его самолёт должен прибыть на один подмосковный военный аэродром примерно через два часа. Мы собираемся вести с ним переговоры по ключевым международным вопросам и основным принципам советско-американских отношений. Если переговоры пойдут успешно, то мы также обсудим визит президента Никсона в Советский Союз уже в ближайшее время. С нашей стороны переговоры будет вести сам Леонид Ильич. Я тоже буду в них участвовать вместе с Александровым, послом Добрыниным и моим заместителем Корниенко. Когда будет необходимо или когда Леонид Ильич будет занят другими делами, то переговоры с Киссинджером могу вести я сам. Вы оба будете переводить и/или вести записи, как обычно делается на переговорах, и вне официальных заседаний, когда потребуется. Записи переговоров, сделанные в течение дня, должны готовиться вечером или ночью, с тем чтобы они могли быть прочтены рано утром следующего дня Леонидом Ильичём, мной и остальными членами нашей делегации. Как вы можете видеть, предстоящие дни будут очень напряженными и потребуют от всех больших усилий. По этим причинам вам нужно будет всё это время находиться в правительственном особняке на Ленинских горах, который подготовлен для этих целей. Обработку и подготовку записей переговоров вы будете делать под руководством Андрея Михайловича (*Александрова*) в помещении Центрального комитета. Ваша работа начинается сразу же после завершения

нашей встречи. Поскольку Киссинджер должен прибыть примерно часа через два, вам нужно приступать к вашим обязанностям уже через несколько минут».

Министр посмотрел на свои часы, чтобы убедиться в правильности его распоряжений по времени, и затем, повернувшись к Виктору, сказал: «Суходрев (*хотя Громыко знал Виктора уже много лет и ценил его как работника, по какой-то непонятной причине он всегда называл его по фамилии),* вы сейчас отправляйтесь к Василию Васильевичу *(первый заместитель Громыко*) и с ним сразу же поедете на аэродром встречать Киссинджера, а оттуда приедете с ним в особняк. А вы, — министр при этом повернулся ко мне, — поедете прямо отсюда в особняк и будете ожидать их приезда с аэродрома. Вы можете хорошо использовать это время, чтобы познакомиться с некоторыми документами, которые приготовлены к переговорам, как это обычно делается в таких случаях».

Громыко снова сделал паузу, посмотрел на выражение наших лиц и затем спросил, будут ли у нас какие-то к нему вопросы. Услышав наше почти синхронно сказанное «нет», министр начал приподниматься со своего кресла. «Не забудьте сейчас же позвонить вашим семьям, — заботливо произнёс он. — Сообщите им, что вы будете в моём личном распоряжении несколько дней и что иногда вы будете им звонить». Он тепло пожал нам руки и, сказав «до скорой встречи», снова опустился в своё рабочее кресло. Мы вышли из его кабинета с чувством напряжённого ожидания невероятно интересного исторического события…

ЛЕОНИД БРЕЖНЕВ, КРЕМЛЁВСКИЙ САПОЖНИК И ГЕНРИ КИССИНДЖЕР

Это был один из тех бодрых и солнечных апрельских дней в Москве, когда и природа и люди, кажется, всего за одну ночь после длинных и холодных месяцев летаргической русской зимы обретают новый мощный заряд энергии, который создаёт приятное настроение и побуждает к активным действиям. В согласии с таким воодушевляющим движением весны утро того дня генеральный секретарь Коммунистической партии Советского Союза встретил раньше своего обычного часа, но, несмотря на это, он выглядел хорошо отдохнувшим, довольным и полным желания 9* **243** поскорее взяться за ожидавшие его важные государственные дела. Его внешний вид, телодвижения и даже довольно грузный корпус говорили о хорошем самочувствии, оптимистичной уверенности в себе и благожелательном расположении к окружающим, что было столь редко для советских руководителей, включая и его самого…

В те ранние 70-е годы Леонид Ильич Брежнев полностью осуществлял контроль над партией, правительством, страной и над самим собой. Упоминаемый здесь 1972 год с его продолжающейся нехваткой продовольствия и неважным экономическим положением в целом с точки зрения внутренней ситуации в стране, в сущности, не отличался от многих своих предшественников: самое крупное государство в мире оставалось стабильным вопреки растущим проявлениям диссидентства среди узких групп интеллигенции, а на далёком горизонте социализма пока ещё не были видны такие облака, которые могли бы омрачить бодрый оптимизм самого могущественного человека в Советском Союзе.

В том, что касается внешнеполитической ситуации СССР, страна по-прежнему оставалась второй сверхдержавой, оказывая огромное влияние на международные дела. Однако одно недавнее событие — неожиданный и колоссальный по своему значению для мирового развития прорыв в отношениях между США и Китаем, кульминацией которого стал визит президента Р. Никсона в Пекин с принятием Шанхайского коммюнике — резко и радикально изменило привычный биполярный характер соотношения глобальных сил, поставив Советский Союз в упор перед страшной реальностью американо-китайской оси, что могло иметь самые мрачные последствия для его будущего. Сегодня был тот день, когда генеральный секретарь ЦК КПСС и

всё высшее советское руководство получали уникальный шанс не только хотя бы как-то смягчить действительно очень серьёзную для страны перспективу альянса США и Китая, но и заложить основу качественно новой главы, а если удастся, то и эры в советско-американских отношениях…

«Ну, как я сегодня выгляжу?» — спросил игривым голосом генеральный секретарь, приближаясь напускной молодцеватой походкой к привлекательной молодой женщине, стоявшей в коридоре на выходе из его апартаментов по пути к вестибюлю того большого уединённого особняка, где должны были скоро начаться переговоры между правительственными делегациями двух стран. В тот момент я находился в противоположном конце этого короткого коридора на выходе в вестибюль, куда мне нужно было прийти согласно данному прошлым вечером распоряжению М. А. Александрова — главного советника Брежнева по иностранным делам. Именно в этом вестибюле должны были собраться советские участники для последнего предварительного совещания перед началом тех важнейших исторических переговоров с Генри Киссинджером и его командой. Ещё не успев получить ответа на свой несколько нескромный вопрос, и как бы устраняя любую иную возможную реакцию, кроме выражения восхищения, Брежнев начал медленно и плавно поворачиваться перед молодой горничной правительственной виллы, демонстрируя себя и свой костюм правительственного пошива. «Сегодня, Леонид Ильич, вы выглядите особенно замечательно», — ответила эта милая особа таким убедительным тоном, как будто констатировала абсолютно очевидный факт, сохраняя при этом совершенно расслабленный и естественный вид человека, разговаривавшего со своим старым и близким знакомым.

По некоторым прошлым мероприятиям мне было известно, что они знали друг друга уже какое-то время и их общение приобрело довольно неофициальный характер. В этой связи следует отметить, что в отличие от большинства высокого советского руководства Брежнев держался со всеми очень просто, без особых формальностей.

В тот самый момент, когда генеральный секретарь Коммунистической партии Советского Союза выплывал из своего почти балетного пируэта и густого облака «Филиппа Мориса» (это была любимая марка сигарет советского руководителя, которые, как и другие американские сигареты, в СССР не продавались), он неожиданно споткнулся на каблуках своих собственных до блеска начищенных ботинок и, отчаянно размахивая руками в воздухе в попытке сохранить равновесие, всё-таки устоял на ногах

благодаря поддержке, которую он нашёл в ближайшей к нему стене коридора, где разворачивалась описываемая сцена. Этот совсем нехудожественный «номер-сюрприз» с совершенно непредвиденным концом вышел настолько комичным, что даже сам Брежнев, как только он пришёл в себя, первым разразился громким хохотом. Почти сразу же к нему присоединились и мы с горничной, ставшие единственными невольными свидетелями этого комического акта, непреднамеренно исполненного перед нами наиболее важным, ответственным и по своему положению, предположительно самым серьёзным человеком нашей страны.

Вновь глубоко затянувшись сигаретой, которую ему удалось удержать между пальцами, несмотря на активные взмахи руки, и ещё продолжая смеяться, Леонид Ильич наклонился, опираясь спиной на коридорную стену, чтобы лучше рассмотреть подмётки своих ботинок из кремлёвского распределителя. Для получения более ясного обзора предмета его сосредоточенного внимания ему пришлось выворачивать каждую подошву одну за другой с некоторым ёрзаньем склонённого корпуса по стене-опоре, чтобы предотвратить возможное падение. Раздававшийся до сих пор его смех вдруг резко оборвался, что, очевидно, должно было свидетельствовать о том, что острый взгляд генерального секретаря обнаружил нечто совершенно несмешное на конце своих нижних конечностей.

После короткой паузы, связанной с изучением положения на месте, вызвавшим весь состоявшийся комический эпизод, раздалось лёгкое кряканье, затем послышались тяжёлые вздохи, и наконец позвучало громкое, но благодушное восклицание: «Не могу поверить! Никто не поверит!» Выразив таким образом свои чувства в отношении характера выявленной им проблемы, Брежнев решил сё устранить путём втаптыванья своих ботинок в паркетный пол правительственной виллы. Эти корректирующие движения вдоль коридора в моём направлении вскоре привели его прямо к тому месту, где я стоял, наблюдая разворачивавшиеся передо мной сцены в исполнении главного руководителя второй сверхдержавы мира. Леонид Ильич остановился прямо около меня и, даже прежде, чем я успел поприветствовать его своим «доброе утро», он, забыв о своём собственном приветствии, начал изливать недовольство сапожниками из кремлёвской мастерской. «Вот вы посмотрите, полюбуйтесь, что они сделали с моими ботинками в этой их спецмастерской!» — возмутился Брежнев довольно энергично, но совсем беззлобно, глядя прямо мне в глаза, словно ища сочувствия и поддержки.

На тот день я был ему известен уже года полтора, в течение которого я, как и несколько других коллег, время от времени

получал задания нашего МИДа переводить для него или вести записи бесед на различных переговорах, встречах, приёмах и других официальных мероприятиях, проходивших в Кремле, помещениях ЦК КПСС, государственных особняках и в других местах в зависимости от обстоятельств.

«Вы это видите? — спросил меня генеральный секретарь, опираясь на стену коридора и показывая мне одну за другой погнутые металлические набойки на каблуках своих ботинок. — Я только вчера вечером получил эти ботинки из мастерской и даже не посмотрел на них, — продолжал он. — Что мне с ними теперь делать? Сейчас уже слишком поздно заменять их на другие», — резюмировал он, как бы размышляя над возникшей проблемой, и вновь посмотрел на свои подмётки. Я в свою очередь наклонился к ботинкам Леонида Ильича, и теперь уже вместе и более внимательно мы стали разглядывать тот ущерб, который был причинён руками каких-то кремлёвских мастеров ботинкам главного руководителя нашей страны.

Более близкое и тщательное рассмотрение шагающей проблемы государственного значения открыло перед нами довольно грустную и неудобную для нормального перемещения картину: не только сами металлические набойки были прибиты к каблукам и подошвам под неправильным углом, но и использованные при этой операции гвозди, как показали уже первые сделанные генеральным секретарём шаги, оказались слишком короткими, чтобы плотно и надёжно прижимать набойки к нижним плоскостям ботинок. В результате такой работы мастеров кремлёвской спецмастерской все элементы сооружённого ими металлического устройства еле-еле держались на своих местах, причём освободившиеся от части гвоздей набойки свободно вылезали из-под ботинок с разных сторон, создавая многозвучный аккомпанемент любой попытке совершения шагов. Положение усугублялось ещё и тем, что получившаяся под ботинками конструкция производила определённый дестабилизирующий эффект, вынуждавший их носителя ковылять, вместо того чтобы позволять ему сохранять при ходьбе присущую большинству людей прямую и ровную походку.

Пока я лихорадочно соображал, как можно было бы разрешить эту государственную проблему, лежавшую абсолютно вне сферы моей компетенции, Брежнев, видимо, в целях предоставления нам некоторой передышки до нахождения какого-то выхода, вынул из кармана своего костюма пачку «Филиппа Мориса», предложил мне сигарету и зажёг для себя новую. Данное отвлечение продолжалось совсем коротко, так как

генеральный секретарь вновь вернулся к занимавшему наши мысли предмету.

«Знаете, — сказал он, возобновляя разговор, — ведь в самом деле нельзя поверить! Думаю, что никто себе и представить не может, что эти наши сапожники у нас в спецмастерской не могут прибить набойки на пару самых обыкновенных ботинок, чтобы не обойтись без халтуры». Вынеся это веское суждение, Брежнев сделал паузу, глубоко затянулся сигаретой и направил густую струю голубоватого дыма к высокому потолку. «И для кого?! — продолжил он, задавая риторический вопрос, в котором проскользнула лёгкая нотка досады с привкусом обиды. — Ив какое время!» — быстро добавил он, будто неожиданно вспомнив о том, где мы были и по какому случаю.

«Леонид Ильич, — рискнул я, высказывая пришедшую мне в голову идею возможного решения занимавшей нас проблемы, — а может, вам попросить вашего помощника организовать привезти вам как можно быстрее другую пару ботинок… Вы могли бы переобуться в неё во время первого же перерыва в переговорах… Иначе вам придётся носить эту целый день…» Изложив своё соображение, я поднял глаза с находившейся на полу проблемы на лицо генерального секретаря в надежде встретить одобрение посетившей меня мысли.

«Я тоже об этом подумал, — сказал Брежнев, констатируя удачное для меня совпадение наших мыслительных усилий в поиске подходящего выхода из обувного тупика. — Да, пожалуй, надо так и сделать… Верно… Я ему сейчас так и скажу… — продолжал он. — А где же он сейчас может быть?.. Куда-то здесь все подевались?.. А сколько сейчас уже времени?» И в поисках ответа на прозвучавший вопрос мы оба одновременно посмотрели каждый на свои часы, которые показывали, что было ещё рано до назначенного времени прибытия на совещание наших участников переговоров. «Ну, значит, я пришёл слишком рано… Ладно… Пойду-ка я пока найду своего помощника насчёт замены ботинок…», — заключил Брежнев, готовясь направить свои неуверенные шаги в обратную сторону к своим апартаментам.

Когда он стал поворачиваться на своих ненадёжных ботинках, они тут же напомнили ему о том неприятном, неловком и просто смехотворном положении, в котором он оказался, особенно в контрасте с важностью предстоявшей встречи и того достойно приличного облика, которого она требовала. «Нет, так и идти-то нельзя», — в сердцах произнёс главный руководитель нашей страны после всего нескольких трудных шагов и остановился в своём перемещении. «Леонид Ильич, — обратился я с ещё одной идеей, быстро подойдя к месту обувной аварии и глядя на

высовывавшиеся в нескольких местах из-под его ботинок металлические набойки. — Если вам поставить каблук вашего правого ботинка под углом к полу и ударить им об пол так, чтобы удар пришёлся на соскакивающую набойку, то тогда эта набойка может или совсем отлететь, или силой удара встанет примерно на своё место…» «Вы действительно думаете, что из этого что-то может получиться?» — спросил меня с некоторым сомнением Леонид Ильич. «Да не совсем, — ответил я, не испытывая особого желания принимать на себя ответственность за возможно нежелательный исход предложенного мной довольно нецивилизованного, если не сказать просто варварского, радикального решения. — Но всегда можно попробовать… И потом, этим здесь вряд ли можно сделать хуже, чем уже есть», — отреагировал я, теша себя надеждой на быструю ликвидацию этой затянувшейся проблемы с помощью предложенного радикального решения.

Брежнев посмотрел на меня, словно испытывая мою уверенность, и затем, убедившись взглядом вокруг, что на нас никто не смотрит, выпустил очередное облако дыма и решился: «Ладно… Давай попробуем…» Генеральному секретарю потребовалось всего две секунды и столько же ударов ногой по паркету, чтобы исправить положение на правом ботинке. Развивая этот столь неожиданный успех, Леонид Ильич тут же перешёл к повторению операции на левом ботинке, которая тоже продолжалась всего несколько секунд и тоже оказалась успешной, но по-другому: набойка левого ботинка сорвалась со своей измученной подошвы и, пролетев с недовольным глухим шипением по паркету коридора, замерла у ближайшей батареи отопления, издав предварительно жалобный звон. Теперь Брежнев попробовал сделать несколько шагов в подправленной обуви, которая, к нашему удивлению, не производила какого-либо нетипичного шума и не заставляла её владельца ковылять при вышагивании. Он ещё раз осмотрел свои ботинки, широко улыбнулся и протянул мне для пожатия руку. «Вот теперь всё в порядке. Спасибо…», — сказал он довольный проведённой операцией и направился к себе в поисках своего помощника.

Я остался на своём месте, глядя буквально ему вслед, чтобы убедиться, что он идёт нормально. Когда Леонид Ильич оказался у поворота в коридоре, он оглянулся на меня и подмигнул. «Вот теперь я готов встретиться с Генри», — сказал он, тяжело нажимая на русское «г» и растягивая его в обычное для него украинское произношение этого звука. Вслед за этим он скрылся из моего поля зрения, и когда я его вскоре увидел снова на заседании вместе с другими нашими участниками переговоров,

он не проявлял никаких признаков произошедшего несколько ранее инцидента с его ботинками. Единственным напоминанием об этом смешном эпизоде были его быстрые время от времени взгляды на свои собственные ботинки и на обувь других присутствовавших в зале.

После первого перерыва высший руководитель Советского Союза и глава советской делегации на переговорах со специальным помощником президента Никсона и его командой вошёл в зал заседаний в новых и, судя по всему, очень удобных до блеска начищенных ботинках. Американцы прибыли в Москву накануне ночью с секретной миссией подготовить ряд важнейших документов, предназначавшихся заложить новые основы отношений между СССР и США.

ВСТРЕЧА С ПОЛИТБЮРО

В воскресную ночь 23 апреля 1972 года в кабинете Андрея Михайловича Александрова в здании ЦК КПСС на Старой площади Москвы свет горел до самого утра. В качестве специального помощника Д.И. Брежнева по международным вопросам А.М. Александров принимал участие в переговорах советского руководства с представителем президента Р. Никсона Генри Киссинджером, находившимся в те дни в Москве с тайным визитом. В этом качестве Андрей Михайлович отвечал также за конечную отработку и редактирование переговорных документов для наших участников во главе с Брежневым.

Само минувшее воскресенье, как стало очевидно позже, оказалось предпоследним, но самым продолжительным и плодотворным днём этих сложных переговоров. Оказывать помощь Александрову в обработке накопившихся за этот напряженный день материалов должны были наш блестящий переводчик Виктор Суходрев и я. Мы приехали вместе с Андреем Михайловичем на Старую площадь вскоре после полуночи, очень усталые и голодные, с толстыми блокнотами наших записей многочасовых переговоров.

Как внимательный хозяин, А.М. Александров хотел, чтобы мы все хотя бы немного подкрепились, прежде чем приступать к довольно срочной расшифровке наших объёмистых записей: все документы должны были быть переданы Л.И. Брежневу к началу предстоявшего рабочего дня. Мне доводилось ранее не раз бывать в помещениях ЦК КПСС по служебным делам, и поэтому я был знаком с широким и недорогим выбором блюд, предлагавшихся в его кафетериях и столовых, по сравнению с тем, что можно было получить в подобных заведениях за их стенами.

Пока мы приводили в рабочую готовность наши бумаги, Андрей Михайлович нажал одну из кнопок на его большом письменном столе, и в ответ на его вызов буквально через несколько минут в кабинете появилась официантка в белом переднике. Очень вежливый всегда и со всеми Александров извинился перед ней за причиненное в столь поздний час беспокойство и спросил, что можно было бы получить из ближайшего в здании кафетерия подкрепиться для пас троих. Он был несколько удивлён, когда услышал от неё, что из-за позднего часа всё в здании было закрыто, и что поэтому ничего из кафетериев или столовых получить было нельзя. Однако, выдержав небольшую паузу, словно испытывая наше терпение и желая увидеть наше разочарование, она сообщила, что на кухне

этого же этажа она несколько раньше видела консервную банку с сосисками и банку зелёного горошка, которые, если они ещё остались, можно было бы там же, на кухне, разогреть. Мы с большой охотой приняли её несколько условное предложение и были особенно рады услышать, что в любом случае у пас будет чай.

Пока нам готовили полуночный перекус и в порядке некоторого отвлечения от продолжения нашей работы, Андрей Михайлович развлекал нас декламацией стихов Г. Гейне и Г. Ибсена соответственно на немецком и норвежском языках. Исходя из тех же соображений, мы затем коротко обсудили последние литературные события. Наше оживление заметно возросло, когда до нас стал доноситься аппетитный запах сваренных сосисок и зеленого горошка, которые через несколько минут были внесены в нашу комнату на подносе в сопровождении большого чайника…

Мы довольно напряжённо проработали до половины пятого утра и уже на выходе к поджидавшим нас машинам обсудили дела, связанные с переговорами на уже наступивший день. Этим же утром мы разъезжались по своим домам, чтобы хотя бы немного поспать, а в 7 утра нас должны были забрать правительственные машины и развезти по местам наших соответствующих заданий. Виктор Суходрев и я жили в одном направлении, и мы поехали к себе на одной машине. Когда мы были уже в пути, я сказал ему, насколько невероятно увлекательными представлялись вся эта история тайного приезда Киссинджера в Москву, сама эпохальность проходивших переговоров, да и всё то, что происходило в этой связи с самими нами. Размечтавшись, я даже высказал мысль о том, что было бы очень интересно, если бы это стало когда-либо возможным, написать что-то об этих событиях когда-то в будущем. Мой гораздо более знающий и опытный в подобных делах коллега заверил меня, что этого не будет никогда. Впрочем, и мне это тоже было известно. Мы все тогда считали именно так. Однако история опровергла не только наши предположения, но и прогнозы практически всех…

В соответствии с распределением заданий на этот новый день я должен был вернуться на Старую площадь к 8 утра, чтобы считать напечатанные за ночь материалы переговоров, внести в них необходимые поправки и затем отнести чистые документы Л.И. Брежневу для прочтения. Сегодня ему это было особенно важно по двум причинам: во-первых, потому что он не принимал участия в переговорах в предшествующий день, поскольку должен был быть на свадьбе своей внучки, и сейчас, хотя ему и был сделан устный брифинг, ему следовало более внимательно войти

в подробности пропущенного им раунда, чтобы предметно участвовать в предстоявшей этим же утром новой встрече с американцами; во-вторых, этим же утром до возобновления очередною раунда он должен был провести чрезвычайное заседание Политбюро (обычно оно проходило по четвергам) для оценки прогресса переговоров и утверждения проектов заключительных документов. Ввиду этого я получил инструкции действовать как можно быстрее и после завершения работы немедленно доставить документы в кабинет Брежнева в этом же здании.

Как только проверка материалов была закончена, я сразу же направился для передачи их в специальном досье генеральному секретарю. Длинный коридор этажа, где располагался его кабинет, был как-то неуютно безлюден. Когда я уже подходил к высоким двойным дверям этого помещения, передо мной вдруг возникла длинная человеческая тень. Оглянувшись назад, я увидел знакомое лицо одного из офицеров безопасности, который бесшумно сопровождал меня сзади. Мы пожелали друг другу доброго утра, и он тихим голосом предложил мне входить. Я остановился перед массивными дверями и постучал… Нужно сказать, что я раньше уже бывал в кабинете Брежнева в Кремле и в его личных конференц-залах как там, так и в здании ЦК, где он вёл переговоры, но в его рабочий кабинет на этом этаже я входил впервые.

На мой стук ответило сразу несколько мужских голосов, которые все на разных тонах сказали «войдите». Я открыл дверь и чуть не остолбенел от возникшей перед моими глазами сцены, которую я совершенно не ожидал увидеть в этом месте: в очень просторной прямоугольной комнате, которая скорее выглядела как пустой зал приёмов без столов, стульев или какой-либо другой мебели, стояла относительно небольшая группа из 12–15 мужчин, вытянутых неровной линией вдоль оконной стены в непринужденных позах. Они располагались почти по центру этой стены и о чём-то разговаривали между собой. Ещё до того как я мог взглянуть на отдельные лица находившихся там людей, я подумал, что, видимо, ошибся комнатой, и на мгновение был в нерешительности: выйти оттуда или спросить, то ли это место, куда мне нужно было войти. Вспомнив, что офицер безопасности перед дверью предложил мне сюда войти (а уж он-то точно всё знал), я почувствовал себя более уверенно и решил входить.

Закрыв за собой дверь, я поднял глаза, чтобы более внимательно рассмотреть стоявших прямо передо мной людей. То, что я увидел, оказалось такой сильной неожиданностью, что, учитывая только что пережитое удивление при входе в это

помещение, я чуть было не потерял дар речи. Находившиеся здесь люди, судя по выражению их лиц, совершенно определённо были тоже немало удивлены и заинтригованы, если не поражены, появлением перед ними в этом зале, в самые святая святых советской власти, совершенно незнакомого для них субъекта. Они неожиданно прекратили разговаривать друг с другом, направив все пятнадцать пар своих неверящих глаз на представшую перед ними загадку. Теперь, когда я начал рассматривать каждое из их лиц индивидуально, хотя всё это происходило очень быстро, моё уже и без того невероятное удивление продолжало расти с каждым рассмотренным мной новым лицом. Мне было знакомо каждое из них.

Ещё бы! Их громадные портреты висели по всей территории самой большой страны мира, глядя на 250 миллионов её граждан на улицах и площадях, со стен учреждений, заводов, фабрик, цехов и в других общественных местах. Они были знакомы всем жителям Советского Союза. Порядок их расположения менялся время от времени согласно важности их положения в структуре власти, что определялось соответственно их повышениями или понижениями в игре партийной фортуны. Замены или дополнения в этой галерее портретов происходили относительно редко, что содействовало их узнаваемости. О них почти ежедневно сообщали все советские средства массовой информации. Всё это сделало их постоянной и неотъемлемой частью общественной жизни СССР. Они были воплощением верховной власти страны. Сейчас они один за другим оживали прямо перед моими удивлёнными тазами. Они были ПОЛИТБЮРО…

В порядке пояснения моего поведения в ситуациях, подобных тем, которые описываются дальше, следует упомянуть о том, что уже на самом раннем этапе моей первой профессиональной карьеры мне довелось переводить в качестве синхронного и последовательного переводчика Секретариата ООН в Нью-Йорке президентов, премьер-министров, министров иностранных дел и других высокопоставленных деятелей многих стран мира. Как и другие мои коллеги в ООН, я постепенно привык к громким и всемирно известным именам, сохраняя профессиональное уважение к их носителям, но никогда не испытывая парализующего страха или преклонения, что, между прочим, было даже необходимо для должного исполнения моих обязанностей. Я был с ними или около них, чтобы делать свою работу. После семи лет работы в Организации Объединённых Наций, где мне довелось работать с десятками ведущих государственных деятелей её стран-членов, для меня оказалось

относительно просто обрести такую же профессиональную позицию по отношению к советским руководителям, когда мне нужно было работать с ними…

Итак, сейчас я оказался лицом к лицу практически сразу со всеми членами и кандидатами в члены Политбюро, за исключением Брежнева, Косыгина и Подгорного. Но то, что я несколько мгновений стоял как вкопанный перед этой группой самых властных людей страны, было вызвано не чувством благоговейного страха, а шоком удивления от неожиданной встречи с ними в тех обстоятельствах. Затем я быстро определил тех среди них, с кем я работал или встречался по работе раньше. Но с большинством из них я знаком лично не был, и, конечно же, у них не было ни малейшего представления о том, кто или что я был и что мог делать в этом месте в такое время. Под прицелом их удивлённых взглядов я почувствовал, что та неловкая пауза, которую я вызвал своим неожиданным появлением в их собственном доме, требовала какого-то объяснения с моей стороны.

Поскольку я всё ещё продолжал находиться у входной двери на расстоянии 8—10 метров от ближайшего ко мне человека могучей группы, для более удобного обращения я направился в сторону стоявшего теперь уже совсем неровной линией Политбюро, которое с любопытным вниманием следило за моим приближением. Надо признаться, что создалась довольно неловкая для меня ситуация. «Доброе утро, — сказал я, сокращая между нами расстояние и обращаясь сразу ко всем членам Политбюро. — Я из Министерства иностранных дел с некоторыми срочными документами для Леонида Ильича. Его кабинет находится здесь?» К этому моменту я был уже на расстоянии вытянутой руки от ближайшего ко мне человека, в котором я узнал Русакова — одного из кандидатов в члены Политбюро. Ответом меня удостоил Борис Пономарёв — ещё один кандидат в члены Политбюро и заведующий Международным отделом ЦК КПСС, у которого мне доводилось неоднократно работать на переговорах с целым рядом делегаций зарубежных коммунистических партий. «Да-да, он находится здесь», — сказал он, показывая рукой на дверь, находившуюся по другую сторону этого большого зала.

У Пономарёва почти всегда было какое-то недовольное, даже несколько сердитое лицо. Глядя на него, можно было подумать, что он постоянно испытывал физическую боль или серьёзную озабоченность. Его манеры отличались резкостью, а телодвижения демонстрировали спешку и недовольство окружающим миром. Своим рукам и ногам он не давал покоя, а

его темные глаза всё время прыгали с предметов на людей и обратно, как будто избегая покоя. Почти неизменно висевшая над его тонкими усами блестящая капля создавала впечатление, что у её хозяина никогда не проходит насморк. Заведующий Международным отделом ЦК выглядел в целом человеком нервным и постоянно куда-то спешившим. Меня удивляло, что такой не располагающий и довольно мрачный вид у него сохранялся даже тогда, когда ему нужно было иметь дело с высокими представителями, как тогда их называли, «братских партий». Я никогда не видел на его лице улыбки. Сотрудники его отдела постоянно пребывали в страхе, а те из моих коллег по МИДу, которых направляли к нему по заданию, никогда не высказывались позитивно на этот счёт. Я никак не ожидал, что именно он откликнется на мой вопрос.

Теперь полностью осознавая, что члены Политбюро ждали Брежнева для проведения чрезвычайного заседания, я хотел избежать оплошности, направляясь в его кабинет раньше их. В попытке разъяснить эту тяжёлую для меня неопределённость я решил задать ещё один вопрос, не адресуя его никому конкретно из присутствующих. «А где можно увидеть помощника Леонида Ильича? — спросил я. — Мне нужно ему сообщить, что я принёс документы, которые Леонид Ильич ждёт».

На этот раз мне ответил Русаков. «Он здесь, — сказал этот кандидат в члены Политбюро, кивая головой в сторону кабинета Брежнева. — Он сейчас должен выйти. Подождите минутку, — и добавил: — А как вас звать, молодой человек?» «О, извините, пожалуйста», — спохватился я и назвал своё имя и фамилию. Услышав это, он протянул мне свою руку и представился: «Русаков». Вслед за этим он повернулся к своему соседу по линии и сделал жест рукой, предлагая продолжить представления. Сосед Русакова в свою очередь протянул мне руку и как-то естественно и просто сказал: «Катушев». Я в ответ назвал своё имя и фамилию, и мы пожали друг другу руки. После этого Катушев повторил точь-в-точь то, что было сделано Русаковым, передав меня для представления своему соседу по линии. Этот ритуал повторился около десятка раз, пока я не дошёл до конца всей линии, обменявшись приветствиями со всеми членами и кандидатами в члены Политбюро, стоявшими вдоль стены у кабинета генерального секретаря Коммунистической партии Советского Союза. Поскольку им тогда, может быть, не хотелось разговаривать друг с другом во время моего краткого и непреднамеренного вторжения в их высокие ряды, а может быть, потому что неожиданное появление среди них совершенно постороннего человека несколько отвлекло их чрезмерно

обременённые государственными заботами умы, на протяжении нескольких (а для меня очень долгих) минут я оказался в центре их индивидуального и коллективного внимания. Не только эта сцена, но и весь происходивший эпизод любому внешнему наблюдателю должны были бы показаться смешными и забавными, хотя бы ввиду нелепости самой возникшей ситуации, особенно если учесть совершенно несопоставимый калибр и численное соотношение двух участвующих сторон. Несмотря на то что все члены группы встретили меня довольно дружелюбно, всё произошедшее здесь в те минуты вызвало во мне ощущение неловкости и умственного дискомфорта…

Я пробыл в кабинете у Брежнева около часа, пока он просматривал принесённые ему мной документы переговоров и задавал вопросы для уточнения или пояснения по тексту. Выходил я из его кабинета через другую дверь, миновав повторную встречу с Политбюро.

«ПОХИЩЕНИЕ» АМЕРИКАНСКОГО ПОСЛА В МОСКВЕ

Понедельник 24 апреля 1972 года был последним днём тайного визита советника президента Никсона по вопросам национальной безопасности Генри Киссинджера в Москву. Его поездка для переговоров с советским руководством во главе с Д.И. Брежневым была настолько засекречена обеими сторонами, что у американцев о ней знали только сам президент и вылетевшая с Киссинджером группа его советников, а в СССР об этом было известно лишь членам Политбюро и узкой группе непосредственных участников переговоров. Даже государственный секретарь США У. Роджерс не был поставлен в курс дела, а само сопровождение Киссинджера узнало о том, что они прибыли в Москву, только после выхода из самолета на одном из закрытых подмосковных аэродромов.

Длительные и напряжённые переговоры между двумя сторонами, продолжавшиеся вот уже пятый день, завершились, к их взаимному удовлетворению, счастливым компромиссом. Вечером того же дня посланник президента США готовился возвращаться в Вашингтон.

Тексты «Основных принципов советско-американских отношений» — итогового документа переговоров, а также короткого последующего объявления для СМИ о визите Киссинджера в Москву были согласованы всего лишь за несколько часов до его вылета. Успех встречи было решено отметить скромным приёмом а-ля фуршет, который начался вскоре после выхода её участников из зала заседаний в той же самой правительственной вилле уединённого уголка на Ленинских горах, известного тогда среди населения под названием «Заветы Ильича».

После нескольких официальных тостов гости и хозяева стали объединяться в небольшие группы, где в более расслабленной обстановке продолжались обсуждения и разговоры. *Я* находился у одной из этих групп, когда заметил, что к нам направляется наш министр иностранных дел А.А. Громыко. Следя за ним, я вдруг заметил, что он делает мне знак подойти к нему. Увидев, что я понял его знак, министр сделал несколько шагов в другую сторону и остановился около стены зала, где поблизости никого не было. Когда я подошел к нему, он, видимо, находясь в прекрасном расположении духа на волне успешного завершения переговоров, взглянул на меня и с редкой для него улыбкой на

лице спросил:

— Скажите, пожалуйста, а вы американского посла знаете?

Поскольку мне довелось встречаться с послом Джакобом Бимом уже много раз во время его официальных посещений МИД СССР и на ряде приёмов, я мог с уверенностью утвердительно ответить на вопрос нашего министра: «Да, Андрей Андреевич, я его знаю».

— А он вас знает? — продолжал А.А. Громыко, акцептируя и растягивая «О», как будто пытаясь определить степень нашего знакомства с послом США.

— Да, он меня знает, — ответил я, испытывая возрастающее любопытство в связи с вопросами министра.

— Это хорошо, — подытожил он и, как бы спохватившись, тут же продолжил для уточнения — А вот если вы встретитесь с ним один на один, он узнает вас и примет за сотрудника МИД?

— Думаю, что узнает. Я неоднократно сам встречал посла Бима у входа в наше министерство и потом сопровождал его на переговоры или беседы, — заверил я Андрея Андреевича.

— А, знаете, это очень хорошо и даже важно в этой ситуации. У меня для вас будет деликатное поручение, — сказал министр, поднося к губам бокал с красным грузинским вином. — Пожалуйста, следуйте точно моим указаниям.

Такое введение к пока ещё остававшемуся для меня загадочным заданию не могло не обострить моего любопытства. Я с нетерпением ждал, что скажет А.А. Громыко дальше.

— Так вот, — продолжал он, глядя мне в глаза, — следует сделать вот что. Как только мы закончим этот разговор, послу Биму позвонят в его посольство. Мы знаем, что он сейчас там у себя. Ему сообщат, что я бы хотел с ним срочно встретиться по одному очень важному делу у нас в министерстве. Однако я там находиться не буду.

На этом министр сделал короткую паузу, как бы давая мне время вникнуть в развертываемый им сценарий, который начинал приобретать очертания детективного сюжета.

— Ну, это, видимо, понятно, — сказал он с некоторой вопросительной интонацией в голосе.

— Да, да, конечно, Андрей Андреевич, — быстро подтвердил я, желая поскорее услышать продолжение.

— Когда мне сообщат, что с послом связались, и что он собирается выезжать на встречу со мной к нам в министерство, я вам дам знать подойти ко мне и тогда скажу, что надо делать дальше. Так что оставайтесь неподалёку и поглядывайте на меня.

На этом министр прервал своё изложение предназначавшегося для меня загадочного сценария с

американским послом и направился в другую часть зала, присоединившись к группе Л.И. Брежнева, А.Ф. Добрынина, А.М. Александрова-Агентова и Генри Киссинджера, которые довольно весело и громко общались друг с другом. Проводив А. А. Громыко глазами через зал, я тоже решил подойти к одной из групп гостей и хозяев, время от времени поглядывая на министра. Всего лишь несколько минут спустя к нему подошел заведующий Отделом США и Канады МИД Г.М. Корниенко. Отойдя на несколько шагов в сторону, они коротко переговорили между собой, после чего А.А. Громыко вернулся к своей группе, а Г.М. Корниенко направился к выходу и вышел из зала.

Примерно минут через пять-семь Г.М. Корниенко вновь появился в зале и сразу же направился к той группе, где находился А.А. Громыко. Когда он подошёл к министру, они оба отошли немного в сторону для короткого частного разговора. Г.М. Корниенко продолжал ещё что-то говорить своему руководителю, когда тот, по-прежнему слушая его, начал обводить глазами зал. Мне подумалось, что он, видимо, пытается найти меня, и я отошёл от своей группы, чтобы он мог меня заметить. Почти сразу же наши взгляды встретились, и министр кивнул мне головой, давая знак подойти к нему. Я пошёл в его сторону, увидев, что Г.М. Корниенко снова направился к двери выхода, а министр отошёл к стене, где в этот момент никого не было. Как только я поравнялся с ним, Андрей Андреевич возобновил наш прерванный ранее разговор.

— Ну что же, сейчас я вам могу сообщить, что всё, кажется, хорошо, — продолжил он. — Послу уже позвонили, и он скоро будет выезжать к нам в министерство. Он, конечно же, был очень удивлён таким неожиданным приглашением встретиться со мной, да ещё так срочно. По телефону он всё хотел узнать для своей ориентации о причине встречи и о возможном предмете беседы.

Министр выдержал короткую паузу, то ли размышляя над тем впечатлением, которое произвело на Бима его приглашение, то ли обдумывая, как меня лучше подготовить к предстоящему заданию.

— Видимо, вам нет необходимости говорить о том, что это процедура для нас необычная. То есть я хочу сказать, что вызываем срочно, о причинах и предмете встречи ничего не сообщаем, — всё это может разволновать посла без надобности. Он ещё может подумать, что произошло действительно что-то очень нехорошее, и будет себе над этим ломать голову. Так что вы, как только с ним встретитесь, сразу же постарайтесь его успокоить и заверить, что всё обстоит у нас нормально. Если он будет задавать вопросы, что в его положении вполне естественно,

скажите ему поделикатнее, что он скоро всё узнает от меня во время нашей встречи. Самое главное — постарайтесь его отвлечь от таких вопросов, как-то развлечь, поговорить о чём-то для него интересном или весёлом.

На этом министр снова остановился. Возможно, он подыскивал какую-нибудь подходящую тему для моего разговора с послом Соединенных Штатов в этой крайне необычной ситуации или просто размышлял над дальнейшим развитием своего сценария.

— Да, так вот, как я и говорил, постарайтесь с ним держаться по возможности поделикатнее, ну а во всём остальном ведите себя так, как будто это самая обычная встреча. Помните об этом всё время, пока вы будете с ним общаться… Ну а сейчас вы сразу же можете отправляться. Моя машина уже ждёт вас у подъезда этого особняка. Скажите водителю, чтобы он вёз вас прямо в министерство к моему личному подъезду. Пусть он вас ждет в машине, никуда не отлучаясь, и держит заднюю дверцу открытой, чтобы вы с послом, когда придёте, могли быстро сесть и выехать.

Надо сказать, что чем больше министр вдавался в детали моего задания, тем больше у меня складывалось впечатление, что я находился на пороге захватывающего дипломатического приключения, очень походившего на сценарий детектива, который мне предстояло разыгрывать в реальной жизни с участием американского посла в самом центре столицы СССР. Я с нетерпением ждал дальнейших инструкций А.А. Громыко.

— Когда вы войдёте в здание через этот подъезд, — продолжал оп, — посмотрите, правильно ли там положена красная дорожка: сегодня для нашего дела она должна идти от центрального входа не прямо, как обычно делается для встречи гостей, а направо, то есть к моему личному лифту. Думаю, что там всё сделали правильно, но на всякий случай проверить не помешает. Потом вы пройдёте через центральный подъезд на улицу к дорожке, по которой к нам обычно приезжают наши приглашённые. Вот там-то и поджидайте приезда посла.

Сценарий моего ожидаемого приключения продолжал расти поминутно прямо у меня на глазах, по мере того как его автор — сам министр иностранных дел Советского Союза — добавлял к нему новые страницы. Сейчас этот сценарий подвёл меня почти лицом к лицу к встрече с достопочтенным Джакобом Бимом. «Что я буду с ним делать в этой совершенно необычной ситуации?» — думал я, вслушиваясь в неторопливые инструкции Андрея Андреевича.

— Когда он выйдет из машины, вы приветствуете его и сопровождаете так же, как вы это делали обычно при его

посещениях министерства в прошлом.

Министр действительно останавливался на таких подробностях, что у меня складывалось впечатление, будто он сам получает удовольствие от подготовленного им ранее сценария, который он сейчас разворачивал передо мной для правильного проигрывания.

— Однако на этот раз, — напомнил мне А. А. Громыко, — вы проведёте Бима по ковровой дорожке к моему лифту и потом через дверь во двор прямо к моей машине. Сразу садитесь в неё с ним и приезжайте сюда. Ну а здесь мы уж займемся с ним сами.

Казалось, что на этом министр подошёл к последней строке предназначавшегося для меня сценария моего задания.

— Всё ли вам ясно? — спросил он и добавил: — У вас есть вопросы?

Услышав, что вопросов у меня нет и что задание было для меня понятно, Андрей Андреевич пожал мне руку и, пожелав успеха, отпустил меня навстречу моему приключению, которое должно было начаться уже по другую сторону двери выхода из зала, где гости и хозяева приёма продолжали теперь ещё более непринуждённо и шумно отмечать успешные итоги состоявшихся переговоров.

Выйдя из зала в вестибюль особняка, я сразу же направился к выходу на улицу. Подходя к двери, я неожиданно повстречался с генералом КГБ Сергеем Антоновым, который отвечал за безопасность советского руководства и высоких зарубежных гостей.

— Желаю удачи, — сказал он мне на ходу, — могу заверить, что проблем с проездом по улицам у вас не будет.

Должен сказать, что до этого момента у меня даже мысли не возникало относительно возможных проблем с передвижением по дороге в МИД и обратно в особняк из-за светофоров и пробок, которые в это время для были особенно плотными на Бородинском мосту и самой площади министерства, то есть в самом месте нашей встречи с послом США и, как я надеялся, нашего быстрого оттуда выезда. Нежелательные задержки в проезде могли помешать быстрому проведению операции и поставить на грань истощения мои способности отвлекать-развлекать мою предположительно встревоженную жертву, не говоря уже о дополнительных испытаниях её терпения. Услышав обещание генерала на этот счёт, я почувствовал признательность к тем людям, которые, очевидно, несколько облегчили выполнение вверенного мне задания, устранив транспортные проблемы на моем пути.

Машина министра с водителем уже ждали меня у главного

входа в особняк недалеко от четырёх-пяти иномарок, принадлежавших Л.И. Брежневу. Генеральный секретарь Коммунистической партии Советского Союза страшно любил автомобили. Он обожал сам сидеть за рулём и разгонять их на полной скорости, невзирая на плохое состояние наших дорог и правила движения. Эта страсть Л.И. Брежнева неоднократно кончалась дорожными происшествиями, по крайней мере одно из которых оказалось для него серьёзным. Зная об этой слабости советского руководителя к машинам, некоторые главы правительств и государств стран Запада, желая особо расположить к себе нашего вождя, дарили ему лучшие модели своей промышленности, которые постепенно выросли в небольшую коллекцию.

Садясь в лимузин министра, я заметил стоявшую впереди около высоких, но пока ещё закрытых ворот, наглухо отделявших нас от внешнего мира, милицейскую машину с сигнальными огнями: нам было дано сопровождение.

— Ну что, поехали? — спросил меня водитель, когда я стал садиться, и повернул ключ зажигания.

— Да, конечно, — сказал я, и мы мягко покатились по дорожке к открывавшимся воротам. Милицейская машина включила сигнальные огни и, резко рванувшись в зияющую пасть ворот, повернула в сторону Киевского вокзала.

Мы последовали за ней и довольно быстро поехали в направлении к набережной Москвы-реки по пути в министерство и на мою встречу с Джакобом Бимом. Когда мы подъезжали к первому перекрёстку в этом обыкновенно совсем не загруженном транспортом районе, я ещё издали заметил, что для нас уже горел зеленый свет. Он оставался зеленым ещё какое-то время после того, как мы его проехали, создав большое скопление легковых и грузовых автомобилей на выходившей на него боковой улице.

Генерал Антонов оправдывал своё обещание, обеспечив нам открытый проезд хотя бы на этом легком отрезке нашего маршрута. Вскоре мы уже беспрепятственно приближались по набережной к Бородинскому мосту. Но и здесь мы сразу смогли убедиться в правоте слов генерала: поскольку всё движение было остановлено и для нас была зарезервирована примыкающая к осевой полоса, мы повернули на мост, идя как бы против движения, и затем буквально пронеслись по прямой мимо длинных рядов стоящего транспорта.

Оказавшись на Смоленской площади, наша машина нырнула в узкую дорожку, которая небольшой лентой обнимала периметр боковой части высотного строения МИД. Доехав до въезда в закрытый двор министерства, водитель лихо проскочил чугунную

решетку распахнувшихся перед нами ворот и уверенно остановил машину у единственной двери в этом унылом каменном мешке. Это и был личный подъезд министра. Мы с водителем ещё раз уточнили его действия на остававшуюся часть операции, и я вошел в дверь подъезда, которая открылась передо мной словно по щучьему велению благодаря стоявшему внутри здания дежурному милиционеру.

Первое, что мне бросилось в глаза при переходе через порог, была длинная красная дорожка, которая веселой праздничной полосой бежала от находившегося прямо у двери личного лифта министра через коридор и затем огромный вестибюль к главному входу, где она гостеприимно расстилалась перед ногами входивших гостей. Такой парадный ковёр, развёрнутый от центральных дверей, обычно означал приезд или присутствие в здании важного иностранного посетителя. Скорее всего, в этот день вряд ли кто обратил внимание на то, что парадная дорожка была положена не прямо ко второму посту проверки документов, как обычно, а уходила резко вправо в глубину помещений первого этажа.

В вестибюле царила атмосфера обыкновенного рабочего дня с её суетой входивших, кого-то ожидавших или выходивших сотрудников и посетителей. Убедившись, что здесь всё было приготовлено в соответствии с инструкциями, я вышел из здания через центральные двери к дугообразной дорожке подъезда гостей перед его фасадом.

Время моего появления на месте свидания с американским послом оказалось очень удачным. Весь путь от особняка до министерства занял всего 12–14 минут. Бим ещё не приехал, и это было важно. Я почувствовал облегчение, увидев, что пока всё шло по предусмотренному сценарию. Потом я стал всматриваться в ту сторону, откуда должна была появиться машина посла. Отметив, что её там пока не было, я перевёл взгляд на саму площадь, где машина должна была делать разворот для подъезда к МИД. Всё движение через площадь и на выходящих на неё улицах было остановлено. Здесь и там были видны милицейские машины с включенными сигнальными огнями. Насколько я помнил, для проезда машин послов движение никогда раньше не останавливали.

В этой связи надо сказать, что посольство США в Москве находится на расстоянии всего около одного километра от высотного строения МИД. При выезде из ворот посольства на своей машине Джакоб Бим не мог не обратить внимания на необычную картину стоящего без движения транспорта при одной оставленной свободной полосе, по которой его черный

«линкольн» в одиночку следовал к Смоленской площади для быстрого проезда на встречу с советским министром иностранных дел. Осознание Бимом ещё большей неординарности складывавшейся ситуации могло лишь усилить его худшие предположения относительно срочности и причин вызова на беседу с А. А. Громыко. При таком умонастроении посла моя задача отвлекать и развлекать его мне представлялась ещё более сложной, особенно в свете тех новых сюрпризов, которые ожидали его согласно подготовленному сценарию. Эти мысли проносились у меня в голове, пока я продолжал напряженно вглядываться в стоявшие неподвижно ряды городского транспорта, пытаясь обнаружить среди них длинный черный лимузин со звездно-полосатым флагом на правой стороне его капота.

Не более чем через пару минут посольский «линкольн», мягко покачиваясь на неровностях московского асфальта, торжественно, словно большой пароход, выплыл из-за серой массы стоявших грузовиков, автобусов, троллейбусов и автомобилей, направляясь по арке гостевой дорожки к центральному входу министерства. Машина Бима ещё находилась в нескольких метрах от обычной остановки, где я её поджидал, когда стала открываться её задняя дверца: посол уже свидетельствовал своё нетерпение поскорее узнать, что же, в конце концов, привело его в таком срочном порядке на встречу с советским министром в столь загадочных обстоятельствах. Его и здесь ожидало разочарование, поскольку от меня он практически ничего не мог получить, кроме ещё нескольких сюрпризов.

Джакоб Бим, должно быть, заметил меня до того, как остановился его автомобиль, поскольку как только это произошло, он буквально выскочил из уже ранее открытой им дверцы с протянутой ко мне для пожатия рукой.

— Добрый день! Как ваши дела? — выпалил он ещё до того, как мы приблизились на расстояние рукопожатия. Русского языка Бим не знал, и всё наше общение с ним проходило по-английски.

— Добрый день, господин посол, — начал я своё приветствие. — Благодарю вас, у меня всё хорошо. Как вы сами? Представляется, что всё обстоит благополучно, — быстро добавил я в надежде сразу направить разговор в оптимистическое русло. — Вы посещаете нас в такой прекрасный день, — продолжал я, рассчитывая на отвлекающий маневр в сторону всегда спасительного предмета погоды независимо от её состояния.

— Скажите, пожалуйста, а вы не знаете в связи с чем хочет видеть меня ваш министр и так срочно? — спросил меня Бим

вместо того, чтобы ответить на мой комментарий.

Посол совершенно определенно не был расположен поддаваться на мою погодную удочку, даже рискуя показаться несколько невежливым. Господин Джакоб Бим был уважаемым карьерным дипломатом, который прекрасно владел искусством обхождения. Его мягкие, гладкие манеры и высокий профессионализм в сочетании с располагающим, обаятельным стилем общения относили его к старой классической школе дипломатии. Это был очень рослый человек, который ко времени его назначения на работу в Москву уже не мог держаться прямо и сильно сгибался в плечевом поясе. При такой почти постоянной сутулости с коротким седым ёжиком волос и толстыми очками американский посол выглядел на семьдесят с лишним лет.

В момент нашей встречи перед зданием МИД его голова была слишком серьёзно озабочена гораздо более важными и срочными мыслями, нежели ведением пустого разговора о погоде, отнимавшего то небольшое ценное время, которое у него оставалось до важной, но всё ещё не ясной встречи с министром иностранных дел СССР. Нет, Джакоб Бим не проявлял невежливость. Будучи всецело озабочен состоянием очень сложных отношений двух сверхдержав, он стремился узнать хотя бы косвенно и отдаленно из каких-то слов с моей стороны о предмете его нежданной беседы с А.А. Громыко.

Сейчас Бим торопился. Он очень хотел хотя бы немного подготовиться к встрече с советским министром, которая, как он полагал, должна была теперь состояться всего через несколько минут в его кабинете на седьмом этаже здания МИД. Нетерпение посла уже проявлялось в его жестах и телодвижениях. Ему становилось трудно сдерживать высокое внутреннее напряжение, и он просто не мог больше спокойно ждать. Я всё ещё пытался найти какой-то убедительно-успокоительный ответ на его вопрос, когда он, с ожиданием и надеждой глядя мне в глаза, начал быстро подниматься по коротким ступенькам к центральному входу в министерство.

— Мне очень жаль, господин посол, но я не в состоянии ответить на ваш вопрос, поскольку я не был осведомлён на этот счёт. Но я уверен, что у вас нет оснований проявлять беспокойство. Как представляется, всё обстоит нормально. По-видимому, министр желает просто проконсультироваться или побеседовать с вами по какому-то вопросу. Очень скоро вы сможете убедиться в этом сами.

Мне хотелось, чтобы эти слова немного успокоили Бима. К данному моменту мы подходили к первому пропускному пуншу около центральных дверей и в течение примерно двух минут не

могли продолжать разговор, пока дежурные милиционеры проверяли наши пропуска. Сделав ещё шаг, мы оказались в огромном вестибюле с парадной дорожкой. Посол вновь проявил свое нетерпение поскорее встретиться с министром: опередив меня, он быстро направился к знакомому ему второму пропускному пункту, совершенно не обратив внимания на то, что расстеленная в его честь красная дорожка сегодня шла не прямо, как обычно, а резко уходила вправо от входа.

— Господин посол, — окликнул я его. — Пожалуйста, следуйте за мной сюда, — сказал я, ступая на парадный ковёр и приглашая его жестом руки присоединиться ко мне.

Джакоб Бим остановился, посмотрел на меня и затем снова повернулся в сторону второго и последнего пропускного пункта, ведущего в министерство. Он явно испытывал растерянность. Ему было совершенно твердо известно по собственному опыту, и он в этом не ошибался, что все иностранные посетители всегда поднимались на встречи со своими советскими хозяевами после прохождения именно того пропускного пункта. Конечно, он подумал, что что-то здесь не так или по крайней мере необычно в этом изменении маршрута. Такое новое расположение гостевой дорожки, уводившей его в совершенно незнакомую для него часть здания, вряд ли могло способствовать успокоению взбудораженного состояния американского посла. Совсем напротив. Эта обеспокоенность сейчас для него не только подтверждалась этим новым элементом в целой цепочке неожиданностей, но и ещё больше возросла, переходя в необъяснимую тревогу относительно цели, причин и обстоятельств столь необычного вызова на встречу с советским министром.

— Вы уверены, что нам нужно идти именно туда? — озадаченно спросил посол, показывая рукой в сторону убегавшей от нас дорожки. — Я никогда здесь раньше не поднимался наверх к министру, — продолжал он, с колебаниями и неуверенностью переходя вслед за мной на красный ковер. — Нет, здесь, в самом деле, что-то не так, — вновь заговорил Бим, когда мы вместе снова направились вперед. Сначала было это туманное приглашение срочно приехать на встречу с министром без упоминания причин или темы беседы. Затем этот организованный свободный проезд сюда в министерство. А сейчас вы ведете меня на встречу с ним в другой части здания по новому коридору. Всё это представляется мне и необычным и озадачивающим. Что вы думаете по этому поводу? — обратился он снова ко мне.

Посол задал этот вопрос в надежде получить от меня подтверждение его предварительным наблюдениям в отношении

всей складывавшейся ситуации, когда мы быстро приближались к месту приватного лифта А. А. Громыко прямо около двери, выходившей во внутренний двор к ожидавшей нас машине министра. Эта дверь с дежурным милиционером, наблюдавшим за нашим приближением, была ещё закрыта. Человеку, оказавшемуся здесь впервые и смотревшему на эту часть слабо освещённого и упиравшегося в высокие двери коридора с места, где мы находились, могло вполне показаться, что он попал в глухой тупик. Такая мизансцена не моща содействовать улучшению неспокойного состояния сопровождаемого мной американского дипломата.

— Да нет, это не совсем так, — неторопливо ответил я, размышляя над тем, стоит ли мне развивать моё туманное высказывание и если делать это, то как. При этом я также надеялся, что, оставшись неудовлетворенным моим невразумительным ответом, Бим начнет задавать уточняющие вопросы для разъяснения и тем самым предоставит мне дополнительное время на подготовку следующего уклончиво-туманного ответа.

— Что вы хотите этим сказать? — поспешил посол с новым неуютным для меня вопросом. Этот вопрос прозвучал как раз в тот момент, когда мы уже были буквально в двух шагах от закрытой двери, и прежде чем я успел что-то произнести в ответ, дежурный милиционер резко распахнул перед нами дверь, чтобы мы могли выйти на улицу. На какой-то момент мы оба были просто ослеплены мощным потоком обрушившегося на нас яркого апрельского солнца, неожиданно прорвавшегося через высокий проём открывшейся двери. Сейчас мы оказались на верхней ступеньке короткой лестницы, спускавшейся в стиснутый громадой здания каменный двор, прямо перед ожидавшей нас заведённой машиной министра с открытой задней дверцей и сидящим за рулём водителем в готовности ринуться в путь.

— Нет, это невозможно! Я абсолютно не понимаю, что всё-таки происходит! — взмолился Бим, обводя растерянным взглядом унылый пустой двор с одиноким чёрным автомобилем. — Разве мы не идём на встречу с министром? Зачем здесь эта машина? Неужели мы ещё должны куда-то ехать? Ведь мне сказали, что министр будет встречаться со мной здесь, в министерстве? — засыпал меня вопросами посол. По его виду можно было судить, насколько он был поражен этой последней переменой в ситуации. Он всё ещё продолжал оставаться около двери, недоумённо-вопросительно глядя на меня с верхней ступеньки лестницы, когда дежурный милиционер громко захлопнул за ним вход в здание.

Сейчас мне требовалось что-то сказать для успокоения ещё больше разволновавшегося и обеспокоенного посла. Джакоб Бим нравился мне как человек, а как к дипломату я относился к нему с уважением. Мне казалось, что несколько завышение детективный характер всей происходившей с ним истории неоправданно и несправедливо беспокоил и тревожил его.

— Господин посол, — сказал я, стоя между ним и ожидавшим нас автомобилем. — Я считаю, что у вас действительно нет никаких причин для волнений, — продолжал я, улыбаясь и стараясь звучать как можно более уверенно и оптимистично. — Основная разница между вашими встречами с министром в прошлом и сегодня — это только место встречи. Сегодня он пожелал принять вас в другой обстановке. Это его машина. Он хотел, чтобы сегодня вы приехали к нему на его автомобиле. Это совсем рядом. Вы увидите министра всего через несколько минут. Так что, пожалуйста, садитесь в машину, и мы поедем. Министр уже должен ждать вас.

Это, видимо, было всё, что я мог сказать Биму, чтобы успокоить его и побудить сесть в машину при сложившихся обстоятельствах.

— Всё в порядке и всё будет хорошо, — добавил я, снова приглашая посла к отъезду.

— Знаете, мой дорогой друг, — ответил Бим, по-прежнему сохраняя довольно серьёзный тон и медленно спускаясь к машине, около которой я стоял в нетерпеливом ожидании завершения этого важного элемента операции. — Это выглядит как похищение. Да, как хорошо спланированное похищение, — резюмировал он своё беспомощное положение. Но при этом на его лице впервые после наших приветствий около его автомобиля промелькнула улыбка, которая, правда, возможно, появилась, чтобы лучше скрыть его взволнованное состояние.

— Господин посол, — ответил я, стараясь тоном голоса выразить моё бодрое удивление по поводу сделанного им вывода. В этот момент Бим уже стоял рядом со мной у открытой дверцы машины, заинтриговано ожидая, что я ему преподнесу на этот раз. — Неужели кто-либо может себе представить похищение какого бы то ни было посла в столице Советского Союза, не говоря уже о похищении посла Соединённых Штатов в СССР? — продолжал я с легким юмором, ухватившись за идею Бима в качестве предлога перевести разговор в более легкую тональность. — О похищении, спланированным и организованном советским Министерством иностранных дел при прямом участии самого министра?

Сейчас очередь отвечать по затронутой им теме была за

самим послом.

— Ну что здесь можно сказать… — начал он. — Кто его знает… Иногда обстоятельства неожиданно меняются…

На этот раз по его голосу можно было заметить, что с идеей похищения он явно преувеличил оценку своего положения и сейчас искал отступления к более спокойной позиции.

— Итак, теперь мы можем ехать? — спросил я посла, приглашая его жестом в машину.

Джакоб Бим ещё раз обвёл недоверчивым взглядом неприветливый каменный двор, посмотрел на единственную закрытую дверь входа в здание МИД, где он собирался встречаться с Л.Л. Громыко, и решительно нырнул на обитое толстой кожей заднее сиденье машины. Почувствовав огромное облегчение после длительных минут испытанного напряжения, я быстро последовал за Бимом и захлопнул дверь. Заждавшийся нас водитель твёрдо нажал на педаль газа, направляясь в переплёт московских улиц. Теперь мы были на пути в правительственный особняк. Мне подумалось, что наступил подходящий момент начать разговор на более приятную и отвлекающую посла тему.

— Как поживает в последнее время ваша семья? — спросил я Бима. Из наших предшествующих с ним разговоров мне было известно, что он очень любил своего сына и его семью, которые жили на ферме в штате Коннектикут. — Как идут фермерские дела у вашего сына? — уточнил я свой вопрос, рассчитывая на слабое место посла.

— Вы куда меня сейчас везёте? Где теперь я буду встречаться с вашим министром? — спросил меня Бим, как будто не услышав моего вопроса. Мы уже энергично преодолевали площадь министерства со стоящими на ней длинными рядами транспорта. Милицейская «Волга» сопровождения шла в 50–60 метрах впереди нас, обеспечивая нам быстрый проезд. По моим подсчётам, мы находились примерно в 12–14 минутах пути до места назначения и нашего с послом избавления от томительного напряжения нашей дипломатической авантюры. Эта мысль приободрила меня и несколько расслабила.

— До вашей встречи с министром остаётся всего лишь несколько минут. Мы едем быстро и уже подъезжаем. Довольно трудно себе представить, что по Москве можно ехать так легко и с такой скоростью.

Пока я комментировал наше продвижение в расчёте отвлечь посла от его тревожных мыслей, он беспрестанно перемещался на своём сиденье. Казалось, что он хотел тщательно запомнить те улицы и площади, через которые мы проезжали, со всех сторон: слева, справа, сзади и впереди быстро ехавшего автомобиля.

Возможно, он искал какие-то выделяющиеся приметы городского пейзажа, чтобы определить направление нашего движения или запомнить его маршрут. В течение нескольких минут Бим беспрерывно двигал головой и телом, пытаясь лучше разглядеть мелькавшие улицы и площади, одновременно расспрашивая меня об их названиях. Когда машина уже несколько минут шла по набережной и река предстала перед нами во всю ширь, он сам определил наше местонахождение.

— Это, должно быть, Москва-река, — сказал Бим. — Мы, по-моему, едем в сторону Ленинских гор и университета, не так ли? — спросил он с более расслабленным видом.

— Да, вы совершенно правы. Это Москва-река. И мы едем к Ленинским горам, — подтвердил я. — Скажите, как идут дела у вашего сына там, в Коннектикуте? — продолжил я, желая вернуть посла к моему ранее заданному вопросу и поговорить хотя бы немного о его семье, находившейся в Штатах.

На сей раз Бим, видимо, был достаточно спокоен, чтобы отойти от волновавших его вопросов и коротко поговорить о своих родных, что, однако, не мешало ему продолжать внимательно следить за дорогой.

— Мы здесь собираемся поворачивать? — спросил он, прерывая наше обсуждение и показывая рукой вперёд, где машина сопровождения начала делать левый поворот. Вокруг не было видно ни одного другого автомобиля или пешехода.

— Да. Мы сейчас будем поворачивать, — ответил я, заметив, что мы уже проехали наш особняк, находившийся на противоположной стороне этой густо засаженной деревьями пустынной улице, и нам нужно было развернуться, чтобы к нему подъехать.

— Мы собираемся возвращаться назад? — с удивлением спросил Бим.

В этот момент мы оба увидели, что милицейская машина прижалась к безлюдному тротуару и остановилась около огромных ворот.

— Нет, нет. Мы уже приехали, — ответил я, испытывая одновременно чувство облегчения и удовлетворения от того, что мы наконец-то прибыли к месту назначения. Когда наша машина повернула к въезду в ворота, их железная масса тяжело ушла в стену, и мы мягко вкатились во двор, миновав нескольких дежурных офицеров безопасности.

— Но почему здесь? И почему в этом безлюдном месте за этими плотными стенами? — снова начал спрашивать Бим, увидев, что мы останавливаемся у главного подъезда особняка.

Сейчас я мог дать ему вполне убедительное объяснение.

— Господин посол, — ответил я, — вам, наверное, известно, что в этой тихой части города расположено несколько правительственных особняков, где руководители партии и правительства иногда принимают зарубежных гостей. Это — как раз один из таких особняков, а вы — один из тех гостей, который сегодня был приглашён сюда.

— Большое спасибо за ваше разъяснение. Я действительно что-то слышал на этот счёт, но никогда не думал, что мне когда-либо будет оказана честь получить сюда приглашение.

Бим ещё не успел закончить эту фразу, когда поджидавший нас у подъезда офицер безопасности открыл заднюю дверцу машины с моей стороны.

Я вышел на улицу и протянул руку Биму, чтобы помочь ему выйти из машины.

— Добрый день, господин посол! — громко раздался за моей спиной чей-то голос, бодро приветствовавший Бима по-английски с сильным русским акцентом, когда тот ещё выходил из машины. Обернувшись, я увидел генерала Антонова, подошедшего лично поприветствовать американского посла. Я никогда не слышал, как он говорит по-английски, и не узнал его голоса.

До того как Бим ещё успел выпрямиться, генерал протянул ему навстречу руку и по-военному чётко представился: «Генерал Антонов, КГБ».

Это совершенно невинное по намерению представление прозвучало как раскат грома. Принимая во внимание взбудораженное состояние американского посла и пока ещё непонятные для него обстоятельства его появления в этом странном изолированном месте за высокой каменной оградой, военное звание и пресловуто устрашающее название всемирно известного учреждения прозвучали над головой посла как удар грома.

На какие-то секунды посол, казалось, был под воздействием шока. Сначала он от неожиданности замер. Затем в удивлении тряхнул головой, странно взглянул на выросшего перед ним генерала и, придя в себя, запоздало протянул ему свою руку.

— О! Да-да. Конечно… Я — Джакоб Бим. Очень рад с вами познакомиться, — выжал из себя посол и затем повернулся ко мне, как бы ища в моём лице защиты.

— Генерал Антонов отвечает за безопасность советского руководства и высоких зарубежных гостей, — добавил я в пояснение лапидарного представления одного из высших работников КГБ, желая несколько сгладить произведенное им впечатление на посла США.

— О да, конечно… Об этом полезно знать… Несомненно,

генерал, ваша работа связана с очень высокой ответственностью, — произнёс Бим и снова повернулся ко мне, но в этот раз с вопросом-предложением. — Министр, должно быть, уже меня ждёт… Я думаю, что мне не следует его больше задерживать… Меня вызвали довольно срочно…Как нам к нему здесь пройти? — спросил он.

Мне показалось, что Биму не только хотелось поскорее подойти к развязке всей затянувшейся истории встречи с министром, но и оказаться подальше от компании бравого генерала. Однако вопреки этим ожиданиям именно Антонов взял на себя долг проводить посла в помещения, которые он охранял.

— Мне доставит большое удовольствие проводить вас в особняк, — быстро ответил генерал на своём ходульном английском языке, использовав хорошо заученную, но полезную фразу.

Вслед за этим он повернулся в сторону дверей особняка, подал условный сигнал одному из своих подчинённых, стоявших у входа, и прошёл вперёд, ведя нас за собой. У самого прохода во внутренний вестибюль генерал Антонов остановился, вежливо пропуская Бима. Когда я поравнялся с ним в проёме дверей, он быстро шепнул мне, что всё получилось очень хорошо.

Мы вошли в очень просторное фойе особняка. Бим, не останавливаясь, дошёл до самого его центра и только там оглянулся на нас, не зная, куда идти дальше. Пока мы с Антоновым подходили, он с любопытством разглядывал незнакомое помещение.

Генерал на ходу отдал несколько коротких распоряжений своим подчинённым и, поравнявшись с послом, сказал:

— Эта комната очень хорошая, о’кей?

Он при этом довольно потёр руки, как будто показывал редкий музейный экземпляр.

— Да, она очень приятная, — с готовностью согласился Бим, плохо скрывая чувство некоторого дискомфорта в присутствии советского генерала КГБ.

И как бы в подтверждение нашего общего согласия с этим мнением, мы все стали более подробно рассматривать холодный и унылый интерьер этого странного помещения. Прямо перед нами несколько за центром зала находилась невысокая паркетная платформа, на которую вели две-три ступеньки из того же материала. На этом небольшом возвышении был поставлен кофейный столик с двумя стульями. Глядя на них, я вспомнил, что их там раньше не было, и понял, что их поставили впопыхах, пока я ездил за Бимом. По правую и левую стороны от платформы симметрично поднимались несколько ступенек, каждая из

которых вела соответственно к одинаковой серой стене, раскрываемой и закрываемой как большая гармонь. Эти стены были наглухо закрыты. Весь этот необычный интерьер создавал неуютное впечатление помещения театра с двумя смотревшими под углом друг на друга сценами и зрительным залом для двух человек, сажаемых между ними так, что каждый из них мог видеть только своего визави и расположенную за ним сцепу. При довольно слабом освещении и при отсутствии окон это просторное фойе выглядело как сюрреалистически оформленное помещение, в котором должна была начаться пьеса театра абсурда, разыгрываемая сразу на двух сценах.

— Да, это довольно приятный зал, — вновь подтвердил Бим подсказанную ему оценку неприветливого помещения. — Куда нам теперь идти? — обратился он ко мне с вопросом.

Услышав это, очень довольный и улыбающийся генерал Антонов сделал шаг в сторону платформы со столом и двумя стульями и, взмахнув руками, как бы приглашая, предложил Биму на своём английском:

— Пожалуйста, сядьте здесь несколько минут, о'кей? Сейчас вы ждёте уже недолго, о'кей?

Осознав, что его снова приглашают ждать, посол вопросительно и недоумённо посмотрел на меня, выражая своим взглядом одновременно удивление, разочарование и истощённое терпение. Я в свою очередь тоже не был подготовлен к такой неожиданной задержке и внутренне разделял удивление утомлённого посла.

После всего того, что с ним произошло вслед за телефонным звонком от имени А. А. Громыко, Джакоб Бим, по-видимому, уже чувствовал себя на пределе напряжения. А сейчас вновь от него требовалось ещё одно усилие: сдерживать себя перед лицом нараставшей неопределённое™ в связи со звонком от имени министра и всей этой почти детективной историей с её переменой места встречи, сменой автомобиля, скоростным проездом по улицам мимо остановленного транспорта, изолированным особняком в глухой части города, сюрреалистическим залом в виде странного театра, где хозяином выступал генерал КГБ, и теперь ещё новым ожиданием. Выдержкой и терпением американского посла можно было лишь восхищаться.

— Ну что же… Я надеюсь, что на этот раз ждать действительно придётся недолго, — сказал посол, поднимаясь за Антоновым к платформе и садясь за стол на один из стульев. Как его голос, так и его внешний вид говорили об эмоциональной усталости.

— Просто очень замечательно, — прокомментировал наш гостеприимный хозяин, когда его гость, наконец, нашёл удобную позицию для своих длинных ног на узкой площадке платформы. — Извините меня, пожалуйста, один момент, о'кей? — сказал он Биму и спустился ко мне вниз.

— Скажите, а что он пьёт? — спросил генерал, оказавшись рядом со мной. — Водку, коньяк, виски, вино? — конкретизировал он имеющееся меню.

— Насколько я помню, он пьёт очень мало, да к тому же для этого, наверное, несколько рано, — ответил я. — Однако, видимо, лучше спросить у него самого. Мне кажется, что он после всего этого немного устал.

— Хорошо. В таком случае спросите у него лучше вы. Он с вами чувствует себя более свободно. Вы ведь больше друг с другом знакомы, — сказал генерал и добавил — Вам туг будет нужно побыть с ним в компании ещё немного. — Взглянув на одиноко сидящего на платформе посла, он кивнул головой в сторону сцены и заговорщицки сообщил: — Они ещё для него не готовы.

Я поднялся к послу на платформу, чтобы разделить с ним время ожидания. Я передал ему предложение генерала о напитках и спросил о его предпочтении.

— Знаете, мой друг, сейчас мне бы больше всего хотелось выпить стакан шотландского виски, но я же надеюсь вскоре всё-таки увидеться с министром. Так что пока я удовлетворюсь чашкой чая. Пожалуйста, поблагодарите от меня генерала за проявленное внимание и гостеприимство.

Выслушав пожелание Бима, я спустился вниз передать его просьбу Антонову. Генерал был явно разочарован выбором посла, но принял его.

— Чуть позже он, наверняка, изменит своё мнение, — с лукавой улыбкой добавил он, направляясь к дверям отдать распоряжение.

Я вернулся на платформу и сел напротив Бима лицом к сцене, которая была за его спиной. Теперь, когда мы остались с ним наедине в этом большом неуютном зале, мой подопечный расслабился, тяжело и низко склонившись своим высоким корпусом над нашим маленьким столом. На несколько мгновений посол, казалось, оставался со своими размышлениями над сложившимся положением. Затем, заметив, что я вернулся, он поднял на меня свой утомлённый взгляд и с трудно дававшейся улыбкой сказал:

— Вы знаете, надо признаться, что сегодняшний день кажется очень длинным, но он ещё далеко не закончен. Я до сих пор

никак не могу понять, что же всё-таки происходит, и почему это происходит вот таким образом. Этому должно быть рациональное объяснение. Жду не дождусь разъяснения всей этой истории, — подытожил посол свои размышления.

— Через несколько минут всё должно разъясниться, господин посол, — сказал я, стараясь поддержать Бима.

— Очень надеюсь, что так оно и будет, — продолжил он. — А вот и наш хозяин с чаем. Надо сказать, что здесь быстро обслуживают.

Повернув голову в сторону дверей, я увидел подходившего к нам генерала Антонова в сопровождении миловидной горничной, которая несла поднос с чашками, блюдцами, чайником и печеньями.

— Надеюсь, что вам понравится. Это наш лучший грузинский чай, — заметил генерал, когда горничная стала накрывать стол. — Может, вы хотите ещё что-то?

— Нет, спасибо. Это нас вполне устроит, не так ли? — ответил Бим, ища моего согласия.

Выслушав нашу благодарность, генерал удалился вместе с горничной, предоставив нас самих себе. Грузинский чай положил начало нашему разговору на темы, не связанные с событиями сегодняшнего дня. Бим признался, что он никогда не знал о том, что в Советском Союзе выращивали чай, полагая, что его импортировали из Индии, поскольку советско-китайские отношения тогда переживали трудный период. Отсюда разговор перешёл на некоторые международные вопросы.

В этой относительно расслабленной беседе мы провели с послом минут 15–20, когда до нас стали доходить отдалённые голоса, раздававшиеся за той складывающейся стеной-занавесом, которая находилась напротив американского посла. Сначала эти голоса звучали очень приглушённо. Заметив их, мы, продолжая беседу, начали в них вслушиваться, пытаясь понять, что происходит за тонкой стенкой, и как-то связать происходящее с долго ожидаемой развязкой положения Бима.

Постепенно голоса стали звучать громче, что говорило об их приближении в нашу сторону, но что-либо разобрать пока было невозможно. Затем мы могли установить, что за занавесом находилась группа людей, которые довольно весело разговаривали между собой и иногда даже смеялись. Мы с послом перестали разговаривать, стараясь лучше расслышать происходящее за занавесом.

— Как вы думаете, что там происходит? — заинтриговано спросил Бим, готовясь, по-видимому, к ещё одному сюрпризу.

— Похоже, что там находится группа людей, которые

оживлённо и приятно общаются друг с другом, — ответил я, начиная узнавать некоторые голоса.

Совершенно неожиданно мне пришла в голову мысль, что приём, с которого я уехал за Бимом, ещё продолжается и что его участники стали ещё веселее со времени моего ухода. Хотя, как я начал догадываться, тот приём начался в другом зале, сейчас по какой-то причине он переместился в помещение, находившееся за стенкой-занавесом, перед которой сидел американский посол.

Теперь я совершенно не мог себе представить, что будет происходить дальше.

Бим начал с нарастающей напряженностью нервничать на своём стуле и смотреть по сторонам в поисках более ясных признаков того, что могло произойти. Затем он замер и всем корпусом вытянулся вперёд в сторону сцены, пытаясь сосредоточиться на неровном потоке голосов, доносившихся из-за стенки-занавеса. *Я* повернулся вместе со стулом, готовясь лучше увидеть то, что могло перед нами произойти. Мы были единственными зрителями в этом обширном полуосвещённом зале, которые сейчас застыли в напряжённом ожидании следующего действия в затянувшейся драме сегодняшних событий. Прошло несколько долгих минут, прежде чем голоса за стенкой начали постепенно замирать и затем внезапно исчезли. Заинтригованные таким поворотом дела, мы с послом недоумённо переглянулись. Мы чувствовали себя как два зрителя, покинутые в огромном пустом театре, которые на основании голосов и шумов, доходивших до нас из-за занавеса, должны были гадать о том, какой спектакль готовил для нас невидимый и загадочный режиссёр. На несколько секунд вдруг наступило полное безмолвие.

Посол и я снова, испытывая удивление и недоумение, посмотрели друг на друга, когда совершенно неожиданно стена-занавес резко распахнулась, обнажив перед нами ярко освещённую, словно в огнях рампы, фигуру человека, стоявшего на середине края сцены с засунутыми в карманы брюк руками. На несколько секунд эта фигура слегка наклонилась в нашу сторону, с напряжением вглядываясь в относительную темноту возникшего перед ней зрительного зала. Разглядев наконец две одинокие изумлённые тени людей, человек на сцене разразился громким гомерическим смехом. В нескольких метрах позади него с бокалами в руках и улыбками на лицах стояли основные участники приёма во главе с Л.И. Брежневым и А.А. Громыко.

Этот сюрприз-явление Генри Киссинджера на сцене в окружении высшего советского руководства даже для меня, знавшего об их нахождении в здании особняка, оказался

полнейшей неожиданностью. Что касается потрясенного этим видением Джакоба Бима, то у него эта картина вызвала состояние оцепенения. В первые секунды он даже никак не мог распознать Киссинджера в фигуре на сцене. Затем он на несколько секунд замер, испытывая тотальное неверие в то, что он видел собственными глазами. В этот момент Киссинджер опустил одну ногу на следующую ступеньку короткой лестницы, спускавшейся к нам в зал, как бы демонстрируя всё ещё не верящему своим глазам послу, что он не призрак, а сам советник по вопросам национальной безопасности президента Никсона во плоти и крови. Следя за движением человека на сцене, Бим даже приподнялся со своего стула и, опираясь руками на стол, весь вытянулся вперёд, в стремлении лучше разглядеть находившуюся перед ним фигуру. Затем он почти рухнул на своё сиденье, не сводя глаз с человека на сцене, но тут же резко поднялся и решительными широкими шагами направился ему навстречу.

Киссинджер продолжал стоять и смеяться в занятой им позе, следя за приближавшимся к нему послом. Джакоб Бим быстро подошёл к первой нижней ступени и, протянув свою руку Киссинджеру, увидел, что тот уже протянул ему навстречу свою, так что рукопожатие могло состояться только на расстоянии вытянутых рук, придавая визитёру из Белого дома вид короля, снисходительно подающего руку своему верноподданному с высоты своего превосходящего положения. Трудно сказать, хотел ли Киссинджер преднамеренно унизить своего посла таким жестом, как это показалось свидетелям разыгравшейся сцены, или оказалось случайным совпадением их телодвижений. После короткого обмена приветствиями Киссинджер пригласил всё ещё приходившего в себя Бима подняться на сцену и встретиться с участниками торжества, начиная с Брежнева и Громыко.

Сейчас посол Соединённых Штатов Америки в Советском Союзе получил ответ, хотя пока ещё в очень общем виде, на вопросы, мучившие его со времени телефонного звонка от имени министра иностранных дел СССР. Киссинджеру, несомненно, удалось добиться потрясающего театрального эффекта от впечатления, которое произвела вся эта история на представителя его страны в Москве. Вот как описывает это событие сам Киссинджер в своих мемуарах:

«До отъезда из Москвы мне предстояло выполнить ещё одно дело: дать брифинг нашему послу Джакоб Бим был настоящим профессионалом, который заслужил признательность Никсона за то, что он сохранял к нему уважение, когда Никсон был не у дел. Во время своего пребывания на посту в Москве Бим выполнял свои обязанности с присущими ему умением, скромностью и

тактом. Он вполне заслуживал гораздо лучшего к нему отношения, чем то очевидное недоверие, которое наша странная система правления навязала ему. Он держал себя с достоинством… После того случая я всегда, приезжая в Москву, приглашал его участвовать в переговорах.

На этом мой тайный визит в Москву был закончен».[3]

Несмотря на хорошо известную страсть Киссинджера к драме и театральности, в некоторых случаях он мог позволить себе и определённую долю скромности.

Часть четвертая
ПАМЯТНЫЕ МОСКОВСКИЕ ВСТРЕЧИ И ИСТОРИИ

УДИВИТЕЛЬНАЯ СУДЬБА МАРИНЫ ФИГНЕР

При возвращении из первой командировки в Москву мы смогли наконец поселиться в нашей собственной квартире кооператива «Киноработник», которую строили для себя родители моей жены. Однако в связи с рождением внука они решили уступить её нам, в результате чего мы оказались окружёнными миром кино. В нашем доме жили известные уже тогда режиссёры, актёры, операторы, критики и искусствоведы, в том числе Р. Быков, М. Богин, М. Суслов, В. Дорман, целый ряд участников телевизионной передачи «Кабачок «13 стульев»», И. Уфимцев. Н. Степанян и другие. На первом этаже нашего дома находились рабочий кабинет и приёмная Константина Симонова, что после смерти писателя было отмечено мемориальной доской.

Кроме того, этот дом на улице Черняховского является непосредственным соседом нескольких домов писателей, где среди прочих знаменитостей тогда жили Виктор Шкловский, Войнович, Вадим Кожевников, Борис Ласкин и Александр Галич, которых нередко можно было встретить в нашем общем тогда большом дворе или в качестве посетителей их друзей и знакомых у нас. Одной из очень интересных личностей среди наших соседей была Марина Николаевна Фигнер. С ней и с её интеллигентным мужем сценаристом Исааком Семёновичем Проком, несмотря на существенную разницу в возрасте, мы скоро подружились и стали довольно тесно общаться, что привело и к нашему более близкому знакомству с артистическим миром Москвы.

Сама Марина происходила из очень известной семьи Фигнеров. Её дед Николай Фигнер был близок к Александру III и за свои творческие заслуги первым получил самый почётный оперный титул Императорского Певца. Вслед за ним этого титула удостоилась его жена и бабушка Марины итальянка Медея Фигнер. Если учесть, что за всю историю русского оперного театра этот титул получили всего пять исполнителей, включая Шаляпина, Ершова и Собинова, то обладание им одновременно двумя членами одной семьи представляло собой действительно экстраординарное творческое достижение.

По-видимому, в советское время наибольшей известностью из членов этой необычной семьи по вполне понятным причинам пользовалась Вера Фигнер, участвовавшая вместе со старшим братом Ленина и другими единомышленниками в неудавшемся покушении на Александра III. Как известно, все участники этого покушения были приговорены к смертной казни через повешение,

и все были казнены, за исключением Веры Фигнер, которой, благодаря близкому знакомству её брата Николая с самой жертвой покушения, смертная казнь была заменена пожизненным заключением в камере-одиночке Шлиссербургской крепости. Вера Фигнер просидела в тюрьме 25 лет, написав за это время несколько томов своих мемуаров, которые были опубликованы уже при советской власти. Эта удивительная женщина вышла на свободу в 1917 году, после свержения самодержавия, по распоряжению Временного правительства и умерла в 1940 году в своей квартире над бывшим магазином «Диета» на Арбате.

Отец Марины был офицером, но какой-либо известности не приобрёл. Сама она стала актрисой театра и кино, но играла лишь во второстепенных ролях, в том числе с популярным и талантливым советским певцом С. Лемешевым в фильме «Машина 22–12», а затем в картине «Сёстры» и ряде других. Её жизнь в целом сложилась и интересно, и драматично.

Её первым мужем стал известный кинорежиссёр Петров, создавший фильм «Пётр Первый», который был высоко отмечен самим Сталиным. Однако такое признание со стороны вождя страны не помешало ему вмешаться в личную жизнь Петрова и Марины и разрушить их брак. Дело в том, что до Марины Петров был женат на дочери одного из наших бывших революционных деятелей и соратников Сталина Енукидзе. Узнав, что Петров развёлся с первой женой и женился на Марине, Сталин лично позвонил отмеченному его вниманием режиссёру и пристыдил за плохое поведение по отношению к его бывшей грузинской жене. Но затем со свойственным ему в некоторых случаях опасным юмором добавил, что в этом деле, видимо, имело место какое-то досадное недоразумение, которое можно было легко исправить. Петрову пришлось расстаться с Мариной и вернуться к первой жене.

То, что единоличному руководителю нашей страны так легко удалось сделать в отношении Петрова и Марины, ему оказалось не под силу в случае с его собственной дочерью Светланой и её первым мужем Григорием Иосифовичем Морозовым, у которых потом было двое детей. Кстати сказать, с обаятельным Григорием Иосифовичем мне довелось неоднократно встречаться в качестве руководителя моего научного отдела и консультанта во время моей учёбы в аспирантуре ИМЭМО. В этой связи хочу упомянуть ещё об одном любопытном моменте, относящемся к защите в этом прекрасном учреждении моей кандидатской диссертации: в качестве одного из членов учёного совета института на ней выступал Маклин, бывший на протяжении почти 20 лет вместе с Филби и Бёрджессом членом могучей группы английских

советских разведчиков. По этому поводу не могу не упомянуть также о том, что ровно 10 лет спустя одним из оппонентов на защите моей докторской диссертации был зять В.М. Молотова Никонов, отец известного сегодня директора Центра политических исследований в Москве Вячеслава Никонова.

Марина тяжело переживала упомянутую навязанную со стороны семейную драму, но затем оказалась в кругу весёлой компании второго сына Иосифа Виссарионовича Василия, а через некоторое время вышла замуж за одного из лучших советских лётчиков, который после войны стал одним из первых испытателей отечественных вертолётов. Не называя по каким-то причинам имени своего второго мужа, которое, как она говорила, в те годы было известно всей стране, Марина рассказывала, что во время войны он регулярно улетал с московского аэродрома бомбить объекты в немецком тылу. Эти операции были настолько опасны, что эскадрилья почти каждый раз возвращалась с потерянными пилотами и самолётами. Вернувшиеся лётчики, находясь в состоянии невероятного нервного напряжения, прямо на аэродроме напивались до такой степени, что их приходилось почти в беспамятстве развозить по домам специально для этого выделенной команде. Как говорила по этому поводу Марина, она в такие дни получала человеческий мешок, который, придя в себя через 2–3 дня, снова улетал с таким же заданием, и всё повторялось сначала.

Но однажды её муж не вернулся, так как его самолёт был сбит немецкими зенитками над Белоруссией, и все, включая

Марину, считали его погибшим. Однако он всё-таки спасся, выпрыгнув с подбитого самолёта на парашюте над оккупированной территорией и не получив каких-либо серьёзных физических повреждений. Оказавшись в тылу у немцев, смелый лётчик закопал находившиеся при нём документы и решил пробираться на восток к линии фронта, чтобы пошататься перейти к своим. Дело происходило зимой, что создавало особые трудности с нахождением пропитания и с бесследным продвижением. Через несколько дней он был обнаружен и арестован немецким патрулём, а потом был доставлен на допрос.

Перед допросом его сытно накормили и затем привели в комнату, где его ждал немецкий полковник. При виде вошедшего военнопленного на лице полковника неожиданно вспыхнула радостная улыбка, и, направляясь к нашему лётчику с протянутой для пожатия рукой, немец на чистом русском языке обратился к нему со словами дружеского приветствия по имени и отчеству. Муж Марины, глядя на немца в форме полковника, обращающегося к нему по имени и отчеству по-русски без всякого

акцента, пережил настоящий шок и не удержался спросить его, откуда ему известно, как его звать. Немец искренне расхохотался, довольный неожиданной встречей и тем эффектом, который он произвёл на советского военнопленного.

Приветливо пригласив его сесть, полковник предложил ему вспомнить московский Клуб лётчиков имени Чкалова предвоенных лет, где советский пилот вместе со своими друзьями авиаторами регулярно играл в бильярд и где им готовил и выдавал кии скромный, почти незаметный, услужливый работник клуба. Наш пленный пытался вспомнить такого человека напряжением памяти, но это ему не удавалось, пока полковник не назвал ту сумму чаевых, которую советский пилот после каждой игры неизменно давал служащему клуба. Теперь он с ужасом осознал, что сидевший перед ним полковник был тем скромным служащим, в присутствии которого он сам и все другие лётчики за игрой в бильярд неосторожно делились между собой всякими военными сведениями и секретами своей работы. Ему было трудно поверить, что этот служащий их любимого клуба, оказавшись таким прекрасным немецким агентом, сейчас сидел перед ним в этом неказистом здании в белорусской глуши и готовился его допрашивать как советского военнопленного.

Теперь, когда они оба узнали друг друга, полковник предложил допрашиваемому изложить всю интересующую его информацию, обещая за это, как старому знакомому, самые благоприятные условия нахождения в плену. Однако в ходе допроса наш пленный отказался давать какие-либо существенные сведения, и был посажен до следующего вызова к полковнику в сарай, превращённый в импровизированную камеру задержания. Посаженный в сарай лётчик сразу же стал обдумывать возможности побега, изучая его строение, крепость стен, доски пола и всё остальное, что могло послужить этой цели. Старушка, приносившая для него еду в сопровождении солдата, ему сообщила, что полковник уехал куда-то по делам и вернётся только через несколько дней. Кормили его пока не так плохо, и он стал откладывать и припрятывать кое-что из еды на случай побега. Сам он видел ещё раньше, что весь посёлок находится рядом с лесом, и что от сарая было совсем недалеко до первых кустов. Но никакой возможности скрытно выбраться из сарая он пока не находил.

После ряда последующих допросов, на которых военнопленный по-прежнему отказывался давать нужные немцу сведения, условия его содержания резко ухудшились, а полковник стал намекать на возможное применение более эффективных методов допроса. Но однажды вечером нашему лётчику удалось

без шума обезоружить привыкшего к нему конвоира, воспользовавшись его оплошностью, связать его, завязать ему рот и бежать в лес.

Побег под покровом наступившей ночи оказался успешным, и через несколько недель муж Марины наткнулся в лесу на партизанский отряд. Переполненный радостью выхода к своим и спасения, он бросился навстречу партизанам, которые тут же взяли его под арест. После многих допросов они сочли, что рассказы пришедшего к ним человека о том, кто он и как попал к ним, представляют собой выдумку, в которую никто не может поверить, сочли его за подосланного немцами предателя и приговорили к расстрелу. В ответ на это решение наш лётчик, пришедший в отчаянье от такого оборота дела, попросил начальника отряда дать ему ещё одну возможность подтвердить достоверность его личности. Если он в этом случае окажется не прав, то они могут успеть его расстрелять на несколько дней позже, но если он говорит правду, то, расстреляв его, не дав ему этой последней возможности, они могут лишить жизни невинного человека, который столько пережил, чтобы выйти к своим, и в результате был убит их руками по спешной ошибке.

Партизаны, как лётчику было известно, поддерживали регулярную радиосвязь с центром. Он попросил начальника отряда передать данные о его личности в Москву на имя своего друга, служившего в то время в Генеральном штабе нашего Верховного командования, с просьбой их подтвердить.

Данные были переданы в ходе очередного сеанса связи адресату, который, будучи другом просителя, подобно остальным, считал его давно погибшим. Но поскольку у него тоже возникли сомнения относительно подлинности личности человека, утверждавшего среди прочего, что они друзья, офицер Генерального штаба решил в свою очередь убедиться в достоверности таких утверждений. С этой целью он направил в партизанский отряд своё сообщение с единственным вопросом просителю: ответить, где и с кем он был 14 июня 1938 года. Офицер считал, что на этот вопрос мог ответить только его считавшийся пропавшим друг, так как он был единственный человек, который в тот день в Баку сопровождал его с невестой в местный загс для регистрации их брака, после чего они втроём отмечали это событие в центральном ресторане города.

Через несколько дней в Москву пришло сообщение из партизанского отряда, в котором ожидавший расстрела лётчик во всех необходимых подробностях ответил на вопрос своего друга. Он был освобождён и несколько недель воевал вместе с партизанами, пока самолёт, доставивший партизанам очередную

партию продуктов и военного снаряжения, не увёз лётчика-героя в столицу к Марине, которой уже успели сообщить о возвращении её мужа из мёртвых. Однако их брак вскоре распался, и Марина снова осталась одна.

В последние годы войны она особенно тесно дружила с нашей талантливой актрисой, композитором и певицей Юлией Запольской, целый ряд песен которой в исполнении Леонида Утёсова приобрели широкую популярность. В это же время Юлия, Марина и ещё несколько молодых привлекательных женщин их круга, в том числе и Зоя Фёдорова, тогда сблизились с работавшими в Москве молодыми американскими корреспондентами, офицерами и сотрудниками посольства США, которые проводили с ними свободные часы без видимых или ощутимых препятствий со стороны наших служб: американцы и русские ещё вели войну с общим врагом. У некоторых из них сложились самые серьёзные отношения, и эти пары официально зарегистрировали свои американо-советские браки. Со стороны американцев это сделали корреспонденты Шапиро, Гилмор, Стайгер и сотрудник американского посольства Том Уитни, работавший с 1944 года советником посла Аверелла Гарримана.

Том Уитни, сын очень богатых родителей из города Толедо в штате Огайо на Среднем Западе США, женился на Юлии Запольской, которую он безумно полюбил. Однако никто из русских жён выехать со своими мужьями-иностранцами за границу не мог, так как советские власти не давали им выездных виз. Более того, никто из этих мужей, желая сохранить свои браки и свободу своих жён, сами тоже не могли выезжать из СССР, так как по известным им примерам в таких случаях советские женщины подвергались аресту и высылке в лагеря. Положение в этом смысле значительно усугубилось после завершения войны, когда за связь с иностранцами у нас отправляли в лагеря даже известных звёзд театра и кино, о чём мы знаем на примере Зои Фёдоровой и других.

Марина Фигнер стала одной из таких жертв, и главным образом из-за того, что она была близкой подругой вышедшей за американца Юлии Запольской. Её арестовали и отправили в лагеря в Караганду, где она провела семь тяжелейших, мучительных лет. За всё это время из-за страха перед властями никто из её друзей, а близких родственников тогда у неё уже не было, не приезжал её навещать. Единственным исключением из них был её старый и верный друг композитор Никита Богословский, который приезжал навещать Марину каждый год.

Срок работы Тома Уитни в качестве экономического советника американского посольства подошёл к концу, и ему

надлежало возвращаться в Вашингтон. Прекрасно сознавая, что его отъезд повлечёт за собой арест и ссылку любимой им Юлии, он добился продления своего пребывания в Москве путём перехода на работу в качестве московского корреспондента агентства «Ассошиэйтед пресс». Том и Юлия теперь были вынуждены поселиться в маленькой квартире обычного советского и довольно запущенного дома в переулке около театра имени Вахтангова. На летний сезон они вместе с другим американским корреспондентом и их очень близким другом Харрисоном Солсбери, получившим впоследствии всемирную известность, снимали дачу в подмосковной Салтыковке. Так чета Уитни продолжала жить до лета 1953 года, когда после смерти Сталина новые власти разрешили наконец выезд советским жёнам иностранцев. Том и Юлия уехали в Америку и поселились на большой ферме в штате Коннектикут. За годы жизни в США Юлия смогла выпустить несколько пластинок с записью собственных и других русских песен в её исполнении, которые мы с моей Наташей купили вскоре после нашего приезда в Нью-Йорк. Не прожив в Америке и десяти лет, Юлия Запольская умерла от неизлечимой болезни, так никогда снова и не увидев свою самую близкую подругу Марину, которая вернулась из лагерей чуть позже отъезда супругов Уитни в США. Однако вплоть до самой смерти Юлии им удавалось поддерживать связь через работавшего в Москве или часто в неё приезжавшего их общего друга Харрисона Солсбери.

Через некоторое время Марина вышла замуж за сценариста спортивного журнала «Советский спорт» очень образованного и интеллигентного Исаака Семёновича Прока. В первой половине 30-х годов Исаак Семёнович и отец моей жены Николай Александрович Лыткин одновременно учились во ВГИКе, где они довольно тесно общались с английским студентом Джорджем Маршаллом.

НЕВЕРОЯТНАЯ ИСТОРИЯ С АНГЛИЙСКИМ ЛОРДОМ В МОСКВЕ

Маршалл приехал в Москву, чтобы лучше изучить русский язык и литературу, но одновременно он хотел учиться в классе Сергея Эйзенштейна, уже тогда пользовавшегося всемирной известностью. Отец моей Наташи с ранней молодости очень любил поэзию Маяковского, знал на память практически все его стихотворные произведения и даже был немного знаком с самим поэтом. Он был тем человеком, который познакомил Дж. Маршалла с творчеством Маяковского. Впоследствии Маршалл стал первым и, пожалуй, лучшим переводчиком этого поэта на английский язык, и первый же экземпляр книги своих переводов он переслал Николаю Александровичу со своим ему посвящением. Вернувшись в Англию, он стал преподавать русскую литературу в университетах, а после переселения в США продолжил эту работу там.

Во время учебы в Москве Дж. Маршалл стал участником совершенно необыкновенной истории, которую вспомнили и рассказали во время нашей совместной встречи на даче у родителей моей жены в Крюкове её отец и муж Марины.

В те годы приезжие студенты ВГИКа, среди которых был и Дж. Маршалл, жили в его общежитии, которое размещалось в здании бывшего «Яра», а в последующем — гостиницы «Советская». Однажды в это общежитие явился курьер из английского посольства и передал Маршаллу просьбу приехать туда в ближайшие дни для встречи с его руководством. Во время посещения посольства ему сообщили, что в скором времени в Москву в качестве туриста должен был приехать один из ведущих руководителей консервативной партии Англии лорд Н. Поскольку Маршалл уже хорошо знал русский язык и был прекрасно знаком с Москвой и её достопримечательностями, руководство посольства пришло к выводу, что он был бы лучшим из возможных гидов в советской столице для одного из самых крупных политических деятелей страны. Маршалл согласился на просьбу своего посольства и в условленный день приступил к своей работе.

Английский лорд находился в Москве в течение почти целой недели в сопровождении своего студента-соотечественника. В последний вечер своего пребывания, когда они с Маршаллом после очередной экскурсии по городу уже выехали на автомобиле посольства на улицу Горького в направлении гостиницы

«Националы), где остановился важный приезжий гость, он сказал своему гиду, что хочет немного прогуляться пешком. Они остановились уже недалеко от гостиницы, распрощались, лорд направился в её сторону пройтись один пешком, а посольский автомобиль повёз Маршалла в его общежитие.

На следующее утро в ранний час за Маршаллом приехал представитель английского посольства со срочной просьбой явиться туда по очень важному делу. Там ему сообщили страшную новость, что накануне вечером лорд Н. при переходе улицы около своей гостиницы был сбит ломовым извозчиком, которых тогда в Москве было ещё немало, и умер прямо на месте происшествия, не приходя в сознание. В этой связи Маршалла попросили рассказать, что ему известно на этот счёт и почему высокопоставленный гость оказался один в вечернем городе без всякого сопровождения. Маршалл в ответ сообщил, как они расстались с его подопечным по его же просьбе, так как тот хотел немного пройтись до гостиницы один пешком, но о том, что случилось дальше, ему было совершенно ничего не известно. Поскольку из-за отсутствия самолётного сообщения между Москвой и Лондоном быстро отравить тело погибшего в Англию не представлялось возможным, по согласованию с членами его семьи было решено кремировать тело на месте и затем переправить урну с прахом для захоронения в их семейном склепе Вестминстерского аббатства. Маршалла попросили в этой связи взять на себя труд принять участие в траурной процедуре в посольстве, а через несколько дней после кремации получить урну в крематории Донского монастыря и привезти её в посольство.

Выполняя свой последний долг перед именитым соотечественником, в назначенный день Маршалл поехал в крематорий получать урну. Урна была готова в форме голого металлического ящика, какой сё обычно и вручали родственникам почивших. Но поскольку у Маршалла с собой не было никакой тары, а везти через весь город скользившую в руках голую урну было неудобно, он попросил выдавшего её ему сотрудника как-то её упаковать. В ответ на эту просьбу любезный служащий крематория предложил положить урну в лежавшую у него пустую коробку из-под торта, которая, по его словам, как раз хорошо подходила для этой цели, особенно если её перевязать имевшейся у него бечёвкой.

Получив, таким образом, упакованную урну, Маршалл за поздним часом решил отвести её в посольство на следующее утро, так как спешил успеть на ужин в столовой кондитерской фабрики «Большевичка», находившейся прямо через дорогу от его

общежития и где он вместе с другими студентами ВГИКа был прикреплён для питания по купонам. Приехав в столовую, Маршалл сдал на вешалке свой плащ и одновременно попросил работника раздевалки оставить у него на полке под прилавком привезённую из крематория коробку из-под торта, в которой была упакована урна с прахом английского лорда. После ужина Маршалл взял в раздевалке свой плащ и коробку и направился в общежитие.

На следующее утро, прежде чем ехать в посольство, он решил для более приличного вида завернуть коробку в упаковочную бумагу, и, перевязав этот аккуратно приготовленный печальный груз для удобства бечёвкой, направился сдавать его в своё дипломатическое представительство для последующей пересылки в Англию. Оставив привезённую коробку у дежурного посольства и считая на этом свою миссию законченной, Маршал вернулся к своим обычным житейским делам.

Вечером следующего дня один из рабочих кондитерской фабрики «Большевичка» собирал в своей маленькой квартире нескольких родственников и друзей, чтобы отпраздновать получение за его трудовые успехи месячной премии, которую ему вручили накануне перед концом смены. В те нелёгкие для нашего народа годы, когда никаких товаров в магазинах практически не было, а питаться в городах приходилось по продовольственным талонам, как правило, по месту работы, премии своим передовикам фабрика «Большевичка» выдавала тортами собственного производства. Получив свой премиальный торт, наш рабочий отправился ужинать в столовую своей фабрики, где при входе сдал свою коробку с тортом знакомому швейцару в раздевалке, а после ужина вернулся домой с высоко ценившейся тогда премией в руках. Главным угощением и лакомством за его скромным праздничным столом должен был стать вручённый ему на производстве торт.

Когда все гости уселись за тесный стол, хозяин дома под их разгоревшимися от предвкушения удовольствия взглядами торжественно поставил на него вожделенную коробку с небольшим рисунком, обещавшим близкое лакомство. Под нараставшие радостные комментарии и возгласы присутствующих рабочий снял крышку коробки, и все увидели под ней слегка блестящий голый металлический ящик грязновато-зелёного цвета.

От удивления собравшиеся стали переглядываться и недоумённо обсуждать возникший перед ними из коробки торта несъедобный предмет. Хозяин взял металлическую коробку в руки, посмотрел на неё с разных сторон и объявил

разочарованным присутствующим, что ему, по всей вероятности, кто-то вместо торта подсунул пустой металлический ящик. Вспомнив, что по пути с работы домой он заходил на ужин в фабричную столовую, где сдавал коробку с тортом знакомому швейцару в раздевалке, он с возмущением заявил, что разберётся с этим типом утром. Но праздник был испорчен, и гостям пришлось обойтись без главного угощения.

На следующий день оставшийся без премии рабочий, захватив металлический ящик с коробкой из-под торта, явился в столовую для выяснения дела со швейцаром. Услышав эту историю, старый швейцар стал клясться и божиться, что к коробке с тортом он не прикасался и ничего не брал, утверждая, что эту подтасовку, если она была, сделал кто-то другой. При этом он сказал, что такие коробки ему в раздевалке рабочие оставляют время от времени, но никогда ничего подобного не происходило. Затем он припомнил, что как раз в тот же вечер и тоже во время ужина один прикреплённый к ним студент сдавал ему свою такую же коробку с тортом, но, приходя потом, никаких жалоб не высказывал. Разочарованный и расстроенный рабочий пытался выяснить дело на работе, но объяснения случившемуся так и не нашёл. Рассказ о загадочной подмене торта на металлический ящик обошел саму фабрику и питающихся в её столовой посетителей.

Через несколько дней после этого инцидента отправленная из Москвы английским посольством коробка в аккуратной упаковке Маршалла была получена родственниками погибшего в Лондоне и отложена для ритуального захоронения в их семейном отсеке в Вестминстерском аббатстве. В назначенный день там состоялись торжественные поминки погибшего лорда, а после их завершения начался обряд захоронения урны в заранее приготовленную нишу. Когда один из участвующих в исполнении обряда священнослужителей распаковал оберточную бумагу и раскрыл коробку, в которую, как он подумал, русские поместили урну, к своему ужасу, он увидел там вместо неё перемешанную массу какого-то испорченного продукта. Удивлению и возмущению участников печального ритуала перед подобным глумлением над памятью погибшего и их самыми глубокими чувствами не было конца. Разразился страшный скандал, который влиятельным родственникам покойного удалось удержать за пределами досягаемости печати. Захоронение пришлось отложить до выяснения дела с посольством Англии в Москве и получения от него где-то потерянной по его вине урне.

Получив самый серьёзный разгон своего министерства в связи с этим предельно возмутительным инцидентом и

требованием в самом срочном порядке вернуть потерянную урну семье для захоронения, английское посольство тут же вызвало для объяснений занимавшегося делом урны Маршалла. Маршалл заверил руководство своего посольства, что он сдал урну на следующее утро после её получения из крематория их дежурному сотруднику, который в свою очередь подтвердил этот факт и представил соответствующую запись в журнале о получении урны и её последующей отправки в Лондон. В посольстве все терялись в догадках о том, что могло произойти, и ломали себе голову над тем, как выйти из создавшейся неприятнейшей ситуации. После консультаций в узком кругу было решено поручить Маршаллу в сопровождении сотрудника посольства поехать на автомобиле в крематорий и попробовать всеми возможными средствами приобрести там хотя бы пустую урну для отправки её в Англию с объяснением, что якобы её удалось найти.

Эту операцию в крематории удалось провести без особых затрат, «обнаруженная» урна была быстро возвращена в Лондон, где с надлежащими почестями была захоронена в Вестминстерском аббатстве. Через некоторое время ходивший среди посетителей столовой «Большевички» рассказ о подмене у одного рабочего его премиального торта на металлический ящик дошёл и до ушей Джорджа Маршалла. Только тогда он смог наконец осознать, что вся эта невероятная история с урной и тортом была вызвана тем, что швейцар в раздевалке фабричной столовой по ошибке выдал каждую из оставленных у него почти неразличимых коробок совершенно другому владельцу. Джордж Маршалл долго хранил эту тайну, но перед окончательным отъездом в Англию поделился ею с некоторыми из своих институтских друзей — Исаком Семеновичем Проком и Николаем Александровичем Лыткиным.

Марина Фигнер и её муж были очень общительны, часто ходили в гости к своим многочисленным друзьям и знакомым, регулярно посещали вечера, концерты и просмотры новых, в том числе не шедших на общих экранах западных кинофильмов в Доме кино и нередко устраивали сборы гостей у себя дома. Наиболее регулярными их посетителями были: супруги Богословские; Борис Ласкин, часто приходивший один; Александр Галич и его жена, с которой Марина была особенно близка; дочь певца Леонида Собинова и подруга детства Марины Светлана Собинова, тогда уже потерявшая своего мужа, известного детского писателя Льва Кассиля; пасынок Лилии Брик Василий Катанян с женой Ириной и режиссёр популярных детских кинофильмов Илья Фрез со своей супругой. Во время нашего пребывания в Москве мы тоже были частыми гостями застолий у

Марины и Исаака Семеновича, где мы познакомились с этими и другими их интересными друзьями. О некоторых из них и связанных с ними необычных историй хотелось бы рассказать читающим эти строки.

НЕСКОЛЬКО ШУТОК НИКИТЫ БОГОСЛОВСКОГО

С Никитой Богословским моя жена Наташа и я сначала коротко познакомились и виделись на квартире её отца, с которым наш прославленный композитор поддерживал не тесные, но добрые дружеские отношения. Гораздо лучше мы его узнали, когда стали вместе бывать на застольях у Марины Фигнер в нашем доме.

Наш замечательный композитор, автор многих популярных песен, музыки к кинофильмам и целого ряда других музыкальных произведений, был к тому же верным и надёжным другом. Другой постоянной чертой его многогранной натуры была врождённая страсть к шутке и разыгрыванию своих друзей, знакомых и даже публики. Иногда подобные «проделки» требовали с его стороны немалой предварительной подготовки, поездок в другие города, закупки каких-то атрибутов для исполнения задуманного и связанных с этим определённых финансовых расходов. Другими словами, Богословский к шуткам относился серьёзно, получая от самого процесса их осуществления и конечного результата большое удовольствие, что не всегда можно было сказать о тех, кто становился их объектом. В тех случаях, когда жертва его шуток несла из-за них какие-то материальные потери, их автор щедро за них расплачивался.

Одной из нередких мишеней его практического юмора был наш известный литературный юморист, сценарист и литератор Борис Ласкин. Они были очень близкими друзьями, дружили семьями, ездили вместе даже за границу. Ласкин любил пересказывать — а делал он это мастерски — шутки, проделываемые его приятелем не только над другими, но и над ним самим. Сам Богословский, однако, о своих шутках никогда не рассказывал, но ему нравилось слушать о них рассказы других, особенно тех, кто их перенёс на себе. В таких случаях, как мне приходилось наблюдать, он закуривал, занимал удобную для заслушивания рассказа позицию и с видом весёлого удовольствия на лице превращался во внимательного слушателя.

Помнится, как однажды в гостях у Марины Фигнер в разгар застолья Борис Ласкин с увлечением рассказывал об одной шутке, которую с ним сыграл Богословский во время их возвращения из загранпоездки, когда они приближались в поезде к советско-польской границе. Дело было ранним утром, и они решили собраться не только к приходу пограничников и таможенников,

но и для прогулки во время стоянки на станции Брест. Ещё накануне вечером, когда Ласкин перед сном закончил чистить зубы, его шутливый спутник незаметно спрятал тюбик с зубной пастой своего приятеля. Перед прибытием к границе Ласкин в порядке привычного утреннего туалета хотел почистить зубы, но никак нигде не мог найти свою зубную пасту. В ответ на вопрос Богословскому, не видел ли он её где-нибудь, его приятель сказал, что она ему не попадалась, и тут же услужливо, однако как бы мимоходом, предложил своему товарищу по купе воспользоваться его собственной очень приятной пастой.

Поезд уже останавливался для входа пограничников и служащих таможни, и Ласкин поспешил завершить свой туалет. Набрав в рот пасты, он стал чистить зубы, но тут же почувствовал, что ему их было трудно раскрыть, так как они оказались скованными как цементом. Он стал лихорадочно пытаться смыть пасту водой, но поскольку это никак не помогало, Ласкин, осознав, что попался на очередную шутку приятеля, повернулся за помощью или объяснением к Богословскому, который с самым серьёзным и увлечённым видом смотрел через вагонное окно на улицу. Увидев перед собой мычавшего свои возмущения Ласкина с перемазанной пастой физиономией, Богословский разразился раскатистым смехом.

В этот момент дверь их купе отворилась, и вошедший пограничник попросил обоих пассажиров предъявить документы и спросил, откуда они возвращаются. Богословский и возмущённо мычавший на него Ласкин подали пограничнику свои паспорта, но, говоря подчёркнуто только от своего имени, первый сказал в ответ, что он сам едет из командировки в ФРГ. Посмотрев на испачканное пастой лицо что-то мычавшего и активно жестикупировавшего Ласкина, пограничник попросил его перестать разыгрывать комедию при серьёзной проверке документов на государственной границе и ответить на его вопрос.

Ласкин, будучи не в состоянии словесно удовлетворить просьбу пограничника, попытался мимикой и жестами объяснить ему, что произошло в порядке глупой шутки своего спутника, что он не притворяется немым, и что они вместе едут из ФРГ, с возмущением показывая время от времени на Богословского, наблюдавшего за всем этим с равнодушным видом человека, которого происходящее никак не касалось. Профессионально подозрительному пограничнику, находившемуся при исполнении своих важных служебных обязанностей, вся эта сцена с мычавшим и жестикулировавшим Ласкиным совершенно не понравилась. Поскольку он не хотел тратить на этого подозрительного типа время в вагоне и задерживать проверку документов остальных

пассажиров, пограничник попросил Ласкина приготовиться к выходу на станции для дальнейших разъяснений и, забрав его паспорт, пошёл в следующее купе.

Услышав о возможной процедуре объяснений с пограничниками на станции, Ласкин с дополнительным приливом решимости, спровоцированной маячившей перед ним такой нежелательной перспективы, стал жестами и мычанием требовать у Богословского положить конец этой шутке, которая, по его невысказанному, но красноречиво выраженному мнению, перешла допустимую границу.

За этим эмоциональным объяснением приятелей застал вошедший в купе таможенник, задавший им свой традиционный вопрос, было ли у них что-либо для предъявления. Служащему таможни пришлось присутствовать при почти той же сцене, которая произошла несколько минут до этого перед пограничником. Услышав от Богословского, что у него лично для предъявления ничего не было, таможенник повторил свой вопрос Ласкину, который жестами и мимикой пытался повторить ответ своего приятеля. Не веря своим глазам, таможенник спросил Богословского, не является ли его спутник немым, на что тот загадочно ответил, что он не знает. При этом заявлении Ласкин поднял глаза и кулаки к небу. «Как это вы не знаете, — удивился представитель таможни. — Вы же вместе едете в одном купе. Вы, что же, с ним не разговаривали?» «Раньше разговаривали, а вот сегодня он почему-то только мычит», — серьёзно объяснил Богословский. Озадаченный возникшей ситуацией таможенник сказал, что ему придётся провести подробный досмотр багажа Ласкина, и он уже начал через Богословского выяснять, какой багаж принадлежал его спутнику, когда в купе вернулся пограничник и сказал своему коллеге, что он поведёт молчавшего пассажира для разбирательства в своё управление на станции с вещами, и что их можно будет проверить тогда же.

Оба служащих ушли продолжать свою работу в других купе вагона, а не в шутку рассердившийся Ласкин стал требовать у своего приятеля закончить всю эту далеко зашедшую комедию, и тогда тот, продолжая от души хохотать, передал пострадавшему другой тюбик, чтобы нейтрализовать действие цементирующей пасты. Через пару минут Ласкин заговорил и, приведя себя в порядок, бросился вдогонку за пограничником и таможенником, чтобы ликвидировать произошедшее из-за шутки недоразумение. Он сообщил им также, что шутником в данном случае был автор многих популярных и известных им песен Никита Богословский, после чего они вместе пришли в купе к композитору, чтобы пожать ему руку. На этом пограничный инцидент был исчерпан.

Пока Ласкин увлеченно рассказывал гостям о пережитой им шутке в Бресте, Богословский, рядом с которым мы сидели за столом, шепнул мне, что он для Бори готовит сюрприз. Уронив якобы случайно на пол свою вилку, Богословский полез за ней под стол, а я, желая ему помочь её найти или поднять, отодвинул край скатерти, чтобы лучше видеть пол. Однако вместо того, чтобы искать упавшую вилку, Богословский, как я увидел, начал развязывать шнурки на ботинках Ласкина, а развязав, он привязал шнурки левого ботинка к шнуркам правого, после чего снова сел за стол с поднятой вилкой.

Через пару минут он предложил мне встать из-за стола и перекурить с ним в углу этой большой столовой, продолжая с довольным и лукавым видом дослушивать рассказ Ласкина. Когда тот закончил рассказ о шутке на государственной границе, Богословский попросил Ласкина подойти к нему, чтобы ему что-то сказать. Ласкин стал подниматься из-за стола, но тут же рухнул снова на стул и, беспомощно взмахнув руками, уронил их на стол в попытке сохранить потерянное в ногах равновесие, приведя при этом в звенящий беспорядок лежавшие на скатерти приборы и посуду. Всё обошлось благополучно, и все вместе с самим Ласкиным расхохотались над этой несколько рискованной шуткой. «От Никиты можно ожидать что и когда угодно», — сказал пострадавший, развязывая и перевязывая шнурки на своих ботинках.

Однажды вечером мы вместе с Мариной на её новеньких «Жигулях» поехали к Богословским в гости на их квартиру в высотном здании на Котельнической набережной. Часа через два после начала весёлого застолья Марина, как и было предварительно условлено, временно оставила нашу компанию, чтобы съездить за своим мужем, задержавшимся на работе, и привезти его к Богословским. Минут через пять после её ухода раздался многократный, нервный звонок в дверь. Хозяин направился к двери, из которой в столовую влетела плачущая и с возмущением кричавшая Марина, что в её новую машину, видимо, врезался какой-то грузовик и полностью смял у неё всю левую сторону от заднего до переднего бампера, не оставив на ней ни одного живого места. Все гости стали обсуждать это очень неприятное происшествие, пытаясь как-то успокоить сильно расстроившуюся Марину, которая тут же позвонила мужу, рассказала ему о разбитой машине и просила приехать на такси.

После того как Марина немного успокоилась, Богословский предложил ей спуститься с ним вместе к пострадавшей машине, чтобы оценить ущерб, обещая ей дать своего механика, который всё сможет починить или найти запасные части. Я присоединился

к ним, и, оказавшись на тёмной улице, мы направились к тому месту, где стояла Маринина машина. «Вот, посмотрите», — утирая платком влажные глаза, сказала она, заходя с тротуара к пострадавшей уличной стороне своего автомобиля. Мы с Богословским последовали за ней, готовясь увидеть сильно разбитый бок машины, но, посмотрев на него, мы увидели только слегка лоснящийся под тусклым светом отдалённого уличного фонаря совершенно нетронутый корпус «Жигулей».

Марина обомлела при виде произошедшей с её машиной метаморфозы. Как бы не веря собственным глазам, она стала трогать её бок рукой, повторяя, что она ничего не придумала, и что бок машины был разбит всего 10–15 минут тому назад. Богословский тогда высказал предположение, что, может быть, Марина ошиблась и первый раз смотрела на чужую машину, на что она логично возразила, что поблизости там не было никаких машин вообще. Раздумывая над этой загадкой, мы в приподнятом настроении вернулись к столу, где все продолжили обсуждение невероятного происшествия.

После завершения вечера Богословский спустился на улицу, чтобы немного проводить гостей, и, попрощавшись с остальными, повёл нас с Мариной к её машине. Подходя к ней со стороны водителя, чтобы открыть двери, Марина вдруг с ужасом вскрикнула, и, показывая на бок машины, со слезами стала говорить, что всё-таки она была права и что ту сторону машины действительно разбили. Мы перешли на сторону Марины, и при первом взгляде на этот бок машины увидели, что он на самом деле разбит. Потрясённые этим уже не первым за вечер происшествием с автомобилем Марины, мы стали в полутьме более внимательно разглядывать и трогать повреждённую поверхность, когда вдруг Богословский небольшим усилием потянул на себя один конец сильно смятого корпуса и легко отставил его в сторону. Перед нашими изумлёнными взглядами предстал совершенно цельный бок машины. Придя в себя от ещё одного пережитого шока, Марина бросилась на Богословского с поднятыми кулаками и стала радостно колотить его куда попало, требуя от него объяснения. Придерживая одной рукой сделанный из папье-маше измятый бок автомобиля, заядлый шутник объяснил, что по его заказу он был изготовлен одной из художественных мастерских некоторое время тому назад и ожидал подходящей возможности его применения. В тот вечер такая возможность ему представилась, а все перемены декораций под покровом темноты проделал его личный шофёр.

Выше рассказанные шутки нашего замечательного композитора — это всего лишь отдельные эпизоды его

постоянного разыгрывания своих друзей и знакомых.

ВСТРЕЧИ С АЛЕКСАНДРОМ ГАЛИЧЕМ

С нашим талантливым бардом, сценаристом и драматургом Александром Галичем первой познакомилась моя Наташа во время отдыха в Доме творчества работников кино в подмосковном Болшево. Там, ещё только начиная приобретать известность, он вечерами в узком кругу исполнял свои песни. Приезжая в Болшево навещать Наташу по уик-эндам, я тоже познакомился с ним, но тогда наше знакомство продолжения не имело. Как и в случае с Богословским, мы стали видеться года 2–3 спустя в гостях у Марины Фигнер. Галичи жили в соседнем с нашим доме кооператива писателей, с которым у нас тогда был общий двор, и благодаря этому мы там часто накоротке встречались то с Александром, то с его женой. Зная, что я работал в МИДе, сам он, проявляя, видимо, деликатность, никогда со мной наедине наших внутренних вопросов политики не обсуждал, и наши разговоры на ходу, как правило, ограничивались бытовой тематикой и международными событиями, за которыми он с вниманием и интересом следил.

В гостях у Марины всегда бывало немало людей, некоторых из которых иногда Александр не знал вообще, а с другими был знаком совсем немного. Несмотря на это, особенно с учётом начавшихся у него проблем с властями на почве диссидентства, Галич очень откровенно высказывался о своих взглядах на наши советские неурядицы. Однако самая красноречивая, хотя, по большому счёту, совсем мягкая, критика социалистических порядков звучала в его стихах и песнях.

Исполнять свои песни под гитару он очень любил и нередко после нескольких рюмок сам выражал желание что-нибудь спеть. Гитары у него с собой в гостях никогда не было, и когда наступало время петь, он просил меня принести мою шестиструнную гитару. Эту прекрасную немецкую гитару привезла как-то из Берлина и подарила мне моя сестра Люся. Кстати, однажды на ней целый вечер играл и под неё пел Владимир Высоцкий, который приходил вместе с Мариной Влади к одному из наших соседей по дому. К сожалению, его попытки оставить на ней свой автограф оказались безуспешными, так как её лаковая поверхность не принимала на себя никаких надписей.

Когда появлялась гитара, Галич отодвигал свой стул подальше от стола, создавая тем самым определённое пространство между собой и сидевшими за столом слушателями. По-видимому, ему это было нужно для того, чтобы как бы отделиться от своей аудитории, перестать физически быть её

частью и, оказавшись перед ней один на один, как на сцене перед зрителями, принять на себя личную ответственность за предстоящее исполнение.

Настроив гитару на выбранный лад, Галич, как правило, сначала пел то, что его просили исполнить присутствующие, а уже потом то, что ему хотелось. Не знаю, как он смотрелся с эстрады, потому что я никогда не видел его из зрительного зала, но в узком кругу при исполнении своего репертуара он, казалось, как-то весь уходил в себя, в свои собственные переживания, связанные с музыкой и содержанием созданных им же песен. Создавалось впечатление, что он не хотел, а может, это выходило у него непроизвольно, внешне взаимодействовать с аудиторией выражением лица или телодвижениями, отдавая слушателям на восприятие и суждение в чистом виде то, что для них приготовил и исполнял. Даже те из своих песен, которые были насыщены юмором, Галич пел с самым серьёзным видом, что лишь усиливало их юмористический эффект. В целом же его песни, несмотря порой на их шуточный характер, по содержанию и манере исполнения навевали грустное настроение.

Перед их насильственным выездом за границу Галичи, зная, что им почти ничего интересного или ценного из квартиры вывезти не разрешат, стали продавать некоторые свои вещи друзьям и знакомым. В их числе оказались и мы. Увлекающаяся всю жизнь искусством и антиквариатом Наташа приобрела у них несколько скромных предметов, которые продолжают нам напоминать о нашем талантливом барде и о встречах с ним и его женой.

После трагической гибели Александра Галича в результате несчастного бытового происшествия в его парижской квартире его жена, лечившаяся ещё раньше от алкоголизма, снова стала злоупотреблять спиртными напитками, но порой ей удавалось прерывать циклы запоя. В один из таких периодов к ней приехала из Москвы в гости се близкая подруга Марина Фигнер, за несколько месяцев до этого потерявшая своего чудесного мужа, к тому времени тоже стала увлекаться алкоголем. Парижская встреча подруг спровоцировала их затяжной совместный раунд запоя. Через несколько месяцев после отъезда Марины в Москву жена Александра Галича скончалась. Это трагическое известие ещё больше подхлестнуло Марину в её ставшей уже серьезной алкогольной проблеме. Несколько недель спустя после смерти своей подруги Марина Фигнер, будучи в пьяном состоянии, разбилась на одной из московских улиц за рулём своего автомобиля.

БУРНЫЙ ЭПИЗОД С МИХАИЛОМ КОЗАКОВЫМ

Когда наш популярный актёр и режиссёр Михаил Козаков женился в третий раз, его женой стала Регина Б., которая со своего первого студенческого года оставалась ближайшей подругой сестры моей жены и одним из самых близких людей нашего семейства. Мы были приглашены на их свадьбу, но на ней от нас были только Наташа и её сестра с мужем, так как я в это время находился в краткосрочной командировке за границей. После их женитьбы мы стали видеться с ним в разные праздники или семейные торжества, но я сам по причинам отъездов в командировки в них участвовал лишь иногда.

Однажды в ту пору мы собрались отметить наш собственный семейный праздник и среди целого ряда других гостей пригласили Регину и Михаила. Регина, которая на редкость хорошо готовит, приехала к нам по обыкновению задолго до прихода других гостей, чтобы помочь Наташе с готовкой и столом. У Миши, который тогда играл во МХАТе, в тот вечер был спектакль, и наше застолье началось до его приезда из театра. Помимо моей сестры с её немецким мужем и сестры Наташи с её супругом, все остальные гости были мои друзья и коллеги из МИДа.

Ко времени появления среди нас Михаила гости уже приступили к десерту. Миша где-то после спектакля уже успел выпить, что по нему было несколько заметно. Принявшись за специально оставленное для него основное блюдо и закуски, он щедро запивал их водкой, наблюдая за другими гостями и слушая их разговоры. Одна из обсуждавшихся между ними тем касалась недавней высылки писателя Солженицына в ФРГ. Когда Миша тоже дошёл до десерта, ему вдруг захотелось активно включиться в компанию. Прервав проходившие разговоры, он предложил всем послушать его декламацию «Руслана и Людмилы». Все притихли, внимая его просьбе, и Миша начал читать. Читал он очень хорошо, увлечённо и с энтузиазмом уже минут 10–12.

В этот момент один из гостей, извинившись, прервал его декламацию и, дав ей высокую оценку, сказал, что лучше было бы послушать её в другой раз при более подходящем для этого случае. По его мнению, после продолжительного застолья выслушать целую, даже замечательную, пушкинскую поэму в его прекрасном исполнении было не совсем уместно с учётом состояния и настроения гостей.

Миша бросил на этого мидовского сотрудника резкий испепеляющий взгляд, но продолжил свою декламацию. Чтецу, конечно, с учётом обстоятельств нужно было порадовать всех коротким отрывком, но, будучи уже довольно нетрезвым, он закусил удила и продолжал декламацию. Гости постепенно стали переставать его слушать, переходя к приглушённым разговорам между собой. Увидев, что ее муж зашёл довольно далеко в своём не совсем уместном энтузиазме с декламацией, Регина попросила его прерваться и попробовать нетронутый им вкусный десерт. Хотя реакция гостей и его собственной жены ему явно не понравились, он всё-таки прекратил чтение и взялся за десерт, слушая возобновившиеся в полный голос разговоры.

Некоторые гости снова вернулись к теме Солженицина. Послушав несколько минут их обсуждение, Миша вступил в беседу с вопросом о том, что они читали из его произведений. Получив в ответ несколько названий, Миша стал высказывать своё мнение по поводу услышанной им их оценки этих работ изгнанного автора, резко обвиняя их в полном непонимании самой сути его идей. В разгоравшемся споре по этому вопросу Миша оказывался в одиночестве в своей однозначной оценке Солженицына. Его аргументы и высказывания становились всё более эмоциональными, и, наконец, словно обессилев в споре со своими оппонентами, он резко вскочил и громко во весь голос закричал на них: «Фашисты! Власовцы!»

Совершенно потеряв над собой контроль, Миша в гневе стал расхаживать по столовой и снова обзывать этими словами споривших с ним гостей. Мы с Наташей и Региной, пытаясь успокоить его и его оппонентов, предложили всем перейти на другую тему и взять себе ещё что-то из десерта. Мишу удалось увести на кухню, где он продолжал выливать своё возмущение на Регину. Через несколько минут они прошли мимо столовой к раздевалке в коридоре, собираясь уходить. Регина шейнула нам, что в этом состоянии его лучше увести домой.

Мы с Наташей подошли к ним, чтобы проводить до лифтов. Они поблагодарили нас за гостеприимство, и Миша уже начал открывать входную дверь, когда вдруг снова вспомнил о состоявшемся бурном споре и резко шагнул в столовую. Остановившись на её пороге, он вновь громким криком обозвал своих оппонентов власовцами и фашистами и, больше ни с кем не прощаясь, стремительно вышел из квартиры на площадку к лифтам, даже не дожидаясь своей жены. Мы пошли с Региной к лифтам, и, пока мы их ожидали, Миша продолжал в этот довольно поздний час на весь дом кричать в сторону своих оппонентов те же оскорбительные обвинения. На его крик из

квартир нашего этажа стали открываться двери, из которых стали выходить уже улёгшиеся спать или приготовившиеся ко сну соседи. С удивлением узнавая в кричащем человеке Козакова, так как, будучи из мира кино, они были с ним знакомы, они стали спрашивать его, что произошло, и призывали успокоиться. Миша их словно не видел и нетерпеливо бросился в подошедший лифт, из которого он ещё продолжал выкрикивать свои обвинения. В тот вечер он действительно выпил лишнего. В таком состоянии мне не приходилось его видеть ни до, ни после того бурного эпизода.

На следующее утро Миша позвонил нам, чтобы снова поблагодарить за гостеприимство и извиниться за произошедший инцидент. Вслед за этим он сообщил нам, что у него был разговор с режиссёром Данелией, который, после длительных безуспешных попыток сделать это через своих людей, просил его подыскать ему подходящего мальчика на роль Тома Сойера для его нового фильма. Миша, неоднократно видевший нашего Андрея, решительно рекомендовал его Данелии.

Мы поблагодарили Мишу за его лестную рекомендацию, но сказали, что из этого вряд ли что получится. Миша тогда рекомендовал нам воспользоваться предложением Данелии хотя бы для того, чтобы получить целую серию профессиональных пробных снимков Андрея. Мы обещали, что попробуем это сделать.

Наташа рискнула отвести Андрея в назначенное время на «Мосфильм» на своей машине. Однако, когда они были уже недалеко от киностудии, Андрей, выяснив, зачем они туда едут, на первом же красном светофоре сбежал из машины, доставив матери немало хлопот с тем, чтобы его поймать и вернуть в автомобиль. К тому времени, когда они с Наташей приехали на студию, он уже так обревелся, что приготовленные пробные съёмки, к разочарованию команды Данелии, пришлось отложить до следующего раза. Но мы решили, что предлагать нашему сыну сниматься в кино больше не будем. Миша потом сообщил нам, что узнавший об этом Данелия сожалел по поводу нашего отказа. После этого Данелия звонил Наташе сам, но мы своего решения не изменили.

Спустя примерно 15 лет их совместной жизни Релина Козакова выехала в Америку по гостевому приглашению на один месяц, но потом решила остаться там навсегда, бросив Мишу одного, и впоследствии с ним развелась.

ВЕЧЕР С АНДРЕЕМ МИРОНОВЫМ

Как и в случае с Михаилом Козаковым, с Андреем Мироновым мы познакомились тоже через давнишнего друга нашей семьи Регину Б., которая в то время была близкой подругой Андрея. Люди, лучше знавшие их отношения в ту пору, утверждали, что они строили матримониальные планы, которым, однако, не суждено было сбыться.

Однажды во время одной из пауз между моими частыми загранкомандировками Регина пригласила нас с Наташей в гости к себе домой на квартиру на улице Гиляровского, сказав, что, кроме нас и их с Андреем, у неё больше никого не будет. Когда мы приехали к назначенному часу, Андрей уже был там, помогая Регине закончить подготовку её великолепного стола, который даже в те гастрономически скудные годы ломился от всяческих яств, приготовленных искусными руками хозяйки.

Мы с ним познакомились и сразу перешли на «ты», как будто были давно знакомыми товарищами. Уже в самом начале вечера Андрей сказал, что слышал о нас много интересного от Регины, и надеялся услышать наши рассказы о том, что нам довелось повидать, и о том, о чём в нашей стране было мало или совсем неизвестно. Держался он удивительно просто, проявляя себя по отношению к нам как заботливый хозяин. Он был совершенно раскован, очень внимателен и при этом как-то естественно вежлив, производя впечатление человека, у которого все эти качества присутствовали со дня его рождения. Во всём его обаятельном облике с частой и располагающей улыбкой была необыкновенная лёгкость, что никак не мешало ему вести и серьёзные разговоры. Если сформулировать коротко, можно сказать, что с ним было легко и приятно находиться рядом и общаться.

После неизбежного начального обмена мнениями о бытовых мелочах наша беседа затем перешла к обсуждению тем международной политики, к его расспросам о наших годах жизни и путешествиях за границей, о жизни людей в странах, где нам довелось работать и бывать. Он задавал на этот счёт массу разных вопросов, как человек, которого всё это очень интересовало и которому бы очень хотелось всё это увидеть собственными тазами и самому пережить.

Меня удивляло, как хорошо он был осведомлён в основных вопросах международных отношений и как дотошно он стремился выяснить суть тех из них, с которыми был знаком гораздо меньше, как, например, проблемы Западного Берлина или

структура и функции Организации Объединённых Наций, а также её система учреждений. Как он говорил, для него это был какой-то очень далёкий и почти нереальный, но очень привлекательный мир.

На мои вопросы о театральных делах Москвы и его творческих планах он отвечал охотно, но довольно сжато, при этом лукаво улыбаясь и говоря, что, пробыв в Москве ещё некоторое время, мы наверстаем упущенное и всё сможем посмотреть и оценить сами. После своих лапидарных рассказов он снова возвращался к очень интересовавшей его заграничной и международной политической проблематике. В тот вечер нам с Наташей пришлось много рассказывать, отвечая на его многочисленные вопросы.

Кое-что нам действительно потом удалось посмотреть, в том числе ряд спектаклей и фильмов с его участием. Но в связи со вскоре состоявшимся выездом Андрея на гастроли и нашим новым отъездом на работу в Америку мы с ним больше не встретились, хотя собирались это сделать у нас на квартире. Когда мы более года спустя со времени нашей встречи с Андреем у Регины приехали в Москву в отпуск, их былые отношения прекратились. Регина за это время стала сначала подругой, а затем женой Ми-хала Казакова, тогда как сам Андрей нашёл себе другую подругу. Наши отношения с ним после этого не возобновлялись, но мы до сих пор сохраняем самую тёплую память о том замечательном вечере, который мы с таким удовольствием провели с этим великолепным актёром и удивительно обаятельным человеком, так преждевременно ушедшим из жизни.

Часть пятая
НЕОБЫЧНЫЕ ПОЕЗДКИ ПО СССР: ОРЕНБУРЖЬЕ — ЖИТОМИР — ЗАБАЙКАЛЬЕ

ПО ОРЕНБУРЖЬЮ

В начале 1980-х годов, когда я работал в Министерстве иностранных дел СССР, мне довелось совершить три очень интересных и необычных поездки в разные концы нашей огромной страны. Их необычный характер проистекал из того, что я ездил в них в качестве официального представителя МИДа и одновременно как лектор ЦК КПСС. Такой статус обеспечивал полную свободу от всяких хлопот по организации билетов, гостиниц, питания и целого ряда других технических вопросов, которые в советских условиях для рядового путешественника представляли собой немалые трудности. В данном случае всё делалось на самом высшем имевшемся у нас уровне через соответствующие отделы ЦК и по их указанию через партийную сеть на местах. Но самое интересное и необычное в этих поездках заключалось в возможности близко познакомиться с партийной и государственной элитой наших далёких провинций, увидеть их в работе и быту, встретиться с хозяйственниками в городах и деревнях, побывать на наших военных, в том числе закрытых, базах, выступать перед активом и рядовыми работниками различных предприятий и беседовать с простыми людьми. Другими словами, такие поездки с лекциями открывали передо мной неожиданно привилегированные возможности лучше узнать свою страну на самых разных уровнях её жизни и деятельности.

Читать лекции мне нравилось всегда, и с ними я начал выступать ещё в школе, когда с удовольствием делился со своими сверстниками или младшими учениками рассказами об увлекательных путешествиях и географических открытиях, об интересных, но несколько забытых или не очень известных у нас тогда писателях и поэтах и по другим привлекавшим меня предметам. Эту работу я вёл и после поступления в институт, когда нередко выступал на предприятиях Москвы и в деревнях или городах Подмосковья, и продолжал ею заниматься и потом, находясь за границей, читая лекции в университетах и научно-исследовательских центрах США, Канады, Франции, Голландии и других стран, выступал с докладами на многочисленных международных научных конференциях.

Работая в МИДе, я состоял в его лекторской группе для чтения лекций на предприятиях города, в министерствах, НИИ, перед аудиториями офицеров и т. д., а однажды мне довелось даже выступить перед составом центрального аппарата КГБ в их большом актовом зале на площади Дзержинского (Лубянке). Кроме того, я по совместительству читал также лекции в

Дипломатической академии и в Университете Лумумбы. Словом, ко времени моего привлечения для чтения лекций по линии ЦК у меня уже был накоплен в этом деле немалый практический опыт, который, видимо, и был учтён руководством лекторской группы моего министерства, когда, отвечая на очередной запрос ЦК, оно решило рекомендовать для этой работы и меня.

Тематика моих лекций по линии ЦК затрагивала общие актуальные вопросы международного положения на соответствующий момент, очень острые в тот период проблемы разоружения и советско-американских отношений, деятельность ООН, ближневосточный конфликт, бушевавшую тогда ирано-иракскую войну и другие проблемы. Как правило, конкретные темы лекций оговаривались заблаговременно, хотя в разных местах одного и того же города или области они могли быть разными. Иногда даже оговоренная до приезда тема по желанию местного руководства или слушателей менялась на другую, но, конечно же, в рамках общей компетенции лектора. Подобный незначительный разброс конкретных предметов выступлений трудностей не вызывал, так как, работая в МИД, мы каждодневно пропускали через себя массу информации и были хорошо осведомлены о международных делах в целом, не говоря уже о наших специализированных направлениях.

По давно выработанной привычке при выступлениях с лекциями у меня не было никаких написанных текстов, и в этом смысле я лекции не читал, а рассказывал. Естественно, я обдумывал материал рассказа для конкретной аудитории на отведённое время, заглядывал в справочники, уточнял цифры и другие необходимые данные, но, выходя на трибуну, никаких бумаг не брал. Кстати, именно таким же, в отличие от нашей традиции, был подход к лекциям на Западе, что облегчало для меня дело, когда я выступал там. Чтение или выступление по бумаге во многих странах аудитории ассоциируют с некомпетентностью говорящего, хотя в большинстве случаев подобное расхожее мнение вряд ли было справедливо применительно к нашим лекторам. Наши организаторы и слушатели настолько привыкли к тому, что им лекции, как правило, читались, что у них поначалу возникало некоторое недоверие к лектору, выступавшему без бумаги.

С таким отношением мне приходилось у нас сталкиваться и до того, как я впервые явился в ЦК к референту, который помимо обсуждения необходимых организационно-административных вопросов проводил своего рода дружеский инструктаж относительно того, как надо держать себя в качестве лектора Центрального комитета. В этой связи он упомянул среди прочего

о необходимости не терять или не забывать где-то тексты своих лекций, чтобы избежать неудобных ситуаций, когда оказавшийся в таком положении лектор, как иногда случалось, отказывался от дальнейших выступлений. Он очень удивился, когда я ему сказал, что со мной такое случиться не может, поскольку написанных текстов лекций у меня пет, и читаю я их без бумаг. Мой ответ побудил референта призвать меня готовиться к лекциям тщательнее, чтобы чего-то пе забыть, не перепутать и не подвести ЦК. *Я* обещал следовать его совету.

Моя первая серия лекций по линии ЦК вне Москвы должна была пройти в Оренбургской области, в том числе в самом Оренбурге, в Ново-Горске, а также в ряде районных центров и даже в одном совхозе. Кстати, эта моя первая поездка возникла через 2–3 недели после смерти Л.И. Брежнева, произошедшей в начале ноября 1982 года. Она была частью целой широкой серии выездов специалистов из Центра под флагом ЦК в разные концы страны, имея, видимо, целью показать людям на местах сохранение твёрдости руководства системой и проявляемое к ним внимание из Москвы, что должно было внести в них чувство уверенности относительно незыблемости власти в условиях прихода нового вождя.

Выезд в Оренбуржье намечался на конец ноября, когда в тех краях уже наступила снежная зима. Чтобы избежать длительных задержек с самолётами из-за возможных снежных буранов, которые мощи там продолжаться по нескольку дней, организаторы рекомендовали ехать поездом, что было дольше, но в зимних условиях более надёжно. Так что в назначенный день я отправился с Казанского вокзала Москвы в Оренбург в очень приятном и уютном купе СВ. Этот довольно долгий путь был по-своему интересен, так как он пересекал широкие просторы России по её средней полосе, переходил через Волгу в Горьком (Нижнем Новгороде), опускался к югу на Казань и Куйбышев (Самару), а затем по приволжским степям через башкирское Южное Приуралье выходил к реке Урал и стоящему на его берегах Оренбургу. Такое путешествие позволяло вновь ощутить огромную протяжённость нашей страны, увидеть хотя бы из окна вагона её пейзажи и жизнь наших людей в этих краях.

Для меня было особенно любопытно, пусть и совсем коротко, взглянуть на места около станций Хованщина и Рузаевка, где я в детстве однажды провёл два месяца летних школьных каникул у родственников отца, который был оттуда родом, и там, в старой Пензенской губернии, частично были и мои корни. Там же в тот голодный 1949 год я в первый и последний раз в жизни почти восемь недель ел совершенно чёрный и жёсткий хлеб, испечённый

из смеси ржаной муки и травы лебеды: другого хлеба там в те годы просто не было, а с другими продуктами дело обстояло тоже из рук вон плохо.

То, что я увидел во время коротких остановок на тех, да и других, станциях говорило об убогости, неустроенности, заброшенности и в целом бедности жизни. Порой даже казалось, что в стране война закончилась совсем недавно и что к восстановлению хозяйства только собираются приступать. Конечно, хлеба повсюду было достаточно, и он был настолько дешёвым, что люди даже кормили им скот, — это, по невероятному парадоксу советского хозяйствования, было выгоднее, чем заготавливать, или закупать корма. Но, кроме хлеба и водки, в продовольственных магазинах купить что-либо достойное для стола было нелегко. Да, было очень обидно за такую богатую страну и за такой талантливый народ, страдавшие почти постоянно от неурядиц нашей экономики… Зимний пейзаж без солнца, сопровождавший нас до самого Оренбурга, не способствовал облегчению возникшего в этой связи чувства щемящей грусти.

Оренбург, заложенный как крепость ещё при Екатерине Великой, видевший повстанческие отряды Емельяна Пугачёва и побывавшего здесь по его следам нашего великого Пушкина, лежал окутанный высокими сугробами. Проезжая часть большинства его улиц лежала неочищенной, а в некоторых местах замёрзший подтаявший снег превратил их в настоящие ледяные поля, по которым не могли нормально перемещаться ни транспорт, ни люди. Встретивший меня на вокзале референт местного обкома по дороге в гостиницу сообщил, что из-за неурядицы на улицах ему и многим другим жителям города в такие дни приходится добираться до работы, а потом и до дома пешком. Наша обкомовская «Волга» тоже была вынуждена несколько раз скользить и буксовать на почти пустых улицах. Так, по словам референта, бывало каждую зиму, а к концу лета и ранней осенью при сборе урожая зерновых проезжая часть асфальтированных периферийных улиц засыпалась зерном под открытым небом для его просушки и хранения в ожидании свободных железнодорожных вагонов для последующего вывоза, так как ёмкости местных элеваторов и транспортные возможности были очень ограничены.

Обкомовская гостиница, где меня разместили, была совершенно простой, но хорошо отапливалась, и в снежном окружении улиц выглядела уютно. В скромном по размерам и меблировке номере был умывальник и туалет, но душевая, одна на небольшой этаж, находилась в коридоре и была почти всегда

свободна. После размещения и душа я направился на завтрак в столовую, где меня ждал прикреплённый ко мне референт. Он воспользовался возможностью получить приличный завтрак в гостинице обкома, так как дома, боясь опоздать на работу из-за проблемы с транспортом, позавтракать не успел. Столовая гостиницы была небольшая, с покрытыми пластиковыми накидками столами и стульями из железных прутьев с пластиковыми спинками и сиденьями. Своим оформлением она почти не отличалась от наших довольно затрапезных столовых общепита, но меню в ней было более разнообразное и немного более дешёвое.

Во время завтрака опекавший меня молодой референт Серёжа сообщил мне о моём расписании лекций в Оренбургской области. Первая из них должна была состояться в то же утро, примерно через час после завтрака, в здании обкома, где в ходе той недели проходил партийный актив области. После обеда была запланирована встреча с преподавателями и студентами местного института. На следующий день были предусмотрены две лекции в районных центрах на расстоянии полутора-двух часов от города. Затем следовало выезжать ночным поездом в Ново-Горек и по дороге остановиться на один день в городе Орске, степном колхозе и другом районном центре. Две лекции в течение одного дня ждали меня в самом Ново-Горске, откуда мне предстояло в течение ещё одного дня съездить в крупный заводской посёлок и уже в последний районный центр. Из Ново-Горска ночным поездом я должен был вернуться в Оренбург на прощальную утреннюю беседу с секретарём обкома и к вечеру выезжать в Москву. С учётом переездов по обширной территории области (свыше 600 км), а также встреч и бесед с руководителями организаций и предприятий, не говоря уже о различных ознакомительных экскурсиях, моя программа там оказалась довольно насыщенной, а с познавательной точки зрения очень интересной.

Сразу же после завтрака я поехал в обком, где перед выступлением с лекцией мне предстояла короткая встреча с его секретарём. Им оказался, как часто почему-то случалось с нашими партийными и хозяйственными руководителями, довольно корпулентный пожилой человек, который встретил меня очень любезно. Сначала он поинтересовался тем, как я доехал и как устроился, а также моими возможными пожеланиями. Затем он более подробно остановился на моей программе пребывания у них в области, после чего мы с ним договорились, что само моё выступление с обзорной лекцией об основных международных проблемах дня перед областным

активом продлится около 25–30 минут, и примерно 30–40 минут отводилось на вопросы и ответы. На основе опыта, особенно при выступлениях перед иностранными аудиториями, я считал, что вопросы и ответы были для слушателей наиболее интересной частью встреч с лекторами и докладчиками.

В ожидании времени моего выступления, на котором руководитель обкома собирался меня представить и присутствовать, он коротко расспросил меня о моей работе, о странах, в которых мне довелось побывать, а затем рассказал немного о своей области, её некоторых успехах и в основном её проблемах и трудностях. Надо сказать, что вообще во время бесед с нашими партийными и хозяйственными руководителями в ходе этой и последующих поездок они больше всего говорили о сложностях и трудностях, переживаемых вверенными им организациями, предприятиями и хозяйствами. Почти все выражали свою неудовлетворённость фактически постоянным отсутствием необходимого ассортимента товаров широкого потребления, плохим качеством того, что время от времени «выбрасывали на продажу», и особенно практически кризисным состоянием снабжения продовольственными продуктами.

Со всеми этими трудностями каждодневно сталкивались мы все, хотя в Москве они не были настолько острыми, как на периферии. Удивительно было то, что со мной, незнакомым человеком, приехавшим к тому же по линии ЦК и по совершенно другим делам, они считали для себя возможным и необходимым так откровенно делиться своими заботами и недовольством. По-видимому, даже они, элита страны, дошли до предела в замалчивании каждодневных существенных неурядиц жизни. Поскольку моя поездка в Оренбург происходила в дни смены высшего руководства страны, мои собеседники связывали свои надежды на улучшение экономического положения с переменой в Кремле. Однако, как мы вскоре все увидели, положение в стране скорее продолжало ухудшаться…

Лекции в городе и в его двух окрестных районных центрах прошли активно и вызвали интерес слушателей, проявившийся в их многочисленных вопросах в связи с моим выступлением. Это было отрадно отметить, хотя одновременно в глаза бросался несколько низкий уровень информированности людей, что свидетельствовало об отсутствии регулярного интереса к международным событиям. Удивляла также некоторая примитивность рассуждений и неумение выразить собственные мысли, в том числе, а это было особенно досадно среди студентов и молодёжи. Мои последующие встречи со слушателями и в других местах, к сожалению, подтверждали эти наблюдения.

Несколько необычно сложилось моё посещение крупного совхоза по пути в Ново-Горек. На маленькой степной станции', где мы вышли из вагона с референтом Серёжей, нас ждал перемазанный грязью и снегом довольно потрёпанный УАЗик. У него была брезентовая крыша, смягчавшая удары об неё на подскоках, а неплотно закрывавшиеся двери на бесконечных ухабах грунтовой дороги постоянно и рискованно открывались, грозя пассажирам выпадением за борт. Из машины нам навстречу вышел молодой, рослый, крепкого сложения человек, который, подойдя к нам с приветливой улыбкой, протянул крепкую руку и представился: «Вольфганг Брандт, секретарь райкома». Мы познакомились. Хотя мне было известно о том, что на территории Поволжья, Сибири, Казахстана и других мест проживало около двух миллионов немцев, встретиться с одним из них почти в открытой степи, да ещё в должности секретаря райкома КПСС, было любопытной неожиданностью.

До районного центра нужно было ехать около 25 километров по обычной полевой дороге с большими и мелкими впадинами и колдобинами по перемешанной с мокрым снегом грязи. Коротая тряскую дорогу, мы с обаятельным немцем оживлённо разговорились. В ответ на мои вопросы он рассказал, что в их районе, который находился на границе с Казахстаном, население было очень смешанное. Здесь жили и работали вместе немцы, украинцы, казахи, русские, яицкие казаки и корейцы, занимаясь главным образом выращиванием зерновых.

Проезжая по пути через несколько деревень и посёлков, можно было видеть по качеству домов и количеству стоявших перед ними автомашин, что здесь у людей были деньги. Вольфганг подтвердил, что народ зарабатывал хорошо, но на деньги купить можно было немного. Ближайшие крупные магазины не только находились за сотню километров, но и приобрести в них было практически нечего. Все собирали деньги на машины, но очередь на них была очень долгая, а с запчастями было совсем плохо. Оп при этом обратил моё внимание на то, что почти все попадавшиеся нам автомобили были с подбитыми или помятыми корпусами, что было довольно странно видеть вне большого города и в таком числе.

Вольфганг объяснил, что у них очень популярна охота на зайцев, которые в этих степях водились в больших количествах. Однако охота на них велась не с ружьями или капканами, а на машинах. Охотники выезжали в степь на своих автомобилях с наступлением темноты и с зажжёнными фарами начинали ездить в поисках зайцев. Обнаружив этих несчастных животных, охотники начинали за ними гоняться на машинах до тех пор,

пока их не загоняли или не заставляли замирать под светом фар. Возникавший при этом азарт между соперниками в сочетании с встречавшимися в гонках буграми, ямами и другими неровностями степного пространства приводил к вмятинам и пробоинам на корпусах машин, а при столкновениях охотников возникали и более серьёзные ситуации. Но заячьего мяса в их краях было всегда достаточно.

Мой хозяин в свою очередь немало расспрашивал и меня о моей работе в МИДе, о странах, где я побывал, о жизни за границей. Среди прочего он поинтересовался, доводилось ли мне бывать на сельскохозяйственных фермах за рубежом. Услышав, что я коротко работал на молочной ферме в Мичигане, он попросил поделиться моими впечатлениями по этому поводу. Я ещё только успел рассказать совсем немного, когда мы приехали в райцентр и остановились у небольшого двухэтажного здания из белого кирпича. Это и был райком, в котором нам с референтом после размещения в гостиничных помещениях предстояло сначала пообедать вместе с Вольфгангом в столовой, а потом идти в актовый зал на лекцию.

За обедом, который меня удивил выбором меню, вкусным приготовлением (среди прочего была и жареная зайчатина), а также наличием свежих и солёных овощей (по словам секретаря райкома, всё было «своим»), хозяин спросил, согласился бы я выступить у них не по международной проблематике, как было намечено и объявлено, а с рассказом о той американской ферме, на которой мне довелось немного поработать. По мнению Вольфганга Брандта, для них, работников сельского хозяйства, было бы намного интереснее и ближе узнать о том, что представляет собой американская ферма, и, может быть, даже что-то почерпнуть практически полезного из такого рассказа для себя. Я с готовностью согласился на его предложение.

Вскоре после обеда мы пошли в актовый зал, где собрались не только представители районного актива, который проходил здесь в те дни, но и рядовые работники совхоза разных профессий. Я был удивлён большими размерами зала и массовым стечением слушателей. Свободных мест совершенно не было, некоторым запоздавшим пришлось стоять вдоль стен. Люди были одеты празднично. На женщинах были нарядные платья и костюмы, а немало мужчин сидели в галстуках. Открывая нашу встречу, секретарь райкома сначала представил меня аудитории, сказав несколько слов о моей карьере и работе, а затем объявил, что по его предложению, и если не будет возражений, вместо лекции о международных вопросах я выступлю с рассказом о том, как я работал на молочной американской ферме в штате Мичиган

и о том, что она собой представляет. Зал встретил предложение своего руководителя взрывом аплодисментов, и я, отвечая на жест приглашения председателя, вышел из-за стола президиума на край сцены, так как трибуны там не было.

В течение примерно 30 минут, оговоренных на выступление, я свободно ходил и останавливался перед этой удивительно внимательной и чуткой аудиторией, рассказывая им без всяких пропагандистских оговорок, совершенно правдиво, о той богатой молочной ферме, на которой я работал. Я описывал перед ними по возможности всю известную мне картину устройства, организации, оборудования и работы фермы, а также очень большого труда и высокообеспеченной жизни её хозяев, то есть приблизительно то же, но более подробно, о чём я рассказал в этой связи выше.

Когда, взглянув в очерёдной раз на часы, я увидел, что мне нужно готовиться к завершению выступления, секретарь райкома, разгадав мои намерения, извинившись, прервал меня и спросил у аудитории, желает ли она, чтобы я продолжил свой рассказ или вскоре перешёл к вопросам и ответам. Зал прореагировал бурными аплодисментами и криками «продолжать», что я и сделал ещё в течение 15 минут, после чего я, считая своё выступление законченным, предложил слушателям задавать мне вопросы. Снова раздались под аплодисменты выкрики «расскажите ещё», и с согласия председателя я продолжил рассказ ещё минут 10. Когда я остановился и предложил задавать вопросы, аудитория громко и дружно захлопала в знак благодарности за выступление. Секретарь райкома вышел ко мне на авансцену и пожал под продолжающиеся аплодисменты мою руку со словами признательности.

Теперь уже он, как ведущий, обратился к собранию с предложением задавать вопросы или высказать своё мнение относительно того, что слушатели думают о том, как живёт и работает американский фермер. Аудитория, которая с таким большим вниманием и интересом слушала, видимо, увлёкший её откровенный и правдивый рассказ о жизни и работе её американских коллег, вдруг замерла в полном молчании. Можно было видеть, что некоторые люди перешёптываются, обсуждают что-то между собой, но основная масса сидела и как-то озадаченно смотрела на сцену. По-видимому, слушатели переваривали то, что им было рассказано об Америке, как нечто новое, или по-новому, без привычной тупой пропаганды. Услышав неожиданную правду о главном оппоненте страны, если не сказать нечто большее, они не знали, как в ней сориентироваться и как на неё реагировать.

Вдруг, прервав загадочное молчание зала, с центрального сиденья в самом первом ряду поднялся молодой мужчина лет сорока пяти. Увидев его, Вольфганг сказал перед залом для меня, показывая на вставшего, что Николай Орехов — один из их лучших трактористов-комбайнёров, заочно учится в сельскохозяйственном институте и пользуется авторитетом и уважением товарищей. Услышав столь лестное представление со стороны руководителя райкома, Николай Орехов поправил свой галстук, одёрнул пиджак костюма и, почему-то вытянувшись, как при военном рапорте, с руками по швам, начал говорить. Сначала он поблагодарил меня за выступление, отметив, что оно всем очень понравилось, а потом довольно бойко, со ссылкой на ряд фактов моего рассказа, сказал: «Видно, там фермеры имеют деньги, разные личные тракторы и машины. Но что же они так без выходных вкалывают годами, отпуск берут редко, детей своих с малых лет работать заставляют, а взрослым детям зарплату платят. Что это за жизнь у них такая, хоть и денег много? Зачем всё деньги, деньги да деньги? А жить-то когда? Н-е-е-т, нам такая жизнь не нужна! Мы тоже работаем, но и отдыхаем, и в отпуск на море ездим. Да и денег у нас тоже хватает, вот только товаров бы побольше было. Пусть они себе так и живут, если нравится. Спасибо, что хоть правду про них рассказали. Мы теперь больше понимаем, что у нас лучше. И так всё ясно без вопросов».

Когда он закончил, зал разразился неудержимым звонким смехом, топтанием ногами об пол и громкими аплодисментами в знак полного одобрения высказывания своего товарища. Из зашумевших рядов раздавались возгласы в поддержку Николая Орехова, который, по всей вероятности, очень ёмко и доходчиво выразил мнение присутствующих. Мы с секретарём райкома присоединились к общему смеху. Вольфганг на всякий случай ещё раз поинтересовался возможными вопросами, но поскольку таковых не оказалось, он вновь поблагодарил меня от имени всех собравшихся под их аплодисменты и объявил нашу встречу закрытой.

В оставшуюся часть дня мы вместе с Вольфгангом поехали в крупный колхоз километров за 20 от райцентра. Там я выступал с лекцией по международным проблемам перед очень активной аудиторией, которая меня настолько долго задерживала своими вопросами, что мой хозяин был вынужден остановить встречу, так как нам нужно было возвращаться на ужин в райцентр, а оттуда затем выезжать на станцию, чтобы успеть на ночной поезд в Ново-Горек. Несмотря на то что этот поезд приходил около часа ночи, секретарь райкома поехал меня провожать. Расстались мы с ним как друзья, он приглашал приезжать к нему на отдых в любое

время, а я оставил ему свои координаты на случай, если он приедет в Москву. Уже в поезде референт Серёжа показал мне большой пакет, переданный ему Вольфгангом для нас, в котором оказался запас еды, приготовленной в райкомовской кухне.

На следующее утро в неожиданно грянувший сильный мороз на вокзале Ново-Горска меня встречал секретарь его горкома. Это был приятный человек средних лет с очень живым умом. Бывший рабочий местного металлургического комбината, он окончил институт, работал инженером, а уже затем перешёл на новое поприще. Поскольку у референта Серёжи в этом городе оказались родственники, он решил остановиться у них, где мы его и высадили по дороге в мою гостиницу. Эта гостиница, принадлежавшая горкому, была построена лишь несколько месяцев тому назад, и мой новый хозяин считал её очень приятной и удобной.

Мы подъехали к небольшому дому из белого кирпича и сразу прошли в приёмную получить ключи. Войдя в помещение, мы с удивлением обнаружили, что в нём стоял ужасный холод. Вышедшая откуда-то из внутренних помещений женщина-администратор, одетая в плотные верхние зимние одежды, ожидала нашего приезда и, увидев нас, стала громко извиняться за произошедшую в гостинице ночью аварию: в здании лопнули трубы системы отопления, но слесарь уже был вызван, и авария скоро будет ликвидирована. Секретарь горкома был очень сконфужен, стал приносить свои извинения, но я успокоил его, сказав, что я пока оставлю в отведённом мне номере вещи, быстро побреюсь, умоюсь и переоденусь, а затем мы должны были всё равно ехать в горком для моего выступления перед активом, а к вечеру авария будет исправлена. Беспокоиться здесь было не о чем. Мы так и сделали.

На этот раз моё выступление проходило перед несколько инертной аудиторией актива, у которой оказалось немного вопросов. Как мне потом объяснили, люди нетерпеливо ожидали возможности поскорее попасть в горкомовский буфет, где в тот день они могли приобрести некоторые редкие продукты, а затем — в столовую горкома на обед с непривычно расширенным меню.

Здесь, в степном городе металлургов, с продуктами питания дело обстояло так же плохо, как почти во всей стране, за исключением, может быть, Москвы и Ленинграда. Несколько позже я смог убедиться в этом сам, посетив несколько продуктовых магазинов, где полки были почти пустыми. Секретарь горкома был прекрасно знаком с этой общей проблемой и в беседах со мной на данную тему говорил, что у них люди решали её с помощью загородных участков, которые

были у всех, кто хотел их иметь, а также с помощью охоты на зверей, включая крупных животных.

По его словам, городские власти помогали населению в этом, предоставляя желающим грузовой транспорт для организации коллективной транспортировки убитых животных в город. Мясо заготавливали перед самым наступлением холодов, чтобы из-за отсутствия холодильников и их малой ёмкости его можно было хранить на балконах или в сетках, которые вывешивались на улицу под окнами. Потом, когда мы проезжали по городу, мой хозяин обратил моё внимание на крупные тюки на балконах или под окнами домов — это и было заготовленное жителями мясо диких животных.

Я был удивлён невероятным обилием в этих местах продаваемых яблок. Их продавали вёдрами и невероятно дёшево. Секретарь горкома рассказывал, что яблок в их крае так много, что они не знают, куда их девать и даже как от них избавиться. В его собственном саду ему почти каждую осень приходилось самому переворачивать всю землю, закапывая огромный избыток яблок, чтобы очистить от них территорию, по которой иначе нельзя было бы просто ходить. Когда я спросил, почему бы не отправлять им свои яблочные излишки в те города и места, где их не было, и на этом зарабатывать, мой хозяин отвечал очень просто: нет хранилищ и нет транспорта, а средств на их строительство или приобретение у самих не было и сверху получить было невозможно. Секретарь горкома сам усматривал в этой глупейшей ситуации какой-то печальный замкнутый круг, из которого никому никак не удается выбраться.

После обеда была короткая экскурсия по городу в сопровождении моего обходительного хозяина, который даже показал мне развешанные по улицам афиши с объявлением моей лекции. Затем у нас была беседа в горкоме с его ответственными сотрудниками, где в узком составе я отвечал на их вопросы, касающиеся международных дел. Вечером, немного передохнув за чаем, мы приехали в огромный Дом металлурга, где я должен был выступить, как оказалось, перед очень большой аудиторией. Это здание по своим размерам было настолько большим, что помимо большого партера зрительного зала оно вмещало ещё несколько ярусов зрительных мест, делая его скорее большим театром, а не домом культуры в нашем обычном понимании этого слова. Что меня ещё больше удивило, так это тот факт, что вся эта масса мест была заполнена людьми.

Когда после короткого представления меня слушателям я вышел на трибуну, размещённую в правом углу просторной сцены, меня буквально ослепил яркий свет мощных прожекторов.

Раздались аплодисменты, но ни людей, ни зала я видеть не мог. К сожалению, эта ситуация продолжалась в ходе всего моего выступления вплоть до части вопросов и ответов, заставляя меня всё время опускать голову вниз, чтобы избежать яркого и утомительного света, бившего в глаза. Ввиду обширности зала секретарь горкома как ведущий предложил посылать вопросы записками на сцену, где он их собирал, а затем передавал мне. Собравшаяся на лекцию в основном рабочая аудитория оказалась поразительно интересующейся и активно присылала свои самые разнообразные вопросы, порой даже не по международной проблематике темы лекции, на сцену. *Я* с удовольствием отвечал на всё, что их волновало и интересовало, и, несмотря на долгий и сильно загруженный день, увлечённо общался с такой благодатной аудиторией. Мы разошлись гораздо позже первоначально предусмотренного времени, но, полный удовлетворения прошедшим вечером, я даже не чувствовал усталости.

Очень вкусный и обильный ужин в столовой горкома мы с моим хозяином провели в тёплой расслабленной беседе с шестью ответственными работниками городского управления. Было много интересных рассказов, взаимных вопросов, комментариев, обсуждений нелёгкой экономической ситуации в городе и стране. Несмотря на то, что всех, кроме самого хозяина, я видел в первый раз, наша встреча за столом прошла удивительно уютно и интересно. На пути в гостиницу мне удалось уговорить секретаря горкома не провожать меня, а сойти у своего дома, мимо которого мы проезжали.

Встретившая меня в приёмной дежурная сообщила, что авария оказалась более серьёзной, чем думали сначала, и восстановить отопление пока не смогли. С наступавшей ночью на улице и в доме становилось ещё холоднее, но время было позднее, деваться мне было всё равно некуда, и я решил как-то переночевать в своём просторном и ледяном номере. Дежурная выделила мне ещё два ватных одеяла, и я поднялся к себе. Быстро умывшись и почистив зубы, я сменил костюмную рубашку на шерстяную, которая оказалась в моём чемодане благодаря заботам моей замечательной Наташи, надел на себя свой лёгкий халат, напялил на голову пыжиковую шапку, предварительно раскрыв её тёплые уши, и нырнул в ледяную постель под тремя одеялами. Понемногу согревшись, я крепко заснул и проснулся около 8 часов утра под металлические шумы приступивших к ремонту слесарей.

Для того чтобы умыться и побриться, пришлось разоблачаться и быстро провести утренний туалет. В 9 часов за

мной пришла машина и отвезла меня на завтрак в горком, после которого меня должны были отвезти километров за 120 в другой город с крупным заводом для выступления перед его коллективом. Оттуда вечерним поездом мне предстояло к следующему утру вернуться в Оренбург. В горкоме мы воссоединились с референтом Серёжей, который всё это время занимался своими делами, и после завтрака тепло попрощались с секретарём парторганизации Ново-Горска.

Путь в новое место проходил по приличному асфальтированному, но узкому и плохо очищенному шоссе. Пейзаж был очень однообразный и скучный. Кругом до горизонта простирались бескрайние голые равнинные поля. Совершенно не было видно никаких деревьев. Где-то на подступах к цели нашей поездки далеко в небе возник широкий с ядовитыми оттенками желтовато-зелёный шлейф дыма. Затем появился ещё один, таких же неприятных тонов, а потом мы увидели и источники их происхождения. Это были две невероятно высокие трубы, выше которых мне не приходилось видеть заводские трубы нище в мире пи до, ни после этой поездки. Они стояли, как два одиноких непрерывно дымящих гиганта, в ровной степи и были видны за десятки километров от самих предприятий, к которым относились. Как сообщили местные люди, разносившийся на сотни километров дым этих труб был довольно ядовит, что было видно даже по его цвету, но специалисты, построившие их, будто утверждали, что на такой высоте вред от них якобы был незначительный.

Лекция в этом совсем унылом и непривлекательном городе состоялась после обеда в местном обширном Доме культуры при большом скоплении народа. Здесь тоже обильные вопросы поступали ко мне на сцену в записках, из которых было видно, что люди читают газеты, следят за новостями и слушают, видимо, не только советское радио. Здешняя опять-таки главным образом рабочая аудитория произвела на меня благоприятное впечатление своей заинтересованностью, стремлением понять и разобраться в волновавших её вопросах. Наш скорый ужин с секретарём горкома и его двумя замами прошёл в их столовой, откуда мы сразу поехали на вокзал к вечернему поезду на Оренбург.

В столице области, где была небольшая оттепель, мы были ранним утром. После завтрака в той же гостинице, где я ночевал раньше, у меня была прощальная встреча с секретарём обкома. Он встретил меня как старого знакомого, сказал, что получил очень хорошие отзывы с мест о моих лекциях, поблагодарил за успешную работу и заверил, что непременно в тот же день сообщит об этом в Москву. Перед прощанием он спросил, не мог

ли бы я, учитывая, что мой поезд на Москву уходил около полуночи, 343 съездить в важную воинскую часть километрах в шестидесяти и прочитать им лекцию по разоруженческой тематике. Они звонили оттуда и выразили эту просьбу. Я принял это неожиданное предложение с интересом, так как в то время участвовал в женевских раундах переговоров по разоружению, и военная аудитория мне представлялась для этой проблематики особенно подходящей. До самой же поездки секретарь обкома обещал мне экскурсию по историческим местам города с работником краеведческого музея. Мы дружески распрощались.

Вернувшись в гостиницу, я окончательно собрал чемодан, с которым надо было ехать в воинскую часть, откуда предстояло вернуться прямо к моему московскому поезду. Вскоре появился обещанный экскурсовод, и мы направились осматривать город. Погода для хождения пешком была совершенно неподходящая, и мы из машины выходили только коротко. Мой гид, прекрасно знавший историю своего края, интересно рассказывал о заложении крепости Оренбург при Екатерине Великой, о переселении по её указу сюда, на берега реки Яик (Урал), части донских казаков, поднимавших восстания против её правления, где им предписывалось защищать новые границы империи в качестве платы за помилование от казни, о восстании Пугачева, о приезде сюда Пушкина для сбора материалов для «Капитанской дочки» и о событиях Гражданской войны.

С точки зрения городских достопримечательностей было интересно посмотреть на сохранившиеся там в немалом числе старые дореволюционные дома. Большинство из них представляли собой просторные двухэтажные сооружения, у которых первый этаж был сделан из красного кирпича, а верх был деревянным. У каждого был отдельный въезд для лошадей с санями или телегами в большой двор, где размещались сараи, каретная, сеновал, конюшня и другие подсобные помещения. Как правило, эти дома принадлежали зажиточным местным купцам. К сожалению, выглядели все эти постройки очень бедно, поддержанием их внешнего вида и внутренних помещений, по всей вероятности, давно не занимались, и люди жили в них без всяких современных удобств. Они в целом оставляли унылое впечатление. Перед возвращением в гостиницу за чемоданом мы заехали в один из магазинов, где мне удалось купить в подарок жене две столь известные оренбургские шали. Они действительно, как о них издавна говорили, протягивались через обручальное кольцо.

В крупную воинскую часть мы приехали на джипе, который по-военному содержался в великолепном виде. Вся огромная

территория этой базы являла собой образец чистоты и порядка. Все помещения были хорошо покрашены и прибраны, дорожки расчищены, загородки стояли ровно, словом, там за всем регулярно следили. Так же безупречно чисто и аккуратно было внутри помещений. Невольно возникала мысль, что мы тоже способны поддерживать чистоту и порядок, но для этого, видимо, помимо должного воспитания требовалось ещё и внедрение дисциплины. На этой базе было просто приятно находиться.

В сопровождении гостеприимного командира части и нескольких офицеров мне сначала показали саму базу и её служебные помещения, знакомство с которыми побудило меня высказать комплименты в адрес моих хозяев. После короткой передышки за чаем в прекрасной офицерской столовой меня провели в большой клуб, где собрались почти все свободные от несения обязанностей офицеры, сержанты и солдаты. Генерал, командующий частью, довольно щедро представил меня собравшимся. Я вышел на невысокую сцену без трибуны или стола президиума перед большой военной аудиторией. В своём выступлении я рассказал им о том, как в то время обстояло дело с гонкой вооружений и её огромной стоимостью, с предотвращением такой гонки в космосе и на других направлениях, с сокращением вооружений и вооружённых сил, с разоружением и как эти проблемы решались на различных международных форумах и переговорах. Некоторые аспекты затрагиваемой в моём выступлении тематики прямо или косвенно касались людей, сидевших в зале, особенно офицерский состав, что, на мой взгляд, объясняло то удивительное внимание, с которым они меня слушали, и массу поступивших на сцену записок с вопросами. В некоторых вопросах и комментариях звучала тревога за возможное сокращение вооружённых сил и потерю в этой связи военной карьеры для тех, кто мог попасть под сокращение, как случилось при Хрущёве. Встреча прошла активно и интересно.

В определённой мере эти вопросы снова поднимались в беседах за состоявшимся после выступления ужином с офицерами части. Надо сказать, что офицерский стол был настолько богат поданными вкусными закусками и блюдами, что я решился спросить у генерала, откуда у них были все эти замечательные продукты, большинство из которых даже в магазинах Москвы появлялись весьма редко. Под весёлый смех своих сослуживцев генерал объяснил мне, что почти все эти продукты выращивались прямо на базе усилиями военнослужащих. Частично питание части пополнялось за счёт налаженной регулярной рыбной ловли в водоёмах и степной охоты. После многих лет плохого

снабжения армейским частям было разрешено содержать собственное хозяйство для улучшения рациона питания военнослужащих и облегчения этой заботы для государства. В той далёкой оренбургской части проблему питания решили просто великолепно.

Было уже темно, когда мы с референтом Серёжей в сопровождении двух офицеров отбыли на вокзал Оренбурга. Там я вскоре попрощался с моими местными хозяевами и отправился в обратный путь. Начинался сильный снегопад. Устроившись в своём купе, я заснул, а когда проснулся утром, узнал от проводника, что мы стояли уже часа два в ожидании расчистки заваленных снегом путей. Ждали мы ещё немного, хотя снег продолжал идти, но уже не так сильно. Передо мной снова поплыли грустные зимние пейзажи средней полосы России… В Москву мы прибыли с запозданием на несколько часов. За время несколько напряжённой поездки по Оренбуржью накопилась физическая усталость, от которой я неплохо отошёл благодаря отдыху в поезде. Домой я вернулся с обогащённым багажом знаний о ещё одном уголке нашей огромной страны и с массой новых впечатлений.

ЖИТОМИР: НА БАЗЕ СТРАТЕГИЧЕСКИХ БОМБАРДИРОВЩИКОВ

Около двух месяцев спустя мне предложили снова съездить с рядом выступлений по линии ЦК. На этот раз речь шла о поездке в Житомир и Бердичев, но в силу занятости по работе в МИДе я был готов поехать не более чем на три дня пребывания на местах, в результате чего мы договорились ограничиться Житомирской областью. Ввиду удобства ночной поездки туда поездом я отправился в этот незнакомый для меня город на Украине по железной дороге в назначенный вечер и утром следующего дня уже был в центральной гостинице Житомира, куца был доставлен с вокзала встретившим меня заместителем секретаря горкома. В ходе несколько позднего завтрака он рассказал мне о программе моих запланированных выступлений в городе, двух районных центрах и на военной базе под Житомиром. Большинство из этих программных встреч, так же как и беседы с высоким местным руководством, прошли довольно рутинно, то есть не оставив особых впечатлений. Хочу коротко остановиться лишь на двух любопытных эпизодах.

Первый из них связан с посещением крупнейшей тогда в стране военной базы, которая оказалась, как я узнал по прибытии в её расположение, базой наших стратегических бомбардировщиков. Для меня, занимавшегося в ту пору проблемами разоружения, среди которых стратегические бомбардировщики фигурировали очень активно в контексте ракетных вооружений и их сокращения, посещение такой базы явилось настоящим сюрпризом.

Во-первых, необычным было то, что, поскольку эта очень серьёзная база была секретной, оформление её посещения было связано с целым рядом новых для меня процедур. Началось оно, как мне сказали потом, ещё в Москве, заблаговременно до моего выезда в Житомир. После прохождения этой неизвестной для меня тогда проверки в столице база получила разрешение на моё посещение. Но это было не всё. В первый же день моего пребывания в Житомире незадолго до ужина в гостинице ко мне приехал офицер с базы, где я должен был быть после обеда на следующий день, и попросил часа на два мой паспорт для оформления моего спецпропуска для посещения их объекта. О его приезде в гостиницу перед ужином мне заранее сообщили в горкоме, и я его ожидал к этому времени. Как было условлено, упомянутый офицер вернулся с моим паспортом через обещанные

два часа, сказав с благодарностью, что всё в порядке, но сам пропуск мне не передал, сказав, что он будет у него.

На следующий день после моего утреннего выступления на одном из предприятий города и лёгкого перекуса перед дорогой около 12 часов дня за мной в гостиницу приехал уже знакомый мне офицер. Мы сели с ним в чистенький джип, где помимо солдата-водителя находились ещё два офицера, один из которых сидел на переднем сиденье, а второй был на заднем. Меня посадили в середину на заднем сиденье, и мы поехали, разговаривая на разные невинные темы — о Житомире, Украине, тамошнем климате и прочих вещах.

Ехали, как мне показалось, довольно долго, меняя асфальтированные дороги рядом поворотов. Потом появился первый пропускной пункт со шлагбаумом, на котором нас встретили двое солдат с винтовками. Вспомнив про свой пропуск, я обратился за ним к оставившему его у себя офицеру, но он сказал мне, что показывать его будет он сам. Когда машина остановилась, из контрольной будки бодро вышел офицер. Он приветливо поздоровался со всеми нами, попросил предъявить документы, собрал их, включая мой паспорт, и на несколько минут удалился в свою будку. Вернувшись, он передал нам наши документы и любезно предложил проезжать.

Через некоторое время перед нами возник ещё один такой же пропускной пункт, но на этот раз он располагался у высокого забора из мелкой проволочной сетки, который уходил в окружавший дорогу лес. Процедура проверки здесь повторилась, после чего мы поехали дальше. Затем минут десять мы ехали на низкой скорости пока не упёрлись в высокие, глухие и массивные железные ворота. В обе стороны от них, насколько можно было видеть, разбегался такой же высокий цементный забор, плотно закрывавший находившуюся за ним территорию. Мы остановились перед вооружённой охраной, вышли из машины и поднялись по ступенькам в небольшой кирпичный дом, где снова прошли проверку документов. Затем мы вернулись в джип, ворота медленно и лениво, словно не желая нас впускать, растворились, и под взглядами охраны мы въехали внутрь и *тут* же остановились, ожидая, когда за нами закроются ворота. Мы были на территории советской секретной базы стратегических бомбардировщиков.

Ворота закрылись, и наш джип не спеша направился по дорожке дальше через лесной участок. Вскоре сквозь деревья показались четырёхэтажные дома из серого кирпича, а когда мы около них свернули, то перед нами предстал целый посёлок из таких же домов, протянувшихся по дуге у кромки леса. Людей в

тот час на улице почти не было. Машина остановилась у подъезда одного дома, где, как мне сказали, находится моя квартира. Все три офицера поднялись со мной на второй этаж. У одною из них был ключ, которым открыли дверь моей квартиры. Она оказалась небольшим уютным двухкомнатным помещением со всеми удобствами и находилась в жилом доме, где проживали служащие базы со своими семьями. До короткой ознакомительной встречи с командующим генералом перед моим выступлением оставалось около часа, который был предоставлен мне, чтобы привести себя в порядок и передохнуть.

В предусмотренное время за мной зашёл знакомый мне старший лейтенант, и мы с ним поехали на том же джипе в клуб. По дороге мой сопровождающий рассказывал о различных гражданских объектах, которые встречались нам на пути. Здесь были ясли, детский сад, школа, магазины, прачечная, поликлиника, мастерские, площадки для игр, стадион и другие сооружения, которые должны были обеспечить жизнь людей на базе всеми услугами без необходимости покидать их строго охраняемую территорию. Глаза радовались окружающей чистоте и порядку. Дело шло к концу рабочего дня, и сейчас улицы ожили присутствием спешивших после работы домой и в магазины людей. В этом секретном посёлке жизнь текла своей ординарной рутиной, как и в других населённых пунктах страны.

В отдельном кабинете огромных размеров клуба нас уже ожидал командующий базой генерал с несколькими старшими офицерами. Мы представились и провели короткую ознакомительную беседу, а затем прошли в президиум на сцену этого двухэтажного клуба-театра. Зал был полон, но сидели в нём, насколько я мог судить, одни офицеры, женщин не было вообще. Моё выступление по предварительному согласованию ещё в Москве было посвящено комплексу вопросов разоружения примерно с той же проблематикой, о которой я рассказывал на армейской базе под Оренбургом. Когда я закончил моё выступление, на которое предусматривалось около 30 минут, ведущий встречу генерал попросил меня поподробнее остановиться на 2—3-х моментах, а после моего дополнения на сцену поступило много интересных вопросов, касавшихся в том числе и более широких международных тем, ответы на которые продолжались почти целый час. Аудитория оказалась хорошо подготовленной.

Вслед за этим нас ждал замечательный ужин в небольшом зальном помещении местного ресторана с генералом и несколькими старшими офицерами базы. За увлекательной беседой мы засиделись допоздна. А перед прощанием, так как я

уезжал рано следующим утром, генерал предложил немного проехаться к лётному полю. Мы все разместились по машинам и поехали. Неожиданно, как мне показалось, быстро мы выехали на широкое цементное покрытие, на котором при свете яркой луны были отчётливо видны силуэты стоявших ровными рядами самолётов — стратегических бомбардировщиков. Комментируя это грозное и устрашающее зрелище спящих боевых машин, генерал сказал, что они регулярно летают на Запад, доходят до определённой точки, а потом возвращаются назад, и затем, поразмыслив, многозначительно добавил, что пока их работа заключалась в этом.

Меня довезли до моей квартиры, где я попрощался с моими хозяевами. Мы взаимно поблагодарили друг друга соответственно за прекрасный оказанный мне приём и за моё интересное выступление. Утром после раннего завтрака в обратном порядке мы проехали все вчерашние пункты контроля с положенной проверкой документов. Ко времени обеда я был уже в городской гостинице. Часов в пять у меня состоялось выступление перед сотрудниками горкома Житомира, после чего там же был ужин, а в семь вечера я уже приступил к чтению лекции о международных делах на сцене клуба общества «Знание». С этой лекцией был связан второй любопытный эпизод, о котором мне хотелось бы рассказать читателю.

Там, я скоро это почувствовал по задававшимся вопросам, собралась подготовленная, интересующаяся и активная публика. Диапазон её вопросов и детали, которые их авторы хотели выяснить, для меня были приятным сюрпризом. Один из слушателей, например, хотел узнать, как конкретно готовятся и ведутся дипломатические переговоры на каком-нибудь отдельном примере, другого интересовала проблема Курильских островов и их названия, у третьего был вопрос о советско-мексиканских отношениях и так далее. Встреча закончилась после более двух часов моего выступления. Мне необходимо было торопиться для выезда в Бердичев, так как в тот день из Житомира на Москву поезда не было. Мне предстояло ехать в Бердичев на последнем рейсовом автобусе и садиться там на проходящий московский поезд.

На автобусной станции, куда меня доставили, было очень много народа, и, когда я с трудом протиснулся в свой автобус, в нём уже почти не было даже стоячих мест. Мой небольшой чемодан удалось с трудом поместить на полку, а самому пришлось какое-то время стоять между плотно сдвинутыми телами других пассажиров. Через несколько остановок часть людей сошла, и стоять стало свободнее. Как только в салоне

можно было продвигаться, ко мне подошёл один рослый молодой мужчина. Извинившись, он сказал, что присутствовал на моём выступлении в клубе общества «Знание», и что оно ему понравилось, а сейчас, пользуясь возможностью, ему хотелось бы со мной поговорить.

Из разговора выяснилось, что мой спутник работал в Житомире, а его жена с сыном жили в Бердичеве, куда он и возвращался на выходные. Он сказал также, что состоит в обществе «Знание» уже несколько лет и регулярно посещает там лекции. Потом мой собеседник признался, что вопрос о Курильских островах задавал он, и не только чтобы выяснить, как обстояло с ними дело на то время по отношению к Японии, но и в какой-то мере проверить знания лектора. Именно поэтому он спросил и о названиях этих островов, которые ему были хорошо известны, так как он там служил в течение почти трёх лет. Он добавил, что этот вопрос на проверку знаний лекторов он задавал всегда на лекциях о международном положении, и только от меня первого услышал их названия, но что даже я неправильно сделал ударение на имени острова Кунашир. Я ему в ответ заметил, что знание названий четырёх небольших скал на севере Японских островов вряд ли стоило считать мерилом для определения знаний лекторов, в особенности тех, кто не занимается этой проблематикой. Однако мой собеседник твёрдо считал, что если лектор выходит выступать перед людьми о международных делах, он должен быть готов отвечать на любой вопрос.

Затем он перешёл к тематике разоружения, исходя из позиции, что нам этим делом совсем не нужно заниматься, так как американцы, продолжая вооружаться, хотят разоружить только нас, и что им нельзя ни в чём уступать. Я пытался аргументировать в пользу взаимных шагов по разоружению, особенно в ядерной области, где гонка вооружений превратилась не только в угрозу самому выживанию человечества, но и в очень серьёзный фактор подрыва нашей экономики вместе с качеством нашей повседневной жизни. Мой собеседник категорически не соглашался с таким подходом, считая, что мы с нашей экономикой как-нибудь вытянем, а бояться войны надо американцам. И тут вдруг, желая как бы закрепить свою позицию самым сокрушительным доводом в его распоряжении, он твёрдо и решительно произнёс: «Вы там скажите им на переговорах, что у нас много таких как я, кто готовы завтра же пойти на фронт и взять с собой своих сыновей. Если надо, все умрём, как один! Да, так и передайте, пусть знают, с кем имеют дело!» Я не мог поверить тому, что услышал, и понял, что с этим человеком обсуждать такую тему было бессмысленно. К моему облегчению,

мы в это время уже подъезжали к вокзальной площади Бердичева, и наш разговор завершился. Мой спутник очень любезно проводил меня на платформу и, прощаясь перед уходом, вдруг снова повторил: «Вы, в самом деле, им так и скажите… Пусть задумаются… До свидания». Трудно было свыкнуться с мыслью, что у нас были люди, которые после стольких войн, лишений и трудностей жизни могли так рассуждать. Примерно через час ожидания московский поезд уносил меня в холодную зимнюю ночь вдаль от этих мыслей и этой встречи…

В ЗАБАЙКАЛЬЕ

В конце апреля 1983 года у меня возникла ещё одна возможность выехать с лекциями по линии ЦК. На этот раз речь шла о выступлениях на протяжении одной недели в Забайкалье, а точнее, в Бурят-Монголии. Я с готовностью согласился, так как, с одной стороны, мне давно хотелось побывать на Байкале, посещение которого предусматривалось предложенной поездкой, а с другой — её намеченные сроки позволяли мне отлучиться с работы на это время до запланированного выезда на очередной раунд переговоров в Женеву. На Старой площади мне сказали, что я должен буду прочитать несколько лекций в самом Улан-Удэ, начиная с выступления перед делегатами партийной конференции республики, а затем в нескольких точках на периферии.

Путь был очень дальний, и я отправился на встречу с Байкалом самолётом. Перелёт из Москвы с посадками в Томске и Новосибирске занял немало часов, очень ощутимо снова напомнив мне о колоссальных размерах территории России. По знакомому теперь для меня порядку я сначала коротко знакомился с высшим партийным руководством автономной республики, с секретарями обкома и горкома, с которыми уточняли программу лекций, а затем в сопровождении прикреплённого ко мне сотрудника местного ЦК приступил к выступлениям.

Первое из них состоялось вечером первого дня моего пребывания в столице Бурят-Монголии в многоярусном Театре оперы и балета, где проходила республиканская конференция. На данном выступлении, которое было частью официальной программы этого крупного партийного мероприятия, присутствовали руководители основных партийных, административных и хозяйственных органов республики, директора предприятий, председатели больших совхозов и колхозов, представители ведущих общественных организаций. В этом театре я выступал с поставленной в центре сцены трибуны при полностью освещённом зале, что помогало лучше видеть слушателей и чувствовать их присутствие.

По просьбе секретаря ЦК республики я рассказал об основных проблемах мировой политики, которые были особенно важны для нашей страны в тот период, включая существовавшие тогда конфликтные ситуации и вопросы разоружения, а затем дал оценку их динамики и проанализировал возможные перспективы их решения. Вопросов поступило так много, что ведущий встречу

секретарь обкома после почти двух часов работы подвёл под вопросами черту, одновременно предложив остальным желающим их задать встретиться со мной около сцены после официального закрытия конференции.

К моему удивлению, несмотря на поздний час, таких желающих оказалось человек 10–12, хотя у некоторых из них были не вопросы, а скорее комментарии по выступлению или предложения мне выступить в представляемых ими городах или на их предприятиях. Поскольку за отсутствием возможности я ещё не запомнил всю свою программу, мне приходилось выражать им свою готовность выступить при условии согласования с расписанием, которое было у прикреплённого ко мне сотрудника ЦК. Этот активный и расторопный человек, находившийся уже рядом со мной, взял на себя согласование таких предложений с моей программой, обещая сообщить о результатах авторам предложений на другой день.

Последний из слушателей, которые подошли ко мне, дождался, когда мы оказались вдвоём, и как-то очень просто и подкупающе-искренне сказал, что его казаки будут очень рады послушать меня у них в станице. Формулировка его вопроса меня заинтриговала ссылкой на казаков и станицу, и я вначале подумал, что у меня какая-то проблема с географией. Желая уточнить услышанное, я спросил этого приятного человека, далеко ли их станица от города, на что он ответил, показав рукой за спину: «Да что вы. Тут совсем рядом. Я здесь буду до послезавтра. Если сможете, то я за вами прямо с утра тогда и заеду. Думаю, и вам будет интересно у нас побывать». Я поблагодарил милого человека за приглашение и тут же попросил моего сопровождающего уточнить выделенной мне день на экскурсию. Оказалось, что он попадал на послезавтра, и я с удовольствием принял приглашение моего нового знакомого. Он записал мои координаты, и мы условились, что он заедет за мной в гостиницу послезавтра в 7 часов утра.

Следующий день у меня выдался очень напряжённым, так как для продления поездки в Горячинск и на Байкал по программе пришлось вместо сначала предусмотренных двух выступлений в Улан-Удэ сделать четыре. Особых впечатлений они не оставили. В семь часов утра, на третий день моего пребывания в Бурятии, я спустился после завтрака в вестибюль гостиницы, где меня уже ждал представитель станичных казаков. От этого человека исходило какое-то удивительное крестьянское тепло, с ним было уютно находиться, а его разговор и высказывания вызывали у меня ассоциации с толстовским Платоном Каратаевым. Мы сели в машину Александра Николаевича и поехали, тут же легко

разговорившись про дела его станичного совхоза.

Из его рассказа я узнал, что все жители его большого поселения, которое действительно было станицей, в самом деле, были казаками, а точнее, потомками казаков, которые переселились сюда при Екатерине II для несения службы на новых границах на очень привлекательных условиях. В 1920-х годах казачество в этих краях было расформировано, а затем у них был организован обычный совхоз. За разговором я не заметил, что мы уже выехали за город, а когда взглянул в окно, оказалось, что свернули с шоссе и подъезжаем к зданию аэропорта Улан-Удэ, на который я два дня до этого прилетел из Москвы.

Я был совершенно озадачен этим поворотом маршрута и спросил моего спутника, зачем мы едем в аэропорт.

— То есть как — зачем? — совершенно запросто удивился он. — На машине мы к нам и за три дня по горам не доедем. А на самолёте — часа два, и мы в райцентре. Ну а там по горам останется всего километров 60–70, смотря какая сейчас дорога. Не беспокойтесь, мы вас в лучшем виде к нам доставим. Приедем, отдохнёте с дороги, ну а вечером выступите перед народом. Вы очень складно и интересно рассказываете. Мне сразу понравилось. Послушал вас, думаю его к нам уговорить приехать надо. Люди рады будут, — спокойно рассудил мой очередной хозяин, которого я слушал с нарастающим неверием.

— Вы хотите сказать, что к вам надо лететь на самолёте? — с полным изумлением спросил я и продолжил: — Вы знаете, мне думалось, что ваша станица где-то здесь под городом, и в неё надо ехать на машине… Я рассчитывал к вечеру уже вернуться. А оказывается, это так далеко…И потом, когда же и как я вернусь обратно? У меня же завтра утром в 11 часов лекция в районе под Улан-Удэ, как же быть с ней? — выразил я своё удивление и недоумение в связи с неожиданной для меня ситуацией.

— Беспокоится нет нужды, — убеждал меня Александр Николаевич. Всё продумано… У нас завтра утром будет самолёт прямо из станицы. Он у нас два раза в неделю бывает. Маленький, конечно, всего на шесть человек… Ну, помедленнее немного летит, зато прямо из дому… На футбольном поле садитесь, разбегаетесь по лугам, и сразу в Улан-Удэ. Часам к девяти тридцати будете. А вас тут встретят, и отсюда в район на лекцию… Здесь вам ехать туда меньше часа. Всё в порядке будет. Как раз успеете».

Спокойный, уверенный тон моего приятного собеседника звучал убедительно, и моё первоначальное чувство удивления и сомнения почти сразу сменилось на приятное ожидание

маленькой романтической авантюры в горах Южной Бурятии на границе с Монголией в казацкой станице. Мы быстро оформились на посадку, и минут через 40 наш небольшой винтовой самолёт медленно и плавно поднялся в воздух и стал набирать высоту. День был солнечный, летели мы непривычно низко по сравнению с обычными реактивными самолётами, что создавало впечатление совершения воздушной экскурсии над лесами, полями и горами этого края.

Через два с небольшим часа мы приземлились в горном районном центре. Нас встречал станичный джип, на котором мы с Александром Николаевичем немного поездили по городу, где ему нужно было коротко зайти по делам в 2–3 учреждения.

Это дало возможность немножко посмотреть на наш небольшой, очень далеко заброшенный, неказистый городишко в горах на границе с Монголией. Улицы были в основном не асфальтированы, в воздухе стояла поднятая ветром и машинами пыль, дома выглядели бедно и неухоженно. Здесь велись разработки каких-то природных месторождений, что объясняло суетливое присутствие массы самосвалов. Состав населения был довольно смешанный, но восточных лиц было заметно больше.

В столовой одного из учреждений, которое посещал мой хозяин, мы быстро пообедали, а затем тронулись в путь в направлении казацкой станицы. Отъехав от города километров 10–15, машина свернула с узкой асфальтовой дороги на просёлочную, которая стала круто подниматься по зелёным, но почти безлесым холмам, опускаясь время от времени в разделявшие их впадины. В некоторых местах мы оставляли дорогу и продолжали ехать по целине, а проехав какое-то расстояние, снова находили большак, потом опять съезжали на еле заметную колею или прокладывали путь заново. Меня удивляло, как водитель определял направление движения к нашей цели при отсутствии каких-либо заметных отличительных ориентиров в этой рельефной, но довольно похожей повсюду местности. Несколько позже местность выровнялась, и какое-то время дорога шла по живописной лесистой долине, а потом снова поднялась на холмистые хребты, которые теперь уже были покрыты массивами кустов и деревьев. По пути следования таким запутанным маршрутом мы видели издалека всего пару деревень и пасшиеся на лугах редкие стада.

Затем вдруг, совершенно неожиданно в этой безлюдной местности, перед нами возникли две крупного размера палатки из тонкого синего пластика, расположившиеся на небольшой лесной поляне. У входа в одну из них на складных брезентовых стульях сидели старик со старухой в ярких монгольских одеждах-

халатах.

В руках они держали по большому куску мяса на кости и шамкали беззубыми ртами очередную откушенную порцию. Между двумя палатками была протянута проволока, от которой куда-то в высоту дерева одним концом уходил отдельный провод, а второй его конец замыкался на большом транзисторном приёмнике, который во всю свою силу с треском и шумами вещал последние известия на русском языке.

Мы остановились и вышли из машины размять ноги и поприветствовать встреченных нами местных жителей. Они нисколько не удивились нашему появлению в этом глухом месте и несколько равнодушно на ломаном русском языке отозвались на наши приветствия, продолжая заниматься своим мясом. Александр Николаевич спросил их, давно ли они уже здесь пасут и большое ли у них стадо. По их словам, они там были уже три недели, а стадо состояло из сорока с лишним овец, которых их сын пас где-то недалеко от лагеря. В этот момент радиостанция сообщила: «вы слушаете «Голос Америки»». Мы удивились, что двое монгольских стариков в невероятной глуши на лесной поляне слушали «Голос Америки» на русском языке. Старики попались неразговорчивые, а может быть, им было трудно говорить на русском, словом, разговор у нас не получался, и мы поехали дальше, пожелав пастухам всего доброго.

Когда я поинтересовался у председателя совхоза, кто были эти люди, он сказал, что они, видимо, сопровождают своего сына-пастуха, который пригнал на сезонный выпас в горные луга колхозное стадо. Он добавил, что из-за близости границы на нашу сторону, где пастбища гораздо лучше, порой попадают стада из Монголии, с которыми приходится разбираться пограничникам, хотя иногда случайно происходит и наоборот. Минут через 35 после встречи с пастухами мы выехали на хорошо укатанную просёлочную дорогу, и мой хозяин сказал, что «мы почти дома».

Горные холмы стали широко расступаться, открывая перед нами просторную живописную долину, в которой располагались поля и угодья станичного совхоза. Александр Николаевич комментировал по пути хозяйственные заботы своего совхоза. Вскоре показались дома и подсобные постройки казацкой станицы, а через десяток минут мы уже въезжали на широкую центральную улицу поселка.

Первый же взгляд на него говорил о том, что мы попали в совершенно не похожее на нашу обычную среднерусскую деревню место. Дома здесь были очень просторными, добротными и опрятными. Каждый из них, построенный на сибирский лад, был окружен высокими плотными заборами, сделанными из

горизонтально расположенных брёвен, которые создавали целую окружающую стену, напоминавшую стены бревенчатых изб. За такими надёжными стенами, вход через которые открывался глухими дощатыми воротами с навесом и небольшой игривой калиткой, располагался и приусадебный участок с обилием разных посадок на аккуратных грядках, ягодными кустами и фруктовыми деревьями. Каждый дом с участком представлял собой маленькую, хорошо сработанную деревянную крепость.

Дома по обеим сторонам каждой улицы стояли ровными линиями, сама уличная дорога была хорошо утрамбована без всяких ям или колдобин и отделялась от заборов домов довольно широкой полосой густой зелёной травы. При подъезде к деревне мы проехали несколько хозяйственных построек, коровники, свинарник и птицеферму, которые выглядели хорошо выкрашенными и ухоженными. Здание правления совхоза, около которого мы остановились, было просторно, а ведущая к нему земляная дорожка была посыпана толстым слоем жёлтого песка. Такая же дорожка вела от правления к небольшому деревянному дому с резными наличниками, который оказался гостиницей из двух скромных, но приятных уютных номеров. Один из них, куда меня прямо из машины привёл сам председатель, предоставлялся в моё распоряжение. Весь облик станицы был отмечен чистотой и порядком.

Когда мы приехали, было ещё около двух часов. Заботливый Александр Николаевич предложил мне минут 30 передохнуть до обеда у него дома, когда можно было обсудить, что мне хотелось бы у них посмотреть, а потом заняться осмотром, чтобы к восьми тридцати приехать на выступление в их клуб, после чего в столовой при клубе должен был состояться ужин. Так мы и условились. Минут через 25 за мной пришёл джип со знакомым мне водителем, и мы поехали на обед в гостеприимный дом председателя совхоза на другой конец станицы.

Ворота дома Александра Николаевича были широко распахнуты, и, когда мы остановились у ступенек его крыльца, хозяин с женой и сыном-девятиклассником вышли меня встретить у входной двери. Представившись, мы вошли в дом. Теперь я мог увидеть казацкий дом изнутри. В нём было три небольших комнаты-спальни, гостиная с телевизором и просторная столовая, где уже был накрыт красивый и аппетитный стол. После вкусного обеда, за которым мы с хозяином согласовали тему выступления и программу моей блиц-экскурсии по станице, он вместе женой провёл меня по чисто прибранным комнатам дома.

Здесь всё говорило о прошлой казацкой жизни их семьи. На стенах было много старых фотографий, которые с конца XIX века

запечатлели портреты их боевых предков в парадных и полевых формах, изображали их у дома с членами их семей, показывали их любимых коней. Здесь же были развешаны старые сабли, винтовки, кинжалы и даже стремена. В одной из комнат хозяева показали мне хранящиеся в кованом сундуке старые казацкие формы и одежды. За всем этим стояло немало увлекательных рассказов о жизни предков этой казачьей семьи, о чём мои хозяева могли только коротко упомянуть за отсутствием времени. Насколько же сильным и живучим был дух казачества, если после десятилетий его разрушения он по-прежнему владел потомками этой исторически совершенно особой части нашего населения! Пробыв совсем немного в этом доме, я уже начал сожалеть, что на эту поездку не было предусмотрено больше времени.

Прямо со ступенек своего дома мои замечательные хозяева передали меня в руки заведующей библиотекой местной десятилетки, которой надлежало быть моим гидом по станице. Пользуясь любезно предоставленным в наше распоряжение джипом, мы с ней объехали основные хозяйственные объекты совхоза и посетили их добротную школу с хорошей библиотекой. Затем эта милая женщина пригласила меня на чай в её дом, где нас встретили её муж, мать и двое детей. Здесь, как и в доме у председателя, в старых фотографиях и оружии на стенах, в рассказах и во всём быте всё напоминало о казачьем прошлом, которым гордились и выросшие в остальном совсем советскими дети. Потом мы заехали в ещё один дом, где хозяева показали свой сад-огород, в котором они сами выращивали как селекционеры южные фрукты и овощи на удивление всей округи. В ту пору года плодов этой деятельности ещё не было видно, но сами растения и кусты росли бодро, обещая необычный южный урожай. Приближалось время выступления, и мы, завершив интересную для меня экскурсию, направились в местный клуб.

Там собралось так много народа, что пришлось открыть двери из большого зрительного зала в танцевальный вестибюль и поставить в нём стулья. Люди в своём большинстве были празднично одеты. Работал буфет, играла весёлая популярная музыка. Минут за 15 до начала выступления приехал председатель, с которым я поделился своими восторженными впечатлениями от посещения станицы и её хозяйственных объектов. Ему было лестно услышать такие отзывы, и, благодаря меня за них, он сказал, что самое главное во всём этом деле заключалось в неплохой жизни, которую людям удалось здесь наладить. О своём прекрасном давнем руководстве совхозом, о чём говорили все, с кем мне довелось встречаться, Александр Николаевич скромно не упоминал, относя заслуги в

благоустройстве станицы на счёт её хорошо работавших жителей. Они же в свою очередь отвечали ему любовью, уважением и добросовестным трудом. Складывалось впечатление, что во всех этих казаках было нечто особенное, выгодно отличавшее их от многих наших других сельских жителей.

Открывая встречу, председатель сначала коротко и с юмором поделился с односельчанами тем, как ему удалось «заманить и увести» меня из Улан-Удэ в станицу, задав всему вечеру бодрый и простой настрой. Потом он в нескольких словах рассказал о моей профессиональной биографии, а затем, приглашая меня на край сцены, сказал в мой адрес, что я у них первый посетитель из Москвы, не говоря уже о том, что у них никогда не было и, видимо, никогда не будет других представителей Министерства иностранных дел или ЦК.

Под шквал аплодисментов и, испытывая некоторую неловкость за ещё не заслуженную оказанную честь, я начал с короткого и тоже юмористического изложения моей версии «моего похищения» из Улан-Удэ их председателем, что помогло сразу же установить лёгкий дружественный контакт с аудиторией. Затем в течение примерно 30 минут я рассказывал этой благодатной аудитории о главных мировых событиях момента. Потом более часа я отвечал на вопросы слушателей, которых особенно волновали наши отношения со столь географически близким к их краю Китаем, но интересовало их и многое другое, в том числе и жизнь простых людей в других странах, положение работников ферм в Америке и т. д. Как умно и доброжелательно вели себя в течение нашего долгого вечера эти замечательные, воспитанные, правильные люди, располагая к естественному искреннему общению!

Моё выступление закончилось около половины одиннадцатого, но моё пребывание среди части слушателей продолжилось за большим ужином в столовой при клубе. Там было поставлено много по-праздничному накрытых столов, в том числе и довольно большой стол председателя, за который посадили и меня. Застолье с простыми дружескими разговорами продолжалось почти до часа ночи, а потом мы ещё минут 30 задушевно беседовали с Александром Николаевичем.

В шесть тридцать утра он заехал за мной в гостиницу, где мы с ним легко позавтракали и откуда направились на футбольное поле — местный аэродром. Почти в самой середине его центрального круга стоял небольшой самолёт, из которого выгружали почту, а рядом уже ждала посадки группа из 5–6 пассажиров. Ожидание продолжалось минут 10. Люди стали по лестнице подниматься в самолёт. Мы с Александром

Николаевичем поблагодарили друг друга и душевно попрощались. Самолёт прокатился по футбольному полю, делая разворот, и без остановки побежал через одну из его боковых линий в простиравшееся за ней пространство лугов. А через 2–3 минуты мы уже поднимались в воздух, оставляя внизу гостеприимную землю замечательных людей казацкой станицы, затерянной в неведомой дали российских просторов на монгольской границе…

Как и было предусмотрено программой, в 11 часов утра я уже выступал в районном центре под Улан-Удэ, а после обеда — на одном из предприятий города. Ранним утром следующего дня обкомовская «Волга» повезла нас с сопровождавшим меня сотрудником ЦК на Байкал. По пути мне предстояло выступить в ещё одном районном центре, а потом мы посетили краеведческий музей под открытым небом.

Этот музей, находившийся довольно далеко от населённых пунктов, тогда был доступен практически только автобусным экскурсиям, что, по-видимому, объясняло полное отсутствие в нём других посетителей, когда мы там находились. Он был очень оригинален по своему замыслу и являл собой несомненный интерес. Сюда свозились или здесь собирались различные наиболее типичные старые дома, постройки, сооружения, механизмы, утварь, одежды, сельскохозяйственные орудия и всякие другие предметы, характеризовавшие историю жизни, труда и быта коренного населения и поселенцев этого края. Территория музея, расположенного в полном окружении векового леса, была фактически неограниченна и, как говорил нам его экскурсовод-куратор, могла простираться настолько, насколько потребуют экспонаты. Он рассчитывал, что со временем это будет целая деревня-музей. Увлечённый своим делом жизни куратор жил со своей женой и маленьким ребёнком в собственном доме, не имея машины и располагая только мотоциклом и лошадью для связи с внешним миром. Этим самым он как бы символизировал то уединение, в котором жили первые поселенцы Забайкалья.

Места эти были тогда ещё совсем дикими, поселки и деревни находились далеко друг от друга, асфальтовых дорог, кроме центральных, почти не существовало, кругом простирались бесконечные леса, хотя в той местности они не представляли собой непроходимую тайгу, а скорее были даже редкими. В лесах водилось много зверей. То и дело по пути попадались речки и озёра, что обещало хорошую рыбную ловлю. Зимой сообщение осуществлялось в основном на санях. Однако в те первые дни мая почва достаточно подсохла для передвижения на легковой машине, хотя иногда приходилось делать приличные объезды из-

за непроходимости просёлка.

К концу дня мы прибыли в Тохорюкту, где вечером я выступал с очередной лекцией о международных делах с акцентом на советско-китайских отношениях. Там же мы переночевали в каком-то безликом, но многолюдном доме отдыха, а рано утром выехали в Горячинск на берег Байкала. После двух лекций в этом небольшом городе мы посетили бедный музей декабристов, отбывавших в тамошних краях своё царское наказание. С большим нетерпением, как, наверное, все, впервые посещающие наше легендарное озеро, я тоже хотел побыстрее выйти на берег Байкала. Эта встреча со «славным морем» для меня состоялась в небольшой живописной сибирской деревушке и вызвала во мне несомненное волнение. Сначала я просто какое-то время стоял на низком его берегу, забыв обо всём и глядя в синеватую даль спокойных волн, которые с лёгким, мягким плеском разбивались у моих ног. Потом, присев на поваленное дерево, я стал разглядывать окружавший меня зелёный берег, который убегал от меня по обе стороны длинными неровными дугами и исчезал за далёким поворотом. Какое громадное величие, какая спокойная и уверенная в себе мощь, какая неповторимая суровая красота заложены в этом «священном» озере-море!..

Мы провели одну ночь и ещё полдня на берегу Байкала, а затем, правда, изменённым маршрутом, что было даже интереснее, с одной остановкой для выступления вернулись в Улан-Удэ на берега рек Курба и Селенга. Моё неординарное пребывание в Забайкалье завершилось коротким посещением моих местных хозяев, после чего я вылетел в Москву, увозя с собой замечательные впечатления об этом необычном далёком крае. Я считаю, что мне очень повезло со всеми тремя большими, насыщенными и удивительно интересными поездками по просторам нашей невероятно огромной страны, в которых я так много узнал, увидел и услышал.

ПЕРЕД КОНЦОМ АПАРТЕИДА: НА ИСТОРИЧЕСКИХ ВЫБОРАХ В ЮЖНОЙ АФРИКЕ

В 1993 году в соответствии с принятым ею решением и с согласия правительства Южной Африки Организация Объединённых Наций приступила к развёртыванию своей широкой миссии, получившей название ЮНОМСА, по наблюдению за организацией и проведением в этой стране первых демократических выборов. Сами выборы были назначены на конец апреля 1994 года, но работа по созданию новых механизмов и процедур их проведения началась за много месяцев до этой даты. В этой связи ООН стала соответственно направлять первые группы участников миссии уже во второй половине 1993 года, постепенно наращивая своё присутствие с приближением сроков выборов. Мне было предложено возглавить работу миссии в трёх из девяти провинций этой очень большой по территории страны уже в ноябре того же года, но выехать туда я смог лишь после завершения подготовки проекта доклада генерального секретаря по реформе Совета Безопасности, которая мне была поручена несколько ранее. Мой выезд состоялся лишь в январе 1994 года.

В этой связи следует упомянуть, что политическое и социальное положение в Южной Африке в этот период было очень сложным и нестабильным. Режим государственного правления, основанный на укоренившейся системе апартеида, то есть раздельного и неравного сосуществования различных рас при сохранении власти, богатства и привилегий в руках белого меньшинства населения, начал испытывать серьёзные проблемы под воздействием внешнего и внутреннего давления.

К тому времени Южная Африка всё более остро чувствовала на себе растущую изоляцию со стороны международного сообщества, и в ответ на неё правительство Де Клерка стало принимать некоторые меры по ослаблению определённых аспектов жёсткого режима апартеида, в том числе выпустив из тюрем на свободу Нельсона Манделу и других политических заключённых. Почувствовав колебания системы, всё более смело и открыто начали проходить выступления её противников внутри страны, которые неизбежно сталкивались с ожесточённым сопротивлением тех значительных сил белого населения, которые стремились сохранить прежний режим собственных привилегий. Действия противоборствующих слоёв южноафриканцев стали

превращаться в почти каждодневные демонстрации и столкновения, в ходе которых нередко применялось оружие, что приводило к человеческим жертвам, содействуя расширению насилия и кровопролития. Довольно серьёзные политические противоречия возникли также и между соперничавшими группировками коренного населения. Особенно остро они стали проявляться между наиболее многочисленными зулусами провинции Квазу-Наталь и другими племенными объединениями. События в Южной Африке превратились в одну из главных тем международных средств массовой информации, которые подробно и красочно освещали их на протяжении многих месяцев в преддверии выборов.

Я улетал из Нью-Йорка в Южную Африку на мрачном фоне этих тревожных событий, что вызывало беспокойство за мою безопасность не у только у моей жены, но и у ряда моих друзей и коллег по работе. По пути в Йоганнесбург у меня была однодневная остановка для пересадки в Париже, где мне удалось повидаться с семьёй работавшего там моего однокашника Бориса Борисова и приехавшим туда на это время из Женевы моим сыном Андреем. Зная по сообщениям СМИ о кровавых столкновениях в Южной Африке, они тоже призывали меня проявлять осмотрительность и осторожность. В Йоганнесбург я прибыл утром после многочасового ночного перелёта из столицы Франции. Итак, я оказался в самой южной стране Африканского континента — на земле, которая мне всегда представлялась экзотично привлекательной, но, как советскому, почти недоступной и, возможно, поэтому ещё более интересной…

…Южная Африка… Первыми европейцами здесь оказались неутомимые и решительные в ту историческую эпоху мореплаватели-португальцы. В поисках морского пути в Индию и к островам Пряностей в 1488 году, то есть за четыре года до первого плавания Колумба в Америку, знаменитый Бартоломеу Диаш открывает самую южную оконечность Африки, которую он назвал «Мысом Страшных Бурь», доставившим ему в этом месте много серьёзных тревог. Однако при получении донесения о новом открытии португальский король сменил это непривлекательное для моряков название на обещающее «Мыс Доброй Надежды». А всего несколько лет спустя ещё более знаменитый португалец Васко да Гама обходит этот мыс и достигает берегов сказочной Индии. Южная Африка лежала у ног Португалии, однако, начав активную колонизацию близких к этой земле Анголы и Мозамбика, португальцы не предприняли никаких серьёзных усилий для утверждения на ней своего присутствия. Этим упущением через некоторое время не

преминули воспользоваться другие европейские страны.

Ко второй половине XVI века наряду с Испанией и Португалией крупными морскими державами становятся Англия, Голландия и Франция. До определённого времени англичане и французы в своих планах освоения новых земель сосредоточивали главное внимание на территориях Нового Света. Голландцы же, находясь со времён императора Карла V в составе Великой Римской империи, к которой в 1580 его сын Филипп II присоединил и Португалию, постепенно превратились в основных торговцев теми дорогими восточными товарами, которые португальские мореплаватели с огромным риском и трудностями доставляли на своих судах в Лиссабон. Скупая эта товары в столице Португалии, голландские купцы затем с большой для себя выгодой распродавали их по всей Европе. Однако когда голландские провинции начали войну за независимость против Испании, Филипп II запретил их негоциантам вести коммерческие дела в Португалии и, сам не желая этого, вынудил предприимчивых голландцев самим заняться приобретением экзотичных и дорогих в Европе восточных товаров.

К концу 1500-х годов голландские купцы уже вели через мыс Доброй Надежды довольно активную прямую торговлю со странами Южной и Юго-Восточной Азии и приступили к постепенной колонизации островов сегодняшней Индонезии. Оттуда их суда стали совершать переходы в новые для европейцев земли. Они были первооткрывателями Австралии, которая довольно продолжительное время называлась Новой Голландией. Несколько позднее, в XVII веке голландец Абель Янсзоон Тасман откроет Новую Зеландию, само название которой говорит о его родных краях, и Тасманию, увековечившую его славное имя. Совершая свои плавания в Азию и обратно вокруг мыса Доброй Надежды, голландцы использовали его близлежащие бухты и гавани на стороне Атлантики для пополнения запасов воды и продуктов, а также для отдыха экипажей, но вплоть до середины XVII века саму территорию не осваивали. Первые попытки устроить на мысе перевалочную базу предпринимали англичане, которые, следуя за голландцами, тоже стали включаться в торговлю с Азией. Однако эти попытки оказались не очень решительными, так как тогда англичане предпочитали использовать в этих целях более освоенный ими и легче обороняемый остров Святой Елены.

В 1652 году могучая голландская Ост-Индийская компания, убедившись на опыте в практической пользе наличия постоянной базы около мыса Доброй Надежды, приняла решение основать там поселение, получившее название Капстадт, впоследствии

изменённое англичанами в Кейптаун. Первые колонисты-буры (потом они стали называть себя африканерами) некоторое время жили мирно с самыми древними обитателями этой земли — готтентотами и бушменами, ведя с ними примитивную торговлю. Прекрасный климат и богатые земли Капской области стали привлекать новые потоки иммигрантов из Голландии и Германии, а после отмены Нантского эдикта Людовиком XIV в 1685 году к ним присоединились волны французских гугенотов. Именно последним Южная Африка обязана широким распространением виноградарства и виноделия. В Западной Капской провинции, и особенно в её столице Кейптауне, до сих пор встречается немало французских названий улиц, поселений и местностей.

Рост населения и сокращение свободных земель со временем побудил фермеров-буров продвигаться на север и на восток, оттесняя коренных жителей в пустынные области и постепенно расширяя территорию колонистов. Голландия продолжала оставаться хозяйкой Капских владений вплоть до начала Наполеоновских войн, в ходе которых голландское королевство было захвачено французами, а его король принц Оранский вынужден был спасаться бегством в Англию. Находясь в войне с Францией и действуя якобы от имени законного правителя Голландии, англичане захватили Капские земли и удерживали их до Амьенского перемирия 1802 года, но уже в 1806 году снова овладели ими, так как Голландия выступила союзницей Франции против Англии.

Это завоевание было закреплено за Великобританией Венским конгрессом 1814–1815 годов. С тех пор она стала владелицей этой голландской колонии.

Приход англичан и отмена ими в конце 1830-х годов рабства, на котором основывалось хозяйство буров, вызвали недовольство последних и постепенно привели к усилению их противоречий с новыми правителями территории. Антагонизм между ними достиг такой степени, что буры начали массами сниматься с обжитых мест Капской области и переселяться ещё дальше на север и восток на земли зулусов, коса, цвана и других племён, известных под общим названием банту. Основавшись на этих землях, переселенцы довольно быстро создали на них несколько независимых бурских республик. Но уже в 1843 году англичане, используя своё неоспоримое военное преимущество, аннексировали республику Наталь, а остальные были объединены в Оранжевое Свободное Государство — по названию протекавшей через него реки Оранжевая. Англия признала это новое государственное образование буров.

Несмотря на такое большое переселение, называемое в

Южной Африке Великим Треком, значительная часть буров всё-таки продолжала оставаться в Капской области, но к этому времени её начали активно заселять английские иммигранты, утверждая и расширяя в ней своё культурное и языковое влияние. В 60—80-х годах XIX века число европейских иммигрантов в Южную Африку стало существенно возрастать в связи с открытием богатых залежей алмазов в районе Кимберли и золота в Трансваале, то есть в области, лежащей по другую сторону реки Вааль. В этот же период для работы на расширявшихся площадях сахарных плантаций англичане стали ввозить индийцев из Индии, где был избыток рабочих рук. Они, кстати, в этих же целях вывезли много индийцев в свои другие колонии в Восточной Африке, на острова Карибского моря, в Британскую Гвиану в Южной Америке и даже на Фиджи, в которых и по сей день проживает немалое число их потомков. Самым известным южноафриканским индийцем стал Махатма Ганди, который жил в провинции Наталь с 1893 по 1914 год, где он создал организацию Индийский конгресс Наталя.

Продолжая политику освоения новых африканских территорий, Англия стала продвигаться в глубины континента по оси Кейптаун — Каир, покоряя в войнах разные племена его коренных жителей. В ходе своей широкой экспансии Лондон предпринимал неоднократные попытки аннексировать и бурские республики, что в итоге вылилось в англо-бурскую войну 1899–1902 годов с последующим захватом Оранжевого Свободного Государства и Трансвааля. После нескольких лет переговоров с непокорными бурами относительно приемлемого для обеих сторон компромиссного решения об их территориях английский парламент принял в 1909 году «Акт о Южной Африке». В соответствии с данным Актом был учреждён Южно-Африканский Союз, вошедший в состав Британской империи. В 1910 году ЮАС получил статус британского доминиона.

В ходе Первой мировой войны ЮАС воевал на стороне Англии и как её союзник в 1915 году оккупировал принадлежавшую Германии Юго-Западную Африку (впоследствии ставшую Намибией), которая по Версальскому договору была передана под его опеку.

Первые шаги в создании государственного режима апартеида были сделаны в Южной Африке после прихода к власти Националистической партии буров в 1924 году. Этот режим получил закрепление и дальнейшее развитие в последующие предвоенные годы в результате объединения партии националистов с другими подобными политическими группировками. После окончания

Второй мировой войны, в которой ЮАС снова выступил союзником Англии, в результате принятия целой серии новых законодательных актов режим апартеида приобрёл свои основные формы в качестве официальной государственной политики правительства белого меньшинства. Он был окончательно закреплён в результате референдума среди белого населения, проведённого 31 мая 1961 года, которым страна была одновременно переименована в Южно-Африканскую Республику…

Ко времени развёртывания миссии ООН по наблюдению за подготовкой и проведением первых демократических выборов в ЮАР, как упоминалось выше, правительство Де Клерка уже предприняло некоторые меры по устранению или ослаблению ряда аспектов режима апартеида. Помимо освобождения из тюрем определенных политических заключённых, предоставления возможностей на проведение демонстраций, отмены жёсткого правила раздельного пользования общественными местами и услугами по цвету кожи («только для белых», «только для цветных», «только для чёрных») и некоторых других шагов, власти перестали требовать, чтобы чёрные, приезжая в города из своих отдалённых от них поселений только на время работы, после окончания рабочего дня уезжали обратно туда. Эта последняя мера привела к совершенно непредвиденным социальным последствиям и к невероятному взрыву преступности, которая буквально захлестнула страну, и с которой всем её жителям и приезжим пришлось столкнуться лицом к лицу.

Для более ясного понимания разворачивавшихся тогда в Южной Африке событий следует привести о ней хотя бы некоторые краткие сведения. По своей территории, которая в шесть раз (!) превышает площадь Франции, она, бесспорно, является крупным государством. Для иллюстрации можно отметить, что, например, на прямой перелёт от Йоханнесбурга до Кейптауна реактивным самолётом требуется почти два с половиной часа, то есть примерно столько же, как от Москвы до Франкфурта или от Нью-Йорка до Майами, а от Кейптауна по длине страны до границы с Зимбабве нужно пролететь приблизительно такое же расстояние, как от Москвы до Парижа.

Представьте теперь себе, дорогой читатель, что на этой большой территории проживает около 40 миллионов человек, из которых белые (англичане и буры) составляют всего 5 миллионов, но владеют 87 % всей земли. С учётом примерно 800 тысяч индийцев на все остальные 35 миллионов чёрного и цветного населения приходилось лишь 13 % от её общей территории. Свыше 34 миллионов этого чёрного населения составляют около

20 различных племенных групп (зулу, коса, басуто, цвана, свази, бечуапы и др.), говорящих на разных языках и способных общаться друг с другом только на языке своих бывших колонизаторов — английском или африкаансе (бурском голландском). Часть этого населения была размещена в искусственно созданных 10 башу станах, сформированных по племенному признаку и считавшихся якобы самостоятельными образованиями.

Другая примечательная сторона апартеида применительно к небелому населению состояла в том, что чёрные и цветные не могли жить в тех городах или посёлках, где проживали белые. Но белые нуждались в рабочей силе, которую в основном, и к тому же очень дёшево, представляли небелые, в первую очередь чёрные. Для того чтобы совместить эти два противоречивых требования, режим апартеида нашёл очень выгодное для белых решение: на расстоянии 30–60 километров от периметра городов были созданы тауншипс, или поселения для чёрных. Рано утром они на отдельных поездах или в специально для них предназначенных вагонах, автобусах и микроавтобусах плотными массами приезжали в города на работу, а после её окончания тем же транспортом уезжали обратно в свои чудовищно грязные и примитивные бидонвилли.

Там они жили в совершенно страшных условиях, где не было ни водопровода, ни электричества, ни туалетов и где процветали ужасающая нищета, безработица, наркомания и преступность. Тауншипс имели свою собственную внутреннюю администрацию и полицию. Белые в них не только боялись и не хотели появляться, но и не могли. Лишь белые полицейские на броневиках и крупными силами иногда появлялись на их улицах для выполнения определённых заданий властей. Эти поселения находились к тому же подобно концлагерям за высокой колючей проволокой и охранялись часовыми, вооружёнными автоматами, пулемётами, и даже броневиками. Их охраняемые ворота открывались и закрывались только для того, чтобы пропустить транспорт с рабочей силой, после чего они снова запирались. В другое время туда было нельзя никому войти или оттуда выйти.

Во всё это было бы, видимо, очень трудно поверить, если бы я не побывал в нескольких тауншипс сам и не увидел этих страшных, отталкивающих мест собственными тазами. В самих же белых городах и посёлках при апартеиде после окончания рабочего дня никого, кроме белых, не было. Практически в них не существовала и преступность. На улицах полицейских в форме было значительно меньше, чем в больших городах США или Западной Европы, но, несмотря на это, их жители чувствовали

себя в полной безопасности в любое время дня и ночи.

Ко времени моего приезда в Южную Африку жителям тауншипс уже формально не запрещалось жить в городах среди белых или оставаться в них на ночь, но ни у кого из них не было денег или иных средств переселиться за пределы своих бидонвиллей и найти себе жильё в обычных городах. Так что, несмотря на введённые на этот счёт послабления, подавляющее большинство чёрного и цветного населения, как и при апартеиде, продолжало приезжать в них только на работу и после неё возвращаться к себе.

Однако довольно скоро после отмены упомянутого запрета на улицах больших городов, особенно в Йоханнесбурге, который был окружён очень крупными тауншипс, как, например, Соуэто, где насчитывалось более миллиона жителей, стали появляться их безработные обитатели и уголовники. Сначала они приезжали с работающими на лёгкий промысел воровства, грабежей и нападений на не знавших подобных преступлений горожан, а затем скрывались среди возвращавшихся с работы масс людей за колючей проволокой своих охраняемых бидонвиллей. Их главными жертвами были, как и следовало ожидать, имущее белое население и приезжавшие в страну иностранцы. Постепенно эти преступные элементы стали находить себе временное пристанище в городах, а затем прочно обосновались в них.

Надо сказать, что эти формы преступности разрастались с такой быстротой и приобрели такие широкие масштабы, что в том же Йоханнесбурге — тогда наиболее охваченном этим злом городе — было действительно опасно выйти на улицу за двери гостиницы, где кучки бандитов и воров, не скрываясь, постоянно поджидали своих жертв. В ответ на эту усиливавшуюся бурю преступности и ввиду неспособности полиции справиться с ней буквально всё население стало вооружаться до зубов. Этому способствовало не только то, что оружие было не запрещено, но и было невероятно дешёвым благодаря его массовому контрабандному ввозу из соседнего Мозамбика и относительно недалёкой Анголы, где после гражданских войн его оказалось чрезмерно много. Я был очень удивлён, когда в относительно спокойном в то время Кейптауне обнаружил, что почти все виллы и отдельные особняки, а там их было очень много, были превращены в вооруженные крепости. Один из моих богатых кейптаунских соседей-буров, у которого был оружейный магазин, рассказал мне во время застолья на его вилле, что все виды оружия раскупались населением так быстро, что он безуспешно пытался ускоренными путями обеспечить пополнение своего

ассортимента и удовлетворить безумный спрос.

Мне пришлось окунуться в эту взвинченную преступностью обстановку уже в самом здании аэропорта, когда, получив багаж, я прошёл таможню и оказался в вестибюле, ведущем к выходу, перед толпой встречавших пассажиров людей. Согласно предварительной договорённости каждого сотрудника миссии ООН должен был встречать её местный представитель. Поэтому я сразу же стал искать табличку с моей фамилией и увидел её в руках молодой женщины, стоявшей в двух шагах от таможенного прилавка. Увидев меня и убедившись, что я носитель фамилии на табличке, она, не успев даже поздороваться или сказать слова приветствия, довольно срочным и внушительным тоном сказала: «Прошу вас отойти со мной на несколько шагов к нашему представителю службы безопасности и, никуда не отходя от него и ваших вещей, подождать ещё двух наших сотрудников, которые должны были прибыть тоже вашим рейсом».

Когда мы подошли к сотруднику службы безопасности и представились, он тут же поставил мои вещи между нами и вручил мне лист бумаги, попросив меня сразу же прочитать его и обсудить с ним вопросы, которые у меня могут возникнуть в связи с прочитанным. Уже мои самые первые шаги на земле Южной Африки, когда я ещё только вышел из охраняемого таможенного зала, были связаны с применением мер безопасности, и, поскольку я к такому приёму был совершенно не подготовлен, он не мог меня не удивить. Вручённый мне для прочтения текст поднял моё удивление на ещё более высокую отметку: он весь состоял из коротко, почти в военно-приказном духе составленных инструкций по самообеспечению безопасности во время пребывания в Южной Африке.

Среди прочего в инструкциях говорилось: не выходить на улицу в одиночку и предпочтительно делать это в составе нескольких человек; не доверяться никому из незнакомых и не представленных официальными лицами или организациями людей; не носить с собой больше чем необходимый минимум денег и каких-либо финансовых документов; не оказывать сопротивление ворам и грабителям во избежание получения увечий, ранений и других серьёзных последствий; садясь в автомобиль, запирать двери на замки и держать стёкла закрытыми, проявляя особое внимание на остановках перед светофорами, где нередко совершаются похищения машин, сопровождаемые ограблениями и кражей документов; избегать таких скоплений людей, как уличные толпы, митинги, демонстрации и т. д. Наряду с другими инструкциями рекомендовалось немедленно сообщать обо всех происшествиях в

службу безопасности миссии ООН ЮНОМСА и в полицию по приводимым телефонным номерам.

Быстро пробежав глазами этот внушительный и совсем не радующий приезжего список инструкций обеспечения его собственной безопасности, я спросил опекавшего меня сотрудника, действительно ли обстановка в стране была настолько серьёзной, что она оправдывала составление подобных инструкций и вручение их прибывающим прямо в аэропорту. Не вдаваясь в подробности, он подтвердил, что необходимость в таких инструкциях была вызвана каждодневными происшествиями в городе, которые не обходили и сотрудников нашей миссии. Он сказал также, что нам, всем вновь прибывающим, на этот счёт будут даны дополнительные разъяснения и рекомендации на отдельном брифинге после прохождения оформления документов в Центральной штаб-квартире ЮНОМСА в Йоханнесбурге. Как раз в это время к нам подошли вместе с встречавшей пас девушкой два других прилетевших сотрудника, которым туг же были вручены инструкции по безопасности, но им пришлось знакомиться с ними по дороге в город, так как наши сопровождающие предложили нам направиться к ожидавшей нас машине.

Когда мы направились к выходу, нас со всех сторон стали атаковывать стоявшие тесной толпой на нашем пути мужчины, предлагая такси и услуги носильщиков. Некоторые из них делали это настолько настойчиво и даже агрессивно, что сопровождали нас до самой машины и пытались даже перенять из наших рук вещи, которые мы по рекомендации наших местных опекунов твёрдо удерживали руками, отклоняя навязчивые предложения незнакомцев о помощи. Даже в погрузке наших вещей в микроавтобус эти энергичные люди тоже хотели принять участие, а когда всё было сделано без их услуг, они просто откровенно стали просить денег. Мы направились в зарезервированную для сотрудников ЮНОМСА первоклассную многоэтажную и совершенно недавно построенную гостиницу в самом центре Йоханнесбурга — города, который возник вокруг посёлка уже давно завершённых золоторазработок, о чём сегодня продолжают напоминать горы земли на его за-брошенных приисках.

Внешний вид деловой столицы Южной Африки при первом впечатлении от проезда по его центральной части представлялся довольно ординарным и провинциальным. Даже машин в городе было не так много, но обращало на себя внимание присутствие на пустынных улицах, особенно около магазинов, гостиниц, кафе и ресторанов, небольших кучек незанятых, плохо одетых и грязноватых людей. Показывая на них, наш сотрудник

безопасности сказал, что они были одними из тех, кого и следовало опасаться.

Мы остановились прямо у широких стеклянных автоматических дверей нашей гостиницы, где нас встретили её носильщики вместе с двумя вооружёнными автоматами охранниками. Через несколько минут нас уже учтиво и эффективно оформляли любезные служащие, которые, вручив ключи от наших номеров, напомнили нам о необходимости повсюду вне гостиницы проявлять большую осторожность, в том числе даже при переходе через её широкий внутренний двор, где размещалось много открытых для публики с другой стороны комплекса разных магазинов и кафе. Через этот двор нужно было проходить в примыкавшее к гостинице здание офисов, на нескольких этажах которого размещались помещения ЮНОМСА. По одному и без особой необходимости на улицу выходить не рекомендовалось.

После размещения в просторном, удобном номере и принятия душа я выяснил по телефону место и время моего прихода для оформления документов и получения дальнейших распоряжений со стороны моего непосредственного руководителя — главы нашей миссии в Южной Африке, которым был бывший министр иностранных дел Алжира Брахими. Это был тонкий и умудренных опытом дипломат французской школы, которому было суждено впоследствии сыграть ведущие роли во главе миссий ООН в Гаити, Конго, Афганистане и Ираке, а также в качестве эксперта и специального советника Генерального секретаря ООН, в том числе в вопросах реформы её миротворческих операций. Ко всему прочему Брахими очень хорошо знал мировую литературу и современную историю, в чём я мог убедиться в наших с ним многочасовых беседах при последующих встречах. В офисе ЮНОМСА меня ждали к двум часам, предоставив мне некоторое время прийти в себя после длительного перелёта из Парижа. Я решил воспользоваться этой паузой для того, чтобы пораньше пообедать и просмотреть местные газеты относительно событий в стране.

В фойе первого этажа я разыскал газетный киоск и, приобретя несколько крупных южноафриканских газет на английском языке, направился в сторону большого гостиничного ресторана. У входа в ресторан в ожидании рассадки стояла небольшая группа европейцев, которая оживлённо обсуждала только что произошедший с одним из них очень неприятный инцидент. Я встал за ними и, разговорившись, узнал, что это были первые прибывшие накануне на выборы наблюдатели от Европейского союза. Мы познакомились, и, когда за ними пришёл официант,

они предложили мне сесть вместе с ними, чтобы поговорить о наших общих делах, связанных с подготовкой и проведением выборов. С некоторыми из них мне довелось потом встречаться ещё несколько раз в ходе нашей работы в разных местах Южной Африки. Во время обеда мои собеседники с волнением и негодованием сначала рассказали мне о только что случившейся с ними, а точнее с их коллегой-англичанином, истории.

В тот день, немного поработав в гостинице после завтрака, они всей группой решили немного погулять по ближайшим улицам. Хотя их тоже предупреждали об опасностях подобных прогулок, они решили, что, будучи в составе группы из пяти мужчин, им на этот счёт беспокоиться было не нужно. Сначала они побродили по внутреннему двору гостиницы, осматривая магазины, а затем через открытый для публики вход вышли на улицу. Там они сразу заметили подозрительных типов, которые, сохраняя некоторое от них расстояние, следили за ними по мере того, как они продвигались по улицам. Увидев, что ничего интересного на улице в этом месте не было, и желая избавиться от неуютного сопровождения, наблюдатели от ЕС решили вернуться в гостиницу через её отдельный центральный вход, к которому они к тому времени уже приближались.

Перед тем как в неё войти, они остановились у большой витрины в нескольких метрах от входа. Посмотрев на неё, трое из них направились внутрь гостиницы, а англичанин и другой его коллега последовали за ними минутой позже. За два шага до дверей англичанин уронил из рук пакет с покупкой и нагнулся его поднять, но не успел, так как его опередил бросившийся за ним сзади тип, который, схватив пакет, побежал дальше. Опешивший от неожиданности англичанин сначала хотел инстинктивно броситься вслед за вором, но в этот же момент почувствовал, что кто-то ловким движением пытается вытащить кошелёк из заднего кармана его брюк. Обернувшись, он увидел рослого верзилу, который, не обращая внимания на хозяина кошелька, совершенно нагло пытался завершить свою операцию. Осознав, что дело вот-вот закончится для него плохо, англичанин рванулся в открывшуюся дверь гостиницы и спасся за ней вместе со своим кошельком.

Всё это произошло в считаные секунды в нескольких метрах от охранников гостиницы, которые, осознав, что произошло, лишь пожурили европейцев за проявленную неосторожность. В ответ на выраженное последними недоумение, почему вооружённая охрана не стала преследовать бандитов, те ими объяснили, что их обязанности ограничиваются лишь внутренними помещениями гостиницы. Никаких полицейских поблизости нигде не было. Мои

европейские коллеги решили довести этот инцидент до сведения местных властей при их первой же предстоявшей встрече с ними. Этот случай, по-видимому, подтверждал обоснованность и списка инструкций ЮНОМСА о мерах самообеспечения нашей собственной безопасности, и рекомендаций персонала гостиницы на этот счёт.

К двум часам я направился через внутренний двор гостиницы в здание, где располагались офисы нашей миссии. Когда там при оформлении моих бумаг люди узнали, что я прошёл через гостиничный двор один, они очень удивились и настоятельно рекомендовали при последующих переходах через него в их офисы и обратно искать себе знакомого сопровождающего. По их сведениям, несколько наших человек в этом дворе уже подвергались ограблениям. Действительно, общая обстановка с безопасностью в Йоханнесбурге и даже во дворе нашего гостиничного комплекса представлялась довольно неуютной.

В ходе оформления бумаг мне сообщили о программе моего двухдневного пребывания в Штаб-квартире ЮНОМСА, которая помимо предстоявшей в тот же день скорой встречи с Брахими предусматривала присутствие на нескольких брифингах на разные темы (один из них касался той же безопасности), получение аванса, зарплаты, блиц-курс вождения автомобиля с принятым в стране правым управлением, получение правительственного документа на пребывание в Южной Африке в составе ЮНОМСА и несколько других мероприятий по подготовке к работе. До встречи с главой миссии я пока ещё не знал, за какие провинции я буду отвечать и в какой из них будет моя резиденция.

Брахими принял меня очень тепло и даже ласково. Он мне сразу сказал, что после консультаций с моим начальником в Нью-Йорке (главой политического департамента и заместителем генерального секретаря по политическим вопросам англичанином М. Гулдингом) меня назначают ответственным за работу нашей миссии сразу в трёх из девяти провинций страны. Подчеркивая значение оказанного мне доверия и ответственности, Брахими сказал, что каждую из остальных шести провинций возглавляет посол соответствующих стран при ООН.

Я поблагодарил главу миссии за оказанное доверие и сказал, как полагается в подобных случаях, что постараюсь его оправдать своей работой. Только после этого введения Брахими, лукаво улыбаясь, спросил, не интересует ли меня, где я буду работать в предстоящие несколько месяцев. Как бы подыгрывая своему новому начальнику в его лукавстве, я ответил, что мне уже известно, что я буду работать в тех трёх провинциях, которые

остались после распределения остальных шести, и куда я готов ехать, но чтобы сесть на нужный самолёт, было бы хорошо знать заранее, куда заказывать билет. Продолжая нашу игру, Брахими сказал после нарочитой паузы, как бы испытывая моё терпение, что билет мне уже заказан на Кейптаун, и при этом довольно рассмеялся.

— Это самое красивое и приятное место Южной Африки, — добавил он. — Вам обязательно там понравится. Я сам люблю туда приезжать, так что мы с вами там ещё не раз увидимся, да и нас здесь вам тоже предстоит навещать.

От моих коллег, уже ранее побывавших в Южной Африке, мне было известно, что Западная Капская провинция и её столица Кейптаун были самыми красивыми и привлекательными в этой стране. Теперь, когда я узнал, что моя резиденция будет именно там, я пережил приятное и радостное волнение. Двумя другими территориями, попадавшими в моё ведение, были Северная Капская и Северо-Западная Капская провинции. Одна из них простиралась до границы с Ботсваной и самого крупного банту стана Бопутотсвана, а вторая граничила по реке Оранжевой с недавно обретшей независимость Намибией. По их общей площади они составляли примерно треть территории всей страны и простирались в длину свыше 2000 километров. Мне предстояло много путешествовать на большие расстояния. На мой вкус, это лишь делало мою работу в Южной Африке ещё более интересной и увлекательной.

Брахими коротко ввёл меня в курс дел, связанных с положением в стране, рассказал о своих впечатлениях относительно подхода правительства к подготовке к предстоящим выборам на основе встреч с его высшим руководством, министрами, руководителями политических партий и церкви, а также с очень активно действовавшими общественными организациями. Затем он особо остановился на существующих сложностях и проблемах, связанных с подготовительными процессами, и дал мне немало полезных советов по организации и ведению моей работы. Я был искренне признателен моему руководителю за этот настоящий и нужный деловой подход в объяснении моих обязанностей и идей в решении стоявших передо мной задач.

Завершив за два дня все необходимые формальности и дела в Йоханнесбурге, я с чувством приятного ожидания выполнения новых ответственных обязанностей в новых интересных местах вылетел в Кейптаун. Уже на подлёте к нему через окно самолёта можно было оценить необыкновенную красоту того природного ландшафта, в котором разместился этот город, где мне

предстояло жить и работать в течение нескольких месяцев. Весь город был вытянут вдоль широких песчаных пляжей изумрудных южных вод Атлантики у подножия поднимавшихся над ним живописных зелёных гор и высоких холмов. Над всем этим роскошным великолепием пейзажа царила Столовая гора, названная так за её удивительно ровно, словно плоскость стола, срезанную и очень широкую вершину, которую можно было видеть практически отовсюду. От этого потрясающего вида захватывало дух.

При выходе из самолёта меня встречали два сотрудника моего офиса в Кейптауне, которые прибыли туда за некоторое время до меня. Одним из них был швейцарец Жан-Мишель, который отвечал за все административные и хозяйственные вопросы нашего отделения ЮНОМСА в Кейптауне. Второй же человек оказался для меня самым настоящим сюрпризом. Им был бывший глава административной группы представительства СССР при ООН в Нью-Йорке некто Роланд Джикия, который, пользуясь своей маленькой, но ощутимой властью над зависимыми от него в хозяйственных вопросах советскими сотрудниками Секретариата, доставлял им немало совершенно не оправданных хлопот и неприятностей. Перед самым развалом Советского Союза он воспользовался своим положением и устроился на временный срок в канцелярии советского заместителя генерального секретаря в качестве его помощника вместо уехавшего в длительную командировку другого нашего сотрудника. Через несколько месяцев он пробился в качестве сотрудника Секретариата на работу в миссию ООН в Камбодже, где пробыл целых три года, а при её завершении стал дипломатом представительства Грузии при ООН в Нью-Йорке. С этого поста он ушёл, чтобы участвовать в работе ЮНОМСА. Я не видел его более трёх лет, не зная и не интересуясь тем, где он был всё это время, и, естественно, был очень удивлён, увидев его встречающим меня в аэропорту Кейптауна.

После обмена приветствиями Жан-Мишель и Роланд повели меня к машине, которая, как первый из них тогда же мне и сообщил, была закреплена за мной вместе с водителем — шотландским иммигрантом. Жан-Мишель поведал мне также, что для моих поездок на средние расстояния я могу пользоваться выделенным ЮНОМСА для этих целей вертолётом. Я поблагодарил моего швейцарского администратора за эти любезные сообщения, но сразу же сказал ему, что выделенную для меня машину я буду водить сам, а услуги водителя следует использовать для общих нужд офиса и лишь в отдельных случаях — скажем, отвезти или встретить в аэропорту — для меня. Что

касается вертолёта, то я буду иметь его в виду для каких-либо особых обстоятельств, предпочитая пользоваться главным образом машиной или рейсовыми самолётами.

По моей просьбе мои коллеги стали рассказывать о положении в Кейптауне, о составе уже прибывших наших сотрудников, о проводимой работе по подготовке к выборам и другим интересовавшим меня вопросам. При проезде по шоссе в одном месте я увидел по обе его стороны высокие и длинные ряды колючей проволоки и несколько вышек с вооружёнными охранниками. Как мне сообщили мои собеседники, за этой проволокой находилось одно их самых крупных чёрных поселений-тауншипс страны с более чем миллионным числом жителей, носившее название Каолиша. Мне предстояло в нём побывать несколько раз в порядке подготовки к выборам.

За разговорами мы довольно быстро оказались в первых кварталах деловой части Кейптауна с её многоэтажными домами на прямой сетке улиц современной и по-южному лёгкой архитектуры. Ничего особенно привлекательного в городском ландшафте здесь не было. Картона совершенно изменилась, когда мы вдоль морского побережья поехали по богатым и зелёным жилым кварталам, постепенно поднимавшимся от набережной вверх по склону холмов. Несмотря на всю привлекательность кругом расстилавшихся великолепных вилл, садов, парков и аллей и в этой части Кейптауна его неповторимую, незабываемую красоту создавал захватывающий дух пейзаж причудливых сочетаний просторов лазурного океана, широкой прибрежной полосы ослепительно белого песка в седой пене неутомимо накатывающихся и убегающих волн и многочисленных капризно разнообразных контуров изумрудных гор в свободных объятиях щедрого южного солнца. Довольно скоро мы уже выгружались около зарезервированной для меня гостинцы.

К этому времени уже наступали часы обеда, и вскоре после моего быстрого размещения мы с коллегами отправились в один из близлежащих ресторанов. Как и в Йоханнесбурге, меня здесь тоже удивили крупные размеры порций блюд и их гораздо более низкие цены по сравнению с Америкой и Европой. Совершенно невероятно дешёвыми были великолепные местные вина из известных французских сортов винограда. За вкусным обедом мы продолжили разговоры о работе и положении дел в Кейптауне. Совершенно забыв об ужасной преступности Йоханнесбурга, я ничего подобного не заметил в Кейптауне, и в ответ на мои расспросы мои коллеги заверили меня, что в этом городе, как и раньше, никакой серьёзной преступности не было, и что повсюду можно было спокойно ходить даже в ночное время. Я про себя

ещё раз с благодарностью подумал о решении Брахими послать меня именно сюда.

В ходе беседы возник также и вопрос о нахождении для меня квартиры. Коллеги, которые уже нашли себе жильё, поделились со мной своим опытом, рассказав о плюсах и минусах разных кварталов и видов доступного для нас жилья сроком на несколько месяцев. Для иллюстрации имеющихся вариантов Жан-Мишель развернул свою местную газету, и мы изучили несколько более-менее подходящих объявлений о сдаче квартир в том же районе, где была моя гостиница и где жили они сами. Поскольку была суббота и наш офис не только был закрыт (по соображениям безопасности, как я узнал, всё здание, где он располагался, закрывалось на ночь и на уикенды), но и ещё не был полностью приготовлен для работы из-за отсутствия мебели, мои коллеги предложили после обеда вместе поехать посмотреть некоторые квартиры по объявлениям в газете. В тот день нам удалось посмотреть 5–6 квартир, но оказалось, что в большинстве из них хозяева предпочитали сдачу на не менее чем на год, а другие варианты просто не подошли.

Уже перед ужином Роланд предложил мне, так как Жан-Мишель был занят, заехать посмотреть дом, где он снимал своё жильё, и заодно вместе у него поужинать. Он при этом хотел меня познакомить и со своими хозяевами, у которых можно было поинтересоваться сведениями о желающих сдать жильё для меня. Мы так и сделали. Оказалось, что вилла, в которой поселился мой бывший соотечественник, была расположена в одной из самых богатых частей этого прекрасного, тихого и зелёного района почти на самой верхней линии домов на склоне горы Сигнал Маунтин, откуда открывался потрясающий вид на океан и уходящие вниз жилые кварталы города.

У Роланда здесь была не просто квартира, а часть нижнего этажа дома с отдельным входом, спальней, столовой, собственной кухней и небольшой террасой, выходившей на зелёный двор. В дополнение ко всему всё это стоило довольно скромно, составляя примерно одну треть нашей местной месячной зарплаты. Хозяевами виллы оказалась очень симпатичная пожилая пара, которые были детьми выехавших из Латвии в 20-х годах еврейских эмигрантов, но в отличие от их родителей русского языка они не знали совсем. Роланд нас познакомил, и в ходе последовавшей беседы за вкусными бокалами вина мы обсудили много разных тем, в том числе и мою просьбу о содействии в нахождении мне жилья. В какой-то момент нашего разговора мой коллега куда-то отлучился минут на 15, а когда вернулся, то обрадовал меня сообщением, что он беседовал с хозяйкой

соседней виллы, у которой через день должно было освободиться сдаваемое помещение, которое можно будет посмотреть завтра утром.

На следующее утро мы с моим коллегой пришли посмотреть его и переговорить с хозяйкой. Эта вилла и окружавший её сад с большим бассейном по своим размерам, удобствам и красоте значительно превосходили соседнюю. Её красиво и элегантно оформленные комнаты первого этажа дополнялись просторной открытой террасой с панорамным видом на океан с одной стороны и на зелёные кварталы города — с другой. Предполагавшиеся для меня уютная спальня, гостиная и кухня находились на первом этаже. В части помещений второго этажа располагалась сама хозяйка-немка фрау Шох, а остальные там занимал её племянник со своей невестой, приехавший в гости на 5–6 месяцев из Мюнхена.

В их отсутствие она сдавала и ту часть дома, но всеми её постояльцами всегда были немецкие туристы, поэтому у неё вначале были некоторые колебания относительно сдачи части помещений русскому. Но затем, переговорив со своими соседями и узнав, что я буду руководителем миссии ЮНОМСА в трёх провинциях и поэтому надёжным съёмщиком на четыре с лишним месяца, она дала согласие. Хотя оплата показалась мне несколько завышенной, я не стал торговаться, тем более что хозяйка не только не возражала против того, чтобы у меня бывали руководители местных властей, которых мне было необходимо приглашать по служебным соображениям, но даже заверила меня, что её служанка сможет готовить угощение и обслуживать нас в таких случаях. По сути дела, в моё распоряжение предоставлялся весь первый этаж и сад с бассейном, так как, кроме меня и садовника, в них больше никто не появлялся. Вечером следующего дня после работы я переехал из гостиницы на виллу.

Ко времени моего приезда в Кейптауне уже находилось 7–8 сотрудников нашей миссии, прибывших в разные сроки за месяц-два до меня. Все эти недели они постепенно закладывали основы деятельности ЮНОМСА в Кейптауне под началом руководительницы городского отдела миссии сотрудницы МИД Барбадоса Бетти Рассел, которая к моменту моего появления по срочным семейным делам была у себя на родине. Их офисом всё это время служила снимаемая ею квартира, а последние несколько дней в отсутствие Бетти сотрудники собирались в помещениях Роланда, которого она оставила своим заместителем. Наши же нормальные совместные рабочие помещения должны были быть готовы теперь уже со дня на день после доставки мебели. Так что свой первый рабочий день я провёл во встречах,

знакомстве и беседах с моими сотрудниками в жилых помещениях Роланда Джикия[4].

В ходе этого дня из индивидуальных бесед с каждым сотрудником, а затем и на нашей общей встрече мне удалось составить себе первое представление о состоянии дел с начатой работой нашей миссии в Кейптауне. При этом выяснились отдельные группы проблем, которые требовали моего внимания и участия. Они касались отношений ЮНОМСА с административными, военными, полицейскими и политическими властями, а также с организациями гражданского общества, активно включившимися в предвыборную работу, как в самой столице, так и во всей Западной Капской провинции. Среди последних особое значение, как мне показалось, имели наши контакты и работа с руководством отделений общенациональной сети Советов Мира в Кейптауне и провинции в целом.

Такие Советы начали создаваться по всей территории Южной Африки в предвыборные месяцы в качестве тех форумов, где в обстановке равного участия представителей всех партий и сторон можно было бы обсуждать возникавшие спорные вопросы, находить решения по предотвращению и урегулированию конфликтов с применением насилия, искать с учётом общих интересов наиболее действенные формы и методы в организации подготовки к выборам и их проведения, представлять свои рекомендации избирательным комиссиям и местным властям по широкому кругу этих и других вопросов в сфере их веденья. Их председателями, как правило, назначались нейтрально-либерально настроенные профессора университетов, известные деятели культуры и искусства, а также другие авторитетные люди, не являвшиеся активистами политических партий и группировок. Само же их возникновение было вызвано чрезвычайно взрывоопасной политической ситуацией в стране, которая характеризовалась многочисленными митингами, демонстрациями, физическими нападениями на противников и соперников, в том числе и с применением разных видов оружия.

Уже со второго дня моего появления в Кейптауне я начал устанавливать первые контакты с его мэром Патрицией Крайнер, главами полиции и вооруженных сил города, председателями Советов Мира и других организаций города и провинции. Ко мне как руководителю миссии ЮНОМСА в их и ещё двух других провинциях с их стороны оказывалось подчёркнутое уважение с проявлением готовности всячески содействовать нашей работе. С их стороны тоже были высказаны определённые идеи и пожелания в адрес нашей деятельности. Мои первые встречи и беседы с ними помогли мне составить более полное

представление о положении в городе, провинции и в стране в целом. Они одновременно определили формы и каналы связи с самыми влиятельными и ответственными людьми Кейптауна и Западной Капской провинции, подготовив меня к подобным контактам в других вверенных мне провинциях. Для закрепления наших связей к концу первой моей недели работы я устроил на своей вилле в их честь первый приём, на котором в неофициальной, почти домашней обстановке мы смогли ближе познакомиться и обсудить интересовавшие нас вопросы. Мы продолжали обмены такими визитами вплоть до завершения миссии и моего отъезда.

Наши офисы, снятые в самом центре деловой части города, были готовы через несколько дней, и мы наконец могли устроиться со всеми рабочими удобствами, что значительно облегчало ведение дел. С учётом моих бесед с нашими сотрудниками и местными руководителями я начал организовывать или корректировать выполнение поставленных перед нашей группой задач, что облегчалось участием в этой работе вернувшейся из поездки домой Бетти Рассел. Не прошло и недели после моего вступления в должность в Кейптауне, как я получил сообщение от Брахими о том, что он созывает руководителей ЮНОМСА в провинциях и крупных городах на встречу в Йоханнесбурге для заслушивания их первых отчётов о работе и оценки положения на местах вместе с предложениями об улучшении выполнения нашей миссии.

До вылета на совещание оставалось ещё несколько дней, и я решил воспользоваться частью этого времени, как и планировал ранее, чтобы посетить одну из моих групп наблюдателей вне Кейптауна и познакомиться с условиями их жизни и работы, узнать о ходе их подготовки к выборам, а также об их нуждах и пожеланиях. На этот раз я выбрал небольшой городок Джорж, расположенный примерно в 350 километрах на восток от нашей столицы провинции у побережья Индийского океана.

Поскольку это был мой первый выезд из Кейптауна на машине на значительное расстояние, я взял с собой в поездку Роланда, с которым мы вели по очереди. После преодоления первых горных ущелий в самом начале пути дорога затем шла в основном по ровной долине огромных сельскохозяйственных плантаций и редких поселений. Качество шоссейных дорог Южной Африки, многие отрезки которых были прямыми как стрела, не могло не вызывать восхищения. Мне потом стало известно, что правительство в течение десятилетий развивало самую современную сеть дорог с учётом их возможного использования в военных целях для переброски войск и в

качестве взлётно-посадочных полос для самолётов. По ним можно было развивать скорость до 200 км в час.

Мои беседы с нашими семью сотрудниками в Джорже показали, что они живут и работают дружно и что в целом их подготовка к выборам налаживалась неплохо. С другой стороны, я здесь впервые столкнулся с тревожной проблемой безопасности наших людей, которые, видимо, пользуясь отдалённостью от центра, явно пренебрегали установленными в этом отношении нормами ЮНОМСА, несмотря на то, как мне сообщили некоторые из них, и это подтвердилось в беседах с руководством местных властей городка, в их адрес на улицах и по телефону порой раздавались угрозы со стороны местных белых экстремистов.

Они были главным образом адресованы нашим небелым сотрудникам, но осторожность и осмотрительность следовало проявлять всем, особенно при посещении предвыборных митингов и собраний, на которых нередко страсти выходили из-под контроля, приводя иногда к стрельбе и жертвам. В этой связи нужно отметить, что в отличие от подавляющего числа населения Южной Африки правые группировки белых смотрели на ООН и её миссию в их стране как орудие в руках Африканского национального конгресса, что уже само по себе в их глазах превращало наших сотрудников в их врагов. Такие группировки существовали почти во всех районах страны, но они были особенно сильны и активны среди буров Трансвааля. Исходя из того, что при выполнении возложенной на нас миссии было необходимо в первую очередь обеспечить сохранение здоровья и физической целостности наших сотрудников, я повсюду сначала стремился выяснить условия их жизни и работы с точки зрения безопасности, исправлять её нарушения или недостатки и только потом обсуждать деловые стороны решения наших задач.

В целях разъяснения надо упомянуть, что большинство участников миссии ЮНОМСА составляли не сотрудники Секретариата ООН, а работники самых разных общественных, государственных и частных организаций из десятков стран мира с самой разной подготовкой и разным отношением к своим обязанностям. Среди них было немало и так называемых «вольнонаёмных» индивидуумов, которые годами работали в разного рода операциях и миссиях ООН, переходя после завершения одной в другую. Некоторые из них, серьёзно относясь к своим обязанностям, набирали очень хороший и ценный опыт, который с пользой для дела применяли в выбранных ими новых условиях. Однако хватало и таких, которые при всех положительных намерениях не хотели признавать необходимую рабочую дисциплину и создавали проблемы, в том числе и в

сфере безопасности. В Джорже мне пришлось столкнуться и с такими сотрудниками, что потребовало внедрения установленных для всех нас норм и правил.

Посещение нашей группы в Джорже значительно обогатило моё понимание положения на местах и ещё лучше подготовило меня к встречам с подобными ситуациями в других точках моих широко разбросанных провинций. Оно дало мне также и ценный дополнительный материал для участия в совещании у Брахими.

Даже в эти первые плотно занятые дни некоторые вечера были связаны с посещением ужинов у наших соседей и их друзей, которым очень хотелось познакомиться с руководителем ЮНОМСА в их городе и провинции, узнать его мнение о том, что ООН может ожидать в итоге выборов и к чему им самим следует готовиться в результате ожидаемой смены власти и режима. К этому, по их собственному признанию, присоединялось чисто человеческое любопытство пообщаться с русским из России, представителей которой никто из них никогда в жизни не встречал.

Встречи с местными жителями были, безусловно, очень интересными и для меня. Они давали прекрасную возможность не только познакомиться с жизнью и бытом людей совершенно незнакомой для меня до недавнего времени страны, но и узнать об их мнениях, настроениях и ожиданиях, связанных с происходившими в ней историческими событиями, которыми и была вызвана наша миссия и к которым мы имели непосредственное отношение.

Нужно сразу оговориться, что все эти встречи с застольями происходили только в богатых домах состоятельных белых жителей нашего богатого жилого района Кейптауна. Это были коренные буры и англичане, а также ставшие гражданами Южной Африки эмигранты из Германии, Австралии, Англии, Бельгии и Израиля. Несколько раз среди гостей у хозяев-немцев и англичан встречались местные индийцы-профессионалы или преподаватели университетов. Они охотно делились своими тревогами и опасениями за своё будущее перед лицом грядущих перемен. Их пугал своей большой неопределённостью по последствиям ожидаемый приход к власти выразителей интересов, как им казалось, только чёрного населения в лице Африканского национального конгресса и его союзников. Их охватывал настоящий физический страх перед уже захлестнувшей страну преступностью и волной предвыборного насилия (кстати, ни того ни другого в Кейптауне и его провинции не было вплоть до моего отъезда), о чём им каждодневно подробно сообщали их собственные СМИ. Они с тревогой смотрели на репортажи,

рассказывавшие о начавшихся случаях нападения чёрных на дома, квартиры и фермы белых. Если, по их мнению, такие события происходили при сохранении власти в руках правительства белых, то на что они могли рассчитывать при её переходе к чёрным?

Другими словами, после десятилетий спокойной, богатой, стабильной и защищённой могуществом власти жизни в окружении дешёвой чёрной прислуги белое население страны совершенно теряло покой. Готовясь к худшему, некоторые из них начали отправляться или собирались уезжать в другие страны. Я встречал среди них тех, которые через некоторое время уехали в Англию, Австралию или США с планами остаться там навсегда. Другие собирали необходимые документы для того, чтобы отправить за границу свои семьи на период до объявления результатов выборов и дальнейшего определения ситуации в зависимости от действий новых властей. Но все вооружались и готовили свои дома к обороне или защите от нападений.

Кто-то находил и другие подобные решения. Так, например, во время посещения одной из моих групп сотрудников в Северной Капской провинции на реке Оранжевой их руководительница-итальянка пригласила всю команду на встречу со мной на свою огромную виллу, стоявшую прямо на её широком зелёном берегу. Она мне рассказала, что хозяева виллы, владевшие обширными плантациями и угодьями, уже несколько месяцев назад уехали на 2–3 года в Европу вместе с детьми, оставив своё имение под опекой приказчика-индийца, а сам дом вместе с четырьмя людьми прислуги бесплатно предоставили в распоряжение нашей итальянской сотрудницы на время её пребывания в составе ЮНОМСА.

Возможных расправ и возмездия после выборов и смены власти в ещё большей степени опасались работники полиции и военнослужащие. После более близкого знакомства с их руководством, к которому мне приходилось обращаться для координации некоторых из наших видов деятельности или просто за содействием и помощью в ряде городов вверенных мне провинций, они приглашали меня на клубные обеды или ужины командного состава. В ходе этих встреч офицеры вооружённых сил и полиции откровенно делились своими тревогами и опасениями не только за свою работу и карьеру, но и за свою судьбу и будущее своих семей. Ведь в составе армии и полиции Южной Африки были только белые с небольшим числом индийцев и других групп «цветных». Но именно эти две ветви режима апартеида служили самым ярким воплощением его репрессивного характера и могли стать наиболее вероятной

мишенью возмездия новых властей.

Такие волнения и переживания белого населения перед лицом неопределенностей, связанных с будущей политикой нового правительства, которое должно было после выборов изменить порядки в стране, были в немалом обоснованы и по-человечески понятны. В ответ на их вопросы о моём мнении на этот счёт я пытался их успокоить заверениями, что любая новая власть, избранная демократическим путём под наблюдением ООН, какой бы она ни была, в современных условиях должна будет, прежде всего, позаботиться об обеспечении порядка и закона в стране, без чего не может быть даже её собственного становления и реализации её объявлеш!ых в ходе предвыборной кампании программ. Сама же кампания свидетельствовала о том, что экстремистские партии, группировки или индивидуумы перед лицом умеренной программы Африканского национального конгресса — наиболее крупной политической силы — вряд ли могли рассчитывать даже на скромный успех. Конечно, при подобных радикальных переменах властных структур новое правительство не может не провести отстранения от рычагов власти наиболее крупных фигур прежнего режима, но оно будет обязательно нуждаться в опыте, знаниях и услугах профессионалов, в том числе и в армии, и в полиции. Без них оно просто не сможет управлять страной и обеспечивать безопасность ее жителей.

Оценки населением положения в стране в ходе проводимой в ней подготовки к выборам были одним из тех факторов, который учитывался ЮНОМСА в ходе выполнения нашей миссии, и я среди прочего сообщал о нём в моих регулярных письменных отчётах в Штаб-квартиру. Однако мой первый отчёт по данному комплексу вопросов был сделан в устной форме на первом совещании у Брахими в Йоханнесбурге, куда я прилетел через несколько дней после посещения нашей группы в Джорже. Эта встреча оказалась для всех участников очень полезной, так как, впервые собравшись вместе, руководители ЮНОМСА в провинциях и крупных городах могли поделиться друг с другом приобретённым опытом работы и своими наблюдениями за ходом подготовки к выборам в их местах. Одновременно это позволило всем нам составить более целостное представление о том, как складывалась на данный счёт ситуация по стране в целом, увидеть слабые и положительные стороны нашей работы и учесть их в дальнейшем. Немало интересного мы услышали и из выступления и комментариев нашего главы миссии Брахими. В ходе встречи нам было дано несколько брифингов, в том числе и по нараставшей в своём значении темы безопасности наших

сотрудников.

Здесь же на совещании я познакомился с несколькими из моих сотрудников, отвечавших за работу наших групп в основных крупных точках двух других порученных мне провинций. До этого я знал о них только заочно, а теперь при встрече нам удалось обсудить их дела более подробно. Они все оказались действующими или ушедшими на пенсию сотрудниками Секретариата ООН в Женеве, Вене или Нью-Йорке, что в значительной мере содействовало нашему взаимопониманию. У них был хороший опыт работы и необходимый энтузиазм. Они произвели на меня очень благоприятное впечатление. Один из них — Рахман Хусейн — оказался сыном бывшего посла Египта в Москве, где он недолго учился в советской школе. Довольно прочно забыв наш язык, Рахман тем не менее очень серьёзно увлекался русским искусством и историей, что пас быстро сблизило и потом помогало интересно коротать время увлекательными беседами в наших длительных поездках по Трансваалю и Северо-Западной Капской провинции. Мы договорились, что я приеду навестить моих коллег на местах после завершения работы в Йоханнесбурге.

Поскольку Рахман и другой коллега работали в городах, находившихся относительно недалеко от Йоханнесбурга, они приехали на совещание на одной машине с водителем. В целях делового удобства и некоторой экономии казённых средств я решил при их согласии на это поехать вместе с ними. Это давало нам возможность больше узнать друг друга, а мне ещё и воспользоваться их знаниями и опытом, чтобы познакомиться с провинцией и лучше понять складывающуюся в ней обстановку применительно к нашей работе.

Данная провинция имела репутацию оплота буров, и именно в ней, в сё трансваальской части, тогда были сосредоточены группировки правых экстремистов во главе с их руководителем Тер-Бланшем. Несколько позднее на нашем пути мы могли увидеть его огромную процветающую ферму, на которой нередко встречались его ведущие единомышленники. Члены его организации были одними из тех, кто оказывались замешанными в самые насильственные действия со стороны белых, связанные с убийствами и агрессивными демонстрациями силы. Кроме того, Северо-Западная Капская провинция граничила с очень неспокойным банту станом Бопутотсвана, а две из нескольких наших групп сотрудников были размещены там в городках, находившихся прямо на пограничной линии.

С помощью моих коллег мне удалось, несмотря на длительные расстояния, за несколько дней побывать в основных

местах расположения наших сотрудников, провести с ними встречи и беседы, а также познакомиться с представителями местных властей и организаций для обсуждения вопросов подготовки к выборам. Здесь мне пришлось столкнуться с несколькими случаями серьёзного нарушениями тремя нашими сотрудниками правил безопасности.

Двое из них, стараясь сэкономить в расходах на жильё, сняли себе комната в одном стоявшем в полном одиночестве загородном доме, находившемся в нескольких десятках метров от совершенно открытой пограничной линии с Бопутотсваной, где всё время происходили вооружённые беспорядки, а их участники беспрепятственно пересекали границу в ту и другую сторону. Кроме того, они оба, как мне сообщили представители местной полиции, тайком ездили в находившееся по другую сторону границы казино игорного центра Сан-Сити, не только тем самым ставя себя под угрозу физической опасности, но и нарушая закон страны пребывания, не говоря уже о статусе международных служащих ЮНОМСА. Этот вопрос удалось благополучно разрешить путём переселения этих сотрудников в город, где проживали их остальные коллеги, и получения от них твёрдых обещаний прекратить нарушать границу и ездить в казино. Слово своё они сдержали.

Другой случай оказался гораздо более серьёзным. Один из наших руководителей небольшой группы сотрудников, работавший до участия в ЮНОМСА в одной из неправительственных организаций в Индии, своим поведением восстановил против себя и представителей местных властей, и своих коллег. С одной стороны, он позволял себе совершенно недопустимое вмешательство в дела местной администрации и работу выборных органов, навязывая им свои собственные пристрастные предложения и решения, которые входили лишь в их собственную компетенцию, нарушая нейтральный статус наблюдателя ЮНОМСА. Жалобы на эти нарушения неоднократно поступали в адрес его коллег, но их попытки убедить его изменить своё поведение вызывали с его стороны недовольство и угрозы дать им плохие отзывы о работе. Представители местных властей и вся наша команда этого района просили меня снять его с занимаемой должности. После консультаций с Центром этот сотрудник был переведён на работу в одно из его хозяйственных подразделений в Йоханнесбурге.

Моя поездка по местам работы основных групп моих сотрудников затем продолжилась путём передачи меня коллегами из одной точки в другую на автомобилях сначала в Северо-Западной Капской провинции, а потом и в Северной

вплоть до Курумана и Кимберли, бывшего когда-то центром добычи алмазов Южной Африки, о чём там говорит и оставшийся с тех времён невероятных размеров кратер, оставленный разработчиками на окраине этого города. В этом жарком месте, очень похожем на посёлки Дальнего американского Запада в ковбойских фильмах, я заканчивал свой первый раунд посещений точек деятельности моих сотрудников в двух отдалённых от Кейптауна провинциях.

К моему удивлению — и это было одним из важных наблюдений в ходе поездки, — в некоторых из городов, несмотря на старательные усилия работников ЮНОМСА ускорить работу по подготовке к проведению выборов, на то время ещё даже не существовало комитетов по выборам, что ставило под угрозу возможность их проведения там в установленные сроки. Нередко такое положение было вызвано нерасторопностью организаций по выборам в столицах провинций в назначении соответствующих должностных лиц на места, а также отсутствием необходимых денежных средств и материальной базы. Это как раз были одни из тех проблем предвыборной кампании, о которых необходимо было информировать наш Центр в Йоханнесбурге с рекомендациями об обсуждении их на уровне правительства и исправления положения принятием срочных мер.

Вернувшись в Кейптаун, я продолжал выполнение своих обязанностей с гораздо большим пониманием состояния дел в моих трёх провинциях, находясь практически в каждодневном контакте с теми или другими руководителями наших групп по телефону или факсу. По мере возможности я стремился побывать хотя бы раз в около двух десятков наших широко разбросанных точек, в том числе в пустынях и горных районах. Такие деловые поездки одновременно давали возможность посмотреть на богатые своеобразной красотой и очень различные друг от друга географические и климатические зоны провинций.

Нерабочие уик-энды позволяли совершать выезды и в чисто туристических целях. Именно с этими намереньями мне Удалось довольно подробно изучить живописнейшие близлежащие районы Кейптауна, побывать на обширных виноградниках, скотоводческих и молочных фермах, плантациях подсолнечника и пшеницы, совершить экскурсии или подъёмы на удивительную Столовую гору, Сигнал Маунтин и соседние возвышенности, посетить дачные дома моих новых знакомых и общественные зоны отдыха, а также немало других интересных мест.

Среди них мне особенно запомнились поездки на мыс Доброй Надежды, где сохранилась старая колониальная крепость и где находится обширный заповедник, на территории которого сейчас

расположен сам исторический мыс вместе с памятником открывшему его великому мореходу Бартоломеу Диашу. Необычное ощущение испытываешь также и при нахождении на самой последней скале самой южной точки Африканского континента-мыса Агулья, очень образно названного открывшими его португальцами. Это название по-португальски означает «игла», что ощутимо передает заострённую форм скал, врезающихся в тело холодного здесь Индийского океана. Кроме этого, я посмотрел городские музеи, несколько раз бывал на театральных и балетных представлениях. Довелось побывать и в некоторых обширных национальных парках, в том числе на границе с Намибией. После дней отдыха наступала всё более активизировавшаяся в связи с приближением выборов работа.

В дополнение к уже упомянутым аспектам деятельности нашим наблюдателям и мне тоже нужно было участвовать по приглашениям Советов Мира разных уровней в качестве наблюдателей на их заседаниях и отвечать на их просьбы по предотвращению назревавших столкновений между различными этническими или расовыми группами населения и возникавших между ними конфликтов. Иногда с такими просьбами к нам обращались и Управления полиции.

В этом отношении любопытно отметить, что в нашем участии в заседаниях Советов Мира, как правило, были заинтересованы все представленные в них стороны, то есть все основные политические партии и группировки, а их бывало в зависимости от места и уровня до целого десятка. Каждый участник таких встреч шёл на них со своими партийными идеями и предложениями, но решение могло быть принято только на основании приемлемого для всех компромисса. Принцип консенсуса, конечно, замедлял работу, порой надолго растягивая заседания и увеличивая их число, но побуждал всех участников постепенно идти навстречу друг другу и находить выход, которому должны были следовать все. ЮНОМСА присутствовала на таких заседаниях без права выступления за исключением ответов на просьбы предоставить определённую информацию, но сам факт того, что мы слушали всё происходящее и делали для себя пометки, являлся тем сильным стимулом, который побуждал участников проявлять умеренность и добиваться компромисса. Об этом мы не только догадывались, судя по ходу обсуждений, но и знали от самих представителей разных сторон.

При всей важности других форм нашей работы в рамках ЮНОМСА особое удовлетворение ощутимой непосредственностью достигнутого результата вызывало участие в предотвращении опасных физических столкновений политических, расовых или

этнических групп. Приведу в этой связи лишь один пример.

Однажды около одиннадцати утра у меня в кабинете раздался звонок от начальника полиции Кейптауна, который сообщил, что в одном посёлке около 150 км от города назревает столкновение между двумя конфликтующими группами цветного и чёрного населения — белых там не было вообще. Каждая из этих общин жила раздельно от другой, занимая свою часть города.

Предлогом для готовящегося взрыва страстей в уже напряжённой обстановке послужило решение чёрной общины силой заставить своих цветных оппонентов открыть находившуюся на их территории детскую площадку для пользования всех детей, так как в кварталах африканского населения детской площадки не было вообще. Узнав об этом решении, жители цветных кварталов постановили в свою очередь не допустить этого. В результате обе стороны в то утро начали вооружаться и готовиться к столкновению, которое угрожало жертвами. Начальник полиции сказал при этом, что его люди пытались в прошлых напряжённых ситуациях в этом городке примирить конфликтующие стороны, но вызывали лишь их совместные протесты против появления белых полицейских, которых они, мягко говоря, не любили так, что даже по ним стреляли, и которым никто из них не доверял. По его словам, мне должен был в любой момент звонить из того городка находившийся там представитель районного Совета

Мира и просить нас приехать, чтобы помочь предотвратить очень тревожные события. Он сказал также, что готов нам оказать всю необходимую помощь, если потребуется.

Почти вслед за ним прямо с места позвонил председатель Совета Мира профессор университета Кейптауна Ян Смит. Описав ситуацию, он просил меня приехать помочь предотвратить готовившееся столкновение, но не прибегать к видимому участию полиции. Я согласился приехать, и мы условились по его предложению сначала встретиться с ним отдельно в здании почты, находившейся на дороге при въезде в посёлок. Часа через два с половиной мы уже сидели с ним и моим помощником в одной из служебных комнат почтового отделения, любезно предоставленной в наше распоряжение его начальником.

Ян Смит сначала сообщил, что большая группа жителей-африканцев уже собирается на улице недалеко от границы с кварталами своих противников, и что то же самое происходит на одной из площадей неподалёку, где собираются их цветные соседи. Согласно его сведениям, африканцы намеревались отправиться к детской площадке, оккупировать её, а потом

требовать её открытия для своих детей, а в случае получения отказа оставаться на пей и не допускать туда никого. Их противники в свою очередь готовились встретить африканцев на пустыре, через который тем нужно было пройти на пути к площадке.

Ян сказал также, что он пытался примирить стороны в разговорах с руководителями двух общин, но это оказалось безуспешным из-за их большой эмоциональной взвинченности по данному вопросу. Они его не захотели слушать. После этого я попросил профессора коротко изложить мне историю отношений двух общин и назвать другие причины, которые вызвали существующий враждебный настрой между ними. Уяснив для себя эту общую картину, я предложил Яну нам поторопиться сначала к группе африканцев и встретиться с их руководителем, чтобы попытаться сначала хотя бы немного отодвинуть время их выступления к площадке, а затем использовать паузу для разговора с представителями оппонентов. Он поддержал такой подход, и мы направились к месту сбора африканцев.

Когда мы появились на улице в нескольких десятках метрах от их первых рядов, шум и возбуждение этой толпы постепенно несколько спали. По всей вероятности, это было вызвано неожиданным приходом к ним незнакомцев, на которых они увидели форменные полевые жилеты и кепки с обозначением их принадлежности к ЮНОМСА, то есть к числу международных наблюдателей ООН в их стране. Мы подошли к ним вплотную, поприветствовали всех, кто оказался рядом, и пожали им руки. Они поняли, что мы хотим увидеть их руководителя, и расступились, открывая нам путь к двери одноэтажного домика, где в этот момент он находился. Этот крупного сложения человек лет пятидесяти по имени Филипп встретил нас на самом пороге при выходе на улицу, услышав, видимо, реакцию толпы на наше появление. Ян нас представил, и Филипп пригласил нас в маленькую комнату, где стоял лишь один простой стол и несколько табуреток и где сидели двое его людей. Нам предложили сесть.

При подходе к этому дому я увидел около него небольшое кафе и, начиная наш разговор, спросил Филиппа, могу ли я угостить присутствующих чаем или кофе с сандвичами, так как нам никому не удалось пообедать. Хозяин попросил одного из своих людей выполнить мою просьбу, и я передал ему деньги. За время его короткого отсутствия Филипп довольно возбужденно изложил суть причин их выступления против соседей. Дети его общины годами были лишены игровой площадки, которую преобладавшие в численном составе соседи-индийцы построили

якобы на средства муниципалитета в своей части посёлка, но не пускали туда африканских детей, пользуясь поддержкой белой полиции и районных властей. Теперь, когда апартеиду наступал конец, африканцы требовали, чтобы все дети посёлка имели свободный доступ к игровой площадке. Но поскольку индийцы отказывались согласиться, африканская община решила восстановить справедливость, и если потребуется, с применением силы.

К этому времени вернулся человек, посланный за сандвичами, и мы продолжали разговор за перекусом, который несколько отвлёк Филиппа от его эмоционального рассказа. Я сказал ему, что требование его общины в отношении площадки было совершенно понятно, но удовлетворить его с помощью силы, учитывая к тому же численное преимущество их соседей, вряд ли удастся. Такие насильственные действия, на наш взгляд, скорее приведут к физическим столкновениям сторон с серьёзными, а может быть, и трагическими последствиями, так как взвинченные эмоциями толпы не поддаются контролю их руководителей. В конечном счёте всё это может привести не только к жертвам ранеными, изувеченными, а то и убитыми, но и к дальнейшему обострению уже и без того напряжённых отношений между общинами, что может породить новые вспышки насилия. Я предложил Филиппу, не принимая окончательного решения о своих действиях, поговорить ещё раз спокойно со своими людьми, предоставив нам пока некоторое время для обсуждения положения с их соседями. Переговорив с ними, мы обещали вернуться и рассказать о результатах встречи. На данный момент мы просили лишь пока отложить время выступления на детскую площадку.

Обменявшись коротко мнениями со своими людьми в комнате, Филипп сказал, что он постарается уговорить народ подождать нашего возвращения от соседей и в зависимости от результатов принять окончательное решение. Получив это обещание, мы во главе с Яном пересекли невидимую границу соседней улицы и оказались недалеко от другой толпы, занявшей часть пустыря. Как и в предшествующем случае, наше появление здесь тоже вызвало удивление своей неожиданностью. В этом месте люди были настроены более спокойно, видимо, чувствуя свое численное преимущество и занимая позицию обороны. Мы застали их руководителя сидящим с тремя другими людьми за полевым складывающимся столом на углу улицы перед пустырём, откуда они могли видеть появление своих противников. Все четверо пили кофе и курили.

Увидев нас, они встали, и мы, подойдя к ним, обменялись

приветствиями, а Ян представил нас друг другу. Тут же появились дополнительные складные стулья, мы сели, и Бёрти как хозяин предложил нам кофе или чай. Я сказал, что мы были приглашены посодействовать нахождению мирного решения проблемы детской площадки по инициативе Совета Мира и в этом качестве уже провели предварительное обсуждение с их соседями, которые согласились отложить своё выступление на время нашей встречи на этой стороне посёлка. Бёрти, отстаивая позицию своей общины, говорил, что они строили площадку для своих детей своими руками, взяв лишь небольшую сумму из бюджета посёлка на закупку её оборудования. Он утверждал, что их соседи могли бы сделать то же самое, но не сделали этого, а потом стали требовать её для себя. Да, апартеид заканчивался, но это не означало, что нужно делить честно приобретённую собственность одних с другими, тем более что те, другие, не могут себя вести цивилизованно по отношению к соседям.

Мы с Яном пытались убедить Бёрти, что их двум общинам предстоит жить всё время бок о бок, а с ожидаемым приходом новой власти и с концом апартеида они будут жить одной общей жизнью единого посёлка, и что чем раньше они найдут согласованное решение разделяющих их проблем, тем им всем будет легче жить. Вопрос о детской площадке предоставлял им такую хорошую возможность начать двигаться в этом неизбежном для их страны и посёлка направлении. Жить в мире следовало уже начинать сразу, не проходя через кровь и напрасные жертвы, не откладывая дело на будущее, когда возникнут другие жизненные проблемы, Бёрти соглашался, что лучше было жить в мире, но при этом утверждал, что его сторона не нападала, а оборонялась, и что нам следует убедить сначала соседей оставить их опасную затею. Мы со своей стороны говорили, что нам пока удалось их уговорить отложить выступление до обсуждения этого вопроса с общиной Бёрти, но, вернувшись к Филиппу, мы должны будем ему сообщить, что им предлагается в ответ. Бёрти сказал, что они должны подумать о возможном варианте решения и обсудить его со своими людьми.

Условившись, что примерно через час мы снова придём к ним за их ответом, наша группа направилась в другой лагерь. Там нас ждали с нетерпением. Мы объяснили Филиппу и его людям, что их соседи, желая избежать кровопролития, которым всё равно ничего добиться не удастся, приступили к обсуждению возможного предложения с их стороны, на что им потребуется примерно час времени. Несмотря на недоверие и утверждения, что такой тактикой соседи лишь пытаются затянуть дело, Филипп в итоге дал согласие подождать. В ходе ожидания мы в свою

очередь поинтересовались, какой вклад его община была готова бы сделать, чтобы как-то компенсировать другую сторону за строительство площадки, которую они создали своими руками, взяв совсем немного денег из казны посёлка. Филипп обещал обсудить такой подход со своими людьми, отметив при этом, что подобные вопросы так быстро не решаются, а пока предложил подождать ответа от оппонентов, который мог бы подсказать их собственное решение.

После этого мы снова отправились в лагерь Бёрти и, получив несколько их предложений и условий, передали их противоположной стороне, которая обещала их изучить и дать ответ через день-два, но при этом мы получили заверения, что они своё выступление откладывают на это время. Нам пришлось вслед за этим ещё несколько раз переговорить с той и другой стороной, добиваясь более точного согласования между ними места и времени их будущей встречи, которую они в конечном счёте назначили провести через три дня в помещении районного Совета Мира под председательствованием Яна Смита. Лишь после этого обе толпы соседей стали расходиться по домам, унося с собой приготовленные для схватки оружие, палки, дубинки, железные прутья и прочие предметы. Был уже вечер, когда Ян Смит и я с помощником рассаживались по своим машинам. Мы порядком устали за этот напряжённый день, но при этом испытывали глубокое удовлетворение тем, что тогда нам удалось предотвратить готовившееся кровопролитие.

За время пребывания в Южной Африке мне довелось ещё несколько раз совершить далёкие деловые поездки как по вверенным мне провинциям, так и в Йоханнесбург. Одна из них состоялась по совершенно срочному вызову со стороны заместительницы Брахими по ЮНОМСА помощницы нашего генерального секретаря Анджелы Кинг. Её телефонный звонок состоялся буквально через несколько часов после того, как СМИ передали экстренные сообщения о восстании в самом крупном бантустапе ЮАР, Бопутотсване.

Это так называемое независимое государство, учреждённое режимом апартеида, вслед за происходившими изменениями в Южной Африке уже какое-то время переживало бурные внутренние беспорядки. Они были вызваны борьбой между сторонниками его возвращения в лоно всей страны и проведения в нём демократических выборов и теми, кто хотел превратить данный баптустан в отдельное государственное образование при сохранении рычагов власти в руках племенной группировки, назначенной когда-то правительством Претории. С приближением даты выборов в Южной Африке накал борьбы в

Бопутотсване вылился в успешное вооружённое восстание сторонников возвращения этой территории в рамки ЮАР.

Поскольку Бопутотсвана граничила с Северо-Западной Капской провинцией, то в Йоханнесбурге было принято быстрое решение присоединить этот бывший банту стан к ней и немедленно начать там подготовку к уже близким выборам с учётом возникшего на этот счёт запоздания. Ввиду того что данная провинция по линии ЮНОМСА была в моём ведении, Анджела Кинг сообщила мне о принятом решении и предложила вылететь для консультаций в нашей Штаб-квартире первым самолётом на следующее утро. По итогам консультаций было принято решение уже на другой день направить в столицу бывшего банту стана Ммабато делегацию ЮНОМСА в составе 5 человек во главе с А. Кинг. Я оказался в их числе. Нам был предоставлен для поездки маленький реактивный самолёт-салон, на котором мы вылетели следующим ранним утром в Бопутотсвану.

Наш самолёт приземлился на великолепном поле аэродрома Мафикснг, расположенном в ровной африканской саванне. Уже приземлившись, мы заметили, что наш самолёт был единственным на всём этом прекрасном аэродроме, где не было даже привычных тягачей, заправочных грузовиков или других машин обслуживания. Вместо них в разных концах поля аэродрома стояли бронетранспортёры и военные грузовики с солдатами южноафриканской армии. Когда наш крошечный самолёт остановился на посадочной полосе вдали от небольшого, но очень аккуратного здания терминала, мы вышли на поле в ожидании встречавших нас людей, но никого из них не было видно. У нас у всех возникло неуютное ощущение, которое, должно быть испытывают люди, оказываясь в одиночестве на огромном сюрреалистически пустынном пространстве в состоянии неопределенности относительно того, куда они попали и что с ними будет. Однако через 3–4 минуты из-за здания терминала в нашу сторону выехали несколько военных джипов и два автомобиля. Они подъехали прямо к нам, и из них вышли несколько офицеров, которые представились нам и при этом извинились за необычную обстановку на аэродроме, который в связи с событиями, как оказалось, был просто закрыт на неопределённое время.

Перед тем как предложить нам разместиться в двух автомобилях, старший офицер сказал нам, что сначала нам предстояло поехать на встречу с послом Южной Африки в Бопутотсване (других посольств там, кстати, никогда не было), который ожидает нас к завтраку в своей резиденции, а затем нас

должны были отвезти в правительственный дворец в Ммабато. Там были предусмотрены наши беседы с представителями новой администрации по вопросам организации подготовки к выборам и их проведения в Бопутотсване. Наш самолёт должен был вернуться за нами вечером к окончанию нашего пребывания. Получив эту информацию, мы сели в автомобили и в сопровождении военного эскорта выехали с поля аэродрома.

Дорога шла по очень плоской саванне, покрытой низкорослым кустарником. По прекрасному, хотя и не очень широкому шоссе мы ехали совершенно одни прямо по его середине, не увидев ни одной другой машины. По всей вероятности, эта дорога тоже была закрыта по причине чрезвычайного положения, введённого на территории. Ещё не увидев города, мы свернули на более узкую полосу асфальта и вскоре остановились среди аллеи деревьев перед высокой каменной стеной, закрытой ещё более высокими рядами густо свёрнутой колючей проволоки. По направлению асфальта можно было разглядеть, что мы находимся перед воротами въезда, которые по внешнему виду были закамуфлированы и почти сливались со стеной за той же проволокой. Метрах в 10 по обе стороны от дороги среди кустов стояли два высоких бронетранспортёра с пулемётами, за которыми виднелись фигуры солдат. У ехавшего перед нами джипа с офицерами очень быстро появился их коллега в форме, который, переговорив с ними, подошёл к нашим автомобилям и любезно нас поприветствовал через открытые окна. Сделав это, он направился к воротам и что-то передал по переговорному устройству, после чего наш небольшой кортеж въехал в открывшиеся ворота и направился но широкой дуге подъезда к центральному входу в великолепный распластавшийся среди зелени особняк.

Около настежь распахнутых дверей нас ожидали несколько сотрудников посольства во главе со своим послом. Мы вышли из автомобилей и представились друг другу. Извиняясь на ходу за несколько военизированный внешний приём, вызванный событиями последних нескольких дней, посол повёл нас через красиво оформленные внутренние помещения особняка в приготовленную для делового завтрака столовую залу. После пятиминутной паузы, предоставленной нам, чтобы мы могли привести себя в порядок, мы уже были за блестевшим хрусталём и серебряными приборами столом.

Справившись о том, как мы долетели, посол предложил приступить к завтраку и сразу же стал говорить о деле. Он дал свою, и, как нам показалось, довольно объективную оценку событий в Бопутотсване, остановился на её непросто

складывающемся положении, отметив возможные вооружённые выступления сторонников прежней власти, а также на ряде проблем, возникавших с организацией подготовки и проведения выборов в новых условиях на территории. Затем последовала серия вопросов с нашей стороны по уяснению и уточнению некоторых аспектов его оценки ситуации применительно к выполнению задач ЮНОМСА в Бопутотсване. Посол и некоторые из его дипломатов в свою очередь поинтересовались планами организации нашей работы в столь сжатые сроки, которые требовали очень интенсивных усилий по развёртыванию наших людей в разных точках территории с тем, чтобы они могли как можно раньше приступить к работе. После делового завтрака посол устроил нам короткую экскурсию по великолепным помещениям посольства, и затем мы попрощались с ним у ожидавших нас машин.

Теперь мы ехали на ряд встреч с представителями новой, ещё только предварительно и не полностью сформированной администрации, которая очень нуждалась в советах и помощи в создании механизма, учреждении норм и процедур, а также разработке планов организации подготовки и проведения первых демократических выборов на своей территории. Вместе с нами в этих встречах должны были принимать участие ответственные работники по ведению предвыборной работы из Северо-Западной Капской провинции, частью которой теперь стала Бопутотсвана. Проехав короткий путь от посольства ЮАР по уже знакомой и довольно однообразной саванне, мы оказались на пыльных, унылых и очень бедных улицах столицы территории Ммабато. Если не считать нескольких центральных кварталов, то этот город скорее походил на большую африканскую деревню с гуляющими около примитивных лачуг мелкими домашними животными и птицей. Но здесь на улицах царила атмосфера видимого возбуждения, повсюду можно было наблюдать толпы активно обсуждавших что-то людей, в некоторых местах проходили митинги, туда и сюда двигались группы жителей.

Мы подъехали к самому большому зданию в центре города, в котором и размещалась администрация Бопутотсваны. Нас здесь уже ждала многочисленная группа её новых сотрудников, которая оказала нам восторженный приём с выкриками и хлопаньем в ладони. В сопровождении этих приветствий нас провели на второй этаж, где руководители администрации пригласили нас в зал заседаний, оставив остальных сотрудников в просторных и естественно продуваемых коридорах, где огромные арки окон по замыслу архитектора не нуждались в стёклах.

Быстро были поданы кофе и чай, и вслед за словами

официальных приветствий со стороны наших хозяев мы приступили к работе. Теперь мы услышали от руководителей администрации почти такую же оценку недавних событий и положения в Бопутотсване, которую им давал посол ЮАР, а затем все участники перешли к обсуждению целого комплекса вопросов, связанных с подготовкой и проведением выборов с учётом специфики местных условий и ситуации. С наступлением часа обеда все согласились не расходиться, а продолжить работу после короткого перерыва, во время которого нам были розданы сандвичи. Мы разошлись около восьми вечера, испытывая взаимное удовлетворение достигнутыми результатами.

Перед тем как отправиться в аэропорт, группа ЮНОМСА провела короткое совещание. На нём было, среди прочего, решено, что мне следовало выехать на машине в наши ближайшие точки Северо-Западной Капской провинции, с тем чтобы определить и отобрать первую команду сотрудников ЮНОМСА в целях откомандирования для организации работы в Ммабато через 1–2 дня. В этой связи местная администрация выделила мне полицейскую машину, на которой я в сопровождении военного джипа отправился в невероятно тёмную южноафриканскую ночь через саванну в ближайшую точку пребывания наших сотрудников — город Рустенберг.

Туда мы приехали уже за полночь, и, оставив меня в гостинице, моё бравое сопровождение снова отправилось в Бопутотсвану. Мои сотрудники были очень удивлены, когда на следующее утро после завтрака я появился в их офисе в центре Рустенберга. Я объяснил причины моего неожиданного появления у них, и после общего обсуждения и согласия определили трёх человек для переезда в тот же день или на следующее утро в Ммабато. Йоханнесбург должен был найти уезжавшим замену из числа продолжавших прибывать в состав ЮНОМСА новых сотрудников. С этими тремя я провёл отдельную встречу для введения их в курс положения в Бопутотсване и ожидавших их первых задач. К вечеру они должны были уже быть на месте назначения. После обеда мы с Рахманом выехали в нашу другую близкую от Бопутотсваны точку — город Фрибург, где я проделал примерно то же самое, что и в Рустенберге. Здесь мы отобрали по тому же принципу двух сотрудников, которым следующим утром предстояло выехать на новое место работы.

Оказавшись теперь относительно недалеко от границы с моей Северной Капской провинцией и за отсутствием где-либо поблизости коммерческого аэропорта, я решил воспользоваться сложившейся ситуацией и снова посетить Куруман и Кимберли, где у местных властей ещё сохранялись некоторые трудности в

налаживании предвыборной работы. Кроме того, я считал также необходимым побывать в Спрингбоке, Аппингтонс и тех других наших точках этого региона, куда мне ещё добраться не удавалось.

По уже имевшемуся опыту мои коллеги перевозили меня на машинах из одного места в другое, передавая в каждом новом пункте, словно эстафетную палочку. В ходе этой недельной поездки мне удалось встретиться с нашими людьми в очень отдалённых точках, выяснить условия их безопасности, жизни и работы и внести, где это требовалось, необходимые коррективы. Мне было отрадно отметить, что паши люди были очень признательны, что ими, так далеко находившимися отовсюду, интересуются и что о них помнят. Даже после завершения нашей миссии и моего возвращения в Нью-Йорк мне было приятно получать письма и открытки от некоторых из моих сотрудников по ЮНОМСА, в том числе и работавших в этих далёких местах, с выражением добрых слов признательности и пожеланий. В дополнение к этой необходимой и полезной деловой стороне мне удалось увидеть много интересного и увлекательного с точки зрения дальнейшего познания природы и ж из пи людей Южной Африки.

В Кейптаун я прилетел из Аппгаптона, когда предвыборная кампания уже разворачивалась в полную силу. Примерно за неделю до дня выборов в ЮАР начали прибывать сотни сотрудников ЮНОМСА и добровольцев ООН, которые должны были разъехаться по многочисленным точкам страны для наблюдения за ходом проведения самого голосования. С их приездом во вверенные мне провинции общее число моих сотрудников составило свыше 550 человек. Теперь, когда в подавляющем числе выборных округов по стране подготовительная работа по проведению выборов завершалась, наше внимание постепенно переключалось на положение с избирательными участками, бюллетенями и процедурами голосования.

В эти же дни произошло одно очень обрадовавшее меня личное событие: ко мне на неделю отпуска прилетел из Швейцарии мой постоянную путешествующий сын Андрей. Он давно хотел побывать в Южной Африке, а теперь, воспользовавшись событиями и моим нахождением там, приурочил свой приезд ко дню исторических выборов. Его прилёт удачно пришёлся прямо на начало уик-энда, когда я был более свободен от работы и мог уделить ему время в эти дни. Моя хозяйка фрау Шох и слышать не хотела, чтобы мой сын поселился где-то в другом месте, и с удовольствием сдала для него

помещения, которые за 2–3 дня до этого освободил вернувшийся в Германию её племянник. Более того, она познакомила его с детьми того же возраста своей ближайшей подруги, у которой под Кейптауном была большая ферма-зоосад, где она с мужем и сыновьями занималась выращиванием крокодилов, разных местных животных и птиц, шкуры и перья которых продавались в коммерческих целях. Так что основную часть времени Андрей проводил со своими новыми друзьями в их компаниях, в поездках по интересным местам и походах по горам.

Но дни его первого уик-энда мы провели вместе, съездив на мыс Доброй Надежды и в окружающий его заповедник, посмотрели все возможные самые живописные окраины Кейптауна. Потом он сопровождал меня, меняясь со мной за рулём, в мою ранее запланированную деловую поездку на целый день в несколько точек пребывания наших сотрудников в юго-восточной части Западной Капской провинции, чем мы воспользовались, чтобы заехать по пути на самую южную оконечность Африки — мыс Агульяс. Мы славно и памятно провели много часов вместе. После этого вплоть до дня выборов нам удавалось видеться в основном только за завтраком, так как мы оба возвращались очень поздно: у меня были лихорадочно занятые последние дни перед выборами, а он проводил время со своими новыми местными друзьями.

И вот наконец наступил долгожданный в нашей работе день — день первых демократических выборов в Южной Африке. Политические и расовые страсти в стране не утихали, усугубились и серьёзные разногласия в борьбе за власть между Африканским национальным конгрессом во главе с Нельсоном Манделой и силами, группировавшимися вокруг лидера партии Иката Бутолези, опиравшегося на самое численно крупное среди африканских племен ЮАР население зулусов, сосредоточенное в провинции Квазу-Наталь. Не оставались бездеятельными и правые экстремистские группы белых. На выборы вышло более десятка конкурирующих между собой партий самых разных политических убеждений.

Выборы должны были охватить всё население страны, включая популяцию тюрем, в которых политических заключённых уже не было. Именно в тюрьмах избирательные участки должны были открыться раньше, чем в большинстве других мест. Желая в этот день побывать на как можно большем числе участков и принять участие в совещании Центральной избирательной комиссии провинции, чтобы лучше проследить за ходом выборов и за работой сотрудников ЮНОМСА, я решил начать с самой известной тюрьмы страны, в которой раньше держали наиболее

важных политзаключённых и где теперь находились самые опасные уголовники-убийцы.

Эта тюрьма расположена на острове Роббен в заливе перед бухтой Кейптауна примерно в 20 км от берега. Сам по себе этот небольшой остров по периметру не охранялся совсем, так как холодные воды очень быстрого течения и массы обитавших в них акул не давали спасения никому. Но всё, что находилось на территории острова — помещения тюрьмы, офисы администрации, здание персонала охраны и подсобные строения — было, образно говоря, под семью замками. На нём не жил никто, а все служащие и военизированная охрана приезжали по специальным пропускам на небольших охраняемых пароходах к семи утра, когда менялись наряды дежурных и начинался рабочий день. В семь вечера все прибывшие утром уезжали, оставив привезённую новую смену охраны. Другого транспорта на остров и с него не было. Это было место заключения самого строгого режима во всей стране. Именно там, в камере-одиночке более 25 лет провёл Нельсон Мацдела.

В связи с особым положением острова Роббен попасть на него для наблюдения за проведением выборов оказалось не так просто. Когда я как-то высказал пожелание посетить эту тюрьму в день выборов мэру Кейптауна Патриции Крайнер, она меня сразу переадресовала с этой идеей к начальнику полиции провинции, сказав, что любые поездки на остров совершаются по особой процедуре при получении заблаговременного разрешения и специального пропуска. Начальник полиции, с которым у нас к этому времени установились хорошие отношения, сказал, что для получения разрешения и пропуска я должен подать официальное заявление в качестве руководителя ЮНОМСА в провинции, изложив цели, дату и часы посещения с указанием всех требуемых данных и на сопровождающих меня коллег. Он объяснил, что главная проблема посещения связана с обеспечением безопасности посетителей, поскольку в день выборов они и заключенные, в основном убийцы-рецидивисты, должны будут находиться какое-то время в одном помещении зала голосования, а это не лишено своего риска и потребует соответствующей подготовки.

Поскольку я собирался провести на острове не более двух часов, чтобы успеть посетить другие избирательные участки, мне было неудобно связывать себя даже ранним рейсом в тот день специального парохода охраны. В этой связи мне пришла идея использовать для этой цели имевшийся в моём распоряжении вертолёт ЮНОМСА. С собой я планировал взять одного нашего сотрудника, который должен был остаться на острове после моего

отъезда.

Когда мы заблаговременно начали готовить необходимые документы, ко мне в офис зашёл руководитель группы наблюдателей Европейского союза, которые снимали рабочие помещения в одном здании с нами. Он узнал, что в день выборов я собирался посетить тюрьму на острове Роббса, используя вертолёт ЮНОМСА, и пришёл просить меня взять с собой двух человек из его группы. Выяснив, что наш вертолёт может взять 5 пассажиров, я дал ему своё согласие, и он начал готовить соответствующую документацию на своих людей. Как мы потом узнали, пилоту нашего вертолёта тоже пришлось проходить оформление, хотя, оставив пассажиров на острове, он там оставаться не мог и должен был сразу вернуться в Кейптаун.

После всех этих предварительных приготовлений в пять часов утра в день выборов наша группа собралась на поле для вертолётов в портовой части города. Когда пилот закончил приготовления, мы поднялись в воздух над городом, над которым мы полетали минут 10, любуясь его поразительной красотой, в ожидании выхода на прямую линию полёта на остров. Ещё минут через десять мы уже приземлялись на посадочную площадку, находившуюся почти на берегу у причала. Здесь нас ждал целый эскорт военных во главе с начальником острова. Встретили нас очень любезно, но тщательно и учтиво проверили документы каждого из прилетевших, и только после этого вертолёту была дана команда вылететь обратно.

Взятые в кольцо охраны, мы всей группой во главе с начальником острова отправились к нему в кабинет, где он, угощая нас чаем и кофе, рассказал, как будет осуществляться процедура голосования и какие основные меры безопасности мы должны соблюдать. Наш хозяин строго подчеркнул, что их заключённые являются очень опасными преступниками, и что, несмотря на контроль и обыски на пути в зал голосования, они могут утаить какое-то оружие и использовать его против кого угодно в их окружении. А поскольку у них в это время будут свободны руки, они могут совершить нападение и без оружия, попытаться взять кого-нибудь в качестве заложника и потом выдвигать свои требования. Он настоятельно призывал нас постоянно помнить об этом и не отходить от наших вооружённых охранников, которые будут пас постоянно сопровождать. Получив этот инструктаж, мы поинтересовались у нашего хозяина возможностью посмотреть в остававшееся до начала голосования время камеру, где находился Мандела. Хозяин с готовностью согласился выполнить наше пожелание, и снова в кольце охраны мы пошли по острову к зданию тюрьмы. В одном из её отделений,

несколько на отшибе от основного помещения, нам показали ничем не примечательную, обычную каменную клетку с плотной металлической дверью и решёткой в стене с видом на побережье. Мы посмотрели на неё без всяких комментариев, но сам хозяин упомянул, когда мы вышли на улицу, что после выхода Манделы из тюрьмы его камеру пока никто не занимал.

Теперь мы всей толпой направились в зал для голосования. Это было очень просторное помещение склада, освобождённого специально на время выборов, где вдоль длинной задней стены было поставлено несколько широких столов, за которыми уже деловито расположились служащие, которые должны были проверять личность голосующих, выдавать им бюллетени для голосования и регистрировать их получение. Сзади в двух шагах от них стояли солдаты с автоматами. Для неграмотных — а их оказалось для нас неожиданно немало — были приготовлены специальные коробочки с трудно смывающейся краской, куда они должны были опускать с сильным нажимом палец и затем переносить его на журнал регистрации напротив их фамилии вместо обычной росписи. После этого каждый избиратель переходил далее по стене к высокому прилавку, на котором он изучал полученный бюллетень с фамилиями и фотографиями всех кандидатов с цветными символами различных партий, а затем, отмстив крестиком в соответствующей клетке выбранного кандидата, подходил к столу с избирательной урной и опускал в неё свой бюллетень.

Другими словами, в этой тюрьме, да и в других тоже, вся процедура была примерно одинаковой, но с определёнными особенностями. Здесь в помещение голосования конвоиры впускали избирателей через определённые интервалы, чтобы не давать им возможности оказываться рядом и не попадать одновременно к одному столу. Начиная со входа в зал и во время продвижения по залу вплоть до выходной двери, где заключённые снова оказывались перед конвоирами, они были под постоянным наблюдением вооружённой охраны с автоматами, стоявшей в нескольких шагах у каждого стола, у прилавка изучения бюллетеней и у стола с урной. Другая цепь охранников с автоматами была расставлена в метрах 5–6 от столов лицом к ним и ближе к центру зала по всему его периметру. Нас, наблюдателей, поместили почти в центре помещения, так что мы постоянно были отделены от заключённых цепью охраны. Когда нам нужно было посмотреть на бюллетени, отметки в журнале регистрации или что-то уточнить в процедуре, то мы сообщали об этом нашему сопровождению, и тогда нас подводили к соответствующему столу в специально выдержанную короткую

паузу.

Пробыв в тюрьме около двух часов и убедившись, что там с голосованием всё обстояло нормально, к назначенному часу меня в сопровождении начальника тюрьмы вместе с несколькими охранниками провели до вернувшегося за мной вертолёта, который быстро доставил меня в Кейптаун. Мои другие коллеги должны были вернуться в город после завершения голосования специальным рейсом парохода вместе с опечатанными урнами и проследить за их доставкой в выделенное для подсчёта голосов помещение мэрии.

Весь остальной этот день я провёл, посещая 7–8 других избирательных участков, где некоторое время наблюдал за прохождением голосования, беседовал с прикреплёнными к ним нашими сотрудниками и наблюдателями ЕС, а также с присутствовавшими там ответственными представителями избирательных комиссий и Советов Мира. Между этими посещениями я наведывался в наш рабочий офис, чтобы знакомиться с сообщениями о ходе выборов на местах в трёх моих провинциях. Некоторые мелкие проблемы и неувязки на ряде участков возникали, но в целом выборы проходили хорошо. Это касалось и далеких точек, где подготовка была начата с опозданием и где возникали трудности в её организации.

Вечером, уже незадолго до закрытия избирательных участков, мы с моим сыном выполнили просьбу нашей хозяйки фрау Шох и отвезли её голосовать. Дело в том, что через два дня после моего поселения в её доме она, прогуливая поздно вечером свою собаку по вершине скалы над берегом океана, поскользнулась и сломала себе одну и сильно повредила другую ногу. Так что все эти месяцы она оставалась в коляске и в день выборов сама до своего далёкого участка добраться не могла. Это был последний избирательный участок, который я посетил в тот памятный и исторический для Южной Африки день.

Уже на следующее утро основная масса участников ЮНОМСА стала разъезжаться по своим домам, но некоторым из нас нужно было ещё проследить за правильным вскрытием урн и подсчётом голосов. Однако через два дня и эта работа была закончена. Результаты первых демократических выборов в Южной Африке, как и ожидалось, принесли триумфальную победу Африканскому национальному конгрессу во главе с Нельсоном Манделой. Однако этот успех оказался неповсеместным: в провинции Квазу-Наталь большинство населения проголосовало за Бутолези и его партию, а в Западной Капской провинции и её столице Кейптауне, где белое и цветное население составляло большинство, власть взяли партии, отражавшие интересы этих групп.

После объявления итогов голосования ряды основного состава наших сотрудников сильно поредели. Вслед за их отъездом в Кейптауне остались на неделю мой администратор Жан-Мишель и я. Ему нужно было готовить к сдаче все наши помещения и хозяйство в целом, а мне надо было составить для Центра сводный отчёт о работе ЮНОМСА во всех трёх провинциях. В эти же дни я вместе с Анджелой Кинг был назначен представителем генерального секретаря ООН на открытии первой сессии нового демократического парламента Южной Африки, которая состоялась в Кейптауне — парламентской столице страны. На этом праздничном событии и в торжественном зале заседаний, и в неофициальных встречах в кулуарах мы могли увидеть всех новых лидеров государства и основных политических партий. Это было невероятно интересно!

Было при этом отрадно сознавать, что Организация Объединённых Наций и её механизм в Южной Африке ЮНОМСА успешно справились с их очень непростой задачей. Я был очень признателен судьбе за то, что она подарила мне уникальный шанс быть причастным к этому большому успеху… После представления отчёта в Йоханесбурге я вернулся к новым рабочим задачам в Нью-Йорк. До возвращения к обычному месту работы мне удалось получить недельную передышку на отдых, который провёл в Швейцарии в семейном кругу вместе с женой и сыном.

notes

Примечания

1

Это название река получила по велению императора Карпа V на основании щедро преувеличенных сообщений от её первого подробного исследователя морехода Себастьяна Кабота о якобы несметных залежах серебра в окружавших её берега землях.

2

Эль корте (El corte) — фигура в танго, при шторой женщина резво под острым углом сгибает ногу в колене; Ла кебрада (La quebiada) — фигура в танго, при которой танцующие или один из них ставят ногу между ступнями партнера.

Kissinger Henry. White House Years. Little Brown &Co., Boston, Toronto, 1979. P. 1153.

4

После нашего возвращения в Нью-Йорк Роланд Джюсия, как и прежде, исчез с моего горизонта, но через некоторое время совершенно неожиданно пришёл навестить меня в мой офис. Он сказал мне, что устроился работать в какую-то местную контору, которая занималась торговлей со странами Закавказья, что обеспечивало ему американскую визу на время работы. Ему удалось снять квартиру недалеко от моего дома, в которой он жил со своей дочерью, учившейся тоща в Колумбийском университете. По его словам, его жена, с которой они разошлись, жила в Москве с их сыном-художником. Он несколько сетовал, что у него не было юридических оснований получить «грин-карту», чтобы чувствовать себя в прочном статусе постоянного жителя США. После этого разговора Джикия снова исчез из моего поля зрения, хотя раза два-три я встречал его на автобусной остановке по соседству с нашими домами, и мы на ходу обменивались приветствиями.

Прошло немало времени, когда вдруг имя Джикия всплыло в местной печати в связи с самой настоящей историей плаща и кинжала. Согласно американским, включая русскоязычные, СМИ, Джикия помог ФБР арестовать одного из очень крупных и неуловимых сотрудников разведывательных служб США. В нескольких сообщениях касательно этой истории во время своей работы в советском представительстве при ООН Роланд Джикия имел выход на этого американского агента и знал условленный протокол для встречи с ним. Однако с распадом СССР американский агент прекратил давать о себе знать, по продолжал непойманным работать в американской службе разведки. Как утверждалось в СМИ, Джикия решил помочь ФБР арестовать этого агента за определённое вознаграждение, включая получение «грин-карты».

Используя старые процедуры протокола организации встреч с этим агентом, Джикия вызвал его на явку якобы для получения имевшейся у того информации, за которую он должен был передать ему соответствующую сумму денег. Встреча была назначена в определённый день и час в зале юридической литературы Центральной библиотеки Нью-Йорка. Американец должен был дать знать о своем присутствии в читальном зале, положив закладку на условленную страницу одного из томов на определённую букву «Юридической энциклопедии». Джикия должен был обозначить свое собственное присутствие в зале снятием этого тома с полки и выниманием из него лежавшей в

нём закладки. Когда это было ими сделано, и американцу стало известно, с кем ему следовало совершить сделку, он направился к полке, куда Джикия вернулся со своего места в зале, чтобы вернуть на неё просмотренный им том. Повернувшись спинами к залу, Джикия и американец обменялись соответствующими пакетами и разошлись по своим местам. Находившиеся в зале сотрудники ФБР тут же арестовали своего ничего не подозревавшего соотечественника с поличным. Бывший американский агент СССР оказался за решёткой, а бывший сотрудник советского, а затем грузинского представительства при ООН, получив искомое вознаграждение, исчез где-то в США.

Надо сказать, что американская печать, рассказывая об этой истории, нетипично для таких случаев резко осудила как своего продавшегося соотечественника, так и продавшегося бывшего советского, а затем гражданина Грузии Джикию. Такую же, но гораздо более едкую позицию на этот счёт занял в своих русскоязычных публикациях работавший тогда в США советский-русский корреспондент грузин Мэлор Стуруа.